ЛУЧШЕЕ

С. С. КАРД
Дж. МАРТИН
П. БАЧИГАЛУПИ
Дж. ЛЕТЕМ

АПОКАЛИПСИС

ЛУЧШЕЕ

АПОКАЛИПСИС

АНТОЛОГИЯ

Орсон Скотт КАРД, Джордж МАРТИН,
Паоло БАЧИГАЛУПИ, Джонатан ЛЕТЕМ
и многие другие

АЗБУКА

АПОКАЛИПСИС

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2009

УДК 82/89
ББК 84.7 США
А 76

WASTELANDS
STORIES OF THE APOCALYPSE
Edited by John Joseph Adams
Copyright © 2008 by John Joseph Adams
This edition of *Wastelands* © 2008 by Night Shade Books
All rights reserved

Публикуется с разрешения редактора
и его литературных агентов, Lore Perkins Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Ольги Гайдуковой, Тамары Казаковой, Елены Королевой,
Геннадия Корчагина, Макбал Мусиной, Андрея Новикова,
Карины Павловой, Ольги Ратниковой, Ирины Савельевой,
Галины Соловьевой, Елены Третьяковой,
Сергея Трофимова, Юрия Яблокова

Оформление Александра Золотухина

© О. Гайдукова, Т. Казакова, Е. Королева,
Г. Корчагин, М. Мусина, А. Новиков,
К. Павлова, О. Ратникова, И. Савельева,
Г. Соловьева, Е. Третьякова, С. Трофимов,
Ю. Яблоков, перевод, 2009
© Издательская Группа «Азбука-классика»,
2009

ISBN 978-5-9985-0451-8

Предисловие

Голод. Смерть. Война. Чума. Четыре всадника библейского апокалипсиса — Армагеддона, вестники конца света. В научной фантастике, как правило, сценарий гибели мира более специфичен: ядерная война, биологический катаклизм (в том числе и в результате военного конфликта планетарного масштаба), экологическая, геологическая или космическая катастрофа. Но каким бы ни был механизм уничтожения человеческой цивилизации, всегда есть выжившие; их судьбы и лежат в основе многообразия тем постапокалиптической НФ.

Впервые к данному направлению обратилась родоначальница научной фантастики и создательница «Франкенштейна» Мэри Шелли, написав в 1826 году роман «Последний человек» («The Last Man»), поэтому, по сути, постапокалиптика как поджанр столь же стара, как и сама НФ. Но, несмотря на прочную связь с последней, она всегда выходила далеко за привычные границы жанра. Произведения, уже ставшие классикой постапокалиптической фантастики: «Увы, Вавилон» («Alas, Babylon», 1960) Пэта Фрэнка, «На берегу» («On the Beach», 1957) Невила Шюта и «Земля без людей» («Earth Abides», 1949) Джорджа Стюарта, — были выпущены в рамках мейнстрима. Сегодня данную традицию возрождают такие авторы, как Кормак Маккарти, чей суровый постапокалиптический роман «Дорога» («The Road», 2007) стал не только бестселлером и выбором Книжного клуба

Опры (Oprah Book Club), но и удостоился Пулитцеровской премии.

Однако существуют и классические научно-фантастические произведения на постапокалиптическую тему, среди которых особое место занимает роман «Страсти по Лейбовицу» («A Canticle for Leibowitz», 1960) несомненного короля поджанра Уолтера Миллера-младшего. Кроме того, стоит отметить «Долгое завтра» («The Long Tomorrow», 1955) Ли Брэкетт, «Смерть травы» («No Blade of Grass», 1956) Джона Кристофера и недооцененную в свое время работу Уилсона Такера «Долгая громкая тишина» («The Long Loud Silence», 1952). И перечислять можно еще долго...

Постапокалиптическая НФ получила широкое признание после Второй мировой войны, и здесь значительную роль сыграло применение атомной бомбы, явившей миру свою ужасающую, опустошительную мощь. А во времена холодной войны, когда угроза ядерного конфликта казалась реальной, как никогда, поджанр достиг вершины популярности.

Но когда пала Берлинская стена, одновременно снизилась и востребованность постапокалиптики. Если вы посмотрите на страницу с копирайтами, то заметите, что из всех представленных в сборнике рассказов лишь два были написаны в 90-е годы XX столетия и более чем половина впервые опубликована уже в новом тысячелетии. Так почему же мы говорим о возрождении жанра? Не потому ли, что нынешняя межгосударственная политика по настроениям напоминает холодную войну? Во времена бесконечных военных конфликтов и мировой нестабильности гораздо проще представить опустошенную планету и жалкие остатки цивилизации, которую человек уничтожил собственными руками.

Но возможно, здесь кроется нечто большее? Чем притягивают нас мрачные пейзажи, на фоне которых разворачиваются постапокалиптические сюжеты? На мой взгляд, причина очевидна: нас влечет жажда приключений, волнующее кровь ожидание открытий, неизведанные, новые горизонты. Это возможность начать все с нуля, с чистого листа, увидеть, каким может стать мир без доступных сегодня знаний и технологий.

Пожалуй, наиболее точно вновь вспыхнувший интерес к жанру объясняет цитата из повести Джона Варли «Телефонная книга Манхэттена (краткое издание)» («The Manhattan Phone Book (Abridged)», 1984):

«Все мы любим истории на тему „после того, как взорвали бомбу". В противном случае их не было бы так много. Есть в этом что-то манящее: человечество погибло, горстка выживших бродит по опаленным просторам, дерется за консервированную свинину и бобы, воюет с мародерами. Жутко? Да. Мы скорбим о погибших миллиардах? Несомненно. Но какая-то частица нас жаждет оказаться среди этих кочующих оборванцев, чтобы получить шанс начать все сначала».

Втайне мы верим, что уцелеем. Все умрут, а мы спасемся. Вот в чем суть всех этих историй «после того, как взорвали бомбу».

Впрочем, могут быть и другие мнения. Прочтите антологию и сделайте собственный вывод.

Представленные здесь рассказы не о бродяжничестве, драках за еду или борьбе с мародерами, о которых говорит Варли. Это истории о буднях выживших, разворачивающие панораму научных, психологических, социологических и физиологических изменений, которые повлек за собой апокалипсис.

Вы не найдете в сборнике рассказов, посвященных жизни людей после завоевания планеты пришельцами или восстания зомби. Оба сценария, несомненно, относятся к постапокалиптике, но я посвящу этим темам отдельные антологии.

А пока представляю вашему вниманию двадцать один апокалиптический сюжет. Некоторые надуманны и неправдоподобны, другие вполне реалистичны и легко вообразимы. Какие-то откровенно кокетничают с устоями фантастического жанра. Прочие посягают на территорию хоррора. Но в основе каждого один и тот же вопрос: «Что с нами будет после гибели известного нам мира?»

Джон Джозеф Адамс

ОРСОН СКОТТ КАРД

Работы по спасению имущества

Бестселлер «Игра Эндера» («Ender's Game») принес Орсону Скотту Карду премии «Хьюго» и «Небьюла». «Голос тех, кого нет» («Speaker for the Dead»), роман-продолжение, был удостоен тех же наград. Таким образом, Орсон Скотт Кард является единственным на сегодняшний день фантастом, два года подряд получавшим две самые престижные премии. Кроме того, писатель восемь раз становился лауреатом премии журнала «Locus», получал Всемирную премию фэнтези и множество других наград.

Помимо работ, посвященных вселенной Эндера, Кард создал десятки романов, среди которых книги из циклов «Сказания о Мастере Элвине» («The Tales of Alvin Maker») и «Возвращение домой» («Homecoming»). Перу Карда принадлежат более восьмидесяти рассказов, объединенных в семь сборников, самым известным из которых является «Карты в зеркале» («Maps in a Mirror»).

В рассказе «Работы по спасению имущества», одном из первых постапокалиптических произведений писателя, он открыто демонстрирует свою религиозную позицию. Рассказ относится к историям о Мормонском море. Впервые он был опубликован в «Isaac Asimov's Science Fiction Magazine» и позже включен в цикл «Люди на краю пустыни» («Folk of the Fringe»), действие которого разворачивается на просторах постапокалиптического государства Дезерет. Здесь, у затопленного Большого Соленого озера, тем, кто спасся, остается полагаться лишь на свою веру и друг на друга, чтобы выжить и возродить цивилизацию.

У паромной переправы начинался такой крутой подъем, что грузовик никак не мог разогнаться. Включив пониженную передачу, Дивер вздрогнул, услышав скрежет шестерней. Звук был такой, словно не колеса, а шестерни коробки передач катились по гравию. Двигаясь по просторам Невады, он все время мучился с коробкой передач, и если бы паром из Вендовера не помог Диверу пре-

одолеть эти последние мили по Мормонскому морю, ему пришлось бы совершить длительный пеший марш. Но, к счастью, все обошлось, и это был хороший знак. На некоторое время Дивер подчинился воле обстоятельств.

Механик хмуро смотрел, как Дивер со скрежетом въехал на грузовой склад.

— Ты же уделал сцепление, парень.

Дивер выпрыгнул из кабины.

— Сцепление? А что это такое?

Механик даже не улыбнулся.

— Ты что, не заметил, что у тебя накрылась трансмиссия?

— Всю дорогу по Неваде механики предлагали ее отремонтировать, но я говорил им, что могу это доверить только вам.

Механик посмотрел на него как на психа.

— Во всей Неваде нет ни одного механика.

«Если бы ты не был так туп, — подумал Дивер, — то понял бы, что я шучу. Эти пожилые мормоны такие прямые, что у них даже распрямились все извилины, во всяком случае у некоторых из них». Но Дивер ничего этого не сказал, а лишь улыбнулся.

— Этому грузовику придется здесь постоять несколько дней, — сказал механик.

«Мне везет, — подумал Дивер. — У меня как раз есть кое-какие дела».

— А сколько именно дней, как вы считаете?

— Через три дня я тебя отпущу.

— Меня зовут Дивер Тиг.

— Иди к диспетчеру, он выпишет тебе деньги.

Подняв капот, механик принялся за свою обычную работу, а ребята со склада стали разгружать старые стиральные машины, холодильники и прочий хлам, который Дивер подобрал во время своей поездки. Дивер просунул данные о пробеге в окошечко, и диспетчер выдал ему деньги.

Семь долларов за пять дней езды, за загрузку хлама, ночевки в кабине и питание тем, что давали фермеры. Это было больше того, что могли заработать многие другие, зато никакой перспективы. Спасение имущества раньше или позже закончится. Наступит день, когда Дивер подбе-

рет последнюю оставшуюся от прежних времен посудомоечную машину и останется без работы.

Но Дивер Тиг не собирался покорно ждать, когда придет этот момент. Он знал место, где есть золото, и целыми неделями обдумывал, как его заполучить. И если Лехи, как и обещал, достал водолазное снаряжение, то завтра утром они провернут небольшую левую операцию по спасению имущества. Если им повезет, они вернутся домой богатыми.

Ноги Дивера одеревенели после долгого сидения в кабине, но он довольно быстро их размял, пробежав несколько коридоров Центра по спасению имущества. Перепрыгивая через две-три ступеньки, он летел по лестнице, которая вела в холл. Приблизившись к двери с надписью «МАЛЫЙ КОМПЬЮТЕР ЦЕНТРА СПАСЕНИЯ ИМУЩЕСТВА», он с силой толкнул ее и ворвался в помещение.

— Эй, Лехи! — крикнул он. — Время пошло!

Лехи Маккей не обратил на него никакого внимания. Он сидел и дергался, уткнувшись в телеэкран, который лежал у него на коленях.

— Не делай этого, а то ослепнешь, — посоветовал Дивер.

— Заткнись ты, рожа.

Лехи даже не отвел глаз от экрана. Он нажал кнопку и двинул рычаг, выступавший из черного корпуса. Разноцветная капля на экране взорвалась и разделилась на четыре капли поменьше.

— Я получил три дня отгула на время ремонта трансмиссии моего грузовика, — сказал Дивер. — Так что завтра отправляемся в экспедицию к Храму.

Лехи накрыл последнюю каплю, но на экране появились новые.

— А это и вправду забавно, — заметил Дивер, — словно метешь, метешь улицу, а на ней снова и снова появляется лошадиное дерьмо.

— Это «Атари». Старинная игра. Шестидесятых или семидесятых годов. Нет, восьмидесятых. С этими каплями трудно справиться, ведь это всего лишь восьмибитная игра. Ее нашли в Логане. Столько лет это дерьмо пролежало у кого-то на чердаке и до сих пор фурычит.

— Те ребята, в доме которых ее нашли, наверное, и не подозревали о ее существовании.

— Наверное.

Дивер наблюдал за игрой. На экране снова и снова повторялось одно и то же.

— Сколько может стоить такая штуковина?

— Много. Пятнадцать, а может, и двадцать баксов.

— Тебя еще не тошнит от этой игры? Я прихожу и что же вижу? Сидит Лехи Маккей и точь-в-точь, как это делали в стародавние времена, трясет башкой, отгоняя всякого, кто к нему пришел. А ведь те ребята, что когда-то играли в эту игру, не получали от нее ничего, кроме головной боли. Ведь она только замусоривает мозги.

— Умолкни, я пытаюсь сосредоточиться.

Игра наконец закончилась. Лехи поставил черный ящик на место, выключил аппарат и встал.

— У тебя все готово к завтрашним подводным работам? — спросил Дивер.

— Хорошая игра. Должно быть, в прежние времена развлечения занимали уйму времени. Мама говорит, что раньше детей до шестнадцати лет нельзя было даже брать на работу. Такие тогда были законы.

— Жаль, что ты родился слишком поздно,— сказал Дивер.

— Да уж.

— Послушай, Лехи, ты даже не научился отличать дерьмо от конфеты. Ты ведь еще путаешь божий дар с яичницей.

— Не говори так, иначе нас обоих вышвырнут отсюда.

— Мне-то не надо следовать школьным правилам, ведь я закончил шесть классов. Мне девятнадцать, и я уже пять лет живу сам по себе.

Вытащив из кармана свои семь долларов, он помахал ими перед носом у Лехи и небрежно сунул обратно.

— У меня все о'кей, и я могу говорить все, что захочу. Думаешь, я боюсь епископа?

— Епископ меня не страшит. Я ведь даже в церковь-то хожу только ради мамы. Терпеть не могу все это дерьмовое сюсюканье.

Лехи расхохотался, но Дивер заметил, что собственные слова его немного испугали. «К шестнадцати годам,— по-

думал Дивер, — он подрос и стал достаточно сообразительным, но в душе так и остался маленьким ребенком. Он не понимает, что значит быть мужчиной».

— Скоро здесь будет дождь.

— Здесь всегда дождь. Как по-твоему, какого черта вода в озере все время прибывает? — Лехи ухмыльнулся, отключая аппаратуру, которая стояла на стеллаже.

— Я имел в виду Лоррейн Уилсон[1].

— Я знаю, что ты имел в виду. Она взяла свою лодку?

— Да, а еще она захватила с собой набор буферов средних размеров. — Дивер потер руки. — Их нужно немного помять.

— Почему ты все время говоришь непристойности? С тех пор как ты, Дивер, стал работать на грузовике, твой рот превратился в помойку. Да и вообще ее фигура больше похожа на мешок.

— Что ты хочешь, ведь ей почти пятьдесят.

Диверу показалось, что Лехи уклоняется от разговора. А это могло означать, что он опять не выполнил порученное ему задание.

— Ты можешь достать водолазное снаряжение?

— Я его уже достал. А ты-то думал, что я буду вешать тебе лапшу на уши? — Лехи снова ухмыльнулся.

— Ты? Будешь вешать лапшу на уши? Да я тебе полностью доверяю.

Дивер направился к двери. Он слышал, как за его спиной Лехи отключил еще несколько приборов. В этом помещении расходовалась уйма электроэнергии, и это было неудивительно, ведь Центру постоянно требовались данные компьютеров, а компьютеры можно было получить, только разыскивая брошенное имущество. Но когда Дивер видел, как одновременно работают все эти электроприборы, он невольно начинал размышлять о собственном будущем. О всех тех машинах (абсолютно новых), которые он всегда хотел иметь, и об энергии, которая им потребуется, об одежде, которую еще никто не надевал, о собственной лошади и повозке и даже

---

[1] Зд. игра слов: rain *(англ.)* — дождь и сокращение Raine от женского имени Lorraine.

о легковом автомобиле. Может быть, именно он станет тем самым парнем, который возродит производство легковых автомобилей. Но эти дурацкие игры по размазыванию капель были ему совсем не нужны.

— Все это никчемное дерьмо осталось в прошлом.

— О чем ты говоришь? — спросил Лехи.

— Все твои компьютерные штучки остались в прошлом.

Этого было достаточно для того, чтобы Лехи, как всегда, завелся. Услышав позади себя его лепет, Дивер злорадно ухмыльнулся, понимая, что сильно задел парня. А Лехи твердил, что, мол, теперь компьютеры используются гораздо лучше, чем прежде, и что именно благодаря компьютерам все работает, и так далее и тому подобное. Это было очень мило, Диверу всегда нравилась пылкость, с которой паренек отстаивал свою точку зрения. Всякий раз он спорил с таким жаром, как будто от этого зависела судьба мира. Но Дивер-то знал истинное положение дел. Цивилизация погибла, ее больше нет, и все, что от нее осталось, уже не имеет никакого значения. Так что все это дерьмо можно утопить в озере. Выйдя из Центра, они пошли вдоль сохранившейся от прежних времен стены. Далеко внизу лежала гавань — небольшой кружок воды, у края которого прилепился Бингем-Сити. Когда-то там добывали медь открытым способом, но после наводнения был прорыт канал, и вода заполнила карьер. Так что теперь на острове Оквирр, который лежал посреди Мормонского моря, была прекрасная гавань. Здесь вовсю дымили фабрики и никто не жаловался на ужасную вонь.

Множество людей спускалось вместе с ними по грязной дороге, резко уходившей вниз, к гавани. В самом Бингем-Сити никто не жил — сюда лишь приезжали на работу. Производство здесь было круглосуточным, работали посменно. Лехи тоже работал посменно. Он и его семья жили за Иорданским проливом, на Вышегоре. Хуже места для проживания трудно себе представить. Выбраться оттуда можно было только на пароме в пять утра, а возвращаться домой приходилось в четыре часа дня тем же видом транспорта. Лехи предложили после работы приходить на пару

часов в школу, но Дивер счел это глупостью и постоянно отговаривал Лехи. Он был убежден в том, что, отнимая слишком много времени, школа мало что дает и является пустым делом. Вот и сейчас продолжалась эта дискуссия.

— Мне надо ходить в школу, — сказал Лехи.

— Скажи-ка мне, сколько будет два плюс два, неужели ты этого еще не знаешь?

— Ну хватит тебе.

— Вполне достаточно четырех классов, а дальше учиться ни к чему.

Дивер слегка толкнул своего собеседника. Обычно Лехи отвечал ему тем же, но на этот раз удара не последовало.

— Пойди-ка попробуй получить нормальную работу без свидетельства об окончании шести классов. А у меня оно уже почти в кармане.

Они подошли к парому. Лехи вытащил свой пропуск.

— Так ты завтра идешь со мной или нет?

Лехи скорчил гримасу:

— Я не знаю, Дивер. Ведь могут арестовать уже за то, что ты там просто шляешься. Глупо так рисковать. Говорят, что в этих старых небоскребах происходят совершенно невероятные вещи.

— Мы не будем заходить в небоскребы.

— А там, куда ты намерен проникнуть, Дивер, даже еще более невероятные. Я не хочу туда идти.

— Ну да, ангел Морония[1], наверное, только и ждет того, чтобы выскочить и погрозить тебе пальцем.

— Не говори так, Дивер.

Дивер стал его щекотать. Лехи с хохотом попытался увернуться.

— Прекрати, урод! Хватит. Вообще-то статуя Морония была перенесена на монумент Соленого озера, который находится на вершине горы. И он постоянно охраняется.

— Во всяком случае, эта статуя покрыта листами золота. Говорю тебе, там внизу, в Храме, эти старые мормоны

---

[1] *Мороний* — в Книге Мормона последний нефийский пророк и полководец, который жил в Северной Америке в конце IV — начале V в. Считается, что после смерти Мороний был воскрешен и стал ангелом.

спрятали тонны золота. Оно только и ждет человека, который не побоится призрака Многоженца Янга[1] и...

— Заткнись, сопляк, понял? Нас могут услышать! Оглянись, мы не одни!

И это было сущей правдой. Некоторые из присутствующих внимательно на них смотрели. Впрочем, Дивер уже давно заметил, что пожилым людям нравится наблюдать за молодежью. Видно, это помогало старым пердунам смириться с тем, что они выброшены на обочину жизни. Они словно говорили: «Ладно, пусть я скоро умру, но я, по крайней мере, не такой идиот, как ты». Дивер же, глядя прямо на женщину, не сводившую с него глаз, бормотал: «Ладно, я идиот, но по крайней мере я не умру».

— Послушай, Дивер, ты всегда это говоришь там, где тебя могут услышать?

— Да, верно.

— Во-первых, Дивер, они еще не скоро умрут. Во-вторых, ты, несомненно, идиот. И в-третьих, уже подошел паром. — Лехи слегка ткнул Дивера в живот.

В притворной агонии Дивер перегнулся пополам.

— Эй, вы только посмотрите, как неблагодарен этот малец! Я отдал ему последний кусок хлеба и вот что получаю взамен.

— Никто не говорит с таким акцентом, Дивер! — крикнул Лехи.

Паром уже отошел от берега.

— Завтра в полшестого! — крикнул Дивер.

— Не пудри мне мозги, ты никогда не встанешь в полпятого...

Однако шум, производимый паромом, фабриками и грузовиками, заглушил конец фразы. Впрочем, Дивер догадывался, чем она могла закончиться. Несмотря на свои шестнадцать лет, Лехи был отличным парнем. Дивер знал, что, когда женится, его жене обязательно понравится Лехи. А будущей жене Лехи понравится Дивер. По-другому и быть не могло, ведь в противном случае ей придется поискать другого мужа.

---

[1] *Бригем Янг* (1801–1877) — американский религиозный деятель, организатор переселения мормонов в район Большого Соленого озера и строительства Солт-Лейк-Сити. Был женат на 50 женщинах.

Домой, в Форт-Дуглас, он поехал на трамвае. Потом пошел пешком к старым баракам, в одном из которых Рейн разрешила ему остановиться. Судя по всему, здесь когда-то было складское помещение, а теперь она хранила в нем швабры и моющие средства, но места вполне хватило и для того, чтобы поставить койку. Здесь было не особенно просторно, но зато Дивер жил на острове Оквирр и в то же самое время находился не слишком близко от вонючих, задымленных и шумных фабрик. Здесь он мог, по крайней мере, выспаться, и это было главное, поскольку бóльшую часть времени он проводил за рулем грузовика.

Вообще-то, эту комнату нельзя было назвать домом. Скорее, домом Дивера было помещение, в котором обитала Рейн. Именно здесь, в дальней части бараков, продуваемой сквозняками, эта коренастая неряшливая женщина вдоволь обеспечивала его хорошей пищей. Именно туда он сейчас и держал путь. Войдя прямо на кухню, он так напугал ее, что она завопила и как следует отругала его за это и за то, что он не вытер ноги и везде наследил. Позволив ему схватить кусочек яблока, она набросилась на него, отчитывая за то, что он не может подождать ужина.

Бесцельно слоняясь в ожидании ужина, он заменил лампочки в пяти комнатах. Каждая ютившаяся здесь семья занимала не более двух комнат, и, как правило, им приходилось по очереди пользоваться немногочисленными кухнями. В некоторых комнатах Диверу приходилось видеть совсем неприглядные картины: семейные сцены в них прекращались лишь на тот короткий период, пока он менял лампочки, но иногда не наблюдалось даже такого перемирия. В других комнатах все было нормально, и, несмотря на тесноту, люди прекрасно уживались друг с другом. Дивер был убежден в том, что его семью следует отнести именно к таким счастливым семьям. Ведь если бы имел место какой-нибудь скандал, он бы его не забыл.

После ужина Рейн и Дивер везде выключали свет на то время, пока она слушала старый проигрыватель, который Дивер выпросил у Лехи. На самом деле никто этого от них не требовал, но оба считали, что не стоит зря расходовать

электричество. Однако по первому требованию они снова включали свет.

Рейн хранила несколько записей времен ее молодости. Все эти песни были очень ритмичными, и порой она вставала и двигалась в такт музыке. Дивер не понимал, в чем смысл этих странных коротких танцев, до тех пор, пока не представил ее в образе молодой, гибкой девушки и не вообразил, каким могло быть в те времена ее тело. Представить себе это было нетрудно, так как об этом говорили ее глаза и постоянная улыбка. Ее движения выявляли то, что было скрыто годами потребления пищи, изобилующей крахмалом, и длительного отсутствия физических нагрузок.

Затем Дивер, как всегда, стал вспоминать о девушках, которых он видел из кабины грузовика, проезжая мимо полей, где они трудились, не разгибая спины. Услышав шум приближающегося автомобиля, девушки выпрямились и стали махать ему руками. Впрочем, грузовик Центра по спасению имущества всегда так приветствовали. Для некоторых людей это была единственная штуковина с мотором, которая когда-либо мимо них проезжала. Для них этот грузовик был единственным напоминанием о существовании древних машин. Все тракторы и вся электроэнергия были направлены на освоение новых пахотных земель, тогда как старые постепенно умирали. Фактически эти девушки приветствовали одно из последних воспоминаний о былой цивилизации. От этих мыслей Диверу стало грустно, а он не переносил грусть. «Все эти люди, — подумал он, — цепляются за прошлое, которого никогда не было».

— Его никогда не было, — громко сказал Дивер.

— Нет, оно было, — прошептала Рейн. — Девушки просто хотят веселиться, — бормотала она, повторяя слова песни. — Когда я была девушкой, я ненавидела эту песню. А может быть, ее ненавидела моя мама.

— Ты тогда тоже жила здесь?

— Нет, в Индиане, — ответила она. — Это один из штатов на востоке.

— Вы тоже стали беженцами?

— Нет, мы переехали сюда, когда мне было шестнадцать или семнадцать, точно не помню. Всякий раз, когда в мире

начинают происходить страшные вещи, начинается и массовый возврат мормонов домой. А здесь, несмотря ни на что, всегда был их дом.

Музыка закончилась. Рейн выключила проигрыватель и включила свет.

— Лодка полностью заправлена бензином? — спросил Дивер.

— Ты ведь не хочешь туда ехать, — сказала она.

— Если там, под водой, есть золото, я хочу его достать.

— Дивер, если бы там было золото, его бы забрали еще до того, как оно было затоплено. Ведь все знали о том, что придет вода. Мормонское море образовалось не в результате внезапного наводнения.

— Если его там нет, тогда о чем же здесь все шепчутся? И почему Озерный патруль не пропускает туда людей?

— Я не знаю, Дивер. Может быть, потому, что многие считают это место священным.

Дивер уже привык к таким разговорам. Рейн никогда не ходила в церковь, но говорила как настоящий мормон. Впрочем, любой так заговорит, если задеть его за живое. Диверу не нравилась эта показная религиозность.

— Выходит, что ангелам нужна защита полиции?

— В прежние времена, Дивер, мормоны всегда уделяли этому большое внимание. — Рейн села на пол прямо под окном, прислонившись спиной к стене.

— Ну теперь-то все изменилось. У них есть другие храмы, верно? Сейчас они строят еще один в Зарахемле, разве не так?

— Не знаю, Дивер. Этот Храм находится здесь, и он всегда был главным. — Повернувшись на бок, она опустила голову на согнутую в локте руку и перевела взгляд на пол.— Этот Храм по-прежнему здесь.

Дивер увидел, что выражение ее лица становится все более мрачным. Она и вправду была чем-то опечалена. Так случалось со многими людьми, которые еще помнили прежние времена. Эта печаль напоминала какую-то неизлечимую болезнь. Но Дивер знал, что она поддается лечению. Во всяком случае, в отношении Рейн.

— А это правда, что они убивали там людей?

Вопрос попал точно в цель. От ее меланхолии не осталось и следа. Она буквально прожгла его взглядом.

— Так вот о чем вы, дальнобойщики, треплетесь целыми днями.

Дивер ухмыльнулся:

— Кое-что рассказывают. Например, то, что людей разрезают на куски, если они говорят, где спрятано золото.

— Ты же знаешь всех местных мормонов, неужели ты и вправду думаешь, что мы разрезали бы человека на куски только за то, что он выдал наши секреты?

— Не знаю. Все зависит от того, какие секреты, не так ли? — Он сидел на кушетке и, подложив под себя ладони, слегка подпрыгивал.

Он заметил, что Рейн, вопреки своей воле, действительно немного разозлилась. «Теперь она продолжит игру, — подумал он, — и будет притворяться, что разгневана». Она снова села, дотянулась до подушки и запустила ею в Дивера.

— Нет! Нет! — заорал он. — Не разрезайте меня на куски! Не отправляйте меня на корм рыбам!

Подушка попала в цель, и Дивер стал притворяться, что умирает.

— Вот только не надо этим шутить, — сказала она.

— Чем не надо шутить? Ты ведь больше не веришь в это старое дерьмо. И никто в него не верит.

— Может быть, и не верю.

— Ведь нам говорили, что Иисус снова придет, верно? Повсюду падали атомные бомбы, а нам говорили, что Он придет.

— Пророк сказал, что в нас слишком много злобы. Он не приходил, потому что мы слишком любили вещи этого мира.

— Ну ладно, значит, выходит, что Он шел-шел, но так и не пришел, верно?

— Может быть, Он еще придет, — сказала она.

— Никто в это не верит, — возразил Дивер. — Мормоны — это всего лишь правительство, вот и все. В каждом городе судьей выбирают епископа, правильно? Мэром всегда является председатель старейшин. Это всего лишь правительство, это политика. Никто больше ни во что не верит. Зарахемла — это столица, а не священный город.

Дивер не мог ее видеть, потому что лежал на спине. Не услышав ответа, он встал и посмотрел на нее. Рейн стояла у раковины, прислонившись к кухонному столу. Подкравшись к ней сзади, он решил ее пощекотать, но что-то в ее позе заставило его изменить свои намерения. Приблизившись, он увидел, что по ее щекам текут слезы. Это было какое-то безумие. Все эти люди из прошлого, видно, совсем спятили.

— Я лишь дразнил тебя, — сказал он.

Она кивнула.

— Ведь это лишь часть прошлого. Ты знаешь, как я к нему отношусь. Если бы я что-нибудь помнил, то, может быть, мое отношение к прошлому было бы другим. Иногда я жалею, что ничего не помню.

Но это была ложь. Он никогда не жалел о том, что ничего не помнил о прежних временах, и вообще не любил все эти воспоминания. К тому же Дивер мало что мог вспомнить, даже если бы очень захотел это сделать. Самым давним воспоминанием, которое еще осталось в его памяти, было то, как он скакал на лошади, сидя за спиной какого-то мужчины, от которого сильно пахло пóтом. Они всё скакали и скакали. А потом были все эти уже не столь отдаленные события; учеба в школе, переходы от одних приемных родителей к другим, последний, очень напряженный год в школе и устройство на работу. Но ни одно из этих воспоминаний не наводило на него ностальгической тоски. Он просто прошел через все это, и его никогда не тянуло ни к одному из тех мест, где он когда-то бывал. Возможно, исключением было лишь его нынешнее место обитания. Сюда его тянуло.

— Извини, — произнес Дивер.

— Все нормально, — ответила она.

— Ты еще не раздумала отвезти меня туда?

— Я же сказала, что отвезу, разве нет?

Поскольку в ее голосе звучало раздражение, он успокоился и решил, что ничего страшного не произойдет, если он еще немного ее подразнит.

— Как ты думаешь, может, пока мы будем там заниматься своими делами, начнется второе пришествие, а? Если ты так считаешь, то я надену галстук.

Она улыбнулась и, повернувшись к Диверу лицом, оттолкнула его.

— Иди спать.

— Рейн, завтра я поднимусь в полпятого, а потом ты станешь девушкой, которая хочет веселиться.

— Не думаю, что в этой песне имелась в виду утренняя поездка на лодке.

Она принялась за мытье посуды, а он удалился в свою каморку.

В пять тридцать Лехи, как и договаривались, ждал их в условленном месте.

— Даже не верится, — воскликнул он, — я думал, вы опоздаете!

— Хорошо, что ты пришел вовремя, — сказал Дивер, — ведь если бы ты не пошел с нами, то тебя бы не уволили.

— Послушай, Дивер Тиг, никакого золота мы не найдем.

— Тогда зачем ты идешь со мной? Не пудри мне мозги, Лехи, ты ведь прекрасно знаешь, что твое будущее за Дивером Тигом. Ты ведь не хочешь от него отставать, верно? Где водолазное снаряжение?

— Я не приносил его домой, Дивер. Неужто ты думаешь, что мне тогда удалось бы избежать маминых вопросов?

— Она всегда задает вопросы, — ответил Дивер.

— Она обязана их задавать, — сказала Рейн.

— Я не хочу, чтобы все подряд спрашивали о том, что я делаю, — заявил Дивер.

— Никому и не надо спрашивать, — сказала Рейн, — ведь ты всегда сам обо всем рассказываешь, не спрашивая нас, хотим мы слушать или нет.

— Если не хотите слушать, так не надо и спрашивать, — сказал Дивер.

— Не будь таким обидчивым, — бросила Рейн.

— Вы оба постоянно портите мне настроение, причем всегда делаете это неожиданно. Неужели это происходит только потому, что этот Храм сводит вас с ума?

— Я ничего не имею против того, что мать задает мне кучу вопросов. Это нормально.

Между Вышегорой и Бингемом круглосуточно курсировали суда. Им приходилось брать севернее, чтобы потом,

сократив расстояние, взять курс на запад, к острову Оквирр. В ночное небо поднимались оранжевые дымы, исходившие от плавильни и литейных заводов. Угольные баржи разгружались и днем и ночью. В широких лучах прожекторов черное облако угольной пыли казалось густым белым туманом.

— Как раз в это время суток именно здесь погиб мой папа, — сказал Лехи.

— Он грузил уголь?

— Да. Раньше он продавал легковые автомобили, а потом лишился работы.

— Ты тоже там был?

— Я услышал грохот. Я уже спал, но он разбудил меня. А потом раздались крики и топот бегущих людей. Тогда мы еще жили на острове, и из гавани все время доносился шум. Папа был погребен под тонной угля, свалившегося с высоты пятьдесят футов.

Дивер не знал, что и сказать.

— Ты никогда не рассказываешь о своих родственниках, — произнес Лехи. — Я никогда не забываю о своем папе, а ты никогда не рассказываешь о своих родственниках.

Дивер лишь пожал плечами.

— Он их не помнит, — тихо сказала Рейн. — Его нашли где-то на равнинах. Бандиты захватили его родственников, как и многих других, а он, должно быть, спрятался, во всяком случае, другого объяснения его спасители не нашли.

— Так как это все-таки произошло? — спросил Лехи. — Ты спрятался?

Рассказывая об этом, Дивер всегда чувствовал себя не в своей тарелке, ведь он помнил только то, что ему потом рассказывали другие. Он знал, что эти люди помнили о его детстве, и ему не нравилось, что их всегда удивляло то, что он все забыл. Но Лехи задал вопрос, и Дивер понимал, что другу надо ответить.

— Думаю, что так оно и было. А может быть, меня посчитали еще слишком несмышленым и не стали убивать. — Он засмеялся. — Должно быть, я и вправду был маленьким несмышленышем, ведь я даже не помнил собственного имени. Они решили, что мне лет пять или шесть. Большинство детей в этом возрасте знают, как их зовут, а я вот не знал.

Ну, в общем, тех двух парней, которые меня нашли, звали Тиг и Дивер.

— Значит, ты все-таки кое-что помнишь.

— Лехи, я ведь даже не умел говорить. Мне сказали, что я произнес первое слово, только когда мне исполнилось девять. Так что речь идет об очень тугоумном ученике.

— Ну и ну. — На некоторое время Лехи умолк. — Почему же ты ничего не говорил?

— Да какая разница? — сказала Рейн. — Сейчас-то он восполнил этот пробел и стал Дивером-болтуном. Теперь он настоящий чемпион среди болтунов.

Они двигались вдоль береговой черты острова, пока не миновали Магну. Лехи повел их к складу, построенному отделом подводных работ на северной оконечности острова Оквирр. Склад был открыт и ломился от водолазного снаряжения. Друзья Лехи наполнили несколько баллонов воздухом. Они взяли два водолазных комплекта и подводные фонари. Рейн не собиралась нырять и поэтому не нуждалась в водолазном снаряжении.

Покинув остров, они взяли курс туда, где проходила регулярная судоходная линия, соединявшая Оквирр с Вендовером. У людей хватало ума не заходить в этот район ночью, так что здесь было довольно пустынно. Вскоре они вышли на открытый простор. Рейн заглушила маленький подвесной мотор, который раздобыл для нее Дивер, а привел в порядок Лехи.

— Настало время поработать в поте лица, — сказала Рейн.

Дивер пересел на среднюю скамью, вставил весла в уключины и принялся грести.

— Греби не так быстро, — попросила Рейн, — а то натрешь мозоли.

Только один раз мимо них прошла лодка, которая, должно быть, принадлежала Озерному патрулю, кроме нее, никто не приблизился к ним в течение всего перехода через этот район открытого моря. Спустя некоторое время они увидели поднимавшиеся из воды небоскребы, громады которых заслоняли большие участки звездного неба.

— Говорят, что люди, которых не успели спасти, до сих пор там живут, — прошептал Лехи.

Рейн недоверчиво на него посмотрела:

— Ты думаешь, что там внутри еще остались запасы еды? Ведь даже вода здесь слишком соленая, чтобы ее пить.

— А кто говорит, что они живые? — прошептал Дивер со всей таинственностью, которую только мог придать своему голосу. Пару лет назад ему удалось так напугать Лехи, что у того глаза чуть не вылезли из орбит. Но теперь его лицо не выражало ничего, кроме отвращения.

— Да ладно, Дивер, я ведь уже не ребенок.

На этот раз самому Диверу было немного не по себе. Большие проломы, куда упали куски стекла и пластика, напоминали ему открытые рты, готовые в любую минуту его поглотить и увлечь вниз, под воду, в город утопленников. Иногда ему снились сны, в которых он видел тысячи и тысячи людей, живущих под водой. Там они ездили на машинах, занимались бизнесом, делали покупки в универмагах и ходили в кино. В его снах эти люди никогда не совершали ничего дурного, они просто занимались своими делами. Но эти сны всегда пугали его, и каждый раз он просыпался в холодном поту, хотя никаких причин для страха не было. Просто эти сны пугали его.

— Думаю, что надо было взорвать все эти штуковины, чтобы они не рухнули вниз и не угробили людей, — сказал Дивер.

— Может быть, это и к лучшему, что их не стали трогать, — возразила Рейн. — Может быть, есть много людей, которые любят вспоминать о том, каких вершин мы когда-то достигли.

— Чего тут вспоминать? Они построили высокие здания, а потом не смогли защитить их от потопа, чем тут хвастать?

Дивер пытался удержать Рейн от воспоминаний, но Лехи, похоже, очень нравилось погружаться в мир прошлого.

— Ты бывала здесь до того, как пришла вода?

Рейн кивнула:

— Я видела, как по улице, вот там внизу, шло праздничное шествие. Не могу вспомнить, то ли это было на Третьей Южной улице, то ли на Четвертой. Думаю, что на Третьей. Я увидела сразу двадцать пять лошадей и помню,

что это показалось мне настоящим чудом. В те времена редко можно было увидеть лошадь.

— Уж я-то достаточно повидал их на своем веку, — сказал Лехи.

— И на них, должно быть, надели праздничные попоны. Терпеть не могу обсуждать то, чего я сам не видел, — сказал Дивер.

Обогнув верхнюю часть какого-то здания, они приступили к осмотру прохода между башнями. Сидевшая на корме Рейн увидела это первой.

— Вот он. Посмотрите. Теперь от него остались только эти высокие шпили.

Дивер налег на весла, и они продвинулись еще дальше по проходу. Там из воды выступало шесть шпилей. Четыре из них были короче других, и поэтому их почти полностью скрывала вода. Над водой возвышались только их остроконечные верхушки. В двух более высоких шпилях были видны окна, которые находились над водой. Дивер был разочарован. Эти широко открытые окна означали, что любой мог без труда проникнуть внутрь. Все было гораздо безопаснее, чем он предполагал. Может быть, Рейн права и здесь ничего нет.

Пришвартовавшись к северной части одной из башен, они стали ждать, когда будет светло.

— Если бы я знал, что все так легко, — сказал Дивер, — то поспал бы еще часик.

— Так поспи сейчас, — предложила Рейн.

— Да, наверно, я так и сделаю.

С этими словами Дивер слез со скамьи и растянулся на дне лодки.

Но ему было не до сна. Всего в нескольких ярдах от него находилось окно — черная глазница на фоне отражающего звездный свет серого гранита храма. Там, внизу, лежало его будущее, его шанс улучшить собственную жизнь и жизнь своих друзей. Возможно, у него будет участок земли на юге, где гораздо теплее и зимой снежный покров не достигает, как здесь, пяти футов. Там не будет этих постоянных дождей и этого бескрайнего озера. Там он будет долго-долго жить и вспоминать старые добрые времена, которые провел со своими друзьями. Все это ожидало его там внизу, под водой.

Конечно, ему ничего не говорили о золоте. Он узнал о нем, когда находился в пути. У дороги было одно местечко, под названием Паровал, где часто останавливались дальнобойщики. Там находилась шахта по добыче железной руды, которая работала в каком-то безумном ритме. Шахтеры трудились в ней посменно, круглые сутки, и поэтому забегаловки никогда не закрывались. Поскольку в городке было не так уж много мормонов, то в этих забегаловках дальнобойщики могли даже попить горячего и крепкого кофе. Шахтеры не слишком позволяли епископу влезать в свои дела. На самом деле они даже называли его судьей, а не епископом. Дивер со стороны наблюдал за тем, как другие водители беседовали между собой, когда тот парень стал рассказывать о временах золотой лихорадки, когда мормоны копили все золото, что им удавалось добыть, и прятали его в верхних помещениях Храма, куда не мог входить никто, кроме пророка и двенадцати апостолов. Сначала Дивер ему не поверил, хотя Билл Хорн одобрительно кивал, как будто мог подтвердить, что это правда, а Кэл Сильбер заявил, что его никакими пряниками не заманишь в храм мормонов, так как это верная смерть. Их испуганные и тихие голоса убедили Дивера в том, что они во все это верят, а еще он понял, что если уж кто-то и намерен добыть это золото, так это он сам.

Впрочем, то, что сюда оказалось так легко добраться, еще ровным счетом ничего не означало. Дивер знал, как мормоны относятся к Храму. В течение некоторого времени он расспрашивал их о Храме, но никто так ничего ему и не рассказал. Никто из них не имел ни малейшего желания говорить на эту тему. Как только он спрашивал, случалось ли им подплывать к Храму и осматривать его, они сразу же умолкали, качали головой или меняли тему разговора. Спрашивается, зачем Озерный патруль охраняет Храм, если все и без того боятся к нему подходить? Все, за исключением Дивера Тига и двух его друзей.

— Хорошего понемножку, — сказала Рейн.

Дивер проснулся. Солнце поднялось над вершинами гор, и, судя по всему, уже довольно давно. Он перевел взгляд туда, куда смотрела Рейн, и увидел башню Морония, стоявшую на вершине горы, у подножия которой лежала старая

столица. Несколько лет назад туда перенесли храмовую статую. Фигура старикана с трубой ярко блестела на солнце. Несмотря на все ожидания мормонов, эта труба так и не издала ни единого звука, что, конечно, поколебало их веру. Теперь Дивер понимал, что все это лишь дань прошлому. Сам же Дивер жил настоящим.

Лехи показал ему, как пользоваться подводным снаряжением, и они сделали пару пробных погружений — один раз с балластными ремнями, а другой раз без них. Дивер и Лехи плавали как рыбы, ведь плавание было главным видом отдыха, которым каждый мог воспользоваться бесплатно. Однако маска и загубник несколько осложняли дело.

— У этого загубника вкус лошадиного копыта, — заметил Дивер в промежутке между погружениями.

Лехи удостоверился в том, что Дивер плотно затянул пояс с балластом.

— Ты единственный парень на всем Оквирре, кто знает, какой вкус у лошадиного копыта.

Перекувырнувшись с борта лодки, он ушел под воду. Дивер спрыгнул вниз под прямым углом, так что баллон с воздухом слегка ударил его по затылку. Но удар оказался не слишком болезненным, и он даже не выронил фонарь.

Дивер плыл вдоль внешней стены Храма, освещая фонарем каменную кладку, к поверхности которой прилепилось множество подводных растений. Впрочем, здание еще не слишком сильно ими заросло. Опустившись примерно на две трети высоты здания, он обнаружил на фасаде большую металлическую пластину с надписью: ДОМ ГОСПОДА. Дивер показал ее Лехи.

Когда они забрались на борт лодки, Дивер сразу же вспомнил об этой пластине.

— Похоже, что она золотая, — сказал он.

— Там была другая надпись, — возразила Рейн. — Она немного отличалась от этой. Та пластина, возможно, была сделана из золота, а эта из пластика. Думаю, что ее оставили только для того, чтобы на Храме был хоть какой-то отличительный знак.

— Ты в этом уверена?

— Я помню, как они это делали.

Дивер наконец почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы, спустившись под воду, проникнуть внутрь Храма. Чтобы забраться в окно, им пришлось снять ласты. Потом их подобрала Рейн. Освещенное лучами солнца, окно утратило свой зловещий вид. Усевшись на подоконник, они стали надевать ласты и баллоны. Под ногами плескалась вода.

Неожиданно Лехи перестал надевать снаряжение.

— Я не смогу туда пойти, — сказал он.

— Там нечего бояться, — ответил Дивер. — Брось ты, там ведь нет никаких привидений.

— Я не смогу, — повторил Лехи.

— Заканчивайте! — крикнула оставшаяся в лодке Рейн.

Дивер обернулся и посмотрел на нее.

— О чем ты говоришь?!

— Не думаю, что вам нужно туда спускаться.

— Тогда зачем же ты согласилась ехать сюда?

— Потому что ты этого хотел. Это был какой-то абсурд.

— Послушай, Дивер, это святая земля, — произнесла Рейн, — и Лехи это чувствует. Именно поэтому он и не хочет спускаться.

Дивер посмотрел на Лехи.

— Просто это не очень хорошо, — сказал Лехи.

— Да ведь это лишь камни, — попытался убедить его Дивер.

Лехи ничего не ответил. Дивер надел маску, взял фонарь, вставил в рот загубник и спрыгнул в воду.

Оказалось, что пол находится на глубине всего лишь полутора футов. Это было полной неожиданностью. Ударившись о пол задницей, Дивер сидел, высунувшись из воды на целых восемнадцать дюймов. Лехи тоже сначала удивился, а потом стал хохотать. Диверу и самому стало смешно, и он тоже расхохотался. Затем он встал и принялся туда-сюда ходить, пытаясь нащупать ногами ступеньки. Но он вряд ли нашел бы их, так как ему сильно мешали ласты.

— Иди назад, — сказал Лехи.

— А как я увижу, куда мне идти?

— Опусти башку в воду, идиот, и посмотри.

Дивер так и сделал. Теперь ему не мешали солнечные блики, игравшие на поверхности воды, и он все хорошо видел. Он нашел лестницу.

Выпрямившись, Дивер посмотрел на Лехи. Тот покачал головой — он по-прежнему не хотел спускаться.

— Ну как хочешь, — пожал плечами Дивер.

Он повернулся к Лехи спиной и направился к тому месту, где начиналась лестница. Снова вставив загубник, он стал спускаться. «На поверхности это не составило бы никакого труда, — подумал Дивер, — но здесь это настоящая мука, так как тебя все время приподнимает вверх, и ты бьешься баллонами о потолок». Наконец он сообразил, что можно воспользоваться перилами, и теперь спускался, хватаясь за них руками. Лестница бесконечной спиралью уходила вниз. Когда ступеньки закончились, он увидел перед собой груду хлама, которая наполовину закрывала дверной проем. Проплывая над ней, он обнаружил, что это в основном обломки металла и куски дерева. Затем он оказался в большой комнате.

В толще мутной воды свет его фонаря не проникал слишком далеко, и он плыл вдоль стен, то поднимаясь, то опускаясь. Внизу вода была холодной, и ему приходилось плыть быстрее, чтобы не замерзнуть. По обеим сторонам от него тянулись ряды стрельчатых окон, а над ними располагались окна круглой формы. Но снаружи все они были забиты досками, так что единственным источником света оставался его фонарь. Дважды проплыв вдоль и поперек этого помещения, Дивер сделал вывод, что это просто большая комната и что в ней, за исключением хлама, разбросанного по всему полу, ничего нет.

Испытав глубокое разочарование, он все же заставил себя не впадать в уныние. К тому же золото вряд ли стали бы хранить в этой большой комнате. Должно быть, есть какая-то тайная сокровищница.

В этой комнате он обнаружил пару дверей. Маленькая, та, что находилась в центральной части одной из стен, была широко открыта. Должно быть, раньше к ней вела лестница. Подплыв к этой двери, Дивер направил луч фонаря в дверной проем. Он увидел еще одну комнату, но на этот раз

меньших размеров. Потом он обнаружил еще пару комнат, но в них не было ничего, кроме голых стен. Вообще ничего.

В надежде найти тайные двери он стал тщательно обследовать камни, но довольно скоро отказался от этого занятия: ведь даже если бы в них был тонкий шов, то он не смог бы его различить из-за плохого освещения. Вот теперь Дивер был действительно разочарован. Проплывая по комнатам, он уже стал подумывать о том, что дальнобойщики знали, что он слушает их рассказы о золоте. Может быть, они все это нарочно задумали, рассчитывая на то, что в один прекрасный день он попадется на их удочку. Этакая хохма, в результате которой они даже не увидят, как он на нее купился.

Нет-нет, такого просто быть не могло. Они были уверены в том, что он их не слушает. Но теперь он знал то, чего не знали они. Чем бы ни занимались здесь мормоны в минувшие дни, золота в верхних помещениях Храма теперь не было. А он так на него рассчитывал. «Но, черт возьми, — сказал он себе, — я проник сюда и убедился в этом и обязательно найду здесь еще что-нибудь. Нет причин для уныния».

Его не одурачили, да здесь и некому было его дурачить. Но все же на душе у него было тяжело. Годами он мечтал о золотых брусках и мешках с золотом, воображая, что они спрятаны за каким-то пологом и что он, рванув этот полог, обнаружит за ним сокровища и заберет их с собой. Но здесь не было никаких пологов и никаких тайников, здесь вообще ничего не было, и если уж ему суждено найти золото, то он должен был искать его в каком-то другом месте.

Он поплыл назад, к двери, которая выходила на лестницу. Теперь Дивер мог лучше рассмотреть груду хлама и стал размышлять над тем, как она могла оказаться здесь. Все остальные комнаты были абсолютно пусты. Этот мусор не могла принести вода, потому что все незаколоченные окна были расположены выше, в башенке. Они находились выше уровня воды. Подплыв поближе, он извлек из кучи мусора какую-то штуковину. Это был кусок металла. Оказалось, что куча в основном состояла из кусков металла и лишь нескольких камней. Ему вдруг пришло в голову, что именно здесь он, может быть, и найдет то, что ищет. Ведь

чтобы надежно спрятать золото, лучше всего не складывать его в мешки и не переплавлять в слитки, а просто придать ему вид ненужного хлама, на который никто не обратит внимания. Набрав столько тонких металлических обломков, сколько мог унести в руке, он осторожно поплыл вверх по лестнице. Теперь-то Лехи придется спуститься под воду и помочь ему вынести все это наверх. Чтобы сделать это за один прием, они могли соорудить мешки из собственных рубашек. С шумом вынырнув на поверхность, он преодолел последние ступени и прошел остаток пути по затопленному полу. Лехи так и сидел на подоконнике, но теперь рядом с ним была Рейн. Ее босые ступни были опущены в воду. Приблизившись, он вытянул руки, в которых сжимал куски металла. По стеклу его маски сбегала вода, в которой преломлялись яркие лучи солнца, и поэтому вместо их лиц он видел лишь расплывчатые пятна.

— У тебя ссадина на колене, — сказала Рейн.

Дивер отдал ей свой фонарь, стянул освободившейся рукой маску и посмотрел на друзей. Лица обоих были очень серьезны. Он протянул им куски металла.

— Посмотрите, что я нашел там, внизу.

Лехи взял пару кусков. Рейн не сводила глаз с лица Дивера.

— Это старые консервные банки, Дивер, — тихо сказал Лехи.

— Нет, — возразил Дивер.

Однако, взглянув на пригоршню металлических пластин, он понял, что это сущая правда. Они явно были вырезаны из боковин консервных банок, а затем расплющены.

— На ней есть какая-то надпись, — сказал Лехи и прочитал: — «Молю Тебя, Господи, исцели мою девочку Дженни».

Дивер высыпал оставшуюся в руке пригоршню пластин на подоконник. Он взял одну из них и, перевернув ее, обнаружил следующую надпись: «Прости мое прелюбодеяние, я больше не буду грешить».

Лехи прочел еще одну: «Господи, верни моего мальчика с равнин целым и невредимым».

Каждое из этих посланий было нацарапано гвоздем или куском стекла, и буквы были неровными.

— В Храме каждый день читали молитвы, так как люди все время приносили записки с именами тех, о ком просили помолиться. О каждом из них молились всем Храмом, — пояснила Рейн. — Теперь там никто не молится, но люди, видно, до сих пор приносят сюда записки. Правда, теперь, чтобы они подольше сохранились в воде, их пишут на металле.

— Мы не должны их читать, — сказал Лехи. — Нам следует вернуть их на место.

Там внизу были сотни, а может быть, и тысячи этих металлических записок. «Должно быть, люди постоянно приезжают сюда, — подумал Дивер. — Мормоны, видимо, наладили постоянное сообщение с Храмом, но умалчивают об этом факте. Во всяком случае, мне об этом никто не говорил».

— Ты знала об этом?

Рейн кивнула.

— Ты привозила их сюда, верно?

— Некоторые из них. Я привозила их все эти годы.

— И ты знала, что там, внизу?

Ответа не последовало.

— Она же просила тебя не ходить туда, — сказал Лехи.

— Ты тоже об этом знал?

— Я знал, что сюда приезжают люди, но не знал, что они здесь делают.

Внезапно Дивер осознал весь масштаб того, что с ним случилось. Они оба знали об этом. Все мормоны тоже знали об этом. Все вокруг были в курсе происходящего, и только он снова и снова спрашивал их, но не получал никакого ответа. Даже от своих друзей.

— Почему вы не отговорили меня от поездки?

— Мы пытались тебя остановить, — возразила Рейн.

— Почему вы мне об этом не рассказали?

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Дивер, ты ведь был уверен в том, что я дам тебе лодку. И если бы я тебе обо всем рассказала, ты бы над этим только посмеялся. Я подумала, что будет лучше, если ты сам все увидишь. Теперь ты, быть может, не станешь на каждом углу разглагольствовать о том, что мормоны такие тупицы.

— А ты думаешь, я стал бы это делать? — Он поднял еще одну металлическую записку и громко ее прочитал: — «Господи Иисусе, приходи скорее, пока я не умер». — Он помахал запиской перед ее лицом. — Ты думаешь, я стал бы смеяться над этими людьми?

— Дивер, ты готов осмеять все что угодно.

Услышав это, он перевел взгляд на Лехи. Такого Лехи еще никогда ему не говорил. Дивер никогда не смеялся над тем, что действительно имело для него значение. А для них, для них обоих, это имело большое значение.

— Теперь это ваше, — сказал Дивер. — Все это ваше.

— Я еще ни разу не оставлял здесь молитвенной записки, — произнес Лехи.

Сказав слово *ваше*, Дивер имел в виду не только Лехи и Рейн. Он имел в виду их всех, всех людей Мормонского моря, всех тех, кто знал об этом, но молчал, несмотря на то что он неоднократно задавал им вопросы. Он имел в виду всех людей, которых тянуло к этому месту.

— Я хотел найти здесь что-нибудь для *себя*, а вы с самого начала знали, что там внизу есть только то, что принадлежит *вам*.

Переглянувшись, Лехи и Рейн снова посмотрели на Дивера.

— Это не наше, — возразила Рейн.

— Я никогда не был здесь раньше, — сказал Лехи.

— Все это ваше.

Дивер сел в воду и стал снимать водолазное снаряжение.

— Не сердись, — сказал Лехи, — я на самом деле не знал.

— Вы знали больше того, что говорили мне. Я все время считал вас друзьями, но я ошибался. Это место связывает вас обоих со всеми другими людьми, но не со мной. Со всеми, но не со мной.

Лехи осторожно отнес металлические пластины к лестнице и опустил их в воду. Они сразу же пошли ко дну и нашли свое место среди других молитвенных записок.

Лехи сел на весла и, взяв курс на восточную часть старого города, греб, огибая затопленные небоскребы. Рейн завела мотор, и лодка заскользила по водной глади озера. Озерный патруль так их и не заметил, но теперь Дивер

знал, что даже если бы их заметили, то это не имело бы никакого значения. Озерный патруль в основном состоял из мормонов, а они, несомненно, знали о том, что сюда постоянно приезжают те, кто хочет оставить записку. Пока все шло тихо-мирно, патруль не имел ничего против этих поездок. Скорее всего, они останавливали только не посвященных в эту тайну людей.

Весь путь до Магны, куда они возвращались, чтобы вернуть водолазное снаряжение, Дивер просидел на носу лодки, не разговаривая со своими спутниками. В том месте, где он сидел, корпус, казалось, прогнулся под его весом. Чем быстрее двигалась лодка, тем меньше она касалась воды. Они скользили, едва задевая водную гладь и оставляя за собой небольшие волны. Но очень скоро эти волны затихали, и поверхность озера снова становилась ровной.

Что касается тех двоих, что сидели на корме, то Дивер испытывал к ним нечто вроде сожаления. Они все еще жили в этом затонувшем городе, их тянуло туда, и они ужасно страдали оттого, что не могли спуститься под воду. С Дивером все было иначе. Его город еще даже не был построен. Этот город находился в будущем.

Он еще довольно долго будет жить в каморке и работать на грузовике. Потом он, возможно, поедет на юг, на новые пахотные земли. Может быть, он получит во владение земельный участок. Став владельцем земли, которую будет возделывать, Дивер, возможно, и сам пустит в ней корни. Что касается этого места, то впоследствии его сюда никогда не тянуло, точно так же, как не тянуло его ни в дома всех его приемных родителей, ни в школы, где он учился. Этот затонувший Храм был всего лишь еще одной остановкой на его пути, остановкой, на которой он простоял два или три года. Так он и будет впоследствии относиться к этому эпизоду своей жизни. Здесь он так больше ни с кем и не подружился, впрочем, он и не хотел заводить друзей. Он не считал это нужным, потому что разочаровался в своих прежних друзьях и вообще не находил в дружбе ничего полезного.

ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ

Народ песка и шлаков

Произведения Паоло Бачигалупи публиковались в таких журналах, как «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Asimov's», а также в антологиях «Логорея» («Logorrhea») и «Перемотка» («Fast Forward»). В 2006 году его «Специалист по калориям» («The Calorie Man») завоевал премию Теодора Старджона и был номинирован на «Хьюго». Рассказ «Человек с желтой карточкой» («Yellow Card Man»), продолжающий повествование о том же мире, в 2007 году выдвигался на «Хьюго» и послужил основой для романа. В 2008 году был выпущен сборник Бачигалупи «Помпа номер шесть и другие истории» («Pump Six and Other Stories»).

Рассказ «Народ песка и шлаков», впервые опубликованный в 2004 году, вошел в число финалистов премий «Хьюго» и «Небьюла». По словам автора, на создание этого произведения его вдохновил бродячий пес, живший в карьере Беркли-Пит в окрестностях города Бьютт, штат Монтана. Карьер принадлежит одной из американских нефтегазодобывающих компаний, это пустынное место, полное токсичных отходов. Пес слишком одичал, чтобы подходить к людям, и его не могли поймать, но он охотно съедал все, что ему оставляли. Собака как-то приспособилась к жизни среди испарений серы и тяжелых металлов, отравляющих округу.

Действие рассказа разворачивается в далеком будущем, его герои — существа, лишь отдаленно напоминающие людей. На страницах произведения автор размышляет о человеческой природе, техническом прогрессе и нашей любви к простым решениям сложных проблем.

— Враг в пределах периметра! В пределах периметра! Адреналин мгновенно погнал кровь, и я сорвал с головы очки Виртуального Погружателя. Пейзаж города, который я пытался разрушить, исчез, а вместо него появилась наша комната наблюдения и множество картин, отражающих горные выработки компании «СесКо». На одном из мониторов струйкой крови тянулся красный фосфоресцирующий след нарушителя, направлявшегося к Восьмой шахте.

Джак уже выбежал из комнаты наблюдения. Я кинулся за снаряжением.

Джака я догнал в экипировочном отсеке; он уже схватил «ГС-101», плазменный резак, и пристегнул противоударный экзоскелет к своему татуированному телу. Патронташ с ядерными зарядами Джак повесил на крепкие плечи и стремительно бросился к выходному люку. Я пристегнул свой экзоскелет, выдернул из стойки «сто первый», проверил заряд и кинулся за Джаком.

Лиза уже сидела в «Х-5», она открыла заглушки, и турбонасосы взвыли, словно баньши[1]. Часовые кентавры направили на меня дула своих «сто первых», но данные «друг—враг» быстро дошли до их верхних дисплеев, и охранники расслабились. Я выскочил на бетонную площадку, и от порывов ледяного ветра Монтаны вместе с реактивной струей от двигателя «Хентаза Марк-5» стало немного пощипывать кожу. Над головой неслись облака, окрашенные в оранжевый цвет огнями ботов-разработчиков СесКо.

— Давай, Чен! Двигай! Скорее! Скорее!

Я прыгнул в поисковик. Корабль взмыл в небо. Он сделал вираж, от которого я чуть не врезался в переборку, затем описал широкую дугу и понесся вперед. Люк «Х-5» закрылся, и завывание ветра стихло.

Я пробрался вперед в прозрачный кокон, и через плечи Лизы и Джака стал всматриваться в проносящийся внизу пейзаж.

— Хорошо поиграл? — спросила Лиза.

— Почти выиграл, — сердито ответил я. — На этот раз это был Париж.

Мы прорвались сквозь завесу тумана над отстойниками, всего в нескольких дюймах над поверхностью воды, и едва не врезались в противоположный берег. Система безопасности рванула поисковик в сторону от надвигающейся скалы. Лиза отключила компьютер и повела корабль вдоль поверхности. Поисковик летел над самой осыпью, так что я вполне мог протянуть руку и зачерпнуть горсть щебенки.

---

[1] *Баньши* — персонаж ирландского фольклора, вопленница, предвещающая смерть.

Взвыл сигнал тревоги, но Джак быстро выключил сирену; это Лиза заставила поисковик опуститься еще ниже. Впереди возникла извилистая гряда отходов горной выработки. Мы поднялись вдоль склона и медленно перевалили в следующую лощину. Лиза использовала всю проектную мощность тормозной системы, так что «Хентаза» даже задрожала от напряжения. Еще один подъем, и мы перевалили очередную гряду пустой породы. Перед глазами тянулась бесконечная ломаная линия горизонта, образованного терриконами. Мы опять спустились в пелену тумана и полетели над озером-отстойником. Позади на золотистой масляной поверхности оставалась рябь.

Джак следил за системами наблюдения.

— Я его нашел. — Он усмехнулся. — Двигается, но медленно.

— Контакт через одну минуту, — сказала Лиза. — Он не предпринял никаких контрмер.

Я следил за нарушителем по экранам наблюдения, куда поступала информация со спутников «СесКо».

— Это даже не скрытая цель. Если бы мы знали, что он не собирается играть в прятки, можно было бы бросить мини-заряд прямо с базы.

— И ты бы закончил свою игру, — добавила Лиза.

— Мы и сейчас можем поразить цель ядерным снарядом, — предложил Джак.

Я покачал головой:

— Нет, давайте сначала посмотрим. Если нарушитель испарится, у нас ничего не останется, а Банбаум захочет узнать, для чего поднимали поисковик.

— Тридцать секунд.

— Ему было бы все равно, если бы кое-кто не использовал корабль для увеселительной прогулки в Канкун.

Лиза пожала плечами:

— Я хотела поплавать. Если бы не «Х-пять», пришлось бы топать на своих двоих.

Поисковое судно перевалило еще через несколько гребней.

Джак не отрывал взгляда от мониторов.

— Цель удаляется. Но все так же медленно. Мы еще можем ее достать.

— Пятнадцать секунд до прыжка, — объявила Лиза.

Она отстегнула ремни и переключила управление на автоматику. «Хентаза» нацелилась в небо, словно автопилот стремился оторваться от беспорядочного нагромождения камней под брюхом судна, и мы торопливо перебрались к люку. Откинув крышку, один за другим, мы, словно Икары, посыпались вниз. В землю мы врезались со скоростью в несколько сотен километров в час. Экзоскелеты после удара раскололись, словно стекло, и выбросили в воздух тучи лепестков. Черные металлические пластинки стали медленно опускаться вокруг, поглощая радио- и тепловое излучения, чтобы не дать вражеским радарам возможности обнаружить постороннее присутствие, пока мы были слишком уязвимы после падения на сыпучей груде отработанной щебенки.

Поисковик перевалил через гряду, и двигатели взвыли, преследуя близкую цель. Я поднялся во весь рост и побежал к гребню осыпи, хлюпая по желтой массе отходов выработки и клочьям пожелтевшего от пыли снега. Позади остался Джак с переломанными руками. Лепестки его экзоскелета отметили путь, по которому он прокатился со склона, образовав черную мерцающую дорожку. Лиза лежала в сотне ярдов дальше, ее берцовая кость торчала из бедра, словно ярко-белый восклицательный знак.

Я вскарабкался на гребень и осмотрел долину.

Ничего.

Пришлось включить увеличение на шлеме. Однообразные склоны многочисленных холмов отработанной породы придвинулись ближе. То тут, то там среди мелкой желтоватой щебенки и песка виднелись огромные, величиной с наш «Х-5», булыжники, треснувшие и оплавленные после мощных взрывов — результаты деятельности горнодобывающей компании «СесКо».

Рядом, споткнувшись, остановился Джак, а мгновение спустя к нему присоединилась и Лиза. Штанина ее полетного комбинезона была порвана и залита кровью. Лиза, не переставая осматривать долину, собрала с лица желтоватую грязь и отправила себе в рот.

— Есть что-нибудь?

Я покачал головой:

— Пока нет. Ты в порядке?

— Обычный перелом.

— Вот он! — взмахнул рукой Джак.

По самому дну долины бежало какое-то существо, преследуемое нашим поисковиком. На берегу узкого ручья, густого от кислоты, оно поскользнулось. Корабль гнал нарушителя навстречу нам. Ничего. Ни ракетных снарядов. Ни огня. Просто бегущее существо. Масса спутанных волос. На четырех ногах. Забрызганное грязью.

— Какой-то биороб? — удивился я.

— У него совсем не видно рук, — пробормотала Лиза.

— И никаких приспособлений.

— Какой дурак будет изготавливать биороба без рук? — добавил Джак.

Я осмотрелся кругом:

— Может, какая-то ловушка?

Джак проверил данные, получаемые от более мощных датчиков поисковика.

— Не думаю. Можно поднять поисковика повыше? Я хочу осмотреть все вокруг.

По команде Лизы поисковик взмыл в небо, охватывая больший сектор наблюдения. Чем выше он поднимался, тем тише становился гул моторов. Джак подождал, пока уточненные данные появятся на мониторе его шлема.

— Нет, ничего. И никаких сигналов о нарушениях с других участков периметра. Мы одни.

Лиза упрямо тряхнула головой.

— Надо было все-таки запустить в него мини-заряд прямо с базы.

Стремительный галоп бегущего по долине биороба замедлился до резвой рыси. Казалось, ему нет до нас дела. Теперь существо было намного ближе, и мы смогли рассмотреть детали: лохматое четвероногое создание с хвостом. Слипшаяся шерсть свисала с его боков, образуя неровную бахрому, унизанную каплями жидкой желтоватой жижи. Волосы вокруг лап посветлели от текущей по земле кислоты, словно существу пришлось переходить вброд потоки урины.

— Какой-то очень уродливый биороб, — сказал я.

Лиза сняла с плеча свой «сто первый».

— Сейчас я сделаю из него биокляксу.

— Постой! — воскликнул Джак. — Не стреляй!

Лиза метнула на него раздраженный взгляд:

— Что еще?

— Это вовсе не биороб, — прошептал Джак. — Это собака.

Неожиданно он спрыгнул с гребня и понесся вниз по склону насыпи к бегущему животному.

— Подожди! — крикнула Лиза, но Джак уже ничего не слушал и продолжал набирать скорость.

Существо глянуло на несущегося с воплями Джака, потом развернулось и кинулось наутек. Но соревноваться с ним в скорости животному было не по силам. Спустя полминуты Джак настиг нарушителя.

Мы с Лизой переглянулись.

— Ну, для биороба оно слишком медленно передвигается. Кентавры, и те проворнее.

К тому времени, когда мы добрались до Джака, животное было загнано в тупиковую расщелину. Оно стояло посреди густой лужи отходов, дрожало, рычало и скалило зубы. Мы окружили странное создание. Оно попыталось прорваться мимо, но Джак легко перехватил беглеца.

Вблизи животное выглядело еще более жалким, чем издали. Тридцать килограммов рычащей шерсти. Лапы у него были порезаны во многих местах и кровоточили, шерсть кое-где облезла, обнажив воспаленные кислотные ожоги.

— Будь я проклят, — выдохнул я, — оно и впрямь похоже на собаку.

Джак усмехнулся:

— Мы как будто динозавра поймали.

— Как она могла уцелеть? — спросила Лиза, обводя рукой горизонт. — Здесь ничто не может жить. Животное должно было измениться. — Она внимательно посмотрела на собаку, потом на Джака. — Ты уверен, что периметр больше не нарушался? Это не может быть западней?

Джак посмотрел по сторонам:

— Больше ничего нет. Ничего.

Я наклонился над животным. Собака в приступе ярости оскалила зубы.

— Выглядит довольно жалко. Может, и впрямь настоящая?

— Конечно, — заверил меня Джак, — конечно настоящая. Я однажды видел собаку в зоопарке. Говорю вам, это просто собака.

Лиза качнула головой:

— Не может быть. Если бы она была настоящей, она давно бы погибла.

Джак довольно усмехнулся.

— Ни в коем случае. Посмотри-ка. — Он протянул руку, чтобы убрать шерсть с головы собаки и посмотреть на ее морду.

Животное рванулось навстречу и сомкнуло зубы на руке Джака. Оно сильно тряхнуло его кисть и зарычало, а Джак только смотрел на прицепившуюся к его руке собаку. Ее голова яростно мотнулась из стороны в сторону, и кровь из порванных артерий потекла по морде собаки.

Джак рассмеялся. Кровотечение прекратилось.

— Проклятие. Прекрати. — Он стал поднимать руку, пока полностью не вытащил странное животное из лужи. — Глядите-ка, я завел себе любимца.

Собака так и висела, вцепившись в мягкие ткани руки Джака. Она снова попыталась тряхнуть мордой, но теперь, когда лапы не опирались на землю, ее старания были бесполезными. Даже на лице Лизы появилась улыбка.

— Должно быть, проспала все на свете, а когда проснулась, обнаружила, что находится на самом кончике витка эволюции.

Собака снова зарычала, не разжимая зубов.

Джак засмеялся и вытащил свой мономолекулярный нож.

— Получи, собачка.

Он полоснул по руке, оставив кусок своей плоти в зубах озадаченного пса.

Лиза задумчиво наклонила голову.

— Как ты думаешь, мы сможем выручить за нее какие-то деньги?

Джак наблюдал, как пес поглощает полученное мясо.

— Я где-то читал, что раньше ели собак. Интересно, каковы они на вкус?

Я посмотрел на таймер на мониторе шлема. Мы убили целый час на занятие, которое не принесет никакой прибыли.

— Джак, забирай своего пса и тащи в поисковик. Мы не станем его есть, пока не вызовем Банбаума.

— Он наверняка объявит собаку собственностью компании, — проворчал Джак.

— Да, он всегда так поступает. Но все равно придется составить рапорт. Неплохо сохранить и улику, раз мы не уничтожили ее сразу.

На ужин мы ели песок. За стенами бункера службы безопасности деловито жужжали сновавшие роботы; они все глубже и глубже вгрызались в почву, превращая ее в груды щебенки, оставляя после себя тысячефутовые терриконы пустой породы или озера кислотной жидкости, если натыкались на подземные потоки. Шум двигавшихся взад и вперед машин действовал успокаивающе. Только ты и машины, и прибыль, а если во время твоего дежурства ничего не взорвалось, то еще и неплохая премия.

После ужина мы сели рядом и поработали над кожей Лизы; вдоль всех конечностей мы имплантировали острые лезвия, так что она со всех сторон была похожа на бритву. Она предпочитала мономолекулярные ножи, но они слишком легко рассекали плоть, а мы и так потеряли слишком много частей тел и не хотели лишних увечий. Такие побрякушки хороши для людей, которым не нужно работать: эстетов из Нью-Йорка и Калифорнии.

Для украшения у нее был набор «Декор-мечта». Во время последнего отпуска Лиза заплатила за него большие деньги, вместо того чтобы приобрести очень распространенную дешевую подделку. Мы разрезали ее тело до самых костей и вставляли лезвия. Один приятель из Лос-Анджелеса рассказывал, что у него даже проводятся вечеринки любителей «Декор-мечты», чтобы помочь друг другу украсить те части тела, до которых трудно достать самому.

Лиза рисовала мне вдоль позвоночника узор, изображающий чудесное дерево с огоньками вместо плодов от копчика до самого затылка, так что я не имел ничего против этого занятия, а вот Джак, завершивший свой облик при помощи старого мастера в салоне татуировок на Гавайях, был недоволен. В процессе возникли небольшие трудности, поскольку тело Лизы начинало закрывать раны раньше, чем мы успевали вставить лезвия, но мы приспособились, и уже через час она выглядела прекрасно.

Закончив с Лизиными украшениями, мы сели отдохнуть и покормить ее. Я взял чашку с жидкой грязью и стал вливать Лизе в рот, чтобы ускорить процесс вживления. В перерывах мы наблюдали за собакой. Джак затолкал ее в самодельную клетку и задвинул в угол нашей общей комнаты. Животное лежало неподвижно, словно мертвое.

— Я посмотрела ее ДНК, — сказала Лиза. — Это действительно собака.

— Банбаум тебе поверил?

— А как ты думаешь? — сердито взглянула она на меня.

Я рассмеялся. В «СесКо» требовалось, чтобы группа реагирования действовала быстро, изобретательно и надежно, но на самом деле наш СПД — Стандартный Порядок Действий — был всегда одинаков: ядерный удар по нарушителям, а потом зачистка огнем, чтобы они не могли регенерировать. Потом следовал отпуск на одном из пляжей. В том, что касалось тактических решений, нам полностью доверяли, но никто не мог ожидать, чтобы в компании поверили, будто солдаты охраны нашли живую собаку среди терриконов пустой породы.

Лиза кивнула.

— Он хотел знать, как проклятое животное могло выжить. Потом захотел узнать, почему мы не выловили ее раньше. И спрашивал, за что он нам платит. — Лиза убрала со лба прядь светлых волос и посмотрела на животное. — Надо было сжечь ее.

— Что он приказал с ней сделать?

— Инструкции на этот случай нет. Он перезвонит позже.

Я посмотрел на неподвижно лежащего пса.

— Хотелось бы знать, как ему удалось уцелеть. Собаки ведь должны есть мясо?

— Может, ее подкармливали инженеры? Как сделал Джак.

Джак покачал головой:

— Вряд ли. Этот ублюдок выбросил мою руку обратно, едва успев проглотить. — Он приподнял покалеченную руку, уже начавшую восстанавливаться. — Вряд ли этот пес привык есть мясо.

— Но мы-то можем его съесть? — спросил я.

Лиза усмехнулась и положила в рот еще ложку отходов выработки.

— Мы можем съесть все, что угодно. Мы взобрались на вершину пищевой цепочки.

— Странно, что он не может есть нас.

— В твоей крови ртути и свинца больше, чем может переварить любое животное дотехнобионтического периода.

— Это плохо?

— Раньше считалось ядом.

— Странно.

— Наверно, я его сломал, когда впихивал в клетку, — сказал Джак и внимательно осмотрел пса. — Он почти не двигается, как было раньше. И я слышал, как что-то хрустнуло, пока его засовывал.

— И что?..

— Мне кажется, он не восстанавливается, — пожал плечами Джак.

Пес действительно выглядел так, словно его сильно избили. Он просто лежал на брюхе, а бока поднимались и опускались, как кузнечный мех. Глаза были полуоткрыты, но зрение не фокусировалось ни на одном из нас. Когда Джак неожиданно дернулся, пес приподнял веки, но не сделал попытки встать. Он даже не зарычал.

— Никогда не думал, что животные могут быть такими хрупкими, — добавил Джак.

— Ты тоже хрупкий. И это никого не удивляет.

— Да, но я сломал ему всего пару костей, и что из этого вышло? Он просто лежит и тяжело дышит.

Лиза сосредоточенно нахмурилась:

— Он не восстанавливается. — Она неуклюже поднялась на ноги и подошла к клетке, чтобы взглянуть на животное. Было заметно, что она взволнована. — Это настоящая собака. И мы должны были быть такими же. На ее восстановление может уйти несколько недель. Одна сломанная кость, и она ни на что не годна.

Лиза просунула руку с вставленным лезвием в клетку и сделала тонкий разрез на ноге животного. Из раны выступила кровь, но не остановилась, а продолжала вытекать. Так продолжалось несколько минут, и только потом ранка перестала кровоточить. Собака продолжала лежать неподвижно, только дыхание стало еще более прерывистым; она явно очень ослабела. Лиза засмеялась.

— Трудно поверить, что мы когда-то могли жить достаточно долго, чтобы эволюционировать. Если оторвать ей ноги, они больше не вырастут. — Она озадаченно склонила голову набок. — Животное так же уязвимо, как скалы. Разрушь их, и они больше никогда не станут единым целым. — Лиза нагнулась и пощупала спутанную шерсть собаки. — Ее легче уничтожить, чем наш поисковик.

Прогудел зуммер коммутатора, и Джак поднялся, чтобы ответить.

Мы с Лизой продолжали смотреть на собаку — как в маленькое окошко своей предыстории. Вскоре вернулся Джак.

— Банбаум послал биолога, чтобы тот взглянул на собаку.

— Ты хотел сказать «биоинженера», — поправил я.

— Нет. Биолога. Банбаум говорит, что они изучают животных.

Лиза уселась на свое место, и я подошел проверить, не сбила ли она какое-нибудь лезвие.

— Это бесперспективное занятие.

— Наверно, они выращивают их из ДНК. Изучают, на что способны эти создания. Поведение, что ли, будь они прокляты.

— Кто же им платит?

Джак пожал плечами:

— В Панамериканском Фонде числится три таких специалиста. Изучают происхождение жизни. Вот один из них и приедет. Муши-как-его-там. Не разобрал фамилию.

— Происхождение жизни?

— Ну да. То, что заставило нас тикать. Что делает нас живыми. Что-то вроде этого.

Я влил в рот Лизе очередную порцию грязи. Она проглотила с удовольствием.

— Грязь заставляет нас тикать, — сказал я.

Джак кивнул на собаку:

— А ее грязь не заставляет тикать.

Мы все снова взглянули на животное.

— Трудно сказать, что ей нужно для жизни.

Лиин Мушарраф оказался черноволосым коротышкой с выдающимся крючковатым носом. Его кожа была украшена резным круговым узором с вживленными лампочками, так что, выпрыгнув из чартерного «Х-5», он светился в темноте, словно голубая спиральная гирлянда.

Кентавры озверели при появлении неопознанного посетителя и не давали шагу ступить от корабля. Они все собрались вокруг, рычали, обнюхивали его самого и сумку с ДНК-определителем, сканировали каждый участок тела и направляли «сто первые» прямо в светящееся лицо.

Я дал ему немного попотеть, а потом отозвал охрану. Кентавры разомкнули кольцо, попятились, не переставая ворчать, но стрелять не стали. Мушарраф был явно потрясен. Я бы не стал его винить. Это опасные ребята — они крупнее и быстрее, чем люди. Поведенческая программа предусматривает проявление злобы, а уровень модернизации позволяет им обращаться с военной техникой. Рефлекс «бежать-сражаться» настроен таким образом, что в случае любой угрозы они способны только атаковать. Я сам видел, как наполовину сожженный кентавр разорвал человека голыми руками, а потом присоединился к атаке на укрепления противника, причем ему пришлось ползти только при помощи рук. В случае опасности таких созданий очень полезно иметь за спиной.

Я увел Мушаррафа подальше от часовых. По дороге заметил, что на затылке у него полный набор запоминающих

устройств. Толстая трубка передачи информации уходила прямиком в мозг, зато не было никакой защиты от ударов. Кентавры могли покончить с ним одним ударом по голове. Кора головного мозга после этого могла бы и восстановиться, но он стал бы совсем другой личностью. Одного взгляда на тройные мерцающие плавники на его затылке хватило, чтобы понять, что перед тобой типичная лабораторная крыса. Одни мозги, и никаких инстинктов выживания. Я не стал бы вживлять в череп дополнительную память даже за тройной бонус.

— Вы обнаружили собаку? — спросил Мушарраф, когда мы оказались вне пределов досягаемости кентавров.

— Похоже на то.

Я провел его в наш бункер мимо стоек с оружием, мимо приборов наблюдения в общую комнату, где все это время оставалась собака. Пес при нашем появлении поднял глаза — это единственное, на что он был способен с того момента, как Джак поместил находку в клетку.

Мушарраф подошел вплотную.

— Замечательно.

Он опустился перед клеткой на колени, открыл дверцу и достал из кармана горсть таблеток. Собака поползла вперед. Мушарраф попятился, освобождая ей дорогу, и пес настороженно и напряженно последовал за ним. Наконец лохматая морда ткнулась в коричневую ладонь, и животное захрустело таблетками. Мушарраф поднял голову.

— И вы обнаружили его в отстойниках?

— Верно.

— Замечательно.

Пес доел таблетки и ткнулся носом в ладонь, требуя добавки. Мушарраф поднялся, широко улыбаясь.

— Больше нет, тебе пока хватит.

Биолог открыл свой ящичек с приборами, достал шприц и воткнул в тело пса. Прозрачная трубочка стала быстро наполняться кровью.

— Вы с ним разговариваете? — спросила внимательно следившая за биологом Лиза.

— Это привычка, — пожал плечами Мушарраф.

— Но он же не понимает.

— Да, но собакам нравится слушать голоса.

Шприц заполнился до конца. Мушарраф выдернул иглу, отсоединил прозрачный контейнер и вставил его в прибор. Шкала анализатора ожила, и кровь с тихим шипением исчезла внутри прибора.

— Откуда вы знаете?

— Это же собака, — снова пожал плечами Мушарраф. — Они всегда были такими.

Мы все нахмурились. Мушарраф стал проводить тесты, что-то беззвучно бормоча себе под нос. Его ДНК-анализатор посвистывал и попискивал. Лиза следила за его манипуляциями, и ее явно раздражало, что из «СесКо» прислали лабораторную крысу, чтобы проверить ее собственные исследования. Ее недовольство было легко понять. ДНК-анализ мог сделать даже кентавр.

— Никак не могу поверить, что вы нашли ее среди завалов пустой породы, — пробормотал Мушарраф.

— Мы собирались ее сжечь, — сказала Лиза, — но Банбаум этого не одобрил бы.

— Как предусмотрительно, — заметил биолог, глядя ей в глаза.

— Приказ есть приказ, — пожала плечами Лиза.

— И все же ваше термическое оружие — больной соблазн. Как хорошо, что вы оставили в живых голодающее животное.

Лиза подозрительно нахмурилась, и я забеспокоился, как бы она не разорвала биолога на части. Лиза и так была довольно вспыльчивой, а Мушарраф осмелился разговаривать свысока. Приспособления и приборы на его затылке тоже были довольно соблазнительной целью. Один удар сзади, и с лабораторной крысой будет покончено. Я спрашивал себя, заметит ли кто-нибудь его пропажу, если мы утопим труп в отстойнике. Проклятый биолог!

Мушарраф снова занялся своими приборами, ничуть не подозревая об опасности.

— Можете мне поверить, что раньше люди считали себя обязанными проявлять сочувствие ко всем земным обитателям? Не только к другим людям, но и ко всем живым существам?

— И что?..

— Хотелось бы надеяться, что вы проявите сочувствие к одному глупому ученому и не станете сегодня разрезать его на части.

Лиза рассмеялась. Я расслабился. Ободренный Мушарраф продолжил:

— Нет, правда, это очень любопытно, что среди горной разработки уцелел такой экземпляр. Я уже лет десять или пятнадцать не слышал о подобных случаях.

— Я когда-то видел такое существо в зоопарке, — вставил Джак.

— Да, зоопарк — самое подходящее место для них. Да еще лаборатории, конечно. Они продолжают удивлять нас некоторыми генетическими особенностями.

Биолог погрузился в чтение результатов анализа и кивал в такт бегущим по монитору строчкам.

— Кому нужны животные, если мы можем есть камни? — насмешливо спросил Джак.

Мушарраф начал складывать свое оборудование.

— Ну да. Эволюция. Технобионты. Мы покинули пределы животного мира. — Он захлопнул крышку ящичка с прибором и кивнул всем нам. — Что ж, это было крайне интересно. Спасибо, что позволили взглянуть на вашу находку.

— Ты не собираешься забирать ее с собой?

Мушарраф удивленно помолчал.

— Нет, не думаю.

— Значит, это не собака?

— Что вы, это самая настоящая собака. Но что я с ней буду делать, ради всего святого? — Он продемонстрировал герметичный сосуд с кровью. — Я получил ее ДНК. Живое существо довольно трудно содержать, это очень дорогое удовольствие. Производство основных элементов питания требует сложной технологии. Нужны чистое помещение, воздушные фильтры, специальное освещение. Восстановление живой ткани тоже нелегкое занятие. Гораздо легче избавиться от собаки, чем пытаться ее вылечить. — Он посмотрел на пса. — К несчастью, наш лохматый друг не сможет приспособиться к современному миру. Черви съедят его так же быстро, как и все остальное. Нет, вы, конечно,

можете залечить его царапины, но что из него получится? Биороб без рук?

Мушарраф рассмеялся и направился к своему «Х-5».

Мы переглянулись. Я бросился за доктором и догнал его у выхода на взлетную площадку. Перед люком он немного помедлил.

— Теперь ваши кентавры меня знают? — спросил он.

— Да, все будет в порядке.

— Хорошо.

Он откинул створку и вышел на холод. Я шагнул следом.

— Постойте! Что же нам с ним теперь делать?

— С псом? — Мушарраф вскарабкался в «Х-5» и начал пристегиваться. Порывы ветра секли нас песком, срывавшимся с отвалов. — Бросьте обратно в отстойник. Или можете его съесть. Как мне кажется, это настоящий деликатес. Существуют специальные рецепты для приготовления животных. Это требует времени, но результат того стоит.

Пилот «Х-5» запустил двигатели.

— Вы смеетесь?

Мушарраф пожал плечами и напрягся, чтобы перекричать шум двигателей:

— Вы должны это попробовать! Это еще одна частица нашего наследия, которая атрофировалась в процессе технобионтической эволюции.

Он опустил колпак летного кокона и заперся изнутри. Турбовентиляторы взвыли еще пронзительнее, и пилот жестом приказал мне убраться из-под воздушной струи. «Х-5» медленно поднялся в воздух.

Лиза и Джак не смогли договориться, как поступить с псом. Для улаживания конфликтов у нас существуют определенные соглашения. Они нам необходимы, поскольку мы — общество убийц. Обычно мы без труда находим общее решение, но бывают случаи, когда все запутывается, каждый стоит на своей позиции, а потом, когда дело доходит до кризиса, может начаться резня. Лиза и Джак сцепились не на шутку. После пары дней препираний, когда Лиза угрожала приготовить еду из собаки, пока Джак спит, а он, в свою очередь, в этом случае пообещал поджарить ее

саму, было решено прибегнуть к голосованию. У меня был решающий голос.

— Я требую, чтобы мы съели собаку, — сказала Лиза.

Мы сидели в комнате наблюдения, просматривали информацию со спутников и созерцали, как передвигаются по поверхности инфракрасные точки рабочих роботов. В углу комнаты в клетке лежал предмет спора, принесенный сюда Джаком в надежде повлиять на исход спора.

Джак развернулся на крутящемся кресле и отвлекся от мониторов.

— Я считаю, что собаку надо оставить. Она забавная. Из далекого прошлого. Скажите, среди ваших знакомых у кого-то еще есть настоящая собака?

— Кому нужна такая обуза? — огрызнулась Лиза. — Я хочу попробовать настоящего мяса.

Лезвием одной руки она провела по предплечью, потом, пока ранка не затянулась, собрала пальцем капельки крови и попробовала на вкус.

Оба спорщика обернулись ко мне. Я смотрел в потолок.

— Вы уверены, что не сможете обойтись без моего участия?

Лиза ухмыльнулась:

— Давай, Чен. Решение за тобой. Собаку нашли все вместе. Джак не обидится, правда, Джак?

Он ответил ей мрачной гримасой.

Я посмотрел на Джака.

— Я бы не хотел, чтобы плата за корм собаки вычиталась из общего вознаграждения. Мы договорились выделить часть общих денег на покупку нового Виртуального Погружателя. Старый меня совсем замучил.

Джак пожал плечами:

— Меня это устраивает. Я могу платить за корм из своей доли. Но я не хочу больше спорить.

От удивления я откинулся на спинку кресла и взглянул на Лизу:

— Что ж, если Джак хочет платить за собаку, мы можем ее оставить.

Лиза не хотела верить своим ушам.

— Но мы же могли приготовить из нее еду!

Я посмотрел на лежащего в клетке пса:

— У нас будет свой собственный зоопарк. Мне это нравится.

Мушарраф и Панамериканский Фонд помогли нам сделать запас таблеток для собаки, а Джак заглянул в старинную базу данных и узнал, как срастить ей сломанные кости. Он даже купил фильтр для воды, чтобы собака могла пить.

Мне казалось, я сделал правильный выбор, поддержав Джака, но не мог подозревать, сколько хлопот доставит нам содержание в бункере неподвижного существа. Собака гадила по всему полу, иногда отказывалась есть, ее тошнило без всяких причин, а восстанавливалась так медленно, что в конце концов нам всем пришлось стать сиделками, пока она лежала в клетке. Я опасался, что в одну из ночей Лиза свернет ей шею, но, несмотря на все жалобы, Лиза не уничтожила пса.

Джак пытался подражать Мушаррафу. Он разговаривал с собакой. Он провел массу времени в библиотеке и перечитал все, что мог найти о собаках из прошлых времен. Как они бегали стаями. Как люди разводили животных.

Мы сообща пытались определить, какой она была породы, но не могли даже сузить круг поисков, а потом Джак выяснил, что собаки разных пород могли спариваться и приносить потомство. Все, что нам удалось выяснить, это принадлежность пса к породе крупных овчарок, но с головой ротвейлера. Происходили собаки от волков или койотов. Джак решил, что этот пес произошел от койота, поскольку считалось, что они легче приспосабливаются к новым условиям. Кем бы ни были предки нашего пса, у него должен быть большой запас приспособляемости, чтобы выжить среди отвалов пустой породы. У него не было усилителей, как у нас, и все же он выжил среди скал и кислотных отложений. Этот факт производил впечатление даже на Лизу.

Я проводил ковровое бомбометание над позициями Антарктических Отступников, загоняя отдельные группы противников на плавучие льды. Если повезет, я всю деревню

загоню на опасный участок и потоплю раньше, чем они поймут, что происходит. Я спустил свой аппарат еще ниже, на бреющем полете выбросил очередной заряд, а потом поднялся вверх, чтобы уклониться от ответного огня.

Это занятие было забавным, но оно всего лишь помогало убить время между настоящими боевыми рейдами. Новый ВП должен быть не хуже, чем аркады, с полным погружением и обратной связью, более компактным. Некоторые так погружаются в игру, что прибегают к внутривенному питанию, чтобы не истощить себя, пока они находятся в виртуальном мире.

Я приготовился потопить целую толпу Отступников, но тут раздался крик Джака:

— Идите сюда! Вы должны это видеть!

Я сорвал очки и бросился в комнату наблюдения, чувствуя мгновенный прилив адреналина. С порога я увидел ухмыляющегося Джака, стоявшего посреди комнаты, а рядом с ним — собаку.

В следующее мгновение ворвалась Лиза.

— Что? Что происходит?

Ее взгляд сразу метнулся к мониторам в поисках нового повода для резни.

— Посмотрите сюда, — все так же ухмыляясь, предложил Джак. Он повернулся к псу и протянул руку. — Давай.

Пес сел на хвост и с серьезным видом поднял переднюю лапу. Джак радостно улыбнулся и пожал лапу, а затем бросил псу питательную таблетку. После чего повернулся к нам и отвесил поклон.

Лиза сосредоточенно нахмурилась:

— Сделай еще раз.

Джак пожал плечами и повторил все представление.

— Он способен думать? — спросила Лиза.

— Кое-что понимает, — уклончиво ответил Джак. — Его можно научить определенным вещам. В библиотеках полным-полно инструкций. Собаки поддаются дрессировке. Не так, как кентавры и прочие, но их все же можно научить некоторым трюкам. А если собака подходящей породы, то она может работать.

— В качестве кого?

— Некоторых тренировали как охранников, другие разыскивали взрывчатку.

— Вроде ядерных зарядов и пластида? — с любопытством уточнила Лиза.

— Наверно, — пожал плечами Джак.

— А можно, я попробую? — спросил я.

— Подходи.

Я наклонился над псом и вытянул руку:

— Давай.

Он подал мне лапу. У меня даже волосы встали дыбом. Как будто посылаешь сигнал прищельцам с другой планеты. Конечно, мы уверены, что биоробы сделают то, что от них требуется. Кентавр способен производить взрывы. Искать вражеские силы. Вызывать подкрепление. Поисковик «Х-5» тоже на многое способен. Они все выполнят. Но они для этого и были созданы.

— Покорми его, — сказал Джак и протянул мне таблетку. — Собаку надо награждать, если задание выполнено правильно.

Я положил таблетку на ладонь, и длинный розовый язык прошелся по коже. Еще раз я протянул руку. «Давай». Пес снова поднял лапу, я пожал ее. Янтарно-желтые глаза серьезно смотрели прямо мне в лицо.

— Какая-то чертовщина, — бросила Лиза.

Я вздрогнул, кивнул и попятился. Пес проводил меня взглядом.

Позже вечером я лежал на своей койке и читал книгу. Все огни были погашены, только страницы книги испускали неяркое зеленоватое свечение. Да еще на стенах мерцали подаренные Лизой безделушки: бронзовая подвеска, изображающая взлетавшего из стилизованных языков пламени феникса, японская резная доска с изображением Фудзиямы и еще одна, где можно было разобрать целую деревню, занесенную снегом. Рядом висела фотография, на которой мы все трое, живые, радостно улыбались в объектив посреди ужасной бойни во время Сибирской кампании.

В комнату вошла Лиза. В зеленоватом свете книги блеснули лезвия на ее руках.

— Что ты читаешь?

Лиза разделась и скользнула в мою постель.

Я поднял книгу и стал читать вслух:

Порежь, и я не буду кровоточить.
Трави, я прекращу дышать.
Коли, стреляй, руби меня, круши,
Я поглотил науки.
Я Бог.
Один.

Я закрыл книгу, и зеленоватое сияние погасло. В темноте под простыней пошевелилась Лиза. Зрение приспособилось, и я увидел, что она смотрит на меня.

— Это из «Мертвеца»?

— Это из-за собаки, — сказал я.

— Мрачное чтиво.

Она прикоснулась к моему плечу теплой рукой, выросшие лезвия легонько царапнули кожу.

— Мы были такими же, как этот пес, — пояснил я.

— Грустно.

— Ужасно.

Некоторое время мы оба молчали.

— Ты никогда не задумывалась, что бы с нами стало без наших наук? — заговорил я. — Если бы не было наших больших мозгов и технобионтии, и систем питания...

— И всего того, что делает жизнь лучше? — Она рассмеялась. — Нет. — Лиза провела ладонью по моему животу. — Я люблю всех этих червячков, что живут в твоей утробе.

Она начала меня щекотать.

Червячки кишат в желудке,
Червячки питают Нелли.
Микрочерви пьют отраву
И взамен питают нас.

Я со смехом попытался оттолкнуть ее.

— Это не Йеарли.

— Третья ступень. Основы биологики. Миссис Альварес. Она была знатоком червотехно.

Она снова попыталась меня пощекотать, но я отвел ее руки.

— Конечно, Йеарли писал только о бессмертии. Он бы этого не принял.

— Бла-бла-бла. Он не признавал никакой генной модификации. Никаких клеточных ингибиторов. Он умирал от рака и отказался от лекарств, которые могли бы помочь. Наш последний смертный поэт. Подумаешь, какая потеря. Что тут такого?

— Ты никогда не думала, почему он так поступил?

— Думала. Потому что хотел стать знаменитым. Самоубийство очень сильно привлекает внимание.

— Нет, серьезно. Он считал, что быть человеком означает сосуществовать с животными. Он считал невозможным разрушать целостную ткань жизни. Я читал о нем. Это довольно странный тип. Он не хотел жить без них.

— Миссис Альварес его ненавидела. И даже сложила о нем какие-то стишки. В любом случае, что нам остается делать? Изобретать червотехно и ДНК-добавки для каждой неразумной твари? Знаешь, во что это обойдется? — Лиза теснее прижалась ко мне. — Если хочешь, чтобы вокруг тебя были животные, иди в зоопарк. Или создавай новые строительные сооружения, или делай то, что сделает тебя счастливым. Но, ради бога, что-нибудь с руками, а не то, что этот пес. — Она подняла взгляд к потолку спальни. — Я бы мигом приготовила этого пса на обед.

— Не знаю. — Я покачал головой. — Пес не похож на биороботов. Он смотрит на нас, и в его взгляде есть что-то, нам недоступное. Я хотел сказать, что любой биороб — это наша копия, только заключенная в другую форму. А эта собака...

Я умолк и задумался.

Лиза рассмеялась:

— Чен, вы с ним пожали друг другу руки. Но ты же не обращаешь внимания на кентавров, когда они отдают честь. — Она взобралась на меня. — Забудь о собаке. Сконцентрируйся на чем-нибудь, что действительно имеет значение.

Ее улыбка и ее лезвия блеснули в темной спальне.

Я проснулся оттого, что кто-то облизывал мое лицо. В первый момент я решил, что это Лиза, но она давно ушла

в свою комнату. Открыв глаза, я обнаружил рядом с собой пса.

Смешно было наблюдать, как он вылизывает мне лицо, словно хочет поговорить, или просто поприветствовать меня, или еще что-то. Вот он снова лизнул щеку, и я подумал, что с тех пор, как он пытался оторвать руку Джака, прошло много времени. Пес поставил передние лапы на край кровати, а затем одним стремительным движением запрыгнул в постель и свернулся калачиком прямо на мне.

Так он проспал всю ночь. Странно было ощущать рядом с собой кого-то кроме Лизы, но тело пса было теплым и очень приятным. Засыпая, я не смог удержаться от улыбки.

В отпуск мы отправились поплавать на Гавайи, и пса тоже взяли с собой. Вырваться из северных холодов в мягкий климат Тихоокеанского побережья было очень здорово. Приятно стоять на песчаном берегу и смотреть на безграничный горизонт. Приятно гулять по берегу, взявшись за руки, и слушать шорох черных волн, набегающих на песок.

Лиза прекрасно плавала. Она как доисторический угорь рассекала маслянистую пленку, и на обнаженном теле сверкали сотни крошечных нефтяных радуг.

Когда солнце стало клониться к закату, Джак поджег океан выстрелом из своего «сто первого». Мы уселись на берегу и смотрели, как красный шар солнца опускается в клубы черного дыма и его лучи с каждой минутой приобретают все более насыщенный багровый оттенок. Горящие волны лизали мокрый песок. Джак достал свою губную гармонику и стал играть, а мы с Лизой занялись любовью на песке.

В этот уик-энд мы решили ампутировать ей руки, чтобы она сама испытала то, что пришлось почувствовать мне в наш прошлый отпуск по ее прихоти. Это занятие недавно стало новым увлечением в Лос-Анджелесе, его называли экспериментом по уязвимости.

Она выглядела очень красивой на песке пляжа, такой гладкой и все еще взволнованной после игр в воде. Я отсек

руки Лизы, оставив ее беспомощной, словно ребенка, и стал слизывать блестящие нефтяные капельки с обнаженной кожи. Джак играл на своей гармонике, наблюдал за солнечным закатом и смотрел, как я занимаюсь Лизой.

После секса мы остались лежать на песке. Последний краешек солнца исчез в воде. Красные лучи еще скользили над дымящимися волнами. Насыщенное дымом небо стало еще темнее.

Лиза удовлетворенно вздохнула:

— Надо почаще приезжать сюда на выходные.

Я нащупал в песке обрывок колючей проволоки. Слегка потянув, я вытянул весь кусок и намотал его повыше локтя. Получился тугой браслет, впившийся колючками в кожу. Я показал его Лизе.

— Я всегда так делал, когда был ребенком. Думал, что выгляжу как настоящий гангстер.

— Ты такой и есть, — улыбнулась Лиза.

— Благодарю за признание.

Я взглянул на пса. Он лежал на песке неподалеку от нас. В новой обстановке, вдали от родных терриконов пустой породы и кислотных отстойников, он чувствовал себя тоскливо и неуверенно. Рядом с ним сидел Джак и продолжал играть. Он хорошо играл. Ветерок на пляже легко подхватывал грустный мотив и приносил его к нам.

Лиза повернула голову, чтобы посмотреть на собаку.

— Переверни меня.

Я выполнил ее просьбу. Отрезанные руки уже начали отрастать. Пока на плечах образовались небольшие культи, которые скоро превратятся в новые руки. К утру Лиза станет целой и очень голодной. Она окинула пса изучающим взглядом.

— Сейчас я к нему ближе, чем когда-либо, — сказала она.

— То есть?

— Он очень уязвим перед любыми воздействиями. Он не может плавать в океане. Не может есть что попало. Нам пришлось взять с собой еду для него. Приходится очищать воду для питья. Тупиковая ветвь эволюции. Если бы не наука, мы были бы такими же непрочными. — Она усмех-

нулась. — Я никогда не была так близка к смерти. Если не считать сражения.

— Здорово, правда?

— Только на один день. Когда я проделала это с тобой, мне понравилось гораздо больше. А сейчас я уже чувствую голод.

Я покормил ее пригоршней маслянистого песка и снова посмотрел на пса. Он неуверенно стоял на пляже и подозрительно обнюхивал обломок ржавого железа, торчащего из песка подобно гигантскому плавнику. Затем пес выкопал кусок красной пластмассы, обкатанной океаном, немного пожевал его и плюнул. Розовый язык стал усиленно облизывать морду. Неужели пес опять отравился?

— Это создание заставляет нас задумываться, — пробормотал я и скормил Лизе еще горсть песка. — Как ты думаешь, за кого примет нас человек, пришедший из прошлого? Признает ли он в нас людей?

Лиза окинула меня серьезным взглядом:

— Нет, он сочтет нас богами.

Джак поднялся и побрел на мелководье. Черная дымящаяся вода доходила ему до коленей. Движимый неведомым инстинктом, пес двинулся следом, осторожно ступая по насыщенному нефтью и мусором песку.

В последний день нашего отдыха пес запутался в клубке колючей проволоки. Он здорово пострадал: весь исцарапался, сломал лапу и чуть не удавился. Пытаясь освободиться, он почти отгрыз собственную лапу. К тому времени, когда мы его обнаружили, пес превратился в кровавое месиво из клочьев шерсти и зияющих открытых ран.

Лиза окинула взглядом животное.

— Господи, Джак, почему ты за ним не присмотрел?

— Я уходил плавать. Нельзя же постоянно следить за этим псом.

— На его восстановление теперь потребуется целая вечность, — сердито бросила Лиза.

— Надо разогреть поисковик, — предложил я. — Дома будет легче его лечить.

Мы с Лизой встали на колени и стали обрезать куски проволоки, чтобы освободить пса. Он скулил и слабо подергивал хвостом.

Джак молчал. Лиза шлепнула его по ноге.

— Давай, Джак, действуй. Если не поторопиться, он истечет кровью. Ты же знаешь, насколько он уязвим.

— Я думаю, нам лучше съесть его, — ответил Джак.

Лиза удивленно подняла голову.

— Ты так считаешь?

— Ну да, — сказал он, пожимая плечами.

Я отвел взгляд от куска проволоки, обвившейся вокруг туловища собаки.

— А я-то думал, он стал твоим питомцем. Как в зоопарке.

Джак покачал головой.

— Эти питательные таблетки ужасно дороги. Я и так тратил половину заработка на его еду и питье. А теперь еще и это несчастье. — Он махнул рукой на стреноженного пса. — Да еще надо постоянно за ним присматривать. Он того не стоит.

— Но он же твой друг. Вы пожимали руки...

Джак рассмеялся:

— Это ты мой друг. — Он задумчиво нахмурился, глядя на пса. — А это... это животное.

Хоть мы и не раз обсуждали, какой вкус мог бы быть у собаки, было очень странно слышать от Джака предложение его убить.

— Может, лучше отложить решение до утра? — предложил я. — Мы отвезем его в бункер, перевяжем, а потом, когда ты будешь не так расстроен, можешь решать, что делать дальше.

— Нет. — Джак достал гармонику, сыграл коротенькую гамму и отложил инструмент. — Если ты согласишься оплачивать его питание, я мог бы попытаться его вытащить. А так... — Он снова пожал плечами.

— Мне кажется, мы все же не можем его есть.

— Ты так думаешь? — повернулась ко мне Лиза. — Мы могли бы зажарить его прямо здесь, на пляже.

Я взглянул на изодранного, тяжело дышавшего, доверявшего нам пса:

— И все-таки нам не стоит этого делать.

Джак серьезно взглянул мне в лицо:

— Ты хочешь платить за его еду?

Я вздохнул:

— Я коплю деньги на новый Виртуальный Погружатель.

— Что ж, знаешь, я тоже хочу кое-что купить. — Джак напряг мускулы, демонстрируя свою татуировку. — Да и на что годится это несчастное создание?

— Он заставляет тебя улыбаться.

— ВП заставляет тебя улыбаться, Чен. Давай, признайся, тебе ведь тоже не хочется о нем заботиться. Это как заноза в заднице.

Мы переглянулись между собой, потом посмотрели на пса.

Лиза зажарила пса на вертеле, над костром, разведенным из обломков пластмассы и сгустков нефти, принесенных океаном. Вкус нам понравился, но никто так и не понял, что в этом такого особенного. Мне приходилось есть зарезанного кентавра, и он был гораздо вкуснее.

Потом мы отправились прогуляться по пляжу. Фосфоресцирующие волны с шумом обрушивались на песок и отходили, оставляя сверкающие в последних красных лучах заката лужицы.

Без собаки мы могли свободно наслаждаться пляжем. Не надо было беспокоиться, чтобы пес не попал в лужу кислоты, или запутался в колючей проволоке, торчащей из песка, или съел что-нибудь, отчего его бы потом полночи тошнило.

И все же я не могу забыть, как пес лизал меня в лицо, как запрыгивал в постель, не могу забыть его теплое дыхание. Иногда я скучаю по нему.

М. РИКЕРТ

Хлеб и бомбы

В 1999 году в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» был напечатан рассказ Мэри Рикерт «Девочка, которая ела бабочек» («The Girl Who ate Butterflies»), и с тех пор ее работы регулярно появляются на страницах этого издания. Произведения Рикерт также публиковались в журнале «SCI FICTION», антологии «Очень странное чувство» («Feeling Very Strange») и выдвигались на «Небьюлу». Сборник Рикерт «Карта снов» («Map of Dreams») был отмечен премией Уильяма Л. Кроуфорда.

Автор утверждает, что «Хлеб и бомбы» — это своеобразная реакция на сообщения в новостях о том, что в Афганистане были сброшены бомбы, упакованные в продовольственные контейнеры. Они взорвались, когда голодные дети попытались открыть «посылки». После событий 11 сентября многие писатели обращались к теме террористических актов, и Рикерт не стала исключением.

Странные дети из семейства Манменсвитцендер в школу не ходили, и мы узнали о том, что они въехали в старый дом на холме, только благодаря Бобби, который видел, как они заселились со всем своим необычным скарбом, состоявшим из кресел-качалок и коз. Мы и представить себе не могли, как можно жить в этом доме, где все окна выбиты и весь двор порос колючей ежевикой. Мы все ждали, когда же их дети — две девочки, у которых, по словам Бобби, волосы похожи на дым, а глаза — на черные маслины — появятся в школе. Но они так и не пришли.

Мы учились тогда в четвертом классе, были в том самом возрасте, когда кажется, что ты очнулся после долгого сна и оказался в мире, навязанном взрослыми, где есть улицы, через которые нельзя переходить, и есть слова, которые нельзя произносить, но мы и переходили, и произносили. Таинственные дети Манменсвитцендер просто стали очередным открытием того года, наряду со всеми изменениями в наших организмах, что очень даже волновали (а ино-

гда и тревожили) нас. Наши родители, все без исключения, воспитывали нас, уделяя большое внимание этой теме, так что Лиза Биттен научилась произносить слово «влагалище» еще до того, как узнала свой адрес, а Ральф Линстер принял своего младшего братика Пети, когда его мать начала рожать, — той ночью внезапно пошел снег, а отец так и не успел добраться до дома. Но настоящий смысл всей этой информации стал доходить до нас только в том году. Мы открывали для себя чудеса, что таились в окружающем мире и в наших собственных телах: необычно было вдруг осознать, что кто-то из твоих друзей симпатичный, а кто-то — неряха, или задавака, или толстушка, или у кого-то были грязные трусы, или кто-то смотрел на тебя, приблизив глаза, не мигая, и неожиданно ты чувствовала, что краснеешь.

Когда дикие яблони цвели ярким розовым цветом, окруженные жужжащими пчелами, а миссис Грэймур смотрела в окно и вздыхала, мы передавали по рядам записочки и строили дикие планы для школьного пикника, о том, как мы нападем на нее из засады со своими шариками с водой и как закидаем пирогами нашего директора. Конечно же, ничего такого не случилось. И только Трина Нидлз была разочарована, потому что в самом деле поверила, что все так и будет, но она все еще носила бантики в волосах, и по секрету от всех сосала большой палец, и вообще была всего лишь большим младенцем.

Освобожденные на лето от занятий, мы мчались по домам — кто бегом, кто на велосипедах, — крича от радости избавления, и затем принялись делать все что угодно, о чем только можно было мечтать, все то, что мы уже предвкушали делать, пока миссис Грэймур вздыхала, глядя на дикие яблони, которые уже утратили свою яркую розовость и опять выглядели обыкновенно. Мы играли в мяч, гоняли на велосипедах, носились на скейтах по дороге, рвали цветочки, дрались, мирились, и до ужина оставалась еще куча времени. Мы смотрели телевизор и не думали скучать, но потом свешивались вниз головой и смотрели на экран уже вверх тормашками, или переключали туда-сюда каналы, или находили повод, чтобы подраться с кем-нибудь в доме.

(Впрочем, я была дома одна и не могла позволить себе такого удовольствия.) И вот тогда мы услышали этот странный звук — стук копыт и звон колокольчиков. Мы отодвинули шторы на окнах и из душного сумрака телевизионных комнат выглянули наружу, где светило желтое солнце.

Две девочки Манменсвитцендер в ярких, цветастых, как у циркачей, одеждах с прозрачными шарфиками, переливающимися блестками, — один сиреневый, другой красный — ехали по улице в деревянной повозке, которую тянули две козочки, у каждой на шее висели колокольчики. Вот так и начались все неприятности. В информационных сообщениях об этом нет ни слова: ни о ярком цветении диких яблонь, ни о нашей наивности, ни о звоне колокольчиков. Вместо этого все только и твердят о печальных последствиях. Говорят, мы были дикими. Запущенными. Странными. Говорят, мы были опасными. Как если бы жизнь была окаменелой смолой, а мы сформировались и застыли в этой форме, но не превратились в те неуклюжие существа, что вызывали отвращение, а развились в тех, кто из нас получился в итоге, — учительница, балерина, сварщик, адвокат, несколько солдат, два врача и я, писательница.

В такие времена, как те, что наступили сразу же после трагедии, все только и говорят о том, что жизнь рухнула, будущее уничтожено, но только Трина Нидлз попалась на эту удочку и впоследствии покончила с собой. Все же остальные из нас сносили осуждение окружающих в разных проявлениях, но затем мы просто продолжили жить. Да, вы правы, с темным прошлым, но, как это ни странно, с ним можно было жить. Рука, что держит нынче ручку (или мел, или стетоскоп, или ружье, или гладит кожу возлюбленного), совсем не та, что зажигала спичку, и до такой степени не способна на подобное действие, что дело тут вовсе даже не в прощении или выздоровлении. Как странно оглянуться назад и поверить в то, что все это — я или мы. Неужели это ты была тогда? Тебе одиннадцать лет, и ты видишь, как пылинки, лениво кружа, опускаются в луче солнца, который отсвечивает на экран и мешает изображению, слышится позвякивание колокольчиков, блеяние козочек и доносится смех — такой чистый, что мы все выбегаем взглянуть на

этих девочек в цветастых одеждах с яркими шарфиками, сидящих в повозке, запряженной козами, которая останавливается — смолкает стук копыт и скрип деревянных колес, — когда мы обступаем повозку, чтобы разглядеть эти темные глаза и хорошенькие лица. Младшая из девочек, если, конечно, можно судить по росту, улыбается, а у второй — она младше нас, но ей по меньшей мере лет восемь или девять — по смуглым щекам катятся огромные слезы.

Мы стоим так недолго, уставившись, а потом Бобби говорит:

— Что это с ней?

Девочка помладше смотрит на свою сестру, которая, видно, старается улыбнуться сквозь слезы.

— Просто плачет все время без остановки.

Бобби кивает и украдкой смотрит на девочку, продолжающую плакать, тем не менее она ухитряется спросить:

— Откуда вы, ребята?

Он обводит взглядом всю группу с таким видом, будто хочет сказать: «Ты что, шутишь?» — но всем ясно, ему нравится плачущая девочка, чьи темные глаза и ресницы блестят от слез, которые сверкают на солнце.

— У нас летние каникулы.

Трина, все это время украдкой сосавшая большой палец, спрашивает:

— А можно мне прокатиться?

Девочки говорят, что конечно. Трина проталкивается через небольшую толпу и залезает в тележку. Младшая девочка улыбается ей. Другая девочка тоже силится улыбнуться, но вместо этого плачет еще громче. У Трины такой вид, будто она тоже вот-вот заплачет, но младшая из сестер говорит:

— Не волнуйся. Она всегда так.

Льющая слезы девочка встряхивает поводьями, звенят бубенчики с колокольчиками, и тележка, влекомая козочками, со скрипом катится вниз под горку. Слышно, как пронзительно визжит Трина, но мы знаем, что ей хорошо. Когда они возвращаются, мы по очереди катаемся, пока наши родители не зовут нас к ужину свистом, криками, хлопаньем ставен. Мы расходимся по домам ужинать, а две

девочки отправляются к себе домой, одна из них по-прежнему плача, а другая — напевая под аккомпанемент колокольчиков.

— Я видела, вы играли с беженками, — говорит моя мать. — Ты поосторожней с этими девчонками. Не хочу, чтобы ты ходила к ним в дом.

— А я и не ходила к ним в дом. Мы просто играли с козочками и повозкой.

— Тогда ладно, но держись от них подальше. И как они тебе?

— Одна из них много смеется. А другая все время плачет.

— Не ешь ничего, если они что предложат.

— Почему?

— Потому.

— Неужели нельзя просто объяснить почему?

— Я не обязана тебе ничего объяснять, юная леди, я — твоя мать.

Мы не видели девочек на следующий день, на другой день — тоже. На третий день Бобби, который начал носить расческу в заднем кармане и зачесывать волосы набок, сказал:

— Какого черта, давайте просто пойдем туда, и все.

Он пошел вверх по холму, но никто из нас за ним не последовал.

Когда он вернулся назад тем вечером, мы кинулись к нему узнать подробности о его визите, выкрикивая вопросы, словно журналисты.

— Ты ел что-нибудь? — спросила я. — Моя мать говорит, что у них ничего нельзя есть.

Он повернулся и посмотрел на меня с таким видом, что на мгновение я забыла о том, что он — мой ровесник, такой же ребенок, как и я, несмотря на новый способ причесывать волосы и уверенный пристальный взгляд его голубых глаз.

— Твоя мать склонна к предрассудкам, — сказал он.

Отвернулся от меня и, сунув руку в карман, достал что-то в кулаке, а когда разжал пальцы, мы увидели горсть конфеток в ярких фантиках. Трина протянула свои коротенькие, толстенькие пальчики к ладони Бобби и выхватила

оранжевую конфетку. Следуя ее примеру, налетел шквал рук, и через миг ладонь Бобби опустела.

Родители начали звать детей домой. Моя мать стояла в дверях, но мы были слишком далеко, и она не видела, что мы делаем. Конфетные фантики — голубые, зеленые, красные, желтые и оранжевые — разлетелись в воздухе, закружились над тротуаром.

Мы с матерью обычно ели раздельно. Когда я бывала у папы, мы ели с ним вместе, сидя перед телевизором, что она считала дикостью.

— Он пил? — обычно спрашивала она меня.

Мать была убеждена, что отец — алкоголик, и думала, что я не помню тех времен, когда ему приходилось пораньше приходить с работы, потому что я звонила ему и рассказывала, как она спит на диване, все еще в пижаме. Кофейный столик был весь завален пустыми банками и бутылками, отец выносил их на свалку с мрачным видом, почти ничего не говоря.

Моя мать стоит, прислонившись к рабочему кухонному столу, и смотрит на меня.

— Ты играла сегодня с теми девчонками?

— Нет. Хотя Бобби играл.

— Ну вот, теперь понятно — никому нет дела до этого мальчишки. Помню, как его папаша учился со мной в школе. Я тебе когда-нибудь рассказывала об этом?

— Угу.

— Он был очень привлекательный. Бобби тоже симпатичный мальчик, но ты все же держись от него подальше. Я считаю, ты слишком подолгу с ним играешь.

— Да я вообще с ним почти не играю. Он играет с теми девочками весь день.

— Он рассказал о них что-нибудь?

— Он сказал, что некоторые склонны к предрассудкам.

— Ах, он так и сказал, неужели? И где же он все-таки набрался таких мыслей, а? Это, должно быть, его дедуля. А теперь послушай меня, сейчас никто даже не разговаривает так больше, не считая кучки провокаторов, и тому есть причина. Люди погибают из-за этой семьи. Просто помни об этом. Много-много людей умерло из-за них.

— Из-за семьи Бобби или тех девочек?

— Ну, в общем, из-за обеих. Но особенно из-за семьи девочек. Он ведь не ел у них ничего, правда?

Я посмотрела в окно, сделав вид, что увидела что-то интересное на нашем заднем дворе, затем вздрогнула, будто внезапно пришла в себя, и перевела на нее взгляд.

— Что? А, нет.

Она уставилась на меня прищуренными глазами. Я притворилась, что мне все равно. Она постучала красными ногтями по рабочему столу.

— Слушай, что я говорю, — пронзительным голосом сказала она, — война еще продолжается.

Я закатила глаза.

— Ты ведь даже не помнишь ничего, так? Да и куда тебе, ты же маленькая была тогда, даже еще не ходила. Так вот, были такие времена, когда наша страна не знала, что такое война. Представь себе, люди раньше постоянно летали на самолетах.

Я не донесла вилку до рта.

— Но ведь это так глупо.

— Тебе не понять. Все так делали. Это был способ путешествовать из одного места в другое. Твои дедушка с бабушкой часто летали, и мы с твоим отцом — тоже.

— Вы летали на самолете?

— Даже ты. — Она улыбнулась. — Вот видишь, ты так многого не знаешь, подружка. Мир прежде был безопасным, и потом, в один день, перестал быть таким. А те люди, — она показала в окно кухни прямо в сторону дома Рихтеров, но я знала, что она не их имеет в виду, — начали все это.

— Но они — всего лишь два ребенка.

— Ну конечно, не совсем они, но я говорю о той стране, откуда они родом. Вот почему я хочу, чтобы ты была осторожной. Кто их знает, чем они тут занимаются. Так что пусть малыш Бобби и его дедуля-радикал и говорят, что все мы склонны к предубеждениям, но кто сейчас вообще рассуждает на эту тему? — Она подошла к обеденному столу, выдвинула стул и села напротив меня. — Хочу, чтобы ты поняла — невозможно распознать зло. Поэтому просто держись от них в стороне. Обещай мне.

Зло. Трудно понять. Я кивнула.

— Ну вот и хорошо. — Она отодвинула назад стул, встала, сгребла с подоконника пачку сигарет. — Проследи, чтобы не оставалось крошек. Наступает сезон муравьев.

Из окна кухни было видно, как мать сидит на столике в беседке, серая струйка дыма поднималась от нее по спирали. Я очистила свои тарелки, загрузила посудомоечную машину, протерла стол и вышла на крыльцо, чтобы посидеть на ступеньках и поразмышлять о мире, который я совсем не знала. Дом на вершине холма сиял в ярких лучах солнца. Выбитые окна были закрыты каким-то пластиком, который поглощал свет.

Той ночью над Дубовой Рощей пролетел самолет. Я проснулась и сразу же надела на голову каску. Мать визжала в своей комнате, слишком напуганная, чтобы что-то предпринять. У меня руки не тряслись так, как у нее, и я не визжала, лежа в своей кровати. Я просто надела каску и слушала, как он пролетел. Не мы. Не наш городок. Не сегодня. Я так и заснула в каске и, проснувшись утром, обнаружила, что следы от нее отпечатались на моих щеках.

Теперь, когда приближается лето, я считаю недели, когда цветут яблони и сирень, когда тюльпаны и нарциссы стоят распустившись, прежде чем поникнуть в летнюю жару, — как же это похоже на время нашей наивности, на наше пробуждение в этот мир со всей его раскаленной яростью, прежде чем мы, поддавшись унынию, превратились в нас нынешних.

— Видела бы ты мир в те времена, — говорит мне отец, когда я навещаю его в доме для престарелых.

Мы так часто слышали эти слова, что они перестали что-либо означать. Все эти пирожные, деньги, бесконечный перечень всего и вся.

— Раньше у нас дома могло быть до шести разных каш одновременно, — он поучительно поднимает палец, — уже с сахаром, можешь себе представить? Они иногда даже портились. Мы их выбрасывали. А еще самолеты. Раньше их полно было в небе. Честное слово. Люди путешествовали на них, целыми семьями. И ничего страшного, если кто-ни-

будь переезжал в другое место. Черт побери, можно было просто сесть на самолет и навестить его.

Когда он так говорит, когда любой из них говорит так, кажется, что они сами недоумевают и не могут понять, как же все произошло. Он качает головой, он вздыхает.

— Мы были так счастливы.

Каждый раз, когда я слышу о тех временах, я вспоминаю весенние цветы, детский смех, звон колокольчиков и цокот копыт. Дым.

Бобби сидит на тележке, держа поводья, по одной хорошенькой смуглой девочке с обеих сторон. Они все утро ездят туда-сюда по дороге, смеются и плачут, их прозрачные шарфики развеваются за ними, как разноцветные радуги.

Флаги вяло свисают с флагштоков и балконов. Бабочки порхают в садах, перелетая с места на место. Близнецы Уайтхол играют на заднем дворе, и скрип их несмазаных качелей разносится по всей округе. Миссис Ренкуот взяла выходной, чтобы отвести несколько детей на прогулку в парк. Меня не пригласили, возможно, потому, что я терпеть не могу Бекки Ренкуот и говорила ей об этом не один раз в течение всего учебного года, при этом дергала ее за волосы — они струились белым золотом, таким ярким, что меня так и подмывало их дернуть. У Ральфа Паттерсона — день рождения, и большинство малышей празднуют его вместе с ним и его папой в парке развлечений «Пещера Снеговика», где они могут делать все, что делали раньше дети, когда снег был не опасен, — например, кататься на санках и лепить снеговиков. Лина Бридсор и Кэрол Минстрит пошли в торговый центр со своей приходящей няней — ее приятель работает в кинотеатре и может провести их тайком в зал, чтобы они смотрели кино весь день напролет. Городок пуст, если не считать маленьких близнецов Уайтхол, Трины Нидлз, которая сосет свой большой палец и читает книжку, сидя на качелях на веранде, и Бобби, который катается по улице с девочками Манменсвитцендер и их козами. Я сижу на ступеньках крыльца, ковыряю подсохшие болячки на коленках, но Бобби разговаривает толь-

ко с ними, причем таким тихим голосом, что мне ничего не слышно. В конце концов я встаю и преграждаю им путь. Козы и тележка резко останавливаются, колокольчики продолжают звенеть, и Бобби говорит:

— В чем дело, Вейерс?

У него такие синие глаза — я только недавно это обнаружила,— невозможно смотреть в них дольше тридцати секунд, они будто обжигают меня. Вместо этого я смотрю на девочек — они обе смеются, даже та, что плачет.

— Что с тобой? — говорю я.

Ее темные глаза расширяются, молочные белки вокруг зрачка округляются. Она смотрит на Бобби. Блестки ее шарфика переливаются на солнце.

— Господи ты боже мой, Вейерс, о чем это ты?

— Я просто хочу знать,— говорю я, все еще глядя на нее,— почему она плачет все время, может, это болезнь какая-то или что?

— О, ради бога.— Головы козочек отодвигаются назад, и колокольчики звякают. Бобби тянет на себя поводья. Козы пятятся, громко переступая копытами, колеса дребезжат, но я по-прежнему стою у них на пути.— А с тобой что?

— Но это ведь очень даже разумный вопрос! — кричу я на его тень от яркого света.— Я просто хочу знать, что с ней.

— Не твое дело! — кричит он в ответ, одновременно девочка — та, что поменьше,— что-то говорит.

— Что? — обращаюсь я к ней.

— Это все из-за войны и всех страданий.

Бобби удерживает коз ровно. Вторая девочка хватает его за руку. Она улыбается мне, но продолжает обливаться слезами.

— Ну и что? С ней что-то случилось?

— Просто она такая. Всегда плачет.

— Это же глупо.

— О, ради бога, Вейерс!

— Нельзя же плакать все время, так же невозможно жить.

Бобби, правя козами и тележкой, пытается меня объехать. Младшая девочка оборачивается и смотрит не отры-

ваясь и уже на расстоянии машет мне рукой, но я отворачиваюсь, не помахав в ответ.

Большой дом, что стоял на холме, раньше — до того, как стал заброшенным, а потом в нем поселились Манменсвитцендеры, — принадлежал Рихтерам.

— Конечно, они были богатыми, — говорит мой отец, когда я рассказываю ему, что собираю материалы для книги. — Но, ты знаешь, мы все тогда жили богато. Видела бы ты пирожные! И каталоги. Мы обычно получали эти каталоги по почте, и по ним можно было все купить — тебе все присылали по почте, даже пирожные. Нам приходил один каталог, как-то он назывался... «Генри и Денни»? Что-то вроде того. Имена двух парней. Во всяком случае, еще во времена нашей юности так покупались только фрукты, но потом, когда вся страна разбогатела, ты мог заказать бисквит с масляным кремом, или там были еще такие горы пакетов, которые тебе обычно высылали, полные конфет, орехов, печенья, шоколада, и, боже ты мой, все это прямо по почте.

— Ты рассказывал о Рихтерах.

— С ними случилось нечто ужасное — со всей их семьей.

— Это был снег, да?

— Твой брат Джейми, мы его тогда потеряли.

— Об этом говорить не обязательно.

— Все переменилось после этого, знаешь ли. Тогда у твоей матери и началось. Большинство семей потеряли по одному, у некоторых обошлось, но Рихтеры, знаешь ли... У них ведь дом был на холме, и когда пошел снег, они все отправились кататься на санках. Мир еще был другим.

— Не представляю.

— Мы тоже не представляли себе. Никто не мог такого даже предположить. И поверь мне, мы ведь ломали головы. Все гадали, чего ждать от них в следующий раз. Но чтобы снег? Ну разве это не злодейство?

— Сколько их было?

— О, тысячи. Тысячи.

— Да нет же, Рихтеров сколько было?

— Все шестеро. Сначала дети, потом родители.

— А что, взрослые обычно не заражались?

— Ну, не многие из нас играли в снегу так, как они.

— Должно быть, вам чутье подсказывало, вроде того.

— Что? Нет. Просто тогда мы были так заняты. Очень заняты. Жаль, что я не помню. Не могу вспомнить. Чем мы были так заняты. — Он потирает глаза и смотрит пристально в окно. — Вы не виноваты. Хочу, чтобы ты знала — я все понимаю.

— Пап.

— Я имею в виду вас, ребятишек. Ведь этот мир, что мы передали вам, был наполнен таким злом, что вы даже просто не понимали разницы.

— Мы понимали, пап.

— Вы до сих пор не понимаете. О чем ты думаешь, когда вспоминаешь о снеге?

— Я думаю о смерти.

— Ну, вот видишь. До того как это случилось, снег означал радость. Мир и радость.

— Не представляю.

— Что и требовалось доказать.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Она накладывает макароны, ставит тарелку передо мной и встает, прислоняясь к рабочему столу, чтобы посмотреть, как я ем.

Я пожимаю плечами.

Она трогает холодной ладонью мой лоб. Отступает на шаг и хмурится:

— Ты что, брала у этих девчонок какую-нибудь еду?

Я качаю головой. Она собирается что-то добавить, но я говорю:

— Другие ребята брали.

— Кто? Когда? — Она наклоняется ко мне так близко, что я отчетливо вижу неровно положенную косметику на ее лице.

— Бобби. Некоторые другие ребята. Они ели конфеты.

Она опускает руку и сильно ударяет ладонью по столу. Тарелка с макаронами подскакивает, столовое серебро тоже. Проливается молоко.

— Разве я тебе не говорила? — громко кричит она.

— Бобби играет с ними все время.

Она прищурившись смотрит на меня, качает головой, затем щелкает челюстью с мрачной решимостью.

— Когда? Когда они ели эти конфеты?

— Не знаю. Уже давно. Ничего не случилось. Они сказали, что им понравилось.

Она открывает и закрывает рот, словно рыба. Поворачивается на каблуках и выходит из кухни, прихватив с собой телефон. Хлопает дверью. Я вижу из окна, как она ходит по заднему двору, отчаянно жестикулируя.

Моя мать организовала городское собрание, и все пришли нарядные, как будто в церковь. Единственные, кто не пришел туда, были Манменсвитцендеры, по понятной причине. Многие привели своих детей, даже грудничков, они сосали пальчики или уголки одеял. Я была там, как и Бобби со своим дедушкой, который пожевывал мундштук незажженной трубки, то и дело наклоняясь к внуку во время разбирательств, что разгорелись очень быстро, хотя никто почти не ругался. Просто страсти накалились из-за общего возбуждения, особенно горячилась моя мать в своем платье с розами, с ярко-красной помадой на губах, так что до меня вдруг даже некоторым образом дошло, что она в каком-то смысле красива, хотя я была слишком маленькой, чтобы понять, почему же ее красота не совсем приятна.

— Нам нужно помнить, что все мы — солдаты на этой войне, — сказала она под дружные аплодисменты.

Мистер Смитс предложил что-то вроде домашнего ареста, но моя мать указала на то, что тогда кому-то из города придется носить им продукты.

— Всем известно, что наши люди и так голодают. Кто же будет платить за весь их хлеб? — вопросила она. — Почему мы должны за него платить?

Миссис Матерс проговорила что-то о справедливости.

Мистер Халленсуэй сказал:

— Невинных больше нет.

Моя мать, стоящая перед всеми, слегка наклонилась к членам правления за столом и сказала:

— Тогда решено.

Миссис Фолей, которая только что приехала в город из недавно разрушенного Честервиля, поднялась со своего места — плечи ее сутулились и глаза нервно бегали, так что некоторые из нас по секрету прозвали ее Женщиной-Птицей — и дрожащим голосом, так тихо, что всем пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать, спросила:

— Разве кто-нибудь из детей заболел на самом деле?

Взрослые посмотрели друг на друга и на детей друг друга. Я видела, что моя мать была разочарована тем, что никто не обнаружил никаких симптомов болезни. В обсуждении всплыли конфеты в цветных фантиках, и тогда Бобби, не вставая с места и не поднимая руку, громко сказал:

— Так вот из-за чего весь сыр-бор? Вы это имеете в виду? — Он слегка откинулся на стуле, чтобы сунуть руку в карман, и вытащил горсть конфет.

Поднялся всеобщий ропот. Моя мать ухватилась за край стола. Дедушка Бобби, улыбаясь с трубкой во рту, выхватил одну конфету с ладони Бобби, развернул ее и отправил в рот.

Мистеру Галвину Райту пришлось ударить молотком, чтобы призвать к тишине. Моя мать выпрямилась и сказала:

— Чудесно, так рисковать собственной жизнью, чтобы что-то доказать.

— Что ж, ты права насчет того, что я хочу доказать, Мэйлин, — сказал он, глядя прямо в лицо моей матери и качая головой, будто они вели частный разговор, — но эти конфеты я держу дома повсюду, чтобы избавиться от привычки курить. Я заказал их по «Солдатскому каталогу». Они совершенно безопасны.

— А я и не говорил, что конфеты от них, — сказал Бобби и посмотрел сначала на мою мать, а потом огляделся вокруг, пока не уставился на мое лицо, но я притворилась, что не заметила.

Когда мы уходили, мать взяла меня за руку, ее красные ногти впились в мое запястье.

— Молчи, — сказала она, — и пикнуть не смей.

Она отправила меня к себе в комнату, и я уснула в одежде, все пытаясь придумать, какими словами мне извиниться.

На следующее утро, заслышав звон колокольчиков, я хватаю буханку хлеба и жду на крыльце, пока они снова поедут наверх по холму. Тогда я встаю у них на пути.

— А теперь чего тебе надо? — спрашивает Бобби.

Я протягиваю буханку, словно это крошечный младенец, которого поднимают в церкви перед ликом Бога. Девочка, льющая слезы, заплакала еще громче, ее сестра вцепилась в руку Бобби.

— Что это ты надумала? — закричал он.

— Это подарок.

— Что еще за глупый подарок? Убери его сейчас же! Ради всего святого, пожалуйста, опусти его!

Руки мои падают, обвиснув по бокам, буханка болтается в сумке, которую я держу в руке. Обе девочки рыдают.

— Я всего лишь хотела быть доброй,— говорю я, и голос мой дрожит, как у Женщины-Птицы.

— Бог ты мой, разве ты ничего не знаешь? Они боятся нашей еды, неужели ты даже этого не знаешь?

— Почему?

— Из-за бомб, ну и дурочка же ты. Хотя бы чуточку соображала.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Козы гремят своими колокольчиками, тележка перекатывается на месте.

— О бомбах! Ты что, учебников по истории не читала? В начале войны мы отправляли им посылки с продуктами такого же цвета, что и бомбы,— они взрывались, когда кто-нибудь прикасался к ним.

— Мы так делали?

— Ну, наши родители делали. — Он качает головой и тянет поводья. Тележка с грохотом проезжает мимо, обе девочки жмутся к Бобби, будто от меня исходит опасность.

— Ах, как же мы были счастливы! — говорит отец, погружаясь в воспоминания.— Мы были просто как дети, понимаешь, такими наивными, просто не имели представления.

— О чем, пап?

— Что у нас было достаточно.

— Чего достаточно?

— Да всего. У нас всего было достаточно. Это что, самолет? — Он смотрит на меня выцветшими голубоватыми глазами.

— Вот, давай я помогу тебе надеть каску.

Он шлепает по ней, ушибая свои слабые руки.

— Перестань, папа. Прекрати!

Он нащупывает скрюченными артритом пальцами ремешок, пытается расстегнуть, но понимает, что бессилен. Прячет лицо в покрытых пятнами ладонях и рыдает. Самолет с гулом пролетает мимо.

Теперь, когда я вспоминаю, какими мы были тем летом, до трагедии, до меня начинает доходить скрытый смысл того, о чем мой отец пытался рассказать все это время. Вовсе не о пирожных и почтовых каталогах, и не о том, как они прежде путешествовали по воздуху. Пусть он и описывает всякую ерунду, он совсем не это имеет в виду. Когда-то у людей было другое ощущение. Они чувствовали и жили в мире, которого уже нет, — этот мир так основательно уничтожен, что мы унаследовали лишь его отсутствие.

— Иногда, — говорю я своему мужу, — у меня возникает сомнение — я по-настоящему счастлива, когда счастлива?

— Ну конечно, по-настоящему счастлива, — говорит он. — А как же иначе?

Мы тогда наступали, как сейчас помнится. Манменсвитцендеры со своими слезами, боязнью хлеба, в своих странных одеждах и со своими грязными козами были, как и мы, детьми, и городское собрание не шло у нас из головы, как и то, что задумали сделать взрослые. Мы лазали по деревьям, бегали за мячами, приходили домой, когда нас звали, чистили зубы, как нас учили, допивали молоко, но мы утратили то чувство, что было у нас прежде. Это правда — мы не понимали, что у нас отняли, но зато мы знали, что нам дали взамен и кому мы обязаны этим.

Мы не стали созывать собрание, как они. Наше произошло само собой в тот жаркий день, когда мы сидели в игрушечном домике Трины Нидлз и обмахивались руками, жалуясь на погоду, как взрослые. Речь зашла о домашнем арес-

те, но нам показалось, что такое невозможно исполнить. Обсудили разные шалости, как, например, забрасывание шариками с водой и всякое другое. Кто-то вспомнил, как поджигали бумажные пакеты с собачьими какашками. Думаю, именно тогда обсуждение приняло такой оборот.

Вы спросите, кто запер дверь? Кто натаскал палок для костра? Кто зажег спички? Мы все. И если мне суждено найти утешение спустя двадцать пять лет после того, как я полностью уничтожила способность чувствовать, что мое счастье, или кого угодно, по-настоящему существует, я найду его в этом. Это сделали все мы.

Может, больше не будет городских собраний. Может, этот план, как и те, что мы строили раньше, не осуществится. Но городское собрание созвано. Взрослые собираются, чтобы обсудить, как не допустить того, чтобы нами правило зло, и также возможность расширения Главной Улицы. Никто не замечает, как мы, дети, тайком выбираемся наружу. Нам пришлось оставить там грудничков, сосавших пальчики или уголки одеял, они не входили в наш план освобождения. Мы были детьми. Не продумали все хорошенько до конца.

Когда прибыла полиция, мы вовсе не «носились, словно изображали дикарские танцы» и не бились в припадке, как сообщалось впоследствии. Я до сих пор вижу перед собой, как Бобби с влажными волосами, прилипшими ко лбу, горящими щеками, танцует под белыми хлопьями, падающими с неба, которому мы никогда не доверяли; как кружится Трина, широко раскинув руки, и как девочки Манменсвитцендер со своими козами и тележкой, груженной креслами-качалками, уезжают от нас прочь, и колокольчики звенят, как в той старой песне. Мир опять стал безопасным и прекрасным. За исключением здания муниципалитета, от которого поднимались огромные белые хлопья, похожие на привидения, и пламя пожара пожирало небо, словно голодное чудовище, не способное насытиться.

ДЖОНАТАН ЛЕТЕМ

Чужие в городе

Джонатан Летем — автор бестселлеров «Бастион одиночества» («The Fortress of Solitude»), «Сиротский Бруклин» («Motherless Brooklyn») и нескольких других, не так давно была выпущена новая книга «Ты меня еще не любишь» («You Don't Love Me Yet»). Дебютный роман писателя «Пистолет с музыкой» («Gun, with Occasional Music») завоевал премии Уильяма Л. Кроуфорда и журнала «Locus», а также вошел в число финалистов «Небьюлы». Летем опубликовал свыше шестидесяти рассказов во множестве изданий, от « The New Yorker» и « McSweeney's» до «F&SF» и «Asimov's». Его первый сборник «Стена небес, стена ока» («The Wall of the Sky, the Wall of the Eye») был удостоен Всемирной премии фэнтези. В 2005 году писатель получил стипендию «за гениальность» от Фонда Макартура за вклад в литературу.

Рассказ «Чужие в городе» принадлежит к числу произведений, в которых Летем выражает протест против технологий виртуальной реальности. В интервью «Science Fiction Studies» он заявил: «Я не собирался писать целый цикл рассказов, демонстрирующих мое сопротивление данным технологиям. Но годы мощного утопического бума, вызванного развитием компьютеров и созданием виртуальных реальностей, застали меня в Сан-Франциско, и мне захотелось както выразить скепсис относительно казавшихся наивными амбиций. Вот так и родились эти „истории протеста"».

Кроме того, на сюжет «Чужих в городе» повлиял интерес Летема к «танцевальным марафонам» тридцатых годов прошлого века.

Людей мы увидали возле торгово-развлекательного центра, когда я осматривался, нет ли поблизости доходяг. Мы с Глорией собирались их обчистить, конечно, если их попадется не шибко много. Торгово-развлекательный центр лежал милях в пяти от города, куда мы держали путь, так что никто бы не узнал. Но, когда мы подошли поближе, Глория засекла фургоны с людьми и сказала, что это скэйперы. Раньше я этого словечка не слышал и сам не догадался, что оно означает. Но она объяснила.

Было лето. Дня два назад мы с Глорией отвалили от одной гопы... Нас там кормили, но под псалмы и прочую религиозную муть. Осточертело до смерти. С тех пор у нас крошки во рту не было.

— Ну, так что будем делать? — спросил я.

— Я с ними поболтаю, — сказала Глория. — А ты не встревай.

— Думаешь, до города подкинут?

— Не только подкинут, но и... — Она не договорила и загадочно ухмыльнулась. — Будем толковать — молчок, сечешь?

Я бросил обрезок водопроводной трубы, и мы с Глорией пересекли автомобильную стоянку. Жратвы в этом торговом центре было днем с огнем не сыскать, причем уже давно, но скэйперы пожаловали не за жратвой. Они вытаскивали из магазина складные стулья и привязывали к крышам фургонов. Я насчитал четырех мужиков и одну женщину.

— Здрасьте вам, — сказала Глория.

Двое работали на погрузке, на нас они даже не глянули. Женщина дымила сигаретой в переднем фургоне, ее мы тоже не заинтересовали. А остальные скэйперы повернулись к нам. Это были Кромер и Боюсь, но тогда я еще не знал их имен.

— Кыш, — сказал высокий косоглазый парняга с золотой фиксой. Выглядел он малость потрепанным, но зуб намекал, что Кромер никому не уступал в драке и не спал в ночлежке. — Нам недосуг.

Он, конечно, был прав. Если ты не в городе, то ты нигде. А что проку толковать с людьми, которых встречаешь нигде?

А второй скэйпер смотрел на Глорию и улыбался. У него была узкая физиономия с маленькими усиками.

— Ты кто? — спросил он, не глядя на меня.

— Я, ребята, знаю, чем вы промышляете. Сама разок участвовала.

— Да ну? — знай себе лыбился усатый.

— Вам люди понадобятся, — сказала она.

— Шустрая, — сказал усатый золотозубому. И заявил Глории: — Я Боюсь.

— Чего? — удивилась Глория.

— Просто Боюсь.

— А-а... Ну а я просто Глория.

— Чудненько, — отозвался Боюсь. — Это Томми Кромер. Мы с ним тут главные. А как зовут твоего юного дружка?

— Сам сказать могу, — проворчал я. — Льюис.

— Вы оттуда? — указал Боюсь вперед по шоссе. — Из этого славного городка?

— Не-а, — ответила Глория. — Мы туда.

— Да? И как же вы туда пролезть собираетесь? — полюбопытствовал Боюсь.

— Да как-нибудь, — произнесла Глория с таким видом, будто все этим объяснила. — Можно и с вами...

— Ишь ты, — ухмыльнулся Боюсь. — Сразу, значит, быка за рога...

— Или сами придем и скажем, что вы в последнем городе народ обжулили и нас послали предупредить, — сказала Глория.

— Шустрая, — повторил, ухмыляясь, Боюсь, а Кромер покачал головой.

Я не заметил на их рожах особого беспокойства.

— Да бросьте вы ломаться, ребята, — уговаривала Глория. — Я же для вас настоящий подарок. Я сама — аттракцион.

— А что? — сказал Боюсь. — Хуже не будет.

Кромер пожал плечами и буркнул:

— Тоща слишком для аттракциона.

— Конечно тоща, — согласилась Глория. — А потому нам с Льюисом срочно надо похавать.

Боюсь на нее пялился, а Кромер отошел к фургону и остальным скэйперам.

— Впрочем, если с хавкой у вас напряг...

— Все, милашка, завязывай с шантажом.

— Нам пожрать надо...

— Приедем — поедим, — пообещал Боюсь. — И Льюиса накормим, если захочет участвовать.

— Конечно, — закивала она. — Он захочет. Правда, Льюис?

Я знаю, когда надо говорить «правда».

Понятное дело, на окраине машины встречала городская милиция. Но, похоже, скэйперов тут ждали; потолковав ми-

нуту-другую с Боюсем, городские заглянули в фургоны и помахали руками — мол, проезжайте. Мы с Глорией катили во втором фургоне вместе с целой горой аппаратуры и парнем по имени Эд, а за баранкой сидел Кромер. Боюсь вел передний фургон, с ним в кабине ехала женщина. Четвертый парняга вел последнюю машину.

Я еще ни разу не въезжал в город на тачке, но ведь я всего-то два раза бывал в городах. В первый раз сам тайком пробрался, а во второй нас с Глорией провел ее чувак из милиции.

Вообще-то те города были не шибко велики. Может, этот покрупнее окажется?

Мы оставили позади несколько кварталов, а затем какой-то мужик на улице дал Боюсю знак остановиться. Боюсь тормознул, мужик подошел к его кабине, они потолковали, а затем мужик вернулся к своей тачке и махнул нам, чтобы ехали дальше. Мы двинули за ним вслед.

— Это еще что за хмырь? — спросила Глория.

— Джильмартин, пробивала, — сказал Кромер. — Я думал, ты все знаешь.

Глория промолчала. Я спросил, кто такой «пробивала».

— Добывает нам крышу, жратву и все такое, — объяснил Кромер. — С властями договаривается. Ну и народ зазывает.

Близилась ночь. Жрать хотелось до умопомрачения, но я помалкивал. Тачка пробивалы Джильмартина тормознула возле большого дома, похожего на сарай для лодок, хотя поблизости я не заметил никакой воды. Кромер сказал, что раньше тут был кегельбан.

Эд со вторым парнем взялись выгружать барахло, Кромер велел, чтобы я им подсобил. В доме было пусто и пыльно, многие лампы не горели. Кромер сказал, чтобы мы перенесли туда вещи, потом сгонял куда-то на фургоне и привез целую гору раскладушек — их взял напрокат пробивала Джильмартин. Так что я сразу смекнул, на чем буду дрыхнуть этой ночью. Еще мы перетащили в дом уйму всякой всячины для какого-то «марафона»: компьютерные кабели, пластмассовые скафандры, телевизоры... Боюсь пома-

нил Глорию, и они сходили за хавкой — жареным цыпленком и картофельным салатом. Когда все поели, я не удержался и сходил за добавкой, и никто меня не попрекал.

Потом я улегся на раскладушку и заснул. Дрыхнуть мне тоже не мешали. Глория на раскладушку не ложилась — она, наверное, провела ночь с Боюсем.

Пробивала Джильмартин не даром ел свой хлеб. Чуть свет к нам повалили горожане. Когда я протирал зенки, Боюсь толковал с ними на улице.

— Регистрация начнется в полдень и ни минутой раньше, — говорил он. — Соблюдать очередь, без нужды никуда не отлучаться. Мы позаботимся насчет кофе. Предупреждаю, мы возьмем только годных по состоянию здоровья. Все пройдут медосмотр, а нашего врача еще никто не обдуривал. Ну что, кореша, всем все ясно? Тут у нас дарвиновская логика: будущее — для сильных и наглых. Кротким и слабым достанется только нынешний день.

В доме Эд и второй парень настраивали аппаратуру. Посреди зала на полу были расстелены десятка три скафандров из пластмассы с проводами, а на них и между ними валялась такая уйма кабелей, что все вместе напоминало паутину с высосанными мухами. К каждому скафандру прилагалась металлическая хреновина — что-то вроде велосипедной рамы с седлом, без колес, зато с подголовником. Возле паутины Эд с напарником расставляли по дуге телевизоры с номерами на корпусах, такие же номера были и на скафандрах. Напротив экранов ставили стулья.

Вернулась Глория и молча протянула мне пончики и кофе.

— Это только начало, — сказала она, увидев мои большие глаза. — Будем хавать трижды в день, пока все не кончится. Вернее, пока мы не кончимся.

Мы сидели снаружи, жевали пончики и слушали, как треплется Боюсь. Народ все подваливал. Многие становились в очередь, как он и велел. Трудно их за это судить — Боюсь был мастер уговаривать. Остальные нервничали,

а то и вовсе уходили, но мне думалось, что они еще вернутся — если не участвовать, то смотреть. Когда началась регистрация, Боюсь подошел к нам с Глорией и потребовал, чтобы мы тоже встали в очередь.

— Нам-то зачем? — вскинулась Глория.

— Раз говорю, значит, надо.

В очереди мы познакомились с Лэйн, ей было двадцать лет, как и Глории. Хотя, по-моему, она малость приврала. Ей, наверное, было лет шестнадцать, как мне.

— Тебе уже случалось этим заниматься? — спросила Глория.

— Не-а. — Лэйн помотала головой. — А тебе?

— Конечно, — сказала Глория. — А из города выбиралась когда-нибудь?

— Раза два, — ответила Лэйн. — Когда маленькая была. Я бы и сейчас не прочь.

— Почему?

— Да так... Порвала со своим хахалем.

Глория оттопырила нижнюю губу и сказала:

— Боишься уйти из города, вот и решила заняться этим.

Лэйн пожала плечами. Мне она нравилась, а Глории — нет.

Врачом оказался не кто иной, как пробивала Джильмартин. Сдается мне, он только прикидывался доктором. Но он послушал мое сердце. До него никто не слушал мое сердце; сказать по правде, это было приятно.

Впрочем, регистрация была туфтой. Игрой на публику. Скэйперы задали каждому уйму вопросов, но отбраковали только двух баб и одного мужика. «Слишком старые», — объяснила мне Глория. Всех остальных признали годными, хотя некоторые, вроде нас с Глорией, прямо-таки шатались с голодухи. Городишко нам попался не из сытых. Позже я смекнул, что Боюсь с Кромером потому и выбрали его, а деньги для них — не главное.

После регистрации нам велели сгинуть до вечера. А к восьми быть как штык — начнется марафон.

Мы прогулялись по бывшей деловой части города. Но почти все магазины оказались на запоре, работал только

торгово-развлекательный центр, и туда не пускали без карточки жителя города. Понятное дело, мы с Глорией таких карточек не имели, у нас вообще за душой ни хрена, кроме свободного времени, — Глория часто это повторяла. А потому мы просто гробили время.

К восьми воротились к кегельбану. Там кипела жизнь, с крыш фургонов светили прожектора, над входом висел транспарант, а Боюсь распинался в микрофон. Я спросил Глорию, что все это значит, она коротко ответила: «Виртуальный марафон». Эд предлагал народу пиво из холодильника, и некоторые покупали, хотя он, конечно, добыл его здесь же, в городе, и теперь сбывал вдвое дороже. Вечер был душный. Скэйперы продавали билеты, но в зал пока никого не пускали.

Нам с Глорией Боюсь велел войти.

Там уже собрались почти все участники состязания. Среди них я заметил и Энн — женщину из фургона. Она помалкивала и вообще ничем особым не выделялась. Была там и Лэйн, мы помахали друг дружке. Каждому участнику Джильмартин помогал залезть в пластмассовый скафандр. Для этого сначала приходилось раздеться догола, но никто на тебя не пялился и не ржал. Как будто ты, пройдя регистрацию у скэйперов, стал невидим для других участников.

— А можно нам с тобой рядом держаться? — спросил я Глорию.

— Конечно, только это не важно. Внутри ты меня не увидишь. А я — тебя.

— Внутри чего? — спросил я.

— Виртуальных реальностей, — ответила она. — Скоро и сам все поймешь.

Глория помогла мне напялить скафандр. Он был из жесткой холодной пластмассы, весь в проводах и с подбивкой в коленях, запястьях, локтях, под мышками и в паху. Я примерил шлем, он оказался жутко тяжел и неудобен, и вдобавок никто кругом шлем пока не надевал, так что я поспешил снять свой и решил не трогать, пока не прикажут.

Потом Джильмартин вызвался пособить Глории, но она сказала, что сама управится. И вот мы стоим, опутанные проводами, посреди освещенного кегельбана; входит Боюсь

со своим оглушительным микрофоном, за ним валит публика, и представление начинается!

— Тридцать две юные души готовы покинуть этот мир и уплыть в светлые дали будущего,— шпарил как по писаному Боюсь. — Но далеко ли им позволят уплыть их тела — вот вопрос. Перед ними — новые миры, рог изобилия с иными реальностями — невообразимыми, подчас кошмарными, но обязательно щедрыми на впечатления. Эти счастливые дети окунутся в безбрежное море информации; их притупленные голодом чувства будут потрясены. Мы им предоставим великолепную коллекцию всевозможных моделей окружающей среды — пусть открывают, пусть изучают, пусть удивляются. И вы будете открывать, изучать и удивляться вместе с ними, для того и стоят перед вами мониторы. Но кто из участников нашего марафона сумеет пройти весь путь до финишной черты? Кто дольше всех продержится на гребне стремительной волны? Кто окажется победителем, кто унесет домой огромный приз — тысячу долларов? Вот что мы с вами хотим узнать, не правда ли, почтеннейшая публика?

Джильмартин с Эдом нахлобучили всем марафонцам на головы шлемы и защелкали тумблерами — подключали нас к аппаратуре. Потом нам велели рассесться по рамам. Было довольно удобно — сидишь себе, башка на подголовнике, на пузе пристяжной ремень. Можно двигать руками и ногами, будто плывешь, — так учил Боюсь. Правда, теперь мне не хотелось надевать шлем — толпа зевак действовала на нервы. И хоть я не всех видел (лампы светили в глаза), но знал, что они — вокруг. Смотрят. Ждут.

Шлем закрывал глаза и уши, на подбородок давила пластмассовая лента с проводами. Сначала было темно и тихо, только в наушниках все еще квакал Боюсь:

— Условия просты. Через каждые три часа участники соревнования получают тридцать минут на отдых. Мы обеспечим детей хорошей кормежкой, насчет этого просим зрителей не беспокоиться. Наш врач будет следить за их самочувствием. Может быть, вы наслушались всяких ужасов о виртуальных марафонах, но у нас — заведение высокого класса, и тут вы никаких ужасов не увидите. Дети у нас получают прекрасный уход, а за это они платят посто-

янным и сознательным пребыванием в потоке информации. В этом отношении мы непреклонны. Уснуть — значит умереть. В перерывах дрыхните на здоровье, а наше время тратить на сон запрещено. Кто хоть раз клюнет носом, вылетит из игры. Вот такие правила.

В наушниках раздался ровный гул. Жалко, нельзя было дотянуться до руки Глории — она сидела слишком далеко.

— В перцептуальном киберпространстве участники состязания не получат помощи от зрителей или друг от друга. Некоторые найдут ключи от дверей в тысячи миров, другие застрянут в преддверии грядущего. Тренироваться в перерывах строжайше запрещено, нарушителей дисквалифицируем без предупреждения!

Голос Боюся снова оборвался, и начался марафон.

Я очутился в коридоре. Стены сплошь из выдвижных ящиков, как будто я между двумя конторскими шкафами, уходящими в бесконечность. На ящиках — надписи, но я их не разглядывал. Сначала я даже шевельнуться не мог, только башкой кое-как вертел. Потом научился ходить, но так никуда и не пришел. Казалось, я шагаю по громадному кругу — поднимаюсь по стене, пересекаю потолок, снова топаю по стенке, и вот я на прежнем месте.

Делать было нечего, я выдвинул первый попавшийся ящик. Он только с виду был маленьким — под карандаши или еще какую-нибудь канцелярщину, а стоило потянуть на себя, ящик оказался самой настоящей дверью.

— Добро пожаловать в «Службу страсти», — поприветствовал голос.

За мной затворилась дверь.

— Нашими услугами могут пользоваться только совершеннолетние граждане. Если вы еще не достигли восемнадцати лет, во избежание судебного преследования убедительно просим выйти...

Я не вышел. Не знал, как это сделать. Там было красочно. И тесно, хоть я и не видел стен и потолка. Просто чувствовал, что тесно.

— Это главное меню. Будьте любезны протянуть руку и выбрать один из следующих вариантов: «женщина ищет

мужчину», «мужчина ищет женщину», «женщина ищет женщину», «мужчина ищет мужчину» или «прочее»...

Каждый вариант был столбиком из слов прямо в воздухе. Я поднял руку и дотронулся до ближайшего.

— Цифра «один» позволит вам заново воспроизвести запись, цифра «два» — записать собственную информацию. Цифра «три» даст возможность перейти к следующему варианту или вернуться в главное меню.

Тут ко мне в красочное пространство вошла женщина — одетая, с помадой на губах.

— Приветик, меня зовут Кэйт, — сказала она, и мне почудилось, будто она глядит на что-то за моей спиной прямо сквозь голову. Кэйт затараторила, то и дело поправляя прическу: — Я живу в Сан-Франциско, работаю в деловом районе менеджером по кадрам, но мое истинное призвание — искусство, особенно люблю рисовать и писать...

— Как ты попала в Сан-Франциско? — спросил я.

— ...только купить новые горные ботинки, и в эти выходные, наверное, я поднимусь на Маунт-Там, — говорила она, не слушая меня.

— Никогда не встречал людей из Сан-Франциско, — сказал я.

— ...Ищу мужчину, который не боится женщин с интеллектом, — продолжала она. — Ведь это так важно — чтобы ему нравилось то, чем вы занимаетесь, где живете... Еще он должен быть достаточно волевым, чтобы я могла проявить свою легкоранимую натуру... Ему необходимо быть хорошим слушателем...

Я «коснулся» тройки. Цифры я различать умел.

Появилась другая женщина — в точности как первая, только не старше Глории. И лицом подобрее.

— Я себя снова и снова спрашиваю: какого черта ты связалась со «Службой страсти»? — сказала она, тяжело вздохнув. — В Сан-Франциско я недавно, и мне нравится театр, но я вообще-то люблю прямоту. Родилась и выросла в Чикаго, то есть я по характеру человек не Западного, а Восточного побережья. Я бойка на язык и цинична. Наверное, я немножко цинична из-за рекламных спецэффектов. То небеса раскалываются, то молния сверкает... Неужели без этого никак...

Я от нее избавился, благо, что теперь умел.

— ...У меня свой сад и фирма по озеленению...

— ...Кто-нибудь забавный, не зануда...

— ...Я нежная, я чувственная...

Я уже начинал удивляться: откуда эти телки взялись? Из древности, что ли? И совсем не нравились чувства, которые я, слушая их треп, испытывал, — смущение пополам со злостью. Вряд ли я сумел бы кого-нибудь из них осчастливить. Даже пытаться бы не стал, наверное, — уж очень многого они требовали.

Обратно в коридор я выбрался довольно не скоро. И впредь, залезая куда-нибудь, старался получше запомнить дорогу.

Второй мой ящик был как раз напротив первого. Ни единой души, только земля и воздух. Я мог летать на самолете почти над всем миром. Передо мной была консоль с приборами и переключателями, но я в них ни бельмеса не смыслил. Сначала я шпарил над горами и вскоре здорово врезался, потом пришлось ждать, когда голос дочитает нудную лекцию, и я полетел снова — на сей раз над пустыней и без особых аварий. Я скоро понял, что надо говорить «нет» всякий раз, когда голос предлагает «заход на цель», «маневр уклонения» или что-нибудь вроде этого. Мне просто хотелось полетать. Сверху пустыня выглядела неплохо, хоть я чего-чего, а пустынь на своем веку навидался.

Кабы не малая нужда, я б, наверное, так и летал до скончания века. К тому же скоро в кабину самолета ворвался голос Боюся. Перерыв.

— ...Первое знакомство с чудесами будущего, но они еще свежи и полны сил, — говорил Боюсь сидящим на стульях людям. Публика наполовину разошлась. — И наш мир уже кажется тусклым. И по мере того, как любознательные умы привыкают к роскошным впечатлениям, начинают восставать тела. Вот в чем кроется ирония...

Глория мне показала, как отстегнуть провода, так что я, не снимая скафандра, смог выбраться из «паутины». Шлем я оставил на раме. К туалету выстроилась очередь, потом мы перешли в угол зала, где стояли раскладушки, но спать

никто не лег. В следующий раз многие задрыхнут, подумал я, а пока не хотелось. Я был слишком возбужден, остальные тоже. Боюсь все чесал языком, как будто перерыв был только частью представления.

— Чудеса будущего, блин, — проворчала Глория. — Куча кибернетического мусора.

— А я на самолете летал, — сказал я.

— Заткнись, — велела Глория. — Нам об этом толковать не положено. Если тебе там что-нибудь понравится, запомни дорогу. После найдешь.

Я пока ничего особо хорошего не нашел, но не шибко волновался на этот счет.

— Ну и хорошо, что не нашел, — сказала она. — Пожуй.

Скэйперы разносили сандвичи, я взял один себе, один Глории. Но у нее не было охоты разговаривать.

Хотя марафон только начался, липовый доктор Джильмартин корчил из себя делового — ходил по кегельбану и каждого расспрашивал про самочувствие. Я смекнул, к чему вся эта трогательная забота о нас: публике дают понять, что виртуальный марафон — штука не совсем безопасная.

Эд расхаживал с мешком, раздавал яблоки. Я взял одно, подошел к Лэйн, сел на ее раскладушку. В скафандре она смотрелась шикарно.

— Мой хахаль тут, — сказала она.

— Что, помирились?

— Я хотела сказать, бывший. Я притворяюсь, будто его не заметила.

— Где он?

— Вон, как раз перед моим монитором. — Она легонько качнула в его сторону головой.

Я промолчал. Честно говоря, я ей даже позавидовал маленько. Ведь не так уж и плохо, когда кто-нибудь из зрителей смотрит только на тебя, верно?

Сначала я попал в библиотеку. Любая книга, которую я брал со стеллажа, оборачивалась игрой с картами и рисунками, но скоро я смекнул, что это все мура для деловых. Про то, как делать деньги. Мне стало скучно.

Потом я очутился в подземелье, и там волшебник вырастил меня из жука. Мы были в его мастерской, куда ни глянь — пыльные горшки и паутина. Его лицо напоминало оплывшую свечу, и он, как Боюсь, любил потрепаться. Кругом сновали летучие мыши.

— Ты обязан довершить начатый Кройдом поиск, — заявил он и стал тыкать в меня волшебной палочкой.

Я увидел свои руки и ноги — куда девался скафандр? И откуда эти здоровенные бугры мускулов?

Волшебник дотронулся до меня, и я обзавелся мечом и щитом.

— Это твои спутники Рубись и Крепись, — сообщил он. — Они будут покорны тебе; они защитят тебя. Не вздумай предать их; не вздумай обменять на другие. Избегни ошибки Кройда!

— Ладно, — обещал я.

Волшебник отправил меня в подземелье, и там Рубись и Крепись заговорили человеческими голосами. Растолковали мне, что делать. Везет же мне на болтунов, подумал я.

По дороге нам попался червелев — так его назвали Рубись и Крепись. У него на башке было полно червяков с крошечными человеческими рожицами. Рубись и Крепись приказали его убить, это оказалось делом несложным. Голова лопнула, черви рассыпались и убежали в щели пола, как вода.

Потом мы встретили телку в сексовом прикиде, тоже при щите и мече. Только ее оружие было густо усажено драгоценными камнями и смотрелось поприличнее, чем Рубись и Крепись.

На моем месте любой дурак понял бы: вот она, ошибка Кройда. Только я прикинул, что вместо Кройда тут сейчас я и мне, может, тоже хочется сделать эту ошибку.

Мы с телкой обменялись оружием, и Рубись с Креписем, конечно, заверещали. Потом мы стали драться, она меня прикончила, и я снова оказался в дверях мастерской волшебника, куда я недавно прибежал в облике жука. На этот раз я повернулся и пошел к выдвижным ящикам. Вот тогда-то я и встретил снеговика.

Я тупо озирался в ящике. Поначалу ничего не видел — темно, хоть глаз коли. Потом разглядел в углу маленький

столбик мигающих цифр. Я потыкал в них пальцем, но толку добился лишь от единицы.

Света не прибавилось, зато возникло пять изображений снеговика. Он состоял из трех белых шаров, больше похожих на пластмассу, чем на снег. Глазами были обыкновенные кружочки, рот не двигался, даже когда мы разговаривали. Веточки служили ему руками, они гнулись, как резиновые. На двух картинках он был маленький и далекий, на третьей — близкий и большой, а четвертая показывала его снизу, будто он стоит на холме. На пятой картинке он смотрел в окно, правда, окна видно не было. Только голова и часть туловища в прямоугольнике.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Льюис.

— А я мистер Апчхи.

Когда снеговик говорил, его голова дергалась на всех пяти картинках, а глаза-колечки то расширялись, то сужались.

— А что это за местечко?

— Это не местечко, — сказал мистер Апчхи. — Просто мусорный файл.

— А почему ты живешь в мусорном файле?

— Из-за консультантов по авторскому праву. — Что бы ни говорил мистер Апчхи, это звучало радостно. — Я их напугал.

— Ты? Напугал? Это чем же?

— Я готовился к рождественской передаче по сетевому телевидению, но в последнюю минуту в юридическом отделе кто-то решил, что я слишком похож на снеговика из видеоигры «Брось грязью». Менять мой облик было поздно, так что меня просто вырезали и швырнули в мусорный файл.

— А куда-нибудь перекантоваться ты не можешь?

— У меня со свободой передвижения туговато. — Он подпрыгнул и перекувырнулся пять раз кряду. — Вот и все.

— Так ты что, даже не смотрел ту передачу?

— Да, но надеюсь, все прошло хорошо. Ребята так старались...

Я не стал ему говорить, что это, наверное, было давным-давно.

— Льюис, а что ты здесь делаешь?

— В виртуальном марафоне участвую.

— В чем?

Я рассказал ему про Глорию, Боюся и Кромера. И про состязание. Наверное, мистеру Анчхи было приятно узнать, что его показывают по телевизору.

Людей перед мониторами осталось немного. Боюсь рассказывал о том, что будет завтра утром, когда они вернутся. Кромер и Эд всех нас прогнали к раскладушкам. Лэйн уже спала, а ее хахаль слез со своего стула и ушел.

Я лег на свободную раскладушку рядом с Глорией.

— Устал, блин.

— Ну, так покемарь чуток, — сказала она и положила руку мне на плечо.

За стенкой Боюсь говорил про секс-марафон, я спросил у Глории, что это такое.

— Это завтрашний вечер, — сказала она. — Сейчас об этом лучше не думать.

Глории спать не хотелось. Она просто лежала и озиралась.

Я попал в демонстрационный зал Умного Дома. Не сразу понял, что этот дом умеет говорить. Долго таращился по сторонам, человека искал.

— Вам звонят, — сказал Дом.

И правда звонил телефон. Я поднял трубку, и в комнате сразу погасли люстры и зажглась настольная лампа рядом с телефоном. Умолкла музыка.

— Как вам нравится такая чуткость?

— Годится.

Я повесил трубку. Включился телевизор. Он показывал рисунок с едой.

— Видите? — спросил Дом.

— Ты про хавку?

— Это содержимое вашего холодильника, — сказал Дом. — Продукты с синей каймой на упаковке придут в негодность через двадцать четыре часа. Продукты с черной каймой на упаковке уже пришли в негодность. Хотите, я их выброшу?

— Конечно, — сказал я.

— А сейчас поглядите в окно.

Я подчинился. За окнами были горы.

— Вообразите, как вы ежеутренне пробуждаетесь в Альпах...

— Я...

— И когда вы готовы ехать на работу, в гараже уже ждет машина с прогретым двигателем!

Горы в окнах сменились изображением гаража с машиной.

— И автоответчик обязательно заметит отсутствие машины в гараже и скажет, что вас нет дома...

Интересно, подумал я, а что, если мне спуститься и сесть в тачку? Можно тут куда-нибудь поехать? Наверное, нет. Ни шиша тут нет, кроме этого дома. И мне его хотят сбагрить.

— А когда возьмете в руки книгу, телевизор предупредит, если по ней поставлен фильм...

По «ящику» пошло кино, на окнах сдвинулись занавески, около телефона погасла лампа.

— Я читать не умею.

— В таком случае это еще более важно, не правда ли?

— А как насчет спальни? — Меня вдруг потянуло в сон.

— Всегда к вашим услугам!

Отворилась дверь, я вошел. В спальне тоже работал телик. А вот кровать никуда не годилась. Обивка была вспорота, торчали электронные потроха.

— Э, а койка-то?..

Я смекнул, что койку, должно быть, изгадил Боюсь или Кромер. На хрена им нужно, чтобы тут устраивались с комфортом, дрыхли и вылетали из марафона? Еще не время.

— Извините, — сказал Умный Дом. — Если не возражаете, я покажу кабинет и...

В очередном перерыве я улегся на раскладушку Глории и свернулся калачиком, а она свернулась вокруг меня. Было раннее утро, перед «ящиками» не торчало ни одного зеваки, и я не слышал Боюся. Он, наверное, тоже пошел придавить ухо.

Вскоре нас растормошил Кромер:

— Какая умильная сценка! Я гляжу, он всегда к тебе спать приходит. Как к мамочке.

— Отцепись ты от него, — попросила Глория. — Пускай спит, где захочет.

— Что-то я в толк никак не возьму, — сказал Кромер, — он тебе младший брат или хахаль?

— Ни то ни другое, — буркнула Глория. — А тебе какое дело?

— Да так, — ухмыльнулся Кромер. — Есть тут для него работенка.

— Что за работенка?

Они толковали так, будто меня рядом не было.

— Нам нужен мальчонка-хакер. Ненадолго, для отдельного номера. Льюис годится.

— Да он первый раз в виртуалке, — сказала Глория. — Какой из него хакер?

— Уж какой есть. Где сейчас возьмешь настоящего? Ничего, справится.

— Справлюсь, — подтвердил я.

— Ладно, — уступила Глория, — только за это вы его освободите от секс-марафона.

Кромер улыбнулся:

— Защищаешь? Напрасно. В секс-марафоне, детка, все играют. Это хлеб с маслом. Да и публика нам не позволит нарушить правила. — Он показал на скэйнерские снасти. — Ну что, не пора ли?

Конечно, Кромер думал, будто я не в курсе насчет Глории и Боюся. Подмывало сказать ему, что я вовсе не такой сопливый лох, как он думает, но я побоялся, что это не понравится Глории.

Я решил потолковать с мистером Апчхи. Дорогу к нему я с первого раза запомнил.

— Что такое секс-марафон? — спросил я.

— Не знаю, Льюис.

— У меня еще ни с кем секса не было.

— У меня тоже, — сказал мистер Апчхи.

— Вечно все думают, будто у нас с Глорией... ну, это. Потому что вместе ходим. А мы просто друзья.

— Это чудесно, — сказал мистер Апчхи. — Хорошо, когда есть друзья.

— Я хочу дружить с Лэйн, — признался я.

В следующем перерыве, пока Глория спала, Джильмартин с Кромером мне объяснили, что и как делать. Они специально для меня пометят выдвижной ящик, и там, куда я войду, будет много цифр и букв, но я должен только нажимать везде «1—2—3». Это будет архив службы безопасности, сказали они. Но только понарошку. Народ, на меня глядя, подумает, будто я ломаю коды. «Потом еще кое-что может случиться, — предупредили они, — но мы тебе пока ничего не скажем, ты зря не дергайся, язык держи за зубами и положись на Боюся».

Короче, я смекнул, что во время сеанса с меня снимут шлем, но не знал, стоит ли говорить об этом Глории.

Боюсь уже проснулся и теперь встречал публику — она помаленьку собиралась. Мне, конечно, было невдомек, за каким хреном городские спозаранку тащатся в кегельбан, неужели так интересно на нас пялиться? А Боюсь вовсю пудрил им мозги, говорил про «суровую решимость выжить», про «дух пионеров Дикого Запада, который некогда сделал великой страну под названием Америка», про «юные тела», что «корчатся в муках совокупления с будущим». По мне, так все это — бред собачий, но народ охотно развесил уши.

Ушла одна горожанка. Из нас, участников. Но не Лэйн.

Я попал в приятный, тихий мир. На Марс. Очень похоже на тот полет над пустыней, только еще лучше. Потому что не было аварий и голоса, который советовал «зайти на цель».

Я подошел к выдвижному ящику, о котором говорили Джильмартин и Кромер, и услышал голос Боюся: «Пора». Кладовка информации смахивала на библиотеку для деловых. Только тут вместо книг стояли папки с мигающими огоньками и длинными словами. Ко мне привязался незнакомый голос, все допытывался насчет какого-то «кода доступа», но всякий раз попадалось местечко, где я мог набрать

«1–2–3». Там было много стенок, но все точно из перьев сделанные, стоит только руку протянуть, рассыпаются.

Я нашел кипу исписанных листов. Некоторые слова были замазаны черным, попадались и ярко-красные, светящиеся. Завыла сирена, и тут я почувствовал, как чьи-то руки вытаскивают меня наружу, срывают шлем.

Оказалось, меня схватили двое парней, которых я видел впервые в жизни. А их схватили Эд и Кромер. Они орали и тузили друг дружку, но не в полную силу. Лажа, сразу понял я. «Феды! — кричал Боюсь. — Феды!» Перед моим монитором давилась целая толпа зевак. Их, наверное, сначала привлекли бумажки, которые я нашел, но теперь им было не до бумажек. Они смотрели сценку.

Боюсь выхватил игрушечный пистолет, Кромер тоже. Они теснили незнакомых парней. Неужели зеваки не видят, что им гонят лажу? Еще как видят, понял я, но все равно балдеют. Вон как завелись. Вспомнили, должно быть, времечко, когда на свете жили настоящие феды.

Я слез с рамы и огляделся. Стало быть, я вне игры. Ну и плевать. Пускай что хотят, то со мной и делают. Зато теперь я вижу, как это выглядит со стороны, когда участники марафона в скафандрах и шлемах «плавают в море информации». Этого никто из них не представляет, даже Глория. Оказывается, все это время Глория была совсем рядом со мной. Я посмотрел на Лэйн. В виртуальном мире ей было неплохо. Мне показалось, будто она танцует.

А Боюсь и Кромер тем временем выгоняли «федов» из секретной кладовки. Зеваки вытягивали шеи, чтобы получше видеть. Боюсь вышел в зал и схватил микрофон.

— Почтеннейшая публика, мальчик не виноват! Просто сработали рефлексы талантливого хакера, привычка выкрадывать гниль из банков зашифрованных данных. Федам ни к чему, чтобы мы под них копали, но малыш не смог удержаться от соблазна.

Эд и Кромер усадили меня на раму и стали опутывать проводами.

— Все в порядке, мы их прогнали. — Боюсь похлопал по игрушечному пистолету. — Нам ведь тоже палец в рот не клади. Однако неизвестно, кому в следующий раз захо-

чется сунуть нос, куда не просят, поэтому ради его и нашей безопасности придется, наверное, стереть этот файл. Что же касается правил нашего марафона, то они позволяют мальчику с прекрасным нюхом на данные вытягивать из киберпространства все, что угодно. За такой естественный поступок мы не можем его дисквалифицировать, правильно я говорю? Почтеннейшая публика, давайте будем к нему снисходительны!

Почтеннейшая публика захлопала в ладоши и бросила несколько монет. Боюсь подобрал их, отдал мне и велел надеть шлем, а тем временем Глория, Лэйн и остальные знай себе брели по виртуальным мирам.

Теперь я видел, чем торгуют Кромер и Боюсь. Хватало у них всякого-разного, и правдоподобного на вид, и откровенной туфты, и вообще черт-те чего... А зрители хавали за милую душу, они, наверное, и сами не знали, чего хотят... Забыть, что ли, ненадолго свою говенную жизнь? Полюбоваться на лохов вроде них самих, только еще покруче?

— А между тем наш марафон продолжается, — говорил Боюсь. — Долго ли еще выдержат ребята? Кто из них получит приз?

В перерыве я обо всем рассказал Глории, но она лишь плечами пожала и велела обязательно получить у Кромера бабки. Боюсь разговаривал с Энн, женщиной из фургона, и Глория смотрела на них так, будто хотела прикончить обоих.

Один парняга лежал на койке и трепался сам с собой, видать, начисто забыл, что вокруг люди. Подошли Джильмартин с Кромером, нагнулись, послушали и велели ему убираться. Но его это, похоже, не шибко огорчило.

Я снова отправился к Лэйн, но на этот раз мы не разговаривали, а просто посидели, держась за руки, на ее койке. Не знаю, что она при этом думала, а мне было хорошо.

После перерыва я навестил мистера Ачхи. Он рассказал про Рождество. Я-то думал, Рождество — это когда тебе дарят всякую всячину. Оказывается, не совсем так. Иногда ты сам должен делать подарки другим.

Поздно ночью публику попросили освободить кегельбан. Секс-марафон, сказали скэйперы, — отдельное представле-

нис, кто желает посмотреть, должен снова заплатить за вход. Весь день Боюсь настраивал зевак, повторял, что секс-марафон — только для взрослых, он отделит мужчин от сопливых мальчишек и все такое. Тех, кто на нем покажет себя размазней, снимем с соревнований, добавил он. Так что к тому времени, когда он объявил правила, мы здорово разволновались.

— Что за виртуальный марафон без компьютерного секса? Наши путешественники должны показать, чего они стоят в царстве чувств, ибо будущее — это не только холодные, равнодушные пласты информации. Будущее полно желаний и соблазнов, и, как всегда, в нем выживают самые приспособленные. Сейчас мы бросим наших солдат в сексуальную битву, и вот вопрос: что их ждет, малая смерть или большая?

Глория не стала ничего объяснять, только буркнула:

— Он не про настоящую смерть.

— И вновь наши условия предельно просты и понятны даже младенцу. В сексуально-виртуальной среде участникам соревнования дозволено выбирать себе партнеров из большого числа вариантов. Мы до отказа насытили программу опциями, уж поверьте, в ней найдется фантазия на любой вкус. Выбор — сугубо личное дело каждого участника, но вот тут-то и кроется подвох: не любой результат этого выбора устроит нас. Скафандры нам покажут, у кого был сексуальный оргазм на этом этапе соревнований, а у кого не было, и тот, кто не испытает оргазма, сразу получит расчет. Да, почтеннейшая публика, скафандр — надежный свидетель, он не солжет. Блаженство или смерть!

— Ну что, просек наконец? — спросила Глория.

— Да вроде, — ответил я.

— И, как обычно, я обязан предупредить зрителей: строжайше запрещено вмешиваться в состязание, — говорил Боюсь. — Следите по телевизору за фантазиями участников, смотрите, как юные тела корчатся, превозмогая усталость, вместе с ними отдавайтесь виртуальной страсти. Но не прикасайтесь!

Кромер ходил между нами, проверял скафандры.

— Ну, малыш, кто будет твоей фантазией? — спросил он меня. — Снеговик?

Я густо покраснел. Мне ведь и в голову не приходило, что они видят нас с мистером Апчхи по «ящику».

— Кромер, — сказала Глория, — пошел в жопу.

— Как прикажешь, милая, — рассмеялся он. — На то и сексуальный марафон.

Ну так вот. Я нашел дорогу в их секс-мир, и скажу, не особо тушуясь: я там встретил девчонку, похожую на Лэйн. Правда, эта девчонка уж очень старалась быть сексовой, а так — вылитая Лэйн. Мне не пришлось особо тужиться, чтобы свести разговор к «этому делу», — у нее ничего другого не было на уме. Она просила рассказать, что мне хочется с нею сделать, и когда я тоже ни о чем другом думать не мог, она предложила поразвлечься. Ну а я, понятно, согласился. А когда согласился, она стала двигаться и вздыхать, как будто трепаться об этом деле было просто в кайф... Хотя трепалась-то в основном она.

Она хотела меня пощупать, но почему-то не смогла. Тогда сняла шмотки, приблизилась ко мне и стала трогать сама себя. Я тоже пытался ее щупать, но ничего особенного не почувствовал — как будто руки отморозило. Зато она при этом так себя вела, будто ей это жутко нравилось.

Я и себя маленько потрогал, стараясь не думать про зевак и про то, что творится в скафандре. Она очень громко дышала мне в ухо, но я все равно добился, чего хотел. Это оказалось не слишком трудным.

После этого можно было возвращаться в коридор с выдвижными ящиками, но Кромер, гад, здорово смутил меня насчет мистера Апчхи. Хотелось поговорить со снеговиком, но вместо этого я отправился на Марс.

В перерыве зевакам не сиделось на стульях. Они здорово завелись, глядя на нас, — видать, получили за свои денежки полное удовольствие. Я залез на койку Глории и спросил, пришлось ли ей тоже работать руками.

— Это еще зачем? — проворчала она.

— А как же иначе?

— Да я просто притворилась, — сказала она. — Ну, сам подумай, как они могут отличить? Им хочется только смотреть, как ты корячишься.

Видно, несколько городских девчонок корячились слабовато — Кромер и Эд велели им выметаться. Две разревелись.

— А мне вот... пришлось, — сказал я Глории.

— Да это ведь то же самое, — сказала она. — Плюнь, было б из-за чего расстраиваться! Не ты один, наверное, так делал.

Лэйн осталась с нами, но она тоже плакала.

Кромер привел старого пня из зрителей и сказал мне:

— Снеговичок, ну-ка брысь на свою койку.

— Он останется, — процедила сквозь зубы Глория.

— Тут с тобой познакомиться хотят, — сообщил Кромер. — Мистер Уоррен, это Глория.

Старикашка потряс головой.

— Я восхищен вами, — сказал он. — Вы чудо.

— Мистер Уоррен интересуется, согласишься ли ты с ним вышить.

— Спасибо, но мне надо поспать, — отказалась Глория.

— Возможно, как-нибудь потом, — сказал мистер Уоррен.

Кромер проводил его, вернулся и упрекнул:

— Глупо упускать халявные деньги.

— Мне они не нужны, понял, ты, сводник говенный? Я возьму приз.

— Ах, Глория, Глория, — укоризненно покачал головой Кромер. — Нельзя же так. У нас может сложиться невыгодное впечатление.

— Слушай, отлипни, а?

Я огляделся и не увидел среди нас Энн. Тоже небось считала, что глупо упускать халявные деньги. Не такой уж я тупой, иногда смекаю, что к чему.

Секс-марафон заставил меня здорово поволноваться, зато я напрочь забыл про усталость. А теперь, когда все кончилось, стал клевать носом в виртуальных мирах.

Побывав в нескольких новых местах, я решил проведать снеговика. Было раннее утро, я прикинул, что Кромер, наверное, дрыхнет без задних ног, а зеваки еще не пришли таращиться в мой монитор. Мы поговорили с мистером Анчхи о том о сем, и это помогло мне не уснуть.

Не я один вымотался к тому утру. В перерыве из марафона вылетела целая гопа — за сон. Нас осталось семна-

дцать. Понятное дело, я вырубился, едва добрался до койки. А проснулся от вопежа.

Буянили родители Лэйн. Видно, бывший дочкин хахаль стуканул им про секс-марафон. Лэйн ревела за спиной Боюся, тот орал на ее предков. Папаша Лэйн все повторял: «Я ее отец! Я ее отец!», а мамаша кидалась на Боюся, пока ее не оттащил Эд.

Я было привстал, но Глория схватила за руку.

— Сиди!

— Лэйн не хочет видеться с тем парнягой, — сказал я.

— Льюис, пускай городские сами между собой разбираются. Ей же лучше будет, если папаша домой отведет.

— Ты просто боишься, что она победит.

Глория расхохоталась:

— Победит? Твоя зазноба? Льюис, у нее кишка тонка. Да ты глянь на нее повнимательней. Вот-вот сломается.

Короче говоря, я остался на койке. Сидел и смотрел, как Кромер с Эдом гонят обратно в зал предков и бывшего дружка Лэйн. Боюсь орал на них во всю глотку — развлекал публику. Он из чего угодно мог сделать сценку.

Лэйн все еще плакала, но уже потише. К ней подсела Энн-из-фургона, обняла за плечи, стала успокаивать.

— Ты все еще думаешь, что сможешь победить? — спросил я Глорию.

— Конечно, — кивнула она. — А почему нет?

— А я, кажись, вот-вот скисну.

Зенки пылали, будто в них сыпанули песка.

— Ладно, если скиснешь, поошивайся тут. Может, у Кромера работенка найдется — подметать или еще чего-нибудь. Я хочу сделать этих гадов.

— А Боюсь тебе больше не нравится, — заметил я.

— А когда он мне нравился? — спросила Глория.

Во второй половине дня слетели еще трое. Боюсь распинался насчет выносливости, а я думал, до чего же все-таки легче живется на свете городским, чем нам с Глорией. А может, нет худа без добра — у нас теперь шанс появился? Вот, наверное, почему Глория думает, что способна победить. А я в свои силы не шибко верил. Я так вымотался,

что даже не мог кемарить в перерывах; просто лежал и слушал Боюся. Или сандвичи жрал. Меня от них уже подташнивало.

Кромер с Джильмартином снова подготовили какую-то сценку, но меня на этот раз не позвали. Да и не очень-то хотелось. На хрена мне монеты, брошенные зеваками? Пройти бы до конца...

Если я построю города у воды, чума погубит мой народ, если я построю города на склонах гор, вулканы погубят мой народ, если я построю города на равнине, придут соседние племена и вырежут мой народ.

Блин, как меня мутит от всей этой лабуды!

— Когда Глория победит, можно будет пожить в городе, — сказал я. — Даже работу найти, если, конечно, тут есть работа. А Лэйн, если не захочет к предкам вернуться, останется с нами.

— Ты сам можешь победить, — сказал мистер Апчхи.

— Я-то вряд ли, а вот Глория может.

Зачем Льюис топает по Марсу? Чтобы попасть на ту сторону. Ха-ха.

Я вышел на перерыв и услышал крики Глории. Сорвал с себя провода, подбежал глянуть, в чем дело. За окнами уже светало, в кегельбане почти не осталось зрителей.

— Она жульничает! — Глория лупила Кромера, а тот пятился, потому что она здорово вышла из себя. — Эта сука — подсадка! Ты ей даешь спать! — Глория показала на Энн-из-фургона. — Она тут дрыхнет, а ты по ее монитору запись мотаешь! Сволочи, жулье!

Смущенная Энн сидела на раме и помалкивала.

— Шулера гребаные! — кричала Глория. — Мухлевщики!

Кромер схватил ее за руки:

— Полегче, девочка, полегче! У тебя, наверное, виртуальный психоз.

— Хватит мне мозги пачкать, ты, козел!

Глория вырвалась и кинулась в зрительный зал. Там сидел мистер Уоррен, смотрел на нее и держал шляпу на коленях. Я побежал за Глорией, окликнул ее, но она бросила «отстань!» и повернулась к мистеру Уоррену.

— Вы же видели? Правда? Видели?

— Виноват? — промямлил мистер Уоррен.

— Вы должны были видеть! Что она совсем не шевелится. Мистер Уоррен, ну давайте, скажите этим кидалам, что видели! Если скажете, я с вами пойду, честное слово!

— Виноват, милочка, но я смотрел на вас.

Кромер отшвырнул меня с дороги и облапил Глорию сзади.

— Девочка, уймись, по-хорошему прошу. Это галлюцинации. Ты виртуально-ненормальная. Мы ведь сразу заметили, что у тебя чердак малость набекрень. — Он говорил тихо, но твердо. — Еще раз сорвешься, и мы тебя выкинем, понятно? Ну все. Успокойся и поди поспи. Надо отдохнуть.

— Сволочь, — сказала Глория.

— Я, конечно, сволочь, зато ты уже глюки ловишь.

Он крепко держал Глорию за запястье, она дернулась раза два и обмякла.

Мистер Уоррен встал и надел шляпу.

— До завтра, милочка. И не волнуйтесь вы так. Я болею за вас.

Он вышел. Глория на него даже не взглянула.

Кромер отвел ее к раскладушке, и тут мне вдруг стало не до них. Почему не слышно Боюся? Может, потому, что публика почти вся разошлась? Было б сейчас народу побольше, он бы соловьем разливался, старался внушить, что мы опять разыграли дармовое представление.

Тут я огляделся и понял, что двоих не хватает. Боюся и Лэйн.

Я нашел Эда и спросил:

— А что, Лэйн слетела?

— Нет, — ответил он.

— А ты не можешь как-нибудь узнать, Энн — подсадка или честно играет? — спросил я мистера Апчхи.

— Я бы вам с Глорией охотно помог, но, к сожалению, не знаю, как это сделать, — сказал он. — Я не могу побывать у Энн. Надо, чтобы она у меня побывала. А у меня никто не бывает, кроме тебя. — Он подпрыгнул и быстро двинулся взад-вперед на всех пяти картинках. — Я был бы очень рад познакомиться с Глорией и Лэйн.

— Давай не будем про Лэйн, — попросил я.

В перерыве я не увидел Боюся. Он торчал снаружи — с зеваками болтал, не в микрофон, а с глазу на глаз. А они его хвалили, благодарили, руку пожимали — как будто это не мы, а он в скафандре парился.

Нас, марафонцев, осталось всего восемь. В том числе и Лэйн, но она меня больше не интересовала.

К раскладушке я даже не подходил. Все равно бы не уснул — просто лежал бы и думал. Я отправился в ванную — ополоснуться прямо в скафандре, который мне давно осточертел, и это еще мягко сказано. Я ведь его с начала марафона не снимал.

В ванной я глянул в крошечное оконце, за ним уже серел рассвет. Я подумал, что пять дней кряду не выходил из этого дома. Не выходил, даже когда на Марс попадал или еще куда-нибудь.

Когда вернулся, Глория спала, и я вдруг неожиданно подумал, что могу победить. Может, я незаметно для себя понял, что Глории уже не выиграть, вот и пришла такая мысль — самому победить?

Обнаружил я это не сразу, потому что сначала побывал в других местах. Мистер Апчхи взял с меня обещание, бывая у него, всегда рассказывать что-нибудь новенькое, и теперь я в каждом сеансе выдвигал несколько ящиков.

Я попал в игру с танками — скучища жуткая. Потом набрел на местечко под названием «Музей американской истории в крови и воске» и там спас от пули президента Линкольна. Еще я раза два пытался спасти президента Кеннеди, а потом бросил это занятие. Когда удавалось сорвать покушение, Кеннеди приканчивали каким-нибудь другим способом. Уж не знаю, в чем тут дело. Короче, я решил

рассказать об этом и еще кой о чем мистеру Апчхи, залез в его ящик, дотронулся до нужных цифр. И увидел не пять привычных картинок, а их кусочки, тонкие белые полоски по краю черного пятна.

— Мистер Апчхи?

Ответа не было.

Я выскочил и вошел по новой — все то же самое. Рамка из белых кусочков то сужалась, то расширялась, как будто мистер Апчхи пытался двигаться и говорить.

Щеки горели, из глаз ручьями текли слезы. Я сорвал с головы шлем. Впрочем, я уже имел право его снять — наступил перерыв.

Прямо перед собой я увидел Боюся. Он стоял ко мне спиной и развлекал публику. Я встал и пошел к нему, даже не отцепив проводов. Несколько штук порвалось, но мне было наплевать.

Я схватил Боюся за шкирятник. А он не такой уж и мощный, этот скэйпер. Не то что его голос.

Я повалил Боюся на пол.

— Ты его убил! — Я изо всех сил врезал ему в пятак. А добавить не успел — подскочили Кромер с Джильмартином, схватили за руки. Пока они меня оттаскивали, я пинал воздух и орал: — Ты его убил! Ты его убил!

Боюсь глядел на меня, лыбился и вытирал окровавленную пасть.

— Да что ты, малыш? Не убивал я твоего снеговика. Он сам осыпался.

— Врешь, гад!

— До чего ж ты нас достал со своим снеговиком! Дай ему передохнуть, ради бога.

Я вырывался и брыкался, хотя он уже был далеко.

— Убью! — пообещал я.

— Ага, щас. — Боюсь махнул рукой Джильмартину и Кромеру. — Ну-ка, вышвырните сопляка.

И при этом он ухмылялся, он ни на секунду не переставал ухмыляться. Его все устраивало, все вписывалось в представление. И за это я ненавидел его всеми потрохами.

Жлобина Кромер и Джильмартин вытащили меня из кегельбана. Солнце точно ножом полоснуло по глазам, я и не знал, что оно бывает таким ярким. Скэйперы спустили меня с крыльца, а когда я поднялся, подскочил Кромер и отвесил крепкую плюху.

Тут на крыльцо вышла Глория. Может, услыхала мои крики, а может, ее Эд растолкал. Как бы то ни было, она смачно заехала Кромеру кулаком по ребрам и процедила:

— Не трожь его.

Кромер только простонал в ответ. Я поднялся на ноги и отвалил в сторонку. Глория снова врезала Кромеру, он даже не защищался, до того обалдел. Она повернулась, и от шикарного пинка в пузо Джильмартин полетел с копыт. И хотя после нам пришлось туго, я подыхать буду, а вспомню, как Глория навешала этим ублюдкам.

В гопе, которая выбила из нас пыль, были и милицейские ребята, и зеваки из кегельбана. Был там и дружок Лэйн, уж он-то отыгрался всласть. Не на Боюсе отыгрался, а на нас. Смешно, правда? Ловкий парень Боюсь — целый город охмурил.

За околицей мы нашли старый дом, он вполне годился, чтобы спрятаться и поспать. Я проснулся позже Глории. Она сидела на крыльце, точила о бетон ложку и при этом кривила губы — сильно болела ушибленная рука.

— Денька два перебьемся, а потом снова — хавку искать, — сказал я.

Глория промолчала.

— А давай в Сан-Франциско пойдем, — предложил я. — Там уйма одиноких телок.

Я, конечно, шутил.

Глория подняла глаза.

— Ты это к чему?

— Да так... Просто на этот раз, может, я проведу тебя в город?

Глория даже не улыбнулась. Но я знал, что она еще посмеется.

ДЖОРДЖ МАРТИН

Темным-темно было в туннелях

Джордж Мартин — широко известный писатель, автор знаменитой саги «Песнь льда и огня» («A Song of Ice and Fire») и таких популярных романов, как «Умирающий свет» («Dying of the Light») и «Шум Армагеддона» («The Armageddon Rag»). Рассказы Мартина, публиковавшиеся во многих антологиях и практически во всех авторитетных научно-фантастических журналах, принесли ему четыре премии «Хьюго», две «Небьюлы», премию Брэма Стокера и Всемирную премию фэнтези. Писатель также прославился выпуском серии антологий «Дикие карты» («Wild Cards») и работой над сценариями сериалов «Сумеречная зона» («Twilight Zone», 1986) и «Красавица и чудовище» («Beauty and the Beast», 1987).

Прежде чем сделаться королем эпического фэнтези (или «американским Толкином», как часто именует его журнал «Times»), Мартин создавал в основном научно-фантастические произведения, такие как снискавшая многочисленные награды повесть «Короли-пустынники» («Sandkings») и рассказ, представленный ниже.

В нем читателей ожидает встреча с Грилом, разведчиком из Племени. Он достигает Древних Туннелей, откуда, по легендам, миллионы лет назад пришел его народ. Он не трус, но у него достаточно оснований, чтобы бояться: Грил привык жить в абсолютной темноте, но в его мир пожаловали гости, которые принесли с собой свет.

Грил был напуган.

В теплом и густом мраке, неподалеку от места, где туннель поворачивал, он затаился, распластав свое худое тело возле странной металлической балки, бегущей по полу. Глаза он закрыл. Следовало сохранять абсолютную неподвижность.

Оружие — короткое острое копье — Грил крепко сжимал в правой руке. Впрочем, храбрости оно не прибавляло.

Далеко, слишком далеко он зашел. За многие поколения ни одному разведчику из племени не случалось взбираться

выше и спускаться ниже, чем ему. Силой он проложил себе путь сквозь Гиблые Уровни, кишащие червеподобными тварями — безжалостными охотниками на человека. Он выследил и прикончил хищного мерцающего крота в полуразрушенных Срединных Туннелях. Ползком и на четвереньках миновал несметное число ходов, которых и на картах-то не было; ходов, не предназначенных для человека.

И вот теперь достиг Древних Туннелей, великой, легендарной сети коридоров, откуда, по словам сказителей, давным-давно и пришел его народ.

Он не был трусом. Он был разведчиком, дерзнувшим отправиться туда, где человек не появлялся тысячелетиями.

Но сейчас он был напуган и не стыдился своего страха. Хороший разведчик знает, когда следует бояться. А Грил очень хороший разведчик. Так что он тихо лежал в темноте, сжимая копье и обдумывая свое положение.

Постепенно страх начал отступать. Собравшись с духом, Грил открыл глаза. И тут же снова зажмурился.

Туннель впереди был объят огнем.

Ему никогда не доводилось видеть пламени. Но в песнях сказителей о нем говорилось достаточно. Обжигающее. И яркое, такое яркое, что больно глазам. Тот обречен на слепоту, кто долго смотрит на него.

Вот Грил и не размыкал век. Разведчику нужны глаза. Слепой не может быть разведчиком.

Здесь сила огня почти не сказывалась. Было больно при взгляде на пламя, свисающее со стены у самого поворота, — больно, но вполне терпимо.

Однако чуть ранее Грил поступил крайне неразумно: щурясь, он пополз вперед, тронул рукой пламя на стене и, совсем позабыв об осторожности, заглянул за поворот.

Глаза жгло до сих пор. Всего лишь один короткий взгляд, прежде чем он съежился и тихо, поспешно ретировался. Но и того хватило. За поворотом огонь пылал во много раз ярче. Даже с опущенными веками он до сих пор видел пламя — два пляшущих пятна ужасающего по силе сияния. Бледнее они не становились. Должно быть, огонь опалил глазные ткани, решил Грил.

И все же то пламя, что свисало со стены... На ощупь оно было совсем не таким, как в песнях сказителей. Скала даже не нагрелась, была, как везде, холодная и сырая. Но огонь будто бы должен греть... Так рассказывали!

Выходит, это не огонь. Что же это тогда — Грил не мог понять. Но если не горячее, значит, не огонь.

Осторожно, не шевелясь, он «дотянулся» до замершего в темноте Х'ссига.

Брат по разуму притаился у второй металлической балки недалеко от разведчика. Грил мыслью коснулся его и почувствовал, как тот вздрогнул в ответ. Они обменялись догадками и ощущениями.

Х'ссиг тоже боялся. У большой охотничьей крысы не было глаз, но чуткий звериный нюх улавливал незнакомый запах. А с помощью острого слуха животного Грил узнал, что огонь, который не был огнем, издает непонятные звуки.

Пришло время открыть глаза. На этот раз не спеша. Щурясь.

Дыры, которые «прожег» огонь в его зрении, были на месте, но побледнели. И сияние пламени, пляшущее на стене, вполне можно стерпеть, если не смотреть прямо на него.

Но отступать нельзя. Он разведчик. У него есть долг.

Грил вновь «коснулся» Х'ссига. Зверь был при нем с самого рождения. И никогда не подводил. Не подведет и сейчас. У крысы нет глаз, которым мог бы навредить огонь, но уши и нос расскажут Грилу все необходимое о том, что творится за поворотом.

Х'ссиг почуял команду и осторожно пополз вперед.

— Сокровищница!

Голос Чифонетто охрип от восторга. Густой слой защитной мази, покрывающий его физиономию, не способен был скрыть довольную ухмылку.

На лице Фон дер Штадта читалось сомнение. Куда там. Весь он буквально излучал недоверие. Оба были в одинаковых блеклых, серых комбинезонах из тяжелого металлического волокна. Фон дер Штадт обладал уникальной способностью выражать глубочайшее сомнение, оставаясь при

этом абсолютно неподвижным и не прибегая к помощи мимики.

А когда он двигался или говорил, то лишь усиливал впечатление этого. Как сейчас.

— Где-то есть, согласен, — отозвался он.

Достаточно, чтобы рассердить Чиффонетто. Тот сдвинул брови, поглядев на массивного спутника.

— Да нет, я имею в виду это. — Мощный луч его фонаря разрезал гущу мрака, скользя вверх-вниз по заржавевшим стальным опорам, идущим от платформы до самого потолка. — Только взгляните.

Фон дер Штадт взглянул. С сомнением.

— Вижу. Ну и где же ваши сокровища?

Луч продолжал ощупывать металлические колонны.

— Это и есть сокровища, — ответил Чиффонетто. — Это место — важнейшая историческая находка. Оно достойно изучения. Я говорил.

— И что же такого важного в стальных балках? — Фон дер Штадт пустил луч собственного фонаря на одну из опор.

— Хотя бы степень сохранности. — Чиффонетто подошел ближе. — На поверхности один радиоактивный шлак, до сих пор. Но здесь, под землей, хранятся удивительные артефакты. С их помощью мы гораздо лучше поймем, какой была цивилизация до катастрофы.

— Мы и так знаем, какой она была, — возразил Фон дер Штадт. — Пленки, книги, фильмы... Информации с избытком. Война ведь Луны не коснулась.

— Да, да, но это другое. Это сама реальность. — Чиффонетто любовно провел облаченной в перчатку рукой по стальной колонне. — Посмотрите-ка.

Фон дер Штадт приблизился.

На опоре было что-то выцарапано. Не слишком глубокие линии все же поддавались чтению.

Чиффонетто вновь заулыбался. Фон дер Штадт всем видом выражал сомнение.

— «Родни любит Ванду», — прочел он и покачал головой. — Черт бы вас побрал, Клифф. Такое вы увидите в любом общественном сортире Луна-Сити.

Чиффонетто закатил глаза.

— Даже обнаружив древнейшие наскальные рисунки, Фон дер Штадт заявит, что это всего лишь низкого пошиба изображения быка.

Свободной рукой он хлопнул по надписи.

— Как вы не понимаете?! Это древность. История. Остатки цивилизации, которую постигла катастрофа добрые пятьсот лет назад!

Фон дер Штадт хранил молчание и всем видом выражал сомнение. Луч его фонаря блуждал по стенам.

— Если уж за этим мы сюда пришли, то вот вам еще. — Он посветил на колонну в нескольких футах впереди.

Лучи соприкоснулись, и Чиффонетто с улыбкой прочел надпись:

— «Покайся, или обречен». — Он усмехнулся. — Речи пророков начертаны на стенах подземки, — добавил он задумчиво.

Фон дер Штадт насупился:

— С приветом пророки в таком случае. И религия им под стать.

— Господь милосердный, — пророкотал Чиффонетто. — Не воспринимайте же вы все так буквально! Я лишь цитировал! Это слова Саймона[1], поэта середины двадцатого столетия. До всемирного несчастья оставалось лет пятьдесят, когда он это написал.

Фон дер Штадт, похоже, не проникся. Раздраженный, он пошел прочь, и луч его фонаря заскакал без цели по черневшим руинам древней станции метро.

— Тут жарко.

— На поверхности куда жарче, — отозвался на жалобу Чиффонетто, с головой ушедший в чтение надписей.

— Там жара совсем другая, — не унимался Фон дер Штадт.

Чиффонетто даже не потрудился ответить.

Наконец, оторвавшись от своего занятия, он произнес:

---

[1] Речь идет о Поле Саймоне (дуэт Simon & Garfunkel). В 1966 г. он написал песню «The Sound of Silence», строчку из которой и процитировал Чиффонетто.

— Это важнейшая находка за всю экспедицию. Мы должны сделать снимки и позвать сюда остальных. На поверхности мы только теряли время.

— А здесь нет? — буркнул спутник с глубочайшим сомнением.

Чиффонетто уверенно кивнул:

— А я о чем толкую! На поверхности только оплавленная порода, радиоактивный ад — даже спустя пять веков. Если что и выжило, то лишь под землей. Здесь и нужно искать. Необходимо исследовать всю систему туннелей! — Он выразительно махнул рукой.

— Да уж, вы с Найджелом только об этом и трендели,— проворчал Фон дер Штадт.— От самого Луна-Сити сцепились.

— Доктор Найджел идиот, — весьма деликатно произнес Чиффонетто.

— Вряд ли. Я солдат, не ученый. Но его аргументы убедительны, в них есть здравый смысл. Колонны и развалины — это замечательно, однако не за тем сюда летел Найджел. Да и цель экспедиции на Землю совсем другая.

— Знаю, знаю. Найджел ищет следы жизни. И фласры он посылает с каждым днем все дальше и дальше. А каков результат? Несколько видов насекомых да пара-тройка мутировавших птиц.

Фон дер Штадт пожал плечами.

— Спустившись сюда, он бы мигом нашел то, что ищет, — продолжал ученый. — Ему и невдомек, насколько глубоко под землю уходили корни городов до войны. Километры туннелей, уровень за уровнем. Вот где следует искать людей, если только они успели укрыться.

— Почем вам знать?

— Послушайте, когда разразилась война, жизнь могла сохраниться лишь глубоко под землей. Радиация не позволила бы выходить на поверхность. Черт возьми, наверху до сих пор весьма скверно. Они оказались бы тут в ловушке, но потом адаптировались. Спустя несколько поколений про поверхность они бы уже и не вспоминали.

Фон дер Штадт уже не слушал его. Он подошел к краю платформы и оглядел рельсы. Поразмыслив немного, при-

нял решение, пристегнул фонарь к поясу и стал спускаться на пути.

— Что же, поищем ваших выживших.

Продвигаясь вперед, Х'ссиг держался поближе к металлической балке. Она скрывала его и к тому же защищала от огня, так что крыса оставалась в тени, в узкой полоске кромешной тьмы. Стараясь не покидать спасительной территории, Х'ссиг неслышно прокрался за поворот и замер.

Грил «осматривался» с помощью ушей и носа верного зверя.

Огонь, оказывается, разговаривает!

Два запаха, схожих, но не идентичных. Два голоса. Два огня. Горящие штуки, обжегшие глаза Грила, оказались живыми созданиями.

Он насторожился. То, что услышала крыса, было словами. Некий язык. Грил был уверен. Уж он-то может отличить несвязное рычание животного от стройной схемы речи.

Но огненные штуки беседовали на незнакомом языке. Произносимые ими звуки значили для Грила не больше, чем для Х'ссига.

Тогда разведчик сосредоточился на запахах. Запахи чуждые, отличные от всех ему известных, но почему-то наводящие на мысль о людях. Хотя откуда им взяться тут?

Грил должен подумать. Почти человеческий запах. И слова. Могут ли огненные существа принадлежать роду человеческому? Должно быть, они — некая странная его разновидность, весьма отличная от племени. В песнях сказителей говорится, что в прежние времена человек обладал удивительными способностями и принимал различные формы. Может, эти двое как раз из таких? По легендам, в этих туннелях Стародавние как раз и создали племя, так почему бы творцам до сих пор не обитать здесь?

Да, почему бы.

Грил осторожно пополз вперед, постепенно поднимаясь на четвереньки, чтобы заглянуть за поворот.

Мысленный окрик хозяина заставил Х'ссига вернуться назад, в спасительный мрак.

Есть только один способ все узнать, решил Грил. Содрогаясь, он подался вперед, ни на миг не забывая об осторожности.

Фон дер Штадт приспособился к условиям земной гравитации гораздо быстрее Чиффонетто. Он ловко спрыгнул на рельсы и принялся подгонять компаньона.

Последнюю пару футов Чиффонетто все же пролетел благополучно, глухо плюхнувшись на шпалы.

— Надеюсь, обратно я сумею взобраться сам, — сказал он.

Фон дер Штадт пожал плечами:

— Это вам так хочется исследовать эти туннели.

— Согласен. — Чиффонетто огляделся. — В их глубине — ответы на наши вопросы.

— Если верить вашей теории, — хмыкнул спутник.

Поглядев вперед и назад, он наугад выбрал одно из направлений и двинулся туда; луч его фонаря был подобен сияющему копью, пронзающему мрак. Ученый отставал на полшага.

Туннель был длинным, прямым и пустым.

— Скажите-ка, — грубовато бросил на ходу Фон дер Штадт, — даже если вашим выжившим удалось отсидеться тут, пока война не утихла, разве не естественным желанием было бы вернуться на поверхность? Как здесь можно жить? — Он оглядывался с явным отвращением.

— Уж не курс ли доктора Найджела вы прослушали? — кислым тоном отозвался Чиффонетто. — Слово в слово, даже дурно делается. Согласен, такое было бы крайне тяжело. Но вполне возможно. Во-первых, здесь имелся свободный доступ к стратегическим запасам продуктов. В основном их хранили в подземных бункерах. Пророй туннель — и ешь. Позже они могли научиться выращивать пищу сами. В природе множество растений, которые не нуждаются в солнечном свете. К тому же, как мне представляется, здесь водятся насекомые и даже животные, вроде кротов.

— По мне, так на диете из грибов и жуков долго не протянешь.

Чиффонетто вдруг замер, не удостоив спутника ответом.

— Смотрите, — прошептал он, подсвечивая фонарем находку.

Луч остановился на отверстии в стене — дыре с рваными краями. Будто сотни лет назад кто-то проломился сквозь скалу.

Фон дер Штадт посветил в указанном направлении, чтобы получше осмотреть разлом, за которым угадывался ход. Чиффонетто ринулся туда.

— Черт возьми, Фон дер Штадт, что вы скажете теперь?! — Он расплылся в улыбке и сунул голову в ход, впрочем, ненадолго.

— Здесь не на что смотреть, увы. Обвал в паре футов. Тем не менее мои предположения подтверждаются.

На физиономии Фон дер Штадта читалось беспокойство. Свободная рука сама потянулась к кобуре.

— Ну не знаю, — буркнул он.

— Уж куда вам! — Чиффонетто торжествовал. — И Найджелу тоже! Здесь жили люди. Возможно, до сих пор живут. Необходимо снарядить поисковый отряд, чтобы исследовать всю систему туннелей.

Ученый запнулся, припомнив реплику спутника, произнесенную парой мгновений ранее.

— А что до жуков и грибов, то люди обладают способностью выживать в немыслимых условиях. У нас способность к адаптации. Бьюсь об заклад, если уж человек пережил войну — а как мы видим, так и случилось, — ему по силам и все остальное.

— Может быть. — Фон дер Штадт уже не был так уверен. — Только не пойму, чего вы так рветесь найти этих выживших. То есть экспедиция и все такое — это важно, не спорю. Мы возобновили космические полеты, появилась отличная возможность испытать новое оборудование. Да и вашему брату ученому тут есть что насобирать для музейных коллекций. Но люди? Человечество?! Что Земля оставила нам в наследство, кроме Великого Голода?

Чиффонетто мягко улыбнулся:

— Именно это несчастье и побудило нас отправиться на поиски людей.

Помолчав, добавил:

— Что ж, мы увидели достаточно, чтобы даже Найджел соблазнился. Пора возвращаться.

На обратном пути он продолжил свою мысль:

— Видите ли, Великий Голод стал неизбежным следствием войны на Земле. Когда прекратились поставки продовольствия, мы лишились физической возможности прокормить всю лунную колонию. Девяносто процентов населения поразил жесточайший голод. Самодостаточной Луна могла оставаться лишь с крайне малым числом поселенцев. Вот что произошло. Популяция откорректировала себя сама. Мы научились перерабатывать воздух и воду для вторичного использования, выращивать гидропонные культуры. Пусть ценой неимоверных усилий, но мы выжили. И приступили к восстановлению. Однако потери велики. Слишком много людей погибло. Генофонд колонии угрожающе скуден и не отличается необходимым разнообразием. Его, по сути, никогда и не было. И это большая проблема. Иными словами, популяция постепенно вырождается с тех пор, как мы лишились возможности снабжать всем необходимым достаточное количество людей. Инбридинг в нашем случае исключен. Сейчас демографические показатели пошли вверх, но слишком медленно. Мы столкнулись с генетическим застоем, Фон дер Штадт. Сами посудите, нам понадобилось пять столетий, чтобы вновь выйти в космос. И до сих пор мы не восстановили и половины тех знаний и навыков, которыми обладало человечество до катастрофы.

Фон дер Штадт нахмурился:

— Застой — это слишком сильно сказано. Считаю, мы отлично держимся.

Чиффонетто отмахнулся лучом фонарика.

— «Отлично держимся»? Не сказал бы. Мы не развиваемся. Стоим на месте. Парочка мелких изменений, жалкие потуги, а новаторских идей кот наплакал. Тогда как точки зрения под неожиданным углом нам жизненно необходимы, как и свежий генетический материал. Мы нуждаемся в контакте с другой культурой. Выжившие могли бы нам помочь. После всего, что они пережили, они должны были претерпеть ряд изменений и стали бы доказательством того, что человечество все еще способно существовать на Земле. А это самое важное, если мы собираемся создать здесь колонию.

Последний довод был скорее случайно озвученной запоздалой мыслью, но именно он снискал одобрительный кивок Фон дер Штадта.

Завидев станцию, Чифоннетто поспешил к платформе.

— Скорее на базу. Не могу дождаться, когда увижу, как вытянется физиономия у Найджела, едва он услышит, что мы тут нашли.

Это были люди.

Грил почти не сомневался. Структура сознания необычная, но человеческая. Способности Грила «читать ум» считались очень высокими. Он был хорошо знаком с грубым, тусклым животным интеллектом, с гнусными, безобразными тенями-мыслями червеобразных тварей. Разум человека был совсем иным.

Да, это были люди.

Тем не менее происходило нечто странное. «Чтение» превращается в подлинное общение лишь с братом по разуму. Оно всегда подразумевает некий обмен — несовершенный, полный темных пятен, мешанины вкусов и эмоций, но все же обмен.

С этими двумя никакого обмена не было. Ситуация напоминала «чтение» разума низшего животного. Касаться, осязать, гладить, любить — все это способный «чтец» мог проделывать с животным. Но отклик был исключен. Откликается человек и брат по разуму. Животные — никогда.

Эти двое тоже «молчали». Разум странных огненных людей оказался увечным и темным.

Укрытый мраком туннеля, Грил выпрямился. Расстояние затрудняло «чтение». Нельзя упускать их. Необходимо узнать больше. Он разведчик. У него есть долг.

Сознание его, словно зверь, вновь потянулось, крадучись, вперед, чтобы распознать разум пришельцев.

Чужие мысли закружились вокруг Грила в беспорядке, и хаос этот рассекали редкие яркие вспышки эмоций, сдобренные вкраплениями слабых, неустойчивых, едва различимых умозаключений. Грил почти ничего не понимал. Но кое-что ему казалось знакомым, а что-то он усваивал как часть нового опыта.

Он не спешил, листая книгу чужого разума и не упуская деталей. Но отклика все не было. Огненные люди ничем не отличались от бессловесных темных тварей. Как ни

старался Грил уловить хотя бы отдаленный звук, ответом было лишь глухое молчание.

Двое уходили все дальше, их мысли меркли, становилось все труднее держать связь. Грил двинулся за ними. У злосчастного поворота замешкался, но заставил себя преодолеть страх. Он должен. Он разведчик.

Вновь опустившись на четвереньки, Грил прищурился и продолжил путь.

А за поворотом остановился, тяжело дыша: он оказался в огромной, поражающей размерами пещере с убегающими вверх исполинскими колоннами, на которых покоился небосвод. И отовсюду лился свет, необъяснимый, пляшущий, огненный свет.

Легендарная цитадель. Пещера Стародавних. Ошибки быть не может. Никогда Грил не видел столь огромных пространств. Единственный из племени, зашедший дальше, вскарабкавшийся выше остальных.

Пришельцы исчезли из виду, но их огни освещали противоположную оконечность великого тупеля. Свет яркий, но не опасный. Двое скрылись за очередным поворотом. Грил вдруг понял, что следил лишь за слабым отблеском их огня, поэтому и оставался в безопасности.

Он двинулся прямиком в пещеру. Разведчик в нем изнывал от желания вскарабкаться по боковой стене и исследовать помещение, где росли эти величественные колонны. Но нет. Огненные люди важнее. А сюда он всегда сможет вернуться.

О ногу потерся Х'ссиг. Грил ободряюще погладил рукой пушистый мех зверя. Брат по разуму чуял, что мысли его в смятении.

Два человека. Да. Теперь Грил не сомневался. И многое ему открылось. Форма их сознания отличалась от присущей его народу, но это было человеческое сознание, ведь он его понимал. Один из них пылал желанием найти других. Они ищут племя.

Вот что он узнал. Грил был разведчиком и «чтецом». И никогда не ошибался. Но как поступить дальше — этого он не мог решить.

Ищут племя. Это хорошо. Впервые коснувшись его сознания, эта идея вызвала радостную дрожь. Два огненных

человека походили на Стародавних из легенд. Если они ищут племя, он укажет им путь. Покроет себя славой и почестями, а его имя станут воспевать сказители.

Но самое важное — он исполнит долг. Вот уже несколько поколений племя не знает покоя. Времена благоденствия завершились с приходом червеподобных тварей, заставивших людей перебегать из туннеля в туннель. Даже сейчас, прямо у Грила под ногами, на Гиблых Уровнях его народ ведет бои.

И разведчик знал, что его сородичи обречены на поражение.

Не сразу. Но неизбежно. Червеподобные для племени в новинку. Уже не животные. Но совсем, совсем не люди. И туннели им не нужны. Они передвигаются в толще пород, так что нигде человек не может себя чувствовать в безопасности.

Поэтому племя отступало. «Чтецы» чуяли врагов, и те гибли от копий, а могучие охотничьи крысы рвали червеподобных на части. Но всегда у тех оставалась возможность зарыться в землю. И их было чересчур много. И слишком малой была численность племени.

Но эти пришельцы, огненные люди... Они могли бы изменить ход войны. В легендах говорится, что Стародавние в бою использовали пламя. А эти двое живут прямо в огне. Они могут помочь племени, дать мощное оружие, чтобы загнать червеподобных обратно, к самым корням мрака.

Однако...

Однако пришельцы не совсем люди. Темный, несовершенный их разум и слишком много неясных Грилу мыслей, ход которых удавалось проследить лишь отрывками. Он не мог постичь этих двоих, как мог постичь любого из племени во время обоюдного «чтения».

Да, *он может отвести огненных к своему народу*. Путь он знает. Назад и вниз; тут пролезть, там повернуть... Через Срединные Туннели и Гиблые Уровни.

Но что, если они — враги? Если они ослепят племя своим огнем? Грила страшили силы, которыми огненные могут владеть.

Без его помощи им ни за что не найти племени. В этом разведчик уверен. Ведь только одному ему удалось добраться до великой пещеры. Огненным никогда не обнаружить

тех путей, которыми поднимался Грил, не пройти извилистыми, узкими туннелями, ведущими глубоко в недра земли.

Если он ничего не предпримет, племя останется в безопасности. Но потом все равно победят червеподобные, пусть прежде сменится не одно поколение. Племя не выживет.

Он должен решить. Ни одному «чтецу» не преодолеть расстояния, что лежит в эту минуту между Грилом и его народом. Он должен принять решение в одиночку. И как можно скорее. Ибо с ужасом он обнаружил, что огненные люди идут в его сторону. Паутина их странных мыслей крепла, и свет сиял все ярче с каждым их шагом.

Помешкав, Грил осторожно попятился к туннелю, из которого вышел.

— Постойте,— сказал вдруг Фон дер Штадт, как раз когда Чиффонетто осилил четверть пути наверх.— Мы ведь не искали в других направлениях.

Ученый неуклюже изогнулся, чтобы посмотреть на спутника, и, потерпев в этом неудачу, спрыгнул снова на рельсы. Он был явно раздосадован.

— Мы должны вернуться в лагерь, мы достаточно видели.

— Да будет вам, не вы ли стремились тут все излазить. Так уж давайте доведем дело до конца. Может, мы всего-то в паре футов от вашей величайшей находки.

— Что ж, ладно,— проворчал ученый, снимая фонарь с пояса, куда он повесил его, пока штурмовал платформу.— Надеюсь, вы знаете, что искать. Не хотелось бы притащить сюда Найджела и позволить ему наткнуться на то, что мы пропустили.

Фон дер Штадт согласно кивнул. Лучи фонарей слились в один, и парочка быстро зашагала к чернеющему входу в туннель.

Они приближались. Страх и нерешительность путали Грилу мысли. Держась рукой за стену, он быстро, неслышно отступал. Нужно держаться подальше от их огня, пока он не решит, как следует поступить.

После поворота туннель шел прямо. Грил спешил, но в скорости явно проигрывал огненным людям, и глаза его

оказались открыты, когда внезапно из-за рокового изгиба появилось сияние.

Глаза вновь обожгло. От внезапной боли Грил взвыл и бросился на землю. Пламя заплясало под опущенными веками, с бешеной скоростью меняя цвета. Быстрее прийти в себя. Еще есть время. И копье в руке. Грил «дотянулся» до Х'ссига. Верная крыса вновь станет его зрением.

Не раскрывая глаз, разведчик пополз в сторону от огня. Зверь остался.

— Что еще за чертовщина?!

Шепот Фон дер Штадта повис в воздухе. Едва повернув, оба встали как вкопанные.

— Понятия не имею. — Ученый был в замешательстве. — Странный звук. Раненое животное? Впечатление, будто оно хотело подавить крик, чтобы не выдать себя.

Луч его фонаря блуждал от стены к стене, полосуя бархатную плотную тьму, но ясности не добавил.

Фон дер Штадт светил прямо.

— Не нравится мне это, — заявил он с сомнением. — Может, там что-то и есть, но кто сказал, что оно настроено благодушно? — Переложив фонарь в левую руку, он вытащил из кобуры пистолет. — Что ж, посмотрим.

Чиффонетто нахмурился, но промолчал, и они вновь двинулись вперед.

Настоящие великаны, и приближаются очень быстро. С горечью и отчаянием Грил вынужден был признать, что они непременно поймают его. В таком случае решение принято.

Возможно, решение верное. Они ведь люди, как и Стародавние. И могут помочь в борьбе с червеподобными. Грядет заря новой эпохи. Страх канет в небытие. Род человеческий обретет былое величие, как в песнях сказителей, и вновь станет строить огромные, прекрасные галереи и рыть величественные туннели.

Да. Они ищут его. Но именно это Грилу и нужно. Таково его решение, и оно единственно верное. Человек должен встретить человека и выступить бок о бок против червеподобных чудовищ.

Не открывая глаз, Грил остановился.

И заговорил.

Фон дер Штадт и его спутник застыли на месте. На сей раз это не был сдавленный крик, но что-то вроде шипения, негромкого, но вполне отчетливого.

Лучи фонарей заметались по широкой дуге. Один вдруг остановился. Другой еще порыскал хаотично и тоже замер. Вместе они образовали большое пятно света у дальней части стены. В самом центре пятна стояло...

— Господи Иисусе, Клифф, скорее скажите, что это такое, пока я не пристрелил его.

— Не надо, оно не движется.

— Но что это?!

— Понятия не имею. — Голос ученого дрогнул.

Существо было маленьким, чуть выше четырех футов, щуплым и безобразным. Угадывалось смутное сходство с человеком, но пропорции тела, особенно конечностей, были искажены самым абсурдным образом. И кожа... Болезненный, белесый, как у личинки, оттенок...

Самой ужасной была огромная голова. Рот и нос едва угадывались. Все лицо, по сути, занимали два исполинских глаза, сейчас плотно прикрытые мертвенно-бледными складками век.

Фон дер Штадт держался, но Чиффонетто бросило в мелкую дрожь при виде этого создания. Впрочем, он первым тихо произнес:

— Взгляните. В его руке. Полагаю... полагаю, это оружие.

Воцарилась тишина. Долгая, напряженная тишина.

— Думаю, это человек, — заключил наконец ученый внезапно охрипшим голосом.

Грил жестоко страдал от боли.

Его поймали в огненные тиски. Даже плотно закрытые, глаза жгло немилосердно. И он знал, что случится непоправимое, если он их откроет. Огненная ловушка. Кожа странно чесалась и горела, горела... Все сильней и сильней.

Но Грил не смел пошевелиться. Он разведчик. У него есть долг. Он ждал, пока его сознание соединится с темным рассудком двух великанов.

Там он «прочел» ужас, но ужас сдерживаемый. Он увидел себя их глазами – размытый, неясный, искаженный облик. Ощутил благоговейный страх с примесью отвращения в одном. И омерзение, переполнявшее другого.

Он разозлился, но заставил себя сдержать гнев. Он должен «дотянуться» до них. Отвести к племени. Разум огненных людей увечен и скуден, они не имеют власти над чувствами. Но если заручиться их пониманием, они помогут. Да.

Потому Грил не двигался. И ждал. Кожа горела, но он ждал.

— Вот это... это — человек?!

Чиффонетто кивнул.

— Должно быть. Оно пользуется оружием и говорит... — Ученый был явно обескуражен. — Но, Господь всемогущий, я никогда и предположить не мог ничего подобного! Туннели, мрак, долгие века только тьма вокруг... Ни за что бы не подумал, что эволюция совершит такой скачок в столь малые для нее сроки!

— Человек?! — Фон дер Штадт, по обыкновению, сомневался. — Вы спятили. Человек не может превратиться в такое.

Но Чиффонетто едва ли его слышал.

— Мне ведь следовало догадаться, — бормотал он, — учесть условия и факторы... Радиация, ну конечно. Она ускорила мутацию... Возможно, сократилась протяженность жизни... Фон дер Штадт, вы были правы. Одними жуками и грибами сыт не будешь, но это только таких, как мы с вами, касается. Выжившие приспособились. К темноте, к туннелям... Это...

Чиффонетто осекся.

— Его глаза. — Ученый щелкнул выключателем, и его фонарь погас. Расстояние до стены сразу будто сократилось. — Должно быть, они очень чувствительные. Мы причиняем ему страшную боль. Прошу вас, не светите на него.

Фон дер Штадт одарил спутника долгим, недоверчивым взглядом:

— Тут и без того достаточно темно.

Но просьбу все же выполнил.

— Исторический момент, — прошептал Чиффонетто. — Момент, которого мы...

Закончить ему не удалось. Фон дер Штадт напрягся: едва он перевел свет фонаря в сторону от существа, как уловил какое-то движение во тьме. Лихорадочно он бросился светить вокруг, пытаясь отыскать во мраке неизвестную тварь, пригвоздить лучом к убегающим вдаль рельсам.

Уже давно следовало воспользоваться пистолетом. Но Фон дер Штадт все мешкал, ведь человекоподобный уродец не двигался, да и повадок его солдат не знал.

А вот другая тварь на месте не стояла. Передвигалась прыжками и попискивала. Видали таких, и не раз. Тут Фон дер Штадт не колебался.

Громоподобный раскат, вспышка. Еще раскат.

— Попалась, чертова крыса!

Грил закричал.

Жгучая боль вдруг отступила. Но ненадолго. Внезапная ее волна окатила с головы до ног. И еще одна, и еще, и еще... Муки перекатывались по нему каскадами, сокрушая хлипкий фундамент мыслей огненных людей, их страх, его злость...

Х'ссиг мертв. Его брат по разуму мертв.

Убит огненным человеком!

От ярости и боли Грил взревел и кинулся вперед, целясь копьем.

Пришлось открыть глаза. Увидел он не много — все тут же поглотили боль и слепота, — но этого хватило. Он ударил. Еще и еще. Бил не щадя, исступленно, неистово. Убить, заколоть насмерть!

Вселенная вновь окрасилась кровавым багрянцем, и вновь раздался ужасающий грохот, после которого погиб Х'ссиг. Неведомая сила швырнула Грила на землю, глаза его распахнулись, и все, все вокруг охватило безжалостное пламя.

Но лишь на миг. Лишь на краткий миг.

Затем мир Грила погрузился во тьму.

Пистолет еще дымился. И руку Фон дер Штадт не спешил опускать. Раскрыв рот в изумлении, до сих пор не

веря, он переводил взгляд с застреленного им существа на кровь, текущую из дыр в комбинезоне.

Потом выронил оружие и схватился за живот. Поднес к лицу тут же намокшую ладонь. Посмотрел на Чиффонетто.

— Крыса...— с трудом вымолвил он.— Я ведь только пристрелил крысу... Она кралась к нему. Почему, Клифф? Я...

Он упал. Фонарь разбился и погас.

Кромешная тьма и несвязное бормотание.

Затем наконец вспыхнул фонарь Чиффонетто, и бледный как полотно ученый опустился на колени возле раненого.

— Фон,— позвал он, пытаясь расстегнуть его комбинезон.— Вы меня слышите?

Треск рвущейся ткани, обнаженная, иссеченная плоть.

Фон дер Штадт едва ворочал языком.

— Я и не думал, что он кинется... Я перестал светить ему в лицо, как вы просили. Клифф... Почему? Я... не стал бы в него стрелять. Ведь это был человек? Я только прикончил крысу... Только крысу... Она кралась к нему...

Чиффонетто лишь кивал в ответ, оцепеневший от ужаса.

— Это не ваша вина, Фон. Вероятно, вы напугали его. Срочно нужна помощь. Вам сильно досталось. Идти сможете?

Ответа ученый дожидаться не стал. Подхватил солдата под руки, поставил прямо и повел назад по туннелю, молясь про себя. Лишь бы подняться, лишь бы подняться на платформу...

— Я только пристрелил крысу...— бормотал Фон дер Штадт; голос его слабел.

— Забудьте, это не важно,— успокаивал его Чиффонетто.— Мы найдем остальных. Обыщем все туннели, если потребуется. Но обязательно найдем.

— Только крысу... Только крысу...

Платформа. Ученый опустил Фон дер Штадта на землю, прислонил спиной к стене.

— Мне не поднять вас, Фон, вы же понимаете. Я оставлю вас тут и схожу за помощью.— Он выпрямился, цепляя фонарь на пояс.

— Только крысу...

— Не волнуйтесь, Фон. Даже если мы никого не найдем, то ничего не потеряем. Совершенно очевидно, что это

не люди. Когда-то они ими были, но теперь уже нет. Полная деградация. Они ничему не смогут нас научить.

Солдат вряд ли слышал, вряд ли понимал. Он просто сидел у стены, держась за живот и чувствуя, как течет по пальцам кровь. И все повторял, все повторял одно и то же.

Чиффонетто подошел к стене. Несколько футов вверх, платформа, старый ржавый эскалатор, развалины входа на станцию, дневной свет. Надо спешить. Фон дер Штадт совсем плох.

Он ухватился за выступ, подтянулся, насколько хватило сил, и свободной рукой принялся шарить в поисках лестницы. Наконец нащупал нижнюю ступеньку и полез вверх.

До платформы оставалось всего ничего, когда слабые, привыкшие к лунной гравитации мышцы подвели его. Одна рука повисла в воздухе, другая не выдержала тяжести тела.

Чиффонетто упал. Прямо на фонарь.

Так темно еще не было ни разу в жизни. Мрак — плотный, почти осязаемый... Человек едва удержался, чтобы не закричать.

Но когда попытался подняться, крик сам вырвался у него из груди. Не только фонарь разбился при падении.

Многократное эхо разнеслось по долгому, темному тунелю. Затихало оно невероятно долго. Когда воцарилась тишина, Чиффонетто крикнул снова. Потом опять.

Остановился, лишь когда вконец охрип.

— Фон, — позвал ученый. — Фон, вы меня слышите?

Ответа не последовало.

Чифонетто позвал еще раз. Говорить, говорить, чтобы не сойти с ума.

Напрасно всматриваясь в гущу мрака, он отчетливо услышал, как что-то шевелится всего в нескольких футах от него.

Фон дер Штадт вдруг захихикал, и голос его показался таким далеким...

— Это всего лишь крыса... — сказал солдат.

Тишина.

Потом шепот Чиффонетто:

— Да, Фон, да. Всего лишь крыса.

— Всего лишь крыса.

— Всего лишь крыса.

ТОБИАС БАКЕЛЛ

В ожидании «Зефира»

Перу Тобиаса Бакелла принадлежат романы «Хрустальный дождь» («Crystal Rain») и «Оборванец» («Ragamuffin»), а также многочисленные рассказы, публиковавшиеся в журналах «Analog» и «Nature» и в антологиях «Заклинание. Колдовские истории» («Mojo: Conjure Stories»), «Пока мечтается» («So Long Been Dreaming»), «Я, пришелец» («I, Alien»). Недавно вышли в свет сборник «Приливы новых миров» («Tides from the New Worlds») и третий по счету роман писателя «Хитрый мангуст» («Sly Mongoose»).

Бакелл — уроженец Карибов, и ему довелось провести некоторое время на лодке с ветровым генератором, так что он считал вполне естественным использование энергии ветра в пустынных географических зонах. Поэтому, задумавшись о цивилизации будущего, исчерпавшей топливные ресурсы, писатель обратился к собственному опыту.

Бакелл как-то заметил, что постапокалиптическая НФ — это литературное покаяние за все вымышленные или реальные грехи. Однако предлагаемый ниже рассказ, пожалуй, наиболее оптимистичный во всем сборнике.

«Зефир» задерживался вот уже на пять дней.

Ветер смахивал пыль с демонят, облеплявших витиеватые колонны, в беспорядке повалепные посреди городских руин. Вдали, за останками «Уол-Марта» и «Крогера» стояла Мара и наводила бинокль на резкость. Платформа у нее под ногами выдавалась вперед на добрых сто футов и упиралась в пузатую цистерну, снабжавшую округу водой. Вид открывался удачный: Мара могла заглянуть за горизонт. Она напряженно выискивала взглядом знакомые очертания четырех, похожих на шпаги мачт «Зефира», но, кроме змеившейся земляной ленты, не видела ничего. Старое скоростное шоссе, петляющее и в прежние времена переполненное, несмотря на все усилия городских властей, в конце концов поддалось напору пылевых наносов. Стихия одолела ограждения, и те лежали на земле, бесполезные.

Мара до сих пор помнила каждый поворот и изгиб асфальтового полотна; в двенадцать лет она впервые осознала, что дорога ведет к другим городам, к другим людям.

— Мара, темнеет.

— Иду.

Кен тщательно зачехлил бинокль и спустился с вышки. Следом, стряхивая земляную взвесь с опор, потащилась Мара. Мужской силуэт темнел в быстро густеющих сумерках.

— Ты бы поговорила с матерью, она ждет.

Мара не ответила.

— Она надеется все уладить. — Кен был настойчив.

— Я решила. Уезжаю. Я ждала с двенадцати лет, не начинай...

Мара ускорила шаг. Кен не отставал. Она видела, как спутник силится отыскать новый довод и в то же время искоса оглядывает ферму. Дом и заросли зелени защищал от пыли и ветра толстый стеклянный саркофаг. Дважды Кен останавливался, чтобы осмотреть трещины на нем: крупицы пыли настойчиво пытались проникнуть за стекло.

— У них ветряк сдох. Мара, им нужно помочь. Я пообещал приехать завтра.

Она тяжело вздохнула:

— Я правда не хочу.

Кен открыл перед ней первую дверь, потопал на крыльце, подождал, пока дверь закроется, и тогда Мара распахнула вторую.

Песок и земля проникали всюду, укрывали предметы тонким слоем, несмотря на меры предосторожности. Щетки не справлялись. С тех пор как Кен уверился в их бесполезности, идею о вакуумном очистителе Мара находила все более привлекательной.

— Мне нужна твоя помощь, всего лишь на пару-тройку часов. Тебя ведь замучает совесть, если ты оставишь кого-то без электричества, я же знаю.

Кен был прав. Без ветряной мельницы ее старики долго не протянут.

— Ладно, помогу.

На столе уже ждал ужин, приготовленный на двоих. И когда только Кен успевает? Волшебные руки. Немного остывшая, еда все же была великолепна.

«Зефир» задерживался вот уже на шесть дней.

Мара взобралась на крышу к Кену, разложившему там запчасти. Ей удалось незаметно прошмыгнуть мимо отца. Но мать стояла внизу, и вид у нее был страдальческий и беспомощный.

Кен нахмурился:

— С винтом все в порядке. А вот генератор сгорел.

Просто, как дважды два. Ветряная мельница — всего лишь шарнирный пропеллер, установленный на крыше, который подсоединяют к старому автомобильному генератору. Любой источник электричества, использующийся в жилищах, заряжается от ветряка. В других регионах до сих пор полагаются на солнечные батареи, но здесь песок и пыль тут же выводят их из строя.

Зато на свалках полным-полно генераторов.

Мара начала подозревать, что просьба отца помочь — это лишь предлог, чтобы вытащить ее с фермы. Черт.

— Мара, — послышался его голос из-за края пылевого желоба. — Надо поговорить.

Мара глядела мимо, далеко вперед, на многие-многие мили за бронзовый горизонт.

— Прошу, взгляни на меня. Мы были грубы. Нам очень жаль!

— Нам очень нравится Кен! — поддакнула снизу мама. — Но ты слишком молода, тебе еще рано покидать родной очаг!

— Вернись, доченька! Нам нужна твоя помощь, но тебе не придется работать так много, как у Кена!

На лице последнего читалась боль. Мара выругалась и съехала с низкого края крыши, чертыхаясь, спрыгнула на землю. Отец закопошился, стал спускать лестницу, но Мара уже вскочила в карт, выставила парус и помчалась по песчаным разливам назад, в относительную безопасность жилища Кена, оставляя мамины жалостливые причитания за стеной клубящейся земляной пыли.

Проклятие, как она могла так попасться?! Родители такие предсказуемые! А Кен? Мара кипела от злости. Он не должен был в этом участвовать!

Даже когда он наконец вернулся и уединился на кухне, чтобы приготовить к ужину очередной шедевр, Мара пыталась не забыть, что она злится.

Но злость, как обычно, незаметно сошла на нет.

На седьмые и восьмые сутки ожидания помехи значительно уменьшились, так что удалось настроить прием телепередач из северных областей. Заряда батарей хватило на целых восемь часов непрерывного вещания, и весь день Мара с Кеном провалялись в кровати.

Мара начала задумываться, а появится ли «Зефир» вообще. Со времени прошлого визита прошло уже два года. Тогда гигантский трейлер «заплыл» в городок на день. Словно гирляндами, палубы были украшены улыбками торговцев и лотками, забитыми всякой всячиной.

Из разговоров с командой Мара поняла, что «Зефир» был одним из немногих звеньев, еще связывающих провинцию с крупными городами. С момента энергетического коллапса, когда Ближний Восток поглотило постъядерное запустение, а факел Европы едва тлел, США пытались в корне перестроить экономику, сделав ее независимой от нефтяных ресурсов.

Двумя поколениями позже усилия были вознаграждены. Мегаполисы существовали за счет атомной энергии, там имелись даже канализационные системы, но маленьким поселениям приходилось туго. Привыкшие к благам цивилизации, но оказавшиеся за ее бортом, они как будто погрузились в Средневековье. Люди довольствовались самым малым. Ветер, вода — главные ресурсы.

Мара мечтала увидеть город, залитый электрическим светом, которым пользовались расточительно, бездумно, без оглядки... Город, изгоняющий мрак и ночь с помощью созданного человеком дня.

На десятый день Кен застал ее поспешно собирающей вещи.

— «Зефир» идет с востока. — Она закинула рюкзак за плечи.

— Ты точно этого хочешь?

— Чего?

— Уйти. Ты ведь не знаешь, что там. Странные города, странные люди. Опасности.

Мара посмотрела на него:

— Точно.

Кен опустил взгляд.

— Я думал, будто что-то есть. Между нами.

— Есть, конечно. — Мара замялась. — Но я предупреждала, что однажды уеду.

— Я надеялся...

— Кен. Не могу.

— Уходи.

Посуровевший, он скрылся на кухне. Мара присела на край кровати, едва сдерживая слезы, потом схватила сумки и со злостью хлопнула дверью.

«Зефир» неспешно катился по Мейн-стрит, предоставляя желающим возможность запрыгнуть на борт. Ребятня заполонила тротуары, торговля шла бойко. Внушительные мачты «Зефира» возвышались над скромными домишками в два-три этажа, словно четыре взмывших к небу крыла, — они и работали по тому же принципу. Воздушные массы обтекали меньшую плоскость островерхой мачты, образуя вакуумную подушку, которая толкала массивный колесный корабль вперед.

Мара присоединилась к оживленной толпе, преследовавшей корабль. На ходу кивала знакомым.

Пластиковые бусы, цена которых из-за нехватки нефтяного сырья превышала цену золотых, были развешаны над лотками, выставленными на палубах. Мара поспешила к одному из них, но внезапно путь ей преградила знакомая фигура.

— Дядя Дэн?

— Привет.

Тот с силой сжал ее руку. Мара наблюдала, как скользит мимо громада «Зефира». Она попыталась освободиться

от медвежьей хватки, но не тут-то было. Отец уже проталкивался сквозь толпу.

— Папа! Что вы делаете?!

— Тебе же лучше будет, Мара, — буркнул дядя Дэн. — Ты не ведаешь, что творишь.

— Нет, знаю! — завопила она и с силой пнула его по голени.

Люди вокруг, похоже, их совсем не замечали, хотя Мара отлично понимала, что к вечеру потасовка с родственниками будет обсуждаться всей округой.

Она просила, умоляла, кричала, упиралась, царапалась и дралась. Но, похоже, отец и Дэн уже давно все решили. Они заперли ее в подвале.

— Мы выпустим тебя, когда «Зефир» уйдет, — пообещала мама.

Окон тут не было. Оставалось только представлять, как корабль чинно плывет по улицам к городской окраине и дальше, за ее пределы. Мара пыталась напустить на себя беспечный вид, но потом сдалась, забилась в угол и разрыдалась. Потом колотила в дверь, но никто, разумеется, ее не выпустил.

Подвал был довольно уютный. Его строили как бомбоубежище, так что здесь стояло несколько кроватей, а пол устилал ковер. Дверь со скрипом открылась. Мара посмотрела вверх и поняла, что наступили сумерки. По ступенькам осторожно спускался Кен.

— Мара, это я.

— Полагаю, ты с ними заодно?

— Вообще-то нет. Твои надеются, что мне удастся вразумить тебя. Я не стану лгать. Я хочу, чтобы ты осталась. Но удерживать тебя силой бессмысленно.

— Чем дольше мы живем вдали от цивилизации, тем хуже. Это какое-то сумасшествие.

— Может быть. Но старики напуганы. Они не хотят тебя терять.

— Это не дает им права запирать меня, как паршивого пса!

Кен подошел ближе.

— Мой карт у дома. Там все, что тебе нужно. Ты лучше всех управляешься с парусом, обойдешь любого. На длинном галсе ты еще догонишь «Зефир». К тому же с твоим дядей я никогда не мог найти общего языка.

Мара с благодарностью крепко обняла его.

— Спасибо тебе, спасибо большое.

— Если когда-нибудь вернешься, найди меня, прошу.

— Ты тогда поедешь со мной?

— Вот и спросишь.

Кен отстранился и поднялся по лестнице.

— Иди за мной.

Энергичным шагом он направился к отцу и дяде Мары, громко окрикивая их, чтобы отвлечь. Мара побежала прочь, потеряв, правда, туфлю, миновала мать и выскочила во двор.

С легким хлопком парус надулся, и она направила карт по дюнному морю. Потом обернулась: две фигуры на крыльце смотрели ей вслед. В погоню никто не бросился. О ее исключительном мастерстве в управлении парусом знали все.

Прошло несколько часов, прежде чем на горизонте показались четыре высокие мачты. Издалека доносились крики команды, пока Мара нагоняла гигантский песчаный корабль.

— Эй, на борту!

Кто-то спустил лестницу, и она вскарабкалась наверх.

Лишившись управления, карт накренился и завалился в песчаный нанос, расколов крохотную мачту надвое.

Торговец с лестницей отступил в сторону, пропуская офицера в форме цвета хаки.

— Мы наблюдаем за вами уже пару часов, — произнес тот. — Нам понравилось, как вы управляетесь с ветром.

— В навигационных картах разбираетесь? — спросила женщина в форме, бывшая тут же. На плечах у нее красовались необычные погоны.

— Нет.

— Рассчитываете на место в команде?

— Да. — Мара почувствовала, как в животе все сжалось.

— Тогда придется научиться читать карты. — Женщина протянула руку. — Добро пожаловать на борт, детка, я капитан Шана. Если перейдешь мне дорогу или дашь повод так думать, я вышвырну тебя в песок, стервятникам на закуску. Это понятно?

— Да, мэм.

— Хорошо. Выделите ей гамак.

Мара стояла на палубе «Зефира» и наслаждалась моментом. Потом офицер тронул ее за плечо:

— Тут, конечно, не курорт, тяжелой работы навалом. Но дело того стоит. Идемте.

Она задержалась на миг, бросив взгляд на ровную линию горизонта, манившего великим соблазном — будущим. И спустилась в трюм.

ДЖЕК МАКДЕВИТТ

Никогда не теряйте мужества

Джек Макдевитт — автор более десяти романов, в том числе постапокалиптического шедевра «Дорога в вечность» («Eternity Road»), действие которого разворачивается в тех же декорациях, что и в представленном ниже произведении. Рассказы писателя публиковались в журналах «Analog», «Asimov's» и «F&SF», а также в многочисленных антологиях. Макдевитт тринадцать раз номинировался на премию «Небьюла» и в 2007 году наконец получил ее за роман «Искатель» («Seeker»). Среди других престижных наград можно отметить премию журнала «Locus» за роман «Послание Геркулеса» («The Hercules Text»), а также премию Джона Кэмпбелла за роман «Омега» («Omega»).

Рассказ «Никогда не теряйте мужества» повествует о женщине по имени Чака Милана, которая покидает родной город в поисках легендарного места, где можно раскрыть тайну мифических Строителей Дорог. От них остались бетонные ленты, опоясавшие всю землю, и руины городов с башнями столь высокими, что за целый день не поднимешься. На своем пути Чака встречает воплощение одного знаменитого человека, но не узнает его, однако читателю это наверняка удастся.

Едва они засыпали могилу, начался дождь.

Квейт склонил голову и скороговоркой произнес традиционные слова прощания. Чака посмотрела на доску с именем Флорджиана, датами рождения и смерти и надписью «Вдали от дома».

Флорджиан не особенно нравился ей. Этот эгоист вечно ныл, жаловался и считал себя умнее всех. Но все-таки на него можно было рассчитывать, а теперь их осталось только двое.

Квейт взглянул на нее и кивнул. Пора и ей попрощаться. Она радовалась, что все позади. Этого недоумка угораздило свалиться с развалин и разбить голову, и целых четыре дня они мало чем могли облегчить его страдания. Так нелепо и бессмысленно погибнуть.

— Флорджиан, нам будет тебя не хватать, — произнесла она, чем и ограничилась, потому что так и думала на самом деле, да к тому же дождь явно усиливался.

Они направились к лошадям. Квейт приторочил лопату позади седла и так неуклюже взгромоздился на лошадь, что Чака, как обычно, подивилась, почему Быстроног не сбросил его.

Она стояла, глядя на Квейта.

— Что-то не так? — Он утерся ладонью. Шляпа низко нахлобучена на лоб. Вода струями стекает с полей шляпы на плечи.

— Самое время бросить все, — сказала Чака. — И вернуться домой. Пока можно.

Прогремел гром. Сумерки сгущались.

— Не самое подходящее время спорить об этом.

Квейт ждал, пока она сядет на лошадь. Дождь бил струями по рыхлой земле, хлестал по веткам деревьев.

Она обернулась и бросила последний взгляд на могилу. Вот и остался Флорджиан среди развалин, холмов и лесных зарослей. Она вдруг подумала, что такая могила ему бы, пожалуй, понравилась. Ему нравилось все старинное. Она поплотнее застегнула куртку и вскочила в седло. Квейт тут же рысью тронулся с места.

Они похоронили Флорджиана на самом высоком из окрестных холмов. Теперь они пробирались по гребню холма между разрушенными бетонными каркасами, окаменевшими бревнами и проржавевшим металлом — обломками былого мира, медленно поглощаемыми землей. Время наложило на развалины благородный отпечаток: земля и растительность окружили весь этот мусор и прикрыли его, сглаживая острые края. Когда-нибудь, подумала она, от этих руин не останется ничего, и кто бы сюда ни забрел, он даже не заподозрит об их существовании.

Квейт сгорбился под дождем, натянув шляпу на самые глаза и упираясь правой рукой в круп лошади. Он выглядел таким изнуренным, усталым и сломленным, что Чака впервые поняла, что он уже сдался. Он просто ждет, чтобы кто-нибудь взял на себя ответственность и возвестил о неудаче.

Они спустились с холма и теперь продвигались по узкой тропе между бетонными блоками.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил он.

Чака чувствовала себя хорошо. Чувствовала себя напуганной. Утомленной. Чувствовала себя ответственной за то, что предстоит сообщить матерям и вдовам по возвращении домой. Когда-то они отправились в путь вшестером.

— Все хорошо, — сказала она.

Они добрались до своего убежища, темного грота, обрамленного известняком и скрытого зарослями папоротника. Уходя, они не загасили костер, и теперь там было тепло и уютно. Они спешились и завели внутрь лошадей.

Квейт подбросил в огонь пару поленьев.

— Ну и холодище, — сказал он.

В небе сверкнула молния.

Они поставили чайник на раскаленный камень, покормили и напоили лошадей, переоделись в сухое и уселись возле костра. Надолго замолчали. Чака сидела, закутавшись в одеяло, наслаждаясь теплом. Квейт внес несколько записей в журнал, уточняя местоположение могилы Флорджиана, чтобы будущие путешественники, если таковые объявятся, смогли ее найти. Потом вздохнул и взглянул — не на Чаку, а в пространство.

— Ты действительно считаешь, что нам следует вернуться?

— Думаю, да. По-моему, мы хлебнули достаточно. Пора домой.

Он кивнул:

— Но мне жаль вот так все бросить.

— Мне тоже. Но все же пора.

Трудно представить, что собой представлял этот грот прежде. Не пещера — стены явно рукотворные. Краски, какими бы они ни были изначально, полностью выцвели. Теперь стены были серыми, все в пятнах и переходили в высокий сводчатый потолок. По ним разбегались какие-то косые линии, возможно, остатки былого орнамента. Это был просторный грот, побольше, чем зал заседаний на сотню человек, и уходил глубоко внутрь холма.

По возможности она избегала развалин. Но это не всегда удавалось, потому что руины были всюду. А в руинах

водилась всякая гадость. И сами постройки таили опасность, что испытал на себе Флорджиан. Сплошные ловушки и засады, вот что такое развалины, как она говорила. По правде сказать, она в свое время наслушалась всяких россказней о привидениях и духах, обитающих среди развалин. Не то чтобы она испытывала суеверный страх и уж ни за что не призналась бы в этом Квейту, но береженого бог бережет.

Они наткнулись на этот грот несколько часов спустя после падения Флорджиана и забрались сюда, радуясь хоть какому-то укрытию. Но теперь ей не терпелось убраться отсюда.

Гром сотрясал стены, и доносился мерный шум дождя. Было еще сравнительно не поздно, но сумрачно.

— Чай, наверно, готов, — сказала Чака.

Квейт покачал головой:

— Жаль все бросать. Нам всегда будет казаться, что мы могли достичь цели прямо за следующим холмом.

Едва она взяла чайник и принялась разливать, как громыхнуло прямо над укрытием.

— Близко, — сказала она, радуясь, что у них есть крыша над головой.

Квейт ухмыльнулся и поднял чашку насмешливым жестом, словно выказывая почтение неведомым силам.

— Может, ты и права, — сказал он. — Может, нам так намекают.

Молния ударила в проржавевшую крестовину на склоне холма. Бо́льшая часть энергии ушла в землю. Однако часть ее проникла в кабель, пробежала по нему до оплавленной распределительной коробки, потом дальше по сети добралась до нескольких старых печатных плат. Одна из плат подала ток в давно бездействующую вспомогательную систему; другая — на датчики антенны, которые начали записывать звуки в гроте. Третья, хотя и не сразу, подключила и активировала единственную уцелевшую программу.

Они плотно поели. В то утро Чака наткнулась на невезучую индейку, а Квейт добавил ягоды и свежеиспеченное

печенье. Запас вина давно истощился, но в глубине грота, всего в нескольких метрах, оказался ручей с холодной чистой водой.

— Не похоже на то, что мы подобрались близко, — сказала Чака. — Во всяком случае, я в это не верю. Даже если это совсем близко, слишком дорогую цену мы заплатили.

Ближе к ночи гроза утихла. Дождь все еще продолжался, но уже не лил, скорее моросил.

Квейт оживленно болтал весь вечер, рассказывал о своих замыслах, о том, как важно выяснить, кто построил эти гигантские города, разбросанные по всей пустыне, что случилось с этими строителями и как освоить эти древние чудеса. Но, признал он, искоса поглядывая на Чаку и как бы давая ей возможность возразить, скорее всего она права.

— Разумеется права, — сказала Чака.

У костра пригревало, и вскоре Квейт заснул. С тех пор как они покинули Иллирию, а это случилось три месяца назад, он похудел на десяток килограммов, постарел и утратил то беспечное добродушие, которое так привлекало ее вначале. Теперь он был сосредоточен только на делах.

Она попыталась избавиться от чувства безнадежности. Они находились далеко от дома, одни в дикой глуши, среди диких зверей, призраков и заброшенных городов, где мигают огни, звучит музыка и движутся механические вещи. Она закуталась в одеяло и слушала, как вода капает с деревьев. Полено треснуло и обрушилось в огонь.

Внезапно очнувшись, она не сразу поняла, что вывело ее из дремотного состояния.

У входа в грот стоял человек, и его неясные очертания освещались с одной стороны лунным светом, а с другой — огнем костра. Он разглядывал что-то снаружи.

Рядом с ней мерно дышал во сне Квейт.

Под головой у нее вместо подушки лежала седельная сумка. Плавным незаметным движением она достала оттуда пистолет.

Человек у входа выглядел полноватым и был одет весьма примечательно. На нем был черный пиджак, такие же брюки, круглая шляпа, а в руках он держал трость. Возле

губ у него то тускнел, то вспыхивал красный огонек. Она ощутила нечто вроде запаха горящей травы.

— Не двигаться, — тихо приказала она, поднимаясь навстречу привидению. — У меня пистолет.

Он повернулся, взглянул на нее с любопытством, и над головой потянулась струйка дыма. Он и в самом деле что-то курил. И запах такой противный.

— У вас пистолет, — произнес он. — Надеюсь, вы им не воспользуетесь?

Похоже, на него это не произвело впечатления.

— Я серьезно говорю, — сказала она.

— Извините. — Он улыбнулся. — Я не хотел вас будить.

На нем была белая сорочка и синий галстук-бабочка в мелкий белый горошек. Седые волосы и резкие, даже свирепые черты лица. Чем-то он напоминал бульдога. Он сделал несколько шагов внутрь грота и снял шляпу.

— Кто вы такой? — спросила она. — И что вы здесь делаете?

— Я здесь живу, юная леди.

— Где это — здесь? — Она оглядела голые стены, словно колыхавшиеся в неровном свете костра.

— Здесь. — Он повел рукой вокруг и сделал еще один шаг вперед.

Она посмотрела на пистолет и снова на него.

— Расстояние подходящее, — сказала она. — Я не промахнусь, уж будьте уверены.

— Уверен, что не промахнетесь, юная леди. — Суровое лицо смягчила дружелюбная улыбка. — Но поверьте, я не представляю никакой опасности.

— Вы один? — спросила она, быстро оглянувшись.

В глубине пещеры ничего не шелохнулось.

— Теперь да. Раньше был еще Франклин. И Авраам Линкольн. И еще один американец. По-моему, гитарист. Вообще раньше была целая толпа народу.

Чаке не понравилось, как развивается разговор. Похоже, он старается отвлечь ее.

— Надеюсь, сюрпризов не будет. Если что, первая пуля ваша, — сказала она.

— Хорошо, что здесь снова люди. Когда я заходил сюда в прошлые разы, здание пустовало.

— Вот как?

Какое еще здание?

— О да. Мы собирали огромную аудиторию. Но теперь нет ни партера, ни балкона. — Он медленно осмотрелся. — Интересно, что произошло?

— Как вас зовут? — спросила она.

Он выглядел озадаченным. Даже потрясенным.

— Вы не знаете, как меня зовут? — Он оперся на трость и вгляделся в Чаку пристальнее. — В таком случае, думаю, нет смысла с вами разговаривать.

— Откуда мне знать? Мы никогда с вами не встречались. — Она подождала ответа, но не дождалась и продолжила сама: — Я Чака из Иллирии.

Мужчина учтиво поклонился.

— Полагаю, в данных обстоятельствах вы можете называть меня Уинстон. — Он одернул пиджак. — Сквозняки здесь. Почему бы нам не подойти к костру, Чака из Иллирии?

Имей он враждебные намерения, они с Квейтом были бы уже покойниками. Могло быть и еще хуже. Она опустила пистолет и заткнула за пояс.

— Странно, что здесь вообще кто-то появился. Не хочу вас обидеть, но место выглядит давно заброшенным.

— Да, так оно и есть.

Она посмотрела на Квейта: спит без задних ног. Пользы от него как от козла молока, если бы призрак прокрался незамеченным.

— И где же вы все это время были?

Он задумался.

— Не могу сказать, — сказал он, — но вообще-то здесь. Я ведь постоянно здесь нахожусь. — Он с трудом опустился на пол и протянул руки к костру. — Приятно.

— Холодина.

— Не найдется ли у вас глоточка бренди? Нет, наверное.

Что еще за бренди такое?

— Нет, — ответила она. — У нас нет бренди.

— Жаль. Хорошо согревает старые кости. — Он пожал плечами и огляделся. — Странно, — сказал он. — Не знаете, что здесь случилось?

— Нет. — Она даже не поняла вопроса. — Понятия не имею.

Уинстон положил шляпу на колени.

— Здесь все выглядит совсем запущенным, — сказал он. Странно, но факт запустения приобрел значительность, когда он упомянул об этом. — Прошу меня простить, но я никогда не слыхивал об Иллирии. С вашего позволения, где это находится?

— Несколько недель отсюда на юго-запад. В долине Мавагонди.

— Понятно. — Судя по его тону, он ничего не понял. — А кто такой Мавагонди?

— Это река. Вы и про нее не знаете?

Он взглянул ей прямо в глаза.

— Боюсь, я мало что знаю про те места. — Он помрачнел. — Вы со своим спутником направляетесь домой?

— Нет, — ответила она. — Мы ищем убежище Хейвен.

— Убежище? Вы, конечно, можете остаться здесь, — предложил Уинстон. — Но сдается мне, что вам здесь будет не слишком уютно.

— Спасибо, но я же сказала, что нам нужно не вообще убежище, а убежище Хейвен. Так называется это место.

Уинстон кивнул, наморщив лоб. По его глазам видно было, что он усиленно размышлял.

— Это возле Бостона?

Чака снова взглянула на Квейта и подумала, не стоит ли его разбудить.

— Не знаю, — сказала она. — А где этот Бостон?

Уинстон улыбнулся.

— Ну и ну, — сказал он, — похоже, кто-то из нас заблудился. Интересно только кто.

Она уловила блеск в его глазах и улыбнулась в ответ. Несмотря на его старомодную манеру изъясняться, она поняла, что он сказал: они оба заблудились.

— Так где же этот ваш Бостон? — снова спросила она.

— Сорок миль к востоку. Прямо по автостраде.

— Какой автостраде? Нет здесь никакой автострады. По крайней мере, я ничего подобного не видела.

Огонек сигары разгорелся и снова потускнел.

— О боже. Да, должно быть, прошло слишком много времени.

Она обхватила руками колени.

— Уинстон, должна признаться, что я не понимаю, о чем мы говорим.

— Я тоже. — Он смотрел ей прямо в глаза. — Что такое Хейвен?

Ее потрясло такое невежество.

— Вы шутите?

— Вовсе нет, я серьезно спрашиваю. Пожалуйста, просветите меня.

Ладно, все-таки он живет в такой глуши.

— Хейвен — это родина Авраама Полка, — с надеждой пояснила она.

Уинстон в недоумении потряс головой.

— А кто такой этот Полк? — спросил он.

— Полк жил в конце эпохи Строителей Дорог. Он знал, что миру приходит конец, а города умирают. Он спасал все, что мог. Ценности. Знания. Историю. И он спрятал все это в убежище, куда ведет подводный вход.

— Подводный вход, — повторил Уинстон. — Как же вы надеетесь проникнуть туда?

— Боюсь, что никак, — сказала Чака. — Боюсь, что мы прямо здесь откажемся от этой затеи и повернем домой.

Уинстон кивнул.

— Костер прогорает, — сказал он.

Она подгребла угли кочергой и подкинула полено.

— Никто не знает, был ли Полк на самом деле. Может, это просто миф.

Снаружи мелькнула молния. Секундой спустя прогремел гром.

— Этот Хейвен чем-то напоминает Камелот, — сказал он.

Что еще за Камелот?

— Вы имеете в виду, — спросил он, затянувшись своей горящей травой, — что мир там, снаружи, весь в развалинах?

— Нет, снаружи все очень красиво.

— Но там руины?

— Да.

— Обширные?

— Да, повсюду. В лесах, в реках. Даже на мелководье в морских гаванях. Повсюду. Некоторые из них даже каким-то непонятным образом действуют. Например, едет поезд, которым никто не управляет.

— И что вам известно о Строителях?

Она пожала плечами:

— Очень мало. Почти ничего.

— Их тайны скрыты в Хейвене?

— Да.

— И вы собираетесь повернуть назад?

— У нас не осталось сил, Уинстон.

— У меня просто дух захватывает от любознательности, что вами движет, Чака.

Черт бы его побрал.

— Послушайте, вам легко говорить. Вы и понятия не имеете о том, что нам пришлось пережить.

Уинстон не отрывал от нее глаз.

— Согласен, не имею. Но какая награда ждет в конце пути! А море уже близко.

— Нас осталось только двое, — сказала она.

— Историей движут не толпы, — сказал он. — И не благоразумные обыватели. Курс всегда прокладывает отважный капитан.

— Нет, все кончено. Нам еще повезет, если мы доберемся до дома.

— Может, и не доберетесь. А на пути к цели риск вам обеспечен. Но вы должны решить, что для вас ценнее — риск или награда за него.

— Вот мы и решим. У меня есть спутник.

— Он подчинится вашему решению. Все зависит от вас.

Она пыталась удержать злые слезы.

— Мы такого натерпелись. Сделали все, что могли. Идти дальше неразумно.

— Ценность разума часто преувеличивают, Чака. В тысяча девятьсот сороковом году было бы разумно принять условия Гитлера.

— Принять что?

Он отмахнулся от вопроса:

— Не имеет значения. Но разум, находясь под давлением, обычно склоняется к осторожности, когда требуется отвага.

— Я не труслива, Уинстон.

— Уверен, что нет.

Он затянулся своей сигарой. Сизый дым доплыл до Чаки. Глаза защипало, и она отшатнулась.

— А вы не привидение? — спросила она.

Вопрос звучал вполне резонно.

— Боюсь, что да. Я то, что остается на песке, когда отступает прилив. — В его глазах играли отблески костра. — Интересно, если никто из живущих не помнит события, то сохраняет ли смысл само событие? Ведь оно в таком случае как бы и не происходило.

Квейт заворочался во сне, но не проснулся.

— Боюсь, что не знаю, — ответила Чака.

Они надолго замолчали.

Уинстон поднялся на ноги. Ей показалось, что он недоволен ею.

— Старому человеку жестковато сидеть на полу. Разумеется, вы правы: вам придется решать, стоит ли идти дальше. Камелот никогда не существовал в действительности. Единственный смысл его заключался в том, что он существовал как идея. Может, и ваше убежище Хейвен — тоже всего лишь идея.

— Нет, — твердо сказала она. — Хейвен существует на самом деле.

— Кто-нибудь, кроме вас, ищет его?

— Была еще одна группа, они тоже потерпели неудачу. Думаю, что больше никто не возьмется за поиски.

— В таком случае, Чака из Иллирии, вы должны хорошенько подумать, ради чего вы вообще пустились в путь. Ради чего погибли ваши товарищи. Что вы ищете на самом деле.

— Деньги. Все очень просто. Древние рукописи бесценны. Мы бы прославились на всю Лигу. Ради этого и пошли.

Он задумался.

— Тогда ступайте назад, — сказал он. — Если это чисто коммерческое предприятие, пошлите все к черту и вложите деньги в недвижимость.

— Простите, куда?

— Но, скажу я вам, вы вовсе не по этой причине отправились на поиски. И домой вы возвращаетесь, потому что забыли, ради чего взялись за это дело.

— Мы не забыли.

— Забыли, забыли. Хотите, я скажу вам, ради чего вы на это отважились? — Какое-то время он, казалось, не мог подобрать слова. — Ваш Хейвен не имеет ничего общего ни со славой, ни с деньгами. Конечно, если бы вы туда добрались, разгадали эту тайну, вы бы и прославились, и заработали неплохо — если бы еще и домой сумели вернуться. Но в действительности вы получили бы нечто неизмеримо большее, и, подозреваю, знаете об этом: вы открыли бы, кто вы такие на самом деле. Разве вы не обнаружили бы, что являетесь потомками тех, кто построил Акрополь, написал «Гамлета», долетел до спутников Нептуна.

— Нет, — сказала она. — По-моему, нет.

— Тогда мы утратили все, Чака. Но вы еще можете вернуть утраченное. Если захотите. Если и не вы, то кто-нибудь другой. Но оно того стоит, любую цену можно заплатить за это.

Он почти слился с темнотой.

— Уинстон, — окликнула она. — Я вас не вижу. Вы еще здесь?

— Я здесь. Система устарела, и зарядки хватит ненадолго.

Сквозь него просвечивало небо.

— Да вы и в самом деле привидение, — сказала она.

— Вполне возможно, вы не достигнете цели. Наверняка можно предвидеть только трудности и испытания. Но держитесь. Никогда не сдавайтесь.

Она уставилась на него во все глаза.

— Никогда не теряйте мужества.

Внезапно ее пробрала дрожь и появилось ощущение, что она бывала здесь раньше, встречала этого человека в какой-то другой жизни.

— В вас есть что-то знакомое. Может, я где-то видела ваше изображение?

— Не могу сказать.

— Может, дело в словах. Они отдаются эхом.

Он смотрел прямо на нее.

— Может быть. — Сквозь его очертания у входа в грот просвечивали звезды. — Не забывайте, что бы ни случилось, вы — одна из избранных. Член братства избранных. Вы не одиноки.

Она смотрела, как он постепенно исчезает, оставался только едва тлевший кончик сигары.

— Вы ищете самое себя.

— Вы все это себе придумали.

— Я знаю вас, Чака. — Он совсем исчез, оставался только голос. — Я знаю, кто вы на самом деле. И вы тоже вскоре выясните это.

— Это его имя или фамилия? — спросил Квейт, пока они седлали лошадей.

— Не могу сказать. — Она нахмурилась. — Я вообще не могу сказать, был ли он на самом деле или только привиделся мне. Никаких следов. Никаких отпечатков.

Квейт взглянул на восходящее солнце. Утро было ясное.

— Вот так всегда в этих местах. Не то действительность, не то иллюзия. Жаль, что ты меня не разбудила.

— Мне тоже жаль. — Она вскочила в седло и потрепала лошадь по холке. — Он сказал, что море всего в сорока милях отсюда.

Над ними струился теплый утренний воздух.

— Так ты решила ехать дальше?

— Квейт, ты когда-нибудь слышал о Нептуне?

Он покачал головой.

— Может быть, — сказала она, — в следующий раз мы отправимся туда.

КОРИ ДОКТОРОУ

Когда сисадмины правили Землей

Доктороу — автор романов «Доходяга в волшебном королевстве» («Down and Out in the Magic Kingdom»), «Восточное стандартное племя» («Eastern Standard Tribe») и «Кто-то приходит в город, кто-то уходит из города» («Someone Comes to Town, Someone Leaves Town»). Готовятся к изданию «Младший брат» («Little Brother») и роман с рабочим названием «Темпанк» («Themepunks»). Рассказы Доктороу, публиковавшиеся в различных журналах от «Asimov's Science Fiction» до сетевого «Salon.com», представлены в сборниках «Чужое место и восемь других историй» («A Place So Foreign and Eight More») и «Разогнанный процессор. Рассказы о наступившем будущем» («Overclocked: Stories of the Future Present»). Писатель трижды становился лауреатом премии журнала «Locus», получил канадскую премию «Starburst», номинировался на премии «Хьюго» и «Небьюла», а в 2000 году удостоился премии Джона Кэмпбелла в номинации «Лучший молодой автор». Доктороу также является соредактором «Boing Boing», сетевого «справочника удивительных вещей».

Повесть «Когда сисадмины правили Землей» впервые была опубликована в электронном журнале «Jim Baen's Universe» и в 2007 году завоевала премию журнала «Locus». В этом произведении сисадмины (администраторы компьютерных систем) после серии катастроф, погубивших цивилизацию, укрываются в сетевых центрах управления. Когда Интернет создавался, предполагалось, что он будет способен выдержать ядерные взрывы, и в этом произведении Доктороу, сам бывший сисадмин, задает вопрос: если Интернет переживет апокалипсис, то что после конца света станут делать спасшиеся технические специалисты?

Когда служебный телефон Феликса зазвонил в два часа ночи, Келли повернулась на бок, ткнула его в плечо и прошипела:

— Почему ты не выключил эту проклятую штуковину, когда ложился спать?

— Потому что я должен оставаться на связи.

— Ты же не долбаный врач, — продолжила она, пиная его, когда он сидел на краю кровати, натягивая брюки, которые перед сном бросил на пол, — ты чертов системный администратор.

— Это моя работа.

— На тебе пашут, как на правительственном муле. И ты знаешь, что я права. Господи, ты же теперь отец и не можешь убегать посреди ночи всякий раз, когда накрывается чей-то источник порнухи. Не бери трубку.

Он знал, что жена права. Он взял трубку.

— Главные маршрутизаторы[1] не отвечают. BGP[2] не отвечает.

Механическому голосу системного монитора было все равно, если его проклянут, и Феликс тут же это сделал. Хоть немного полегчало.

— Может быть, мне удастся все наладить из дома, — сказал он.

Феликс мог подключиться к источнику бесперебойного питания «клетки» и перезагрузить маршрутизаторы. ИБП находился в другом сетевом блоке и имел собственные независимые маршрутизаторы, питающиеся от своих ИБП.

Келли уже сидела на постели, он мог различить очертания ее фигуры на фоне изголовья кровати.

— За пять лет нашего брака ты ни разу не сумел наладить что-либо из дома, — заявила она.

На сей раз жена была не права: он постоянно решал разные проблемы из дома, но делал это незаметно, не привлекая ее внимания, потому она об этом и не знала. Но Келли все же попала в точку — судя по его журналам событий, после часа ночи уже ничто и никогда нельзя было исправить и наладить, не приезжая в «клетку». Закон бесконечной вселенской извращенности, он же Закон Феликса.

Пять минут спустя Феликс уже сидел за рулем. Из дома он ничего сделать не сумел. Сетевой блок независимого

---

[1] *Маршрутизатор* — устройство для соединения сетей, использующих разные архитектуры и протоколы; осуществляет выбор одного из нескольких путей передачи сетевого трафика, а также фильтрацию широковещательных сообщений для локальной сети.

[2] *BGP* (Border Gateway Protocol) — пограничный межсетевой протокол.

маршрутизатора тоже оказался недоступен из Сети. В последний раз такое случилось, когда один строитель-идиот перерубил ковшом экскаватора оболочку главного кабеля, ведущего в информационный центр, и Феликс стал одним из полусотни разъяренных сисадминов, которые неделю торчали над образовавшейся в результате ямой и кляли на чем свет стоит несчастных придурков, сидевших в ней круглосуточно, сращивая десять тысяч проводков.

В машине телефон звонил еще дважды. Феликс перевел звук на стереосистему и выслушал через большие басовые динамики автоматические сообщения об отключении от сети новых критических элементов инфраструктуры.

Затем позвонила Келли.

— Привет, — отозвался он.

— Не подлизывайся. Я по голосу слышу, как ты подлизываешься.

Он невольно улыбнулся:

— Поверь — не подлизываюсь.

— Я тебя люблю, Феликс.

— А я от тебя без ума, Келли. Ложись поспи.

— Два-ноль проснулся, — сообщила она.

Находясь в ее лоне, ребенок получил имя Бета-Тест, а когда у нее отошли воды, Феликс, узнав об этом по телефону, выскочил из офиса с криком: «Золотой мастер-диск[1] только что отправлен!» Они начали называть малыша 2.0, как только он в первый раз закричал.

— Этот мелкий паршивец родился, чтобы меня сосать.

— Извини, что разбудил тебя.

Он уже почти добрался до инфоцентра. Никакого уличного движения в два часа ночи. Феликс притормозил перед въездом в подземный гараж: он боялся, что внизу связь оборвется.

— Дело не в том, что ты меня разбудил. Ты работаешь там уже семь лет. У тебя в подчинении трое молодых парней. Отдай телефон им. Ты свой долг выполнил.

— Мне не хочется просить своих подчиненных делать что-либо за меня.

---

[1] *Мастер-диск* — диск, подготовленный к тиражированию, иногда называют «золотым».

— Все, что от тебя требовалось, ты уже сделал. Пожалуйста... Я ненавижу просыпаться одна среди ночи. По ночам мне тебя не хватает больше всего.

— Келли...

— Я уже не сержусь. Мне просто тебя не хватает, вот и все. Ты навеваешь мне сладкие сны.

— Хорошо.

— Что, так просто? Ты согласен?

— Именно так. Очень просто. Не могу допустить, чтобы тебе снились плохие сны. Я выполнил свой долг. Отныне я буду на ночных дежурствах только для того, чтобы заработать дополнительный отпуск.

Она рассмеялась:

— Сисадмины не берут отпуска.

— А этот возьмет. Обещаю.

— Ты прелесть. О, замечательно... Два-ноль только что выполнил аварийный сброс по всей моей ночнушке.

— Весь в меня.

— Кто бы сомневался.

Келли повесила трубку, и Феликс завел машину на стоянку инфоцентра, сунув в щель пропуск и приподняв усталое веко, чтобы сканер сетчатки хорошенько разглядел его все еще сонный глаз.

Феликс задержался у автомата в «чистой комнате» и взял себе энергетический батончик с гуараной и убойной крепости кофе в чашке-непроливайке. Он быстро проглотил батончик и выпил кофе, затем позволил внутренней двери прочесть геометрию его ладони и измерить параметры тела. Дверь с шипением отворилась, из шлюза за ней его обдуло потоком воздуха (внутри поддерживалось избыточное давление), и Феликс наконец-то оказался допущен во внутреннее святилище.

Там царил бедлам. «Клетки», где стояли серверы, были рассчитаны на то, чтобы внутри перемещались два-три сисадмина. Все остальное свободное пространство, до последнего кубического дюйма, предназначалось гудящим стойкам с маршрутизаторами, серверами и жесткими дисками. Сейчас туда плотно, как селедки в бочке, втиснулись не менее двадцати сисадминов. То было настоящее сборище черных футболок с непостижимыми лозунгами и животов, нависа-

ющих над поясами, увешанными мобильниками и чехольчиками с универсальными инструментами.

При обычных обстоятельствах в «клетке» царил едва ли не мороз, но теперь все эти тела перегревали небольшое замкнутое пространство. Когда Феликс вошел, пятеро или шестеро взглянули на него и скривились. Двое поздоровались с ним по имени. Феликс втиснул свой живот в узкий проход между стойками и начал пробираться в дальний конец помещения, где располагались серверы «Ардента».

— Феликс. — Это был Ван, сегодня ночью он не дежурил.

— Что ты здесь делаешь? Хочешь, чтобы завтра утром мы оба превратились в невыспавшиеся развалины?

— Что? А, ты об этом... Там стоит мой персональный сервер. Он «упал» примерно в половине второго ночи, меня разбудил монитор процессов. Надо было позвонить и сказать, что я сюда еду, — избавил бы тебя от хлопот.

Собственный сервер Феликса — корпус, который он делил с пятью друзьями, — находился в стойке этажом ниже. Интересно, не «упал» ли и этот?

— Что произошло?

— Массированная атака флэш-червя[1]. Какая-то сволочь заставила все серверы «Windows» в сети гонять проверки по методу Монте-Карло по каждому блоку интернет-протоколов, включая IPv6. А у больших маршрутизаторов «Циско» все административные протоколы работают через v6, и все они «падают», если запускается более десяти проверок одновременно, а это означает, что практически все обмены данными снизились почти до нуля. DNS[2] тоже накрылись — такое впечатление, что вечером кто-то отравил передачу данных между зонами. Да, и еще есть некий почтовый компонент, рассылающий весьма правдоподобные сообщения всем, кто находится в твоей адресной книге, выплевывая при этом

---

[1] *Червь* — вирусная программа, самостоятельно распространяющая свои копии по Сети.

[2] *Domain Name Server* — сервер доменных имен (служебный компьютер Сети, переводящий имена компьютеров в доменных записях в адреса IP).

«Элиза-диалог»[1], который отключает электронную почту и сообщения, чтобы заставить тебя запустить «троян»[2].

— Господи!

— Вот-вот.

Ван относился к сисадминам второго типа — выше шести футов ростом, торчащий кадык, волосы собраны в длинный конский хвост. Его грудь с выступающими ребрами прикрывала футболка с надписью «ВЫБЕРИ СВОЕ ОРУЖИЕ» на фоне многогранных игровых костей.

Феликс же был админом первого типа — семьдесят или восемьдесят фунтов лишнего веса вокруг талии и аккуратная борода, которой он прикрывал лишние подбородки. На его футболке значилось «ПРИВЕТ, КТУЛХУ» и красовалось изображение симпатичного безротого Ктулху в стиле «Привет, Китти». Они с Ваном были знакомы более пятнадцати лет, пересеклись сперва через «Usenet», потом в реале на пивных вечеринках «Freenet» в Торонто, затем на парочке сборищ фанатов «Звездного пути», а кончилось тем, что Феликс взял Вана работать в «Ардент» под своим началом. Ван был надежен и методичен. Электротехник по образованию, он имел привычку заполнять один блокнот за другим подробными записями всех своих действий с указанием даты и времени.

— На этот раз даже не ПМКИС,— мрачно заключил Ван.

«Проблема Между Клавиатурой И Стулом». Почтовые «трояны» попадали как раз в эту категорию — если бы у людей хватало ума не открывать подозрительные вложения, то «трояны» давно канули бы в прошлое. Но «черви», которые грызли сейчас маршрутизаторы «Циско», не были проблемой, связанной с людской дуростью,— они являлись просчетом некомпетентных инженеров.

— Нет, тут виноват «Майкрософт»,— подтвердил Феликс. — Всякий раз, когда я оказываюсь на работе в два

---

[1] *«Элиза»* — виртуальный собеседник, знаменитая компьютерная программа Джозефа Вейзенбаума, написанная им в 1966 г., которая пародирует диалог с психотерапевтом, реализуя технику активного слушания. Программа была названа в честь Элизы Дулитл, героини пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу.

[2] *«Троянский конь»* — программа, которая выдает себя за другую программу с целью получения информации.

часа ночи, причиной тому или ПМКИС, или «Майкро-ленивец».

Кончилось все тем, что они взяли и отключили чертовы маршрутизаторы от Интернета. Не Феликс, разумеется, хотя ему до зуда в кончиках пальцев хотелось это сделать, а потом перезагрузить маршрутизаторы, предварительно отключив их интерфейсы IPv6. Это проделали два «ублюдка-оператора из ада»[1], которым пришлось повернуть два ключа одновременно, чтобы получить доступ в свою «клетку» — как охранникам в пусковой шахте ракеты «Минитмен». Через это здание проходило девяносто пять процентов внешнего трафика Канады. И система безопасности здесь была покруче, чем в большинстве пусковых шахт «Минитменов».

Феликс и Ван выводили серверные стойки «Ардента» в оперативный режим один за другим. Серверы подвергались бомбардировке вирусами, и едва очередной маршрутизатор снова выходил в онлайн, все расположенные за ним серверы оказывались открыты для атаки. Каждый сервер в Интернете или тонул в потоке «червей», или порождал вирусные атаки, или делал и то и другое одновременно. После примерно сотни тайм-аутов[2] Феликс смог пробиться на сайты «NIST» и «Bugtraq» и скачать некоторые патчи[3] для ядра,

---

[1] *«Ублюдок-оператор из ада»* — название цикла рассказов новозеландского автора Саймона Травальи о работе оператора компьютерной сети, который отличается крайней нетерпимостью к некомпетентным пользователям.

[2] *Тайм-аут* — истечение лимитированного времени ожидания, в данном случае для попытки установления связи между компьютером и сайтом в Интернете.

[3] *Патч* (от *англ.* patch — «заплата») — вставка в программу с целью ее исправления или изменения. «Kernel» — программное ядро операционной системы, в «Windows NT» является частью исполняющей системы, которая управляет процессором; ядро выполняет планирование и диспетчеризацию потоков, обработку прерываний и синхронизацию процессоров, синхронизирует деятельность компонентов исполняющей системы, таких как диспетчер ввода-вывода, диспетчер процессов и др. Компиляция — процесс преобразования файла с текстом программы в исполняемый файл, который система может запустить на выполнение. В операционной системе «UNIX», используемой на большинстве серверов, администратор может перекомпилировать ядро системы, сделав его оптимальным для выполнения конкретных задач.

которые могли снизить нагрузку на порученные ему компьютеры. К десяти утра он так проголодался, что был готов съесть задницу дохлого медведя, но все же перекомпилировал ядра своих операционных систем и снова вывел их в оперативный режим. Длинные пальцы Вана порхали над клавиатурой системного администратора — высунув кончик языка, он выводил статистику нагрузок по каждому серверу.

— У меня на «Гридо» было двести дней аптайма[1], — сообщил Ван.

«Гридо» был самым старым сервером в стойке, еще с тех дней, когда каждый серверный корпус называли в честь персонажей «Звездных войн». Теперь их именовали в честь смурфов[2], но смурфы уже кончались, и админы перешли на персонажей из «Макдоналдса», начав с лэптопа Вана по имени «Майор Макчиз».

— «Гридо» восстанет вновь, — пообещал Феликс. — У меня внизу стоит четыреста восемьдесят шестой, у которого больше пяти лет аптайма. Если придется его перезагружать, это разобьет мне сердце.

— Да для какой хренотени ты используешь четыреста восемьдесят шестой?

— Ни для какой. Но у кого поднимется рука выключить компьютер с пятью годами аптайма? Это все равно что подвергнуть эвтаназии собственную бабушку.

— Есть хочу, — заявил Ван.

— Я тебе вот что скажу, — решил Феликс. — Мы сейчас «поднимем» твой сервер, затем мой, потом я отвезу тебя в «Лейквью ланч» позавтракать пиццей, и до конца дня можешь взять отгул.

— Согласен, — быстро отозвался Ван. — Шеф, ты слишком добр к нам, работягам. Тебе надо бы держать нас в яме и регулярно бить, как поступают все остальные боссы. Мы все этого заслуживаем.

---

[1] *Аптайм* — период работоспособного состояния, в данном случае период непрерывной работы.

[2] *Смурфы* — маленькие существа небесно-голубого цвета, персонажи комиксов бельгийского художника Пейо, на основе которых позже был выпущен мультипликационный телесериал.

— Это твой телефон, — сказал Ван.

Феликс выбрался из потрохов 486-го, который упорно отказывался включаться. Он выпросил запасной блок питания у парней, занимавшихся борьбой со спамом, и теперь пытался установить его в корпус старого компьютера. Ван протянул Феликсу его телефон, выпавший из пояса, когда Феликс, согнувшись, пытался добраться до задней стенки компьютера.

— Привет, Кел, — отозвался он. В трубке слышалось какое-то фоновое сопение или шуршание. Может, статика? Или это 2.0 плещется в ванне? — Келли?

Связь оборвалась. Он попытался перезвонить, но не добился ничего — не было ни гудков, ни голосового сообщения. Вскоре время соединения закончилось, и на экранчике телефона высветилось: «ОШИБКА СЕТИ».

— Проклятие, — негромко процедил он и повесил телефон на пояс.

Келли хотела узнать, когда он вернется домой, или попросить, чтобы он купил что-нибудь на обратном пути. Она оставит голосовое сообщение.

Он тестировал блок питания, когда телефон зазвонил вновь. Феликс схватил трубку:

— Келли, что случилось?

Он постарался изгнать из голоса даже намек на раздражение. Потому что ощущал вину: говоря технически, он выполнил свои обязательства перед «Ардент файненшиал», как только серверы компании снова заработали. Последние три часа он потратил исключительно на себя — хотя и собирался выставить за них счет компании.

В трубке раздалось всхлипывание.

— Келли? — Он ощутил, как от лица отхлынула кровь, а большие пальцы ног онемели.

— Феликс... — Он еле разобрал свое имя сквозь всхлипывания. — Он умер... Господи, он умер.

— Кто? Кто, Келли?

— Уилл.

Уилл? Какой еще Уилл?.. И он рухнул на колени. Имя Уильям они вписали в свидетельство о рождении мальца, хотя и продолжали называть его 2.0. Феликс хрипло застонал.

— Я больна, — услышал он. — Я даже стоять больше не могу. О Феликс. Я так тебя люблю.

— Келли! Что происходит?

— Все... все... В телевизоре работает только два канала. Господи, Феликс, за окном валяются мертвецы...

Он услышал, как ее вырвало. Телефон стал работать с паузами, возвращая издаваемые ею звуки наподобие эхоплекса[1].

— Никуда не уходи, Келли! — крикнул он, и тут связь оборвалась.

Он набрал «911», но едва нажал кнопку соединения, как на экране снова появилось «ОШИБКА СЕТИ».

Феликс выхватил у Вана «Майора Макчиза», воткнул в него сетевой кабель от 486-го, запустил «Firefox» из командной строки и вышел через «Google» на сайт полиции города. Он стремительно начал искать на сайте бланк интерактивного заявления в полицию. Феликс никогда не терял головы. Он привык решать проблемы, а паника проблем не решает.

Отыскав бланк, он изложил подробности своего разговора с Келли, как составлял бы отчет о найденной ошибке: пальцы работают быстро, описание исчерпывающее, — и щелкнул кнопку «ПОСЛАТЬ».

Ван заглянул ему через плечо и прочитал текст.

— Феликс... — начал он.

— Боже мой... — пробормотал Феликс.

Он осознал, что все еще сидит на полу, и медленно встал. Ван взял у него лэптоп и попробовал выйти на несколько сайтов новостей, но все они оказались в тайм-ауте. Невозможно было судить о причине: или происходит нечто ужасное, или Сеть зашаталась под ударом суперчервя.

— Мне надо домой, — заявил Феликс.

— Я тебя отвезу, — сказал Ван. — А ты продолжай звонить жене.

Они подошли к лифтам. Рядом находилось одно из немногих в здании окон — маленькое и круглое, с толстым

---

[1] *Эхоплекс* — коммуникационный протокол с подтверждением приема посредством возврата передающей станции эха принятого сообщения.

бронированным стеклом. Дожидаясь лифта, они выглянули в окно. На улицах маловато машин для среды. И больше, чем обычно, полицейских машин.

— О господи... — Ван показал Феликсу, куда смотреть.

К востоку от них находилась башня Си-Эн — гигантское здание-игла цвета слоновой кости. Теперь эта игла торчала наклонно, словно воткнутая в мокрый песок ветка. Неужели она двигается? Да. Она все больше наклонялась, медленно набирая скорость, падая на северо-восток, в сторону финансового центра. Через секунду она миновала последнюю точку наклона и рухнула. Они ощутили толчок, когда все их здание качнулось от ударной волны, потом услышали грохот. Из обломков поднялось облако пыли, затем донеслась канонада — это самая высокая в мире отдельно стоящая конструкция обрекла на гибель массу близлежащих зданий.

— Трансляционный центр падает... — сказал Ван.

И он падал — небоскреб Си-би-си[1]. Люди разбегались во все стороны, их давило падающими обломками бетона и кирпичами. Сквозь круглое окошко это зрелище походило на искусно сделанный графический ролик, скачанный с какого-нибудь сайта.

К этому моменту вокруг них уже столпились сисадмины. Пихаясь, они пытались через окошко разглядеть разрушения.

— Что случилось? — спросил один из них.

— Упала башня Си-Эн, — ответил Феликс. Собственный голос доносился до него словно издалека.

— Это был вирус?

— Червь? Ты о чем? — Феликс уставился на парня, молодого админа второго типа, пока еще с небольшим животиком.

— Я не о черве. Я получил мейл, что во всем городе объявлен карантин из-за какого-то вируса. Говорят, это биологическое оружие. — Он протянул Феликсу свой наладонник.

---

[1] *Си-би-си* — канадский аналог американской Би-би-си.

Феликс настолько погрузился в чтение сообщения, разосланного министерством здравоохранения Канады, что даже не заметил, как во всем здании погас свет. Потом сунул наладонник в руку владельцу и всхлипнул.

Минуту спустя врубились генераторы. Сисадмины бросились к лестнице. Феликс схватил Вана за руку и потянул обратно.

— Наверное, нам лучше переждать все это в «клетке», — сказал он.

— А как же Келли?

Феликс ощутил, как к горлу подступает тошнота.

— *Нам надо вернуться в «клетку», и немедленно.*

Воздух туда подавался через фильтры, удаляющие микрочастицы.

— Феликс, тебе нужно домой...

— Это биологическое оружие. Супервирус. А здесь, я думаю, нам ничто не грозит, пока держатся фильтры.

— Что не грозит?

— Подключись к IRC[1].

Они подключились. Ван воспользовался «Майором Макчизом», а Феликс выпел в Сеть через «Смурфетту». Они пробежались по каналам чатов, пока не отыскали тот, где мелькало несколько знакомых «ников».

> *пентагона нет, белого дома тоже*

> МОЙ СОСЕД В САН-ДИЕГО БЛЮЕТ КРОВЬЮ СО СВОЕГО БАЛКОНА

> Кто-то свалил Огурец[2]. Банкиры бегут из Сити как крысы.

> Я слышал, что вся Гинза[3] — сплошной пожар.

---

[1] *Internet Relay Chat* — глобальная система обмена сообщениями, посредством которой пользователи могут общаться друг с другом в реальном времени. Среди русских пользователей наиболее известна программа ICQ.

[2] Огурцом жители Лондона называют 40-этажный небоскреб Сент-Мэри Экс 30, конструкция которого выполнена в виде сетчатой оболочки с центральным опорным основанием.

[3] *Гинза* — самый дорогой район в Токио со множеством магазинов, кафе, ресторанов, универмагов, художественных галерей и ночных клубов.

Феликс напечатал:

> Я в Торонто. Мы только что видели, как упала башня Си-Эн. Я слышал сообщение о биологическом оружии, которое убивает очень быстро.

Ван прочитал это и сказал:

— Ты ведь не знаешь, насколько быстро. Может быть, мы все заразились еще три дня назад.

Феликс закрыл глаза:

— Будь это так, мы сейчас ощутили бы какие-то симптомы. Наверное...

> Похоже, электромагнитный импульс накрыл Гонконг и, может быть, Париж — съемки со спутников в реальном времени показывают, что там полный мрак, а через все их сетевые блоки рутинг[1] не идет.

> Вы в Торонто?

Это спросил незнакомый Феликсу «ник».

> Да. На Фронт-стрит.

> У меня сестра в университете Торонто и я не могу с ней связаться — можете ей позвонить?

> Телефоны не работают — напечатал Феликс, взглянув на «ОШИБКУ СЕТИ».

— У меня в «Майорс Макчизе» есть обычный телефон, — сказал Ван, запуская программу голосовой связи через Интернет. — Только что вспомнил.

Феликс взял у него лэптоп и набрал номер домашнего телефона. Послышался один гудок, который тут же сменился кваканьем, похожим на сирену «скорой помощи» в итальянском фильме.

> Телефон не работает — снова напечатал Феликс.

[1] *Рутинг* (маршрутизация) — пересылка пакетов адресату по выбранному маршруту через промежуточные маршрутизаторы.

Он взглянул на Вана и увидел, что его худые плечи трясутся.

— Дерьмо, — пробормотал он. — Миру приходит конец.

Час спустя Феликс с трудом заставил себя выйти из чата. Атланта горела. Манхэттен был «горячим» — настолько радиоактивным, что вышли из строя веб-камеры на небоскребе Линкольн-плаза. Все обвиняли исламистов, пока не стало ясно, что Мекка превратилась в дымящийся кратер, а членов саудовской королевской династии повесили прямо перед их дворцами.

Руки у Феликса дрожали. Ван тихонько плакал в дальнем углу «клетки». Феликс снова попытался дозвониться домой, затем в полицию. Результат оказался таким же, как и в предыдущие двадцать попыток.

Он вышел по локальной сети на свой сервер, стоящий этажом ниже, и стал смотреть почту. Спам, спам, спам. Опять спам. Автоматические сообщения. Вот — срочное сообщение от системы обнаружения вторжений на серверы «Ардента».

Феликс открыл его и быстро прочитал. Кто-то грубо и настойчиво пробивался на его маршрутизаторы. Но и сигнатуре[1] «червя» эти попытки не соответствовали. Феликс выполнил трассировку[2] и обнаружил, что атака производится из того же здания, где находится он, — из системы в «клетке» этажом ниже.

На такой случай у него имелись наготове кое-какие процедуры. Феликс просканировал порты атакующего и выяснил, что порт 1337 был открыт — на жаргоне хакеров, использующих буквенно-цифровой заместительный код, этот порт назывался «leet» или «elite». Это был порт того типа, который «червь» оставляет открытым, чтобы выскальзывать наружу или пробираться обратно. Феликс поискал

---

[1] *Сигнатура* (подпись) — информация в несколько строк, содержащая сведения об отправителе сообщения и добавляемая автоматически в конец исходящего от него сообщения. В данном случае — уникальные для каждого «червя» участки его программного кода, по которым его распознают защитные программы.

[2] *Трассировка* — в данном случае выяснение сетевых узлов, через которые сообщение дошло от отправителя к получателю (трасса, маршрут).

в сети известные вирусы, которые оставляют «слухача» у порта 1337, сузил список подозреваемых на основе «отпечатков пальцев» операционной системы «зомбированного» сервера и в конце концов отыскал.

Это оказался древний «червь», против которого на всех серверах уже много лет назад должны были установить защиту. Не важно. У Феликса имелся для него программный клиент, и он воспользовался им, чтобы создать на том сервере корневую учетную запись для себя, затем вошел в систему и осмотрелся.

К системе был подключен еще один пользователь, scaredy. Феликс проверил монитор процессов и увидел, что этот scaredy и запустил все те сотни процессов, которые пробивались на его сервер и множество других.

Он открыл чат:

> Прекрати пробиваться на мой сервер

Он ожидал хвастовства, извинений, отрицания. Но ответ его удивил.

> Ты в инфоцентре на Фронт-стрит?
> Да
> Господи я уже думал что в живых больше никого не осталось. Я на четвертом этаже. Я думаю что снаружи проведена атака биологическим оружием. И не хочу покидать чистую комнату.

Феликс громко и облегченно выдохнул.

> Так ты меня сканировал, чтобы я проследил, откуда идет атака?
> Да
> Умный ход

Сообразительный парень.

> Я на шестом этаже, со мной еще один.
> Что тебе известно?

Феликс скопировал для него журнал IRC, послал и ждал, пока собеседник переварит новости. Ван встал и принялся расхаживать по комнате. Глаза у него остекленели.

— Ван? Что с тобой, приятель?

— Мне надо отлить.

— Дверь не открывай. Вон в том мусорнике я видел пустую бутылку из-под минералки.

— Точно, есть.

Вышагивая, как зомби, он подошел к мусорнику и вытащил пустую двухлитровку. Потом отвернулся.

```
> Я Феликс
> Уилл
```

Когда Феликс подумал о 2.0, у него скрутило желудок.

— Феликс, мне нужно уйти, — заявил Ван и направился к двери шлюза.

Феликс бросил клавиатуру, вскочил, подбежал к Вану и вцепился в него.

— Ван, — сказал он, заглядывая в тусклые и невидящие глаза друга. — Посмотри на меня, Ван.

— Мне нужно, — повторил Ван. — Надо попасть домой и накормить кошек.

— Там, на улице, что-то есть, быстрое и смертельное. Может быть, унесет ветер. Может, там уже все рассеялось. Но мы выйдем отсюда, только если узнаем об этом наверняка или если у нас не останется выбора. Сядь, Ван. Сядь.

— Мне холодно, Феликс.

В помещении действительно было очень холодно. Руки Феликса покрылись гусиной кожей, а ноги словно превратились в куски льда.

— Сядь напротив серверов, возле вентиляторов. Оттуда идет теплый воздух.

Ван подошел к ближайшей стойке и пристроился возле нее.

```
> Ты еще там?
> Пока на месте — занимаюсь кое-какой логистикой
```

> Как долго мы еще не сможем выйти?
> Понятия не имею

После этого никто из них долго ничего не печатал.

Феликсу пришлось дважды воспользоваться бутылкой из-под минералки. Потом Ван употребил ее снова. Феликс попытался дозвониться Келли. Сайт городской полиции уже давно «упал».

В конце концов он протиснулся обратно к серверам, сел, обхватил колени руками и зарыдал, как ребенок.

Через минуту подошел Ван, сел рядом, обнял Феликса за плечи.

— Они мертвы, Ван. Келли и мой сын. У меня больше нет семьи.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Я знаю вполне достаточно. Господи, неужели всему пришел конец?

— Мы посидим здесь еще несколько часов, а потом выйдем. Скоро все должно вернуться к нормальной жизни. Пожарные справятся. И еще армию мобилизуют. Все будет хорошо.

У Феликса болели ребра. Он не плакал с тех пор... с тех пор, как родился 2.0. Он еще крепче обхватил колени.

И тут дверь открылась.

Вошли два сисадмина с покрасневшими от усталости глазами — один в футболке с надписью «ГОВОРИ СО МНОЙ ЧИСТО КОНКРЕТНО», а второй в форменной рубашке «Electronic Frontiers Canada».

— Пошли, — сказал Чисто Конкретно. — Мы все собираемся на верхнем этаже. Поднимайтесь по лестнице.

Феликс поймал себя на том, что затаил дыхание.

— Если в здании есть биоагент, то мы все инфицированы, — «порадовал» Чисто Конкретно. — Так что просто вставайте и идите. Встретимся наверху.

— Есть еще один парень на шестом этаже, — сообщил Феликс, вставая.

— Да, Уилл. Мы его нашли. Он уже наверху.

Чисто Конкретно был одним из тех «ублюдков-операторов из ада», которые обесточили большие маршрутизато-

ры. Феликс и Ван поднялись по лестнице медленно, их шаги гулко отражались от стен пустой лестничной шахты. После ледяного воздуха «клетки» им казалось, что на лестнице жарко, как в сауне.

На верхнем этаже располагалось кафе, где все еще работали туалеты, из кранов лилась вода и торговые автоматы продавали кофе и разную еду. Перед ними выстроились очереди встревоженных сисадминов. Никто не хотел встречаться взглядом с другим. Феликс задумался над тем, кто из них Уилл, потом встал в очередь к автомату.

Прежде чем у него кончилась мелочь, он раздобыл пару энергетических батончиков и гигантскую чашку ванильного кофе. Ван занял место за столом, и Феликс, подойдя, поставил перед ним чашку и положил батончик.

— Оставь мне немного, — сказал он, направляясь к очереди в туалет.

К тому времени, когда все они более или менее устроились, облегчились и подкрепились, в кафе вернулись Чисто Конкретно и его друг. Они сняли кассовый аппарат в конце прилавка с подогреваемыми лотками для горячих блюд, и Чисто Конкретно забрался на прилавок. Все разговоры медленно стихли.

— Я Ури Попович, а это Диего Розенбаум. Спасибо всем, что пришли. Вот что нам известно точно: энергия в здание уже три часа поступает от генераторов. Визуальное наблюдение показывает, что это единственное здание в центральной части Торонто, где имеется электричество, — и оно у нас будет еще три дня. Снаружи выпущен на волю биологический агент неизвестной природы. Он убивает быстро, в течение нескольких часов, и распространяется аэрозольным путем. Инфицирование происходит при вдыхании зараженного воздуха. Начиная с пяти утра сегодняшнего дня никто не открывал наружные двери этого здания. И никто не откроет, пока не получит от меня разрешение.

Нападения на главные города по всему миру повергли аварийные службы в хаос. Атаки были электронные, биологические, ядерные и с использованием обычных взрывчатых

веществ, и их объекты расположены далеко друг от друга. Я инженер службы безопасности, и там, где меня обучали, атаки подобного рода обычно рассматриваются как оппортунистические: то есть группе Б удается взорвать мост, потому что все силы брошены на ликвидацию последствий грязного ядерного взрыва, устроенного группой А. Это умный ход. Самым ранним событием, какое мы смогли обнаружить, стала газовая атака в метро Сеула, проведенная местной ячейкой «Аум синрикё» около двух часов ночи по восточноевропейскому времени. Возможно, это событие и стало той соломинкой, которая сломала спину верблюду. Мы совершенно уверены, что «Аум синрикё» не может стоять за всемирной катастрофой подобного масштаба — у них нет опыта ведения информационной войны, и они никогда не демонстрировали той организационной хватки, которая необходима, чтобы поразить столько целей одновременно. Проще говоря, они недостаточно умны.

Мы заперлись здесь ради будущего, во всяком случае, до тех пор, пока биологический агент не будет опознан и рассеян. Мы будем обслуживать серверы и поддерживать Сеть в рабочем состоянии. Это критически важная инфраструктура, и наша работа — обеспечить ей пять девяток аптайма. Во времена национального бедствия мы несем за это двойную ответственность.

Один из сисадминов поднял руку. Он смотрелся очень дерзко в зеленой футболке «НЕВЕРОЯТНАЯ ГРОМАДИНА» и был одним из самых молодых.

— Кто сделал тебя королем?

— У меня под контролем главная система безопасности, ключи от каждой «клетки» и пароли для наружных дверей — кстати, все они сейчас заперты. Я тот, кто привел вас всех сюда и объявил собрание. Я не желал этой работы, потому что она дерьмовая. Но кому-то нужно ее делать.

— Ты прав, — согласился парень. — И я могу делать ее не хуже тебя. Меня зовут Уилл Сарио.

Попович взглянул на него сверху вниз:

— Что ж, если позволишь мне договорить, то я потом, может быть, вручу тебе бразды правления.

— Бога ради, заканчивай.

Сарио повернулся к нему спиной и подошел к окну. Он внимательно смотрел наружу. Взгляд Феликса тоже переместился туда, и он увидел, что в городе поднимается несколько маслянистых столбов дыма.

После того как Поповича прервали, он утратил прежний напор.

— Короче, этим мы и займемся, — только и сказал он.

После затянувшейся паузы парень обернулся:

— О, теперь моя очередь?

Послышались добродушные смешки.

— А вот что думаю я: весь мир скоро окажется по уши в дерьме. Произошли скоординированные атаки на все критические узлы инфраструктуры. И есть только один способ так все скоординировать: через Интернет. Даже если мы согласимся с предположением, что атаки были оппортунистическими, нам надо задать вопрос о том, как нападение может быть организовано за несколько минут. Ответ один — Интернет.

— Значит, по-твоему, нам нужно выключить Интернет? — рассмеялся Попович, но смолк, когда Сарио не ответил.

— Этой ночью мы увидели атаку, которая едва не убила Интернет. Немного DoS-атак[1] на важнейшие серверы, немного манипуляций с DNS[2], и он падает, как дочка проповедника. Копы и военные — просто банда технофобных лузеров, они вообще практически не полагаются на сеть. Если мы вырубим Интернет, то создадим непропорционально большую преграду нападающим и лишь небольшую помеху для защитников. А когда придет время, мы сможем его восстановить.

---

[1] *DoS* (Denial of Service) — отказ от работы *(англ.)*. Атаки подобного рода используются хакерами для «подвешивания» конкретных сайтов или серверов, при этом на сайт одновременно направляются тысячи запросов на соединение (как если бы на него пожелали зайти тысячи посетителей сразу). Это перегружает возможности программного и аппаратного обеспечения по обработке запросов, и сайт «зависает», выдавая админам сообщение об отказе от работы.

[2] *DNS* (Domain Name System) — служба имен доменов (механизм, используемый в Интернете и устанавливающий соответствие между числовыми IP-адресами и текстовыми именами).

— Да ты гонишь, — пробормотал Попович, у которого буквально отвисла челюсть.

— Это логичное решение. Многие не любят смотреть в лицо логике, когда она диктует тяжелые решения. Но это проблема людей, а не ее.

Начавшиеся после этих слов разговоры быстро перешли в гвалт.

— Заткнитесь! — взревел Попович. Шум стал тише примерно на один децибел. Попович рявкнул снова и топнул по прилавку. Наконец какое-то подобие порядка восстановилось. — Говорить по одному, — сказал Попович. Лицо его раскраснелось, руки он держал в карманах.

Один админ был за то, чтобы остаться. Другой — чтобы уйти. Им нужно отсидеться в «клетках». Провести учет имеющихся запасов и назначить главного по снабжению. Выйти и отыскать полицию или пойти добровольцами в госпитали. Надо назначить охранников, чтобы обеспечить неприступность входной двери.

Феликс вдруг с удивлением обнаружил, что стоит с поднятой рукой. Попович дал ему слово.

— Меня зовут Феликс Тремонт, — сказал он, забравшись на один из столов и достав из кармана наладонник. — Хочу вам кое-что прочитать.

«Правительства промышленного мира, изнуренные гиганты из плоти и стали, я прибыл из киберпространства, нового дома Разума. В интересах будущего я предлагаю вам, чье место уже в прошлом, оставить нас в покое. Вам нечего делать среди нас. У вас нет власти там, где собираемся мы.

У нас нет выбранного правительства и вряд ли будет, поэтому я обращаюсь к вам, обладая лишь теми полномочиями, с какими всегда говорит сама свобода. Я объявляю глобальное общественное пространство, создаваемое нами, независимым от тирании, которую вы стремитесь навязать. У вас нет морального права властвовать над нами, равно как нет методов принуждения, которые вы могли бы использовать.

Правительства черпают свою юридическую силу из согласия тех, кем они управляют. Вы не просили нашего со-

гласия и не получали его. Мы не приглашаем вас. Вы не знаете нас, как не знаете и наш мир. Киберпространство вне пределов ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, словно это общественный строительный проект. Не сможете. Это естественный процесс, и мы растем за счет наших коллективных действий».

Это цитата из «Декларации независимости киберпространства». Она была написана двенадцать лет назад. Я думал, что никогда не читал ничего прекраснее. Я хотел, чтобы мой сын вырос в мире, где киберпространство свободно и где эта свобода влияет на реальный мир, тоже делая его свободнее.

Феликс сглотнул и потер глаза. Ван неуклюже похлопал его по ботинку.

— Мой чудесный сын и моя чудесная жена сегодня умерли. И миллионы других тоже. Город буквально пылает. Многие города вообще исчезли.

Он всхлипнул и снова сглотнул.

— Но по всему миру люди вроде нас собрались в подобных зданиях. Они пытались справиться с ночной атакой «червя», когда разразилась катастрофа. У нас есть независимый источник питания. Еда. Вода.

У нас есть Сеть, которую плохие парни использовали таким образом, как хорошие парни не могли и предположить.

Нас объединяет любовь к свободе, которая рождена нашим неравнодушием и заботой о Сети. Мы отвечаем за самый важный инструмент организации и управления в истории человечества. В данный момент мы самое близкое подобие правительства, которое осталось в мире. На месте Женевы сейчас кратер. Вашингтон в огне, а здание ООН эвакуировано.

Распределенная республика киберпространства пережила эту бурю практически без последствий. И теперь мы — хранители бессмертной, огромной и чудесной машины, потенциально способной возродить мир. Лучший мир.

Мне незачем больше жить — только ради этого.

В глазах Вана блестели слезы. И не только у него. Феликсу не стали аплодировать. Долгие секунды все хранили полное и уважительное молчание.

— И как мы это сделаем? — без тени сарказма поинтересовался Попович.

Группы новостей заполнялись быстро. Они объявили их в news.admin.net-abuse.email, где собирались все борцы со спамом и где существовала устойчивая культура товарищества при отражении полновесных атак.

Новой группой стала alt.november5-disaster.recovery, с подгруппами recovery.goverance, recovery.finance, recovery.logistics и recovery.defence. Да будет благословенна «мохнатая» иерархия alt. и все те, кто по ней плаваст.

Сисадмины появлялись в ней один за другим. Остался в онлайне гигант «Google», где доблестная Queen Kong руководила командой помощников, которые раскатывали на роликах по огромному инфоцентру, заменяя в стойках умершие жесткие диски и нажимая клавиши перезагрузки. Сайт «Интернет-архив» в Пресидио выпал из Сети, но его зеркало в Амстердаме оказалось живо, и они переадресовали DNS так, что разницы практически никто и не заметил. «Amazon» упал. «PayPal» работал. «Blogger», «TypePad» и «LiveJournal» работали и заполнялись миллионами сообщений от уцелевших и перепуганных людей со всего мира, сбивавшихся вместе ради толики электронного тепла.

Ленты фотографий на сайте «Flickr» оказались ужасны. Феликсу пришлось отписаться от них, когда он увидел фото женщины и младенца, лежащих в кухне и переплетенных мучительной смертью в жуткий иероглиф. Они не были похожи на Келли и 2.0, но этого и не требовалось. Феликса затрясло, и он не мог успокоиться.

«Википедия» работала, но шаталась от нагрузки. Спам лился потоком, словно ничего не случилось. По Сети бродили вирусы.

Основные события происходили в recovery.logistics.

> Для проведения региональных выборов мы можем воспользоваться механизмом голосования групп новостей

Феликс знал, что это должно сработать. Голосования в группах новостей «Usenet» проводились уже более двадцати лет и без серьезных проблем.

> Мы выберем региональных представителей, а они выберут премьер-министра

Американцы настаивали на президенте, что Феликсу не понравилось. Его будущее не будет американским будущим. Американское будущее ушло навсегда вместе с Белым домом. А он строил дом побольше этого.

На связь вышли французские сисадмины из «Франс телеком». Инфоцентр «Европейского союза радиовещания» уцелел после атак, разрушивших Женеву, и оказался полон настороженных немцев, чей английский был лучше, чем у Феликса. Удалось установить хорошие отношения и с остатками команды Би-би-си на Канарских островах.

В .recovery.logistics общались на смеси диалектов английского, и Феликс чувствовал преимущество на своей стороне. Некоторые админы остужали слишком горячие головы, затевавшие неизбежные и дурацкие перебранки; они пускали в ход опыт, накопленный за долгие годы. Другие слали полезные предложения.

И удивительно: лишь немногие сочли, что Феликс слегка рехнулся.

> Думаю, нам надо провести выборы как можно скорее. Самое позднее — завтра. Мы не можем управлять законно без согласия тех, кем управляем.

Через несколько секунд пришел ответ:

> Ты что, серьезно? Согласие управляемых? Если я все поняла правильно, то большинство людей, которыми ты предполагаешь управлять, сейчас или мучаются перед смертью, или прячутся под столами, или потрясенно бродят по улицам городов. И когда ОНИ смогут проголосовать?

Феликсу пришлось признать ее правоту. Queen Kong была умна. Женщин-админов оказалось немного, и это стало настоящей трагедией. Такими женщинами, как Queen Kong, просто нельзя разбрасываться. Надо будет пробить решение о том, чтобы сбалансировать число женщин в его новом правительстве. Потребовать, чтобы каждый регион выбрал по одному мужчине и по одной женщине?

Он охотно подбросил ей эту идею. Выборы состоятся завтра, уж он за этим проследит.

— Премьер-министр киберпространства? Почему бы не назваться Великим Пуба[1] глобальной информационной Сети? Это более почетно, звучит круче и даст тебе примерно столько же полномочий.

Уилл лег спать в кафе рядом с Феликсом, а Ван примостился с другого бока. В помещении изрядно попахивало: в него набилось двадцать пять сисадминов, которые уже давно не мылись.

— Заткнись, Уилл, — сказал Ван. — Ты хотел вырубить Интернет.

— Поправка: я *хочу* вырубить Интернет. Настоящее время.

Феликс приоткрыл один глаз. Он так устал, что даже это показалось тяжелой атлетикой.

— Послушай, Сарио, если тебе не нравится моя предвыборная платформа, то предложи свою. Есть множество людей, которые считают меня полным кретином, и я их за это уважаю, потому что они или выставили свои кандидатуры против меня, или поддерживают тех, кто выставил. Это твой выбор. Но хныканье и жалобы в меню не включены. Так что либо спи, либо встань и опубликуй свою платформу.

Сарио медленно сел, развернул куртку, которой пользовался вместо подушки, и надел ее.

— Ну и хрен с вами. Я ухожу.

— Я думал, он никогда не исчезнет, — буркнул Феликс и отвернулся. Не в силах заснуть, он еще долго лежал и думал о выборах.

---

[1] *Пуба* — лицо, занимающее сразу несколько должностей (по персонажу комической оперы Гилберта и Салливана «Микадо»).

Кроме него, имелись и другие кандидаты. Некоторые из них даже не были сисадминами. Один американский сенатор оказался в тот день в своем уединенном летнем доме в Вайоминге, с автономным генератором и спутниковым телефоном. Каким-то образом он отыскал нужную группу новостей и заявил, что выставляет свою кандидатуру. Какие-то хакеры-анархисты из Италии яростно атаковали группу всю ночь, публикуя написанные на корявом английском пространные статьи о политическом банкротстве «управления» в новом мире. Феликс взглянул на их сетевой адрес и определил, что они, вероятно, сидят в небольшом институте интерактивного дизайна возле Турина. Италия пострадала очень серьезно, но в небольшом городе эта ячейка анархистов сумела отыскать убежище.

Удивительно много кандидатов выступали за отключение Интернета. Феликс сомневался, возможно ли такое вообще, но решил, что понимает их стремление покончить разом и с работой, и с миром. Почему бы и нет? Судя по всему, работа админов до сих пор сводилась к каскаду технических проблем, нападениям и оппортунизму, и все они в совокупности завершились Большим Обломом. Атака террористов здесь, жесткая контратака правительства там... Не успеешь опомниться, как они добьют то, что еще уцелело.

Феликс заснул, думая о логистике отключения Интернета, и ему снились кошмары, в которых он был единственным защитником Сети.

Проснулся он от какого-то шуршания. Повернувшись на бок, Феликс увидел сидящего Вана. Бросив скомканную куртку на колени, тот энергично чесал свои худые руки. Кожа на них стала цвета солонины и чешуйчатой. В лучах света, льющихся сквозь окна кафе, летали и клубились облачка кожных чешуек.

— Что ты делаешь?

Феликс сел. Он вида того, как почти Вана раздирают кожу, его тело тоже зачесалось. Он уже три дня не мыл голову, и иногда у него возникало ощущение, что голову буравят малепькие насекомые, откладывающие в волосах яйца. Вечером, *поправляя очки*, он провел за ушами, и на

пальце осталась блестящая пленка сала. Если Феликс пару дней не принимал душ, за ушами у него появлялись угри, а иногда и огромные фурункулы, которые Келли в конце концов выдавливала с каким-то извращенным удовольствием.

— Чешусь, — ответил Ван и принялся за голову, подняв облако перхоти, которое соединилось с клубами чешуек. — Господи, у меня все тело чешется.

Феликс достал «Майора Макчиза» из рюкзачка Вана и подключил к нему один из кабелей локальной сети, которые змеились тут по всему полу. Затем принялся искать через «Google» все, что могло быть с этим связано. На слово «чешется» выпало 40 600 000 ссылок. Тогда Феликс попробовал составные запросы и получил более конкретные ссылки.

— Думаю, это экзема на нервной почве, — заявил он.

— Нет у меня никакой экземы.

Феликс продемонстрировал ему несколько впечатляющих фотографий красной раздраженной кожи, покрытой белыми чешуйками.

— Экзема, — констатировал он, указывая на подпись под снимком.

Ван осмотрел свои руки.

— Похоже, — согласился он.

— Тут написано, что надо увлажнять кожу и смазывать ее кортизоновой мазью. Загляни в аптечку на втором этаже в туалете. Кажется, я видел эту мазь.

Подобно всем остальным сисадминам, Феликс обыскал кабинеты, офисы, туалеты, кухню и кладовые, после чего его рюкзачок пополнился рулоном туалетной бумаги и четырьмя энергетическими батончиками. По негласной договоренности еда в кафе считалась общей, при этом каждый сисадмин приглядывался к другим — не страдает ли кто из них обжорством и не прихватывает ли что-нибудь про запас. Все были убеждены, что втихаря происходит и то и другое.

Ван встал, и, когда на его лицо упал свет, Феликс увидел, как набухли его веки.

— Я напишу в рассылку, спрошу про другие антигистамины, — пообещал Феликс.

Через несколько часов после первого собрания они организовали четыре почтовые рассылки и три форума на «Википедии» для тех, кто уцелел в здании, но за последующие дни решили, что хватит и одной. Еще Феликс был подписан на небольшую рассылку вместе с пятью своими наиболее верными друзьями, двое из которых оказались заперты в таких же «клетках», но в других странах. Он подозревал, что остальные админы поступают так же.

Ван, волоча ноги, направился к двери.

— Удачи тебе на выборах, — сказал он, похлопав Феликса по плечу.

Феликс встал и принялся расхаживать по кафе, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в грязные окна. В Торонто все еще бушевали пожары, их стало даже больше. Феликс пытался отыскать почтовые рассылки или сетевые дневники горожан, но нашел лишь те, которые вели другие админы в других инфоцентрах. Возможно — и даже вероятно, — что у тех, кто выжил в городе, имелись более важные дела, чем посылать сообщения через Интернет. Домашний телефон Феликса по-прежнему отвечал время от времени, но он перестал туда звонить уже на второй день, когда, в пятидесятый раз услышав голос Келли, читающий автоматическое сообщение, заплакал прямо на совещании. И не только он.

День выборов. Пора держать ответ.

> Ты нервничаешь?

> Нет — напечатал Феликс и добавил:

> если честно, то меня мало волнует, одержу ли я победу. Я просто рад, что мы это делаем. Альтернатива торчать здесь и сходить с ума, ожидая, пока кто-нибудь не выломает нашу дверь.

Курсор долго не перемещался. Queen Kong отвечала с большой задержкой, потому что управляла своей командой гуглоидов и делала все, что могла, лишь бы ее инфоцентр оставался в онлайне. Три оффшорные «клетки» «Google» отключились, а два из шести их резервных сетевых каналов были уничтожены. К счастью для нее, число запросов в секунду постепенно сокращалось.

> Есть еще Китай — напечатала она.

У Queen Kong имелась большая доска с картой мира, раскрашенной в цвета, обозначающие число запросов к Google в секунду, и она творила с ней чудеса, показывая на цветных диаграммах динамику падения числа запросов во времени. Она загрузила на сайт много видеоклипов, показывающих, как чума и бомбы вымели планету: первоначальный шквал запросов от людей, желающих понять, что происходит, а затем мрачное и резкое падение, когда болезнь начинала косить свои жертвы.

> Китай до сих пор выдает девяносто процентов от номинала

Феликс покачал головой.

> Ты ведь не думаешь, что это они во всем виноваты?

> Нет — напечатала она, потом стала набирать еще что-то и остановилась.

> Конечно нет. Я верю в гипотезу Поповича. Каждая сволочь в мире использует других сволочей для прикрытия. Но в Китае их прижали к ногтю быстрее и решительнее, чем в других странах. Может быть, мы наконец-то выяснили, какая может быть польза от тоталитарного государства.

Феликс не смог удержаться от искушения и напечатал:

> Тебе повезло, что твой босс не может это прочесть. Ведь вы являлись весьма активными участниками строительства Великого Китайского Брандмауэра.

> Это была не моя идея — ответила она.

> И мой босс мертв. Наверное, они все мертвы. По всему району Залива нанесли серьезный удар, а потом произошло землетрясение.

Они видели автоматический поток данных Службы геологического наблюдения США, поведавший о земле-

трясении в 6,9 балла, которое превратило в развалины Северную Калифорнию от Гилроя до Себастополя. Некоторые веб-камеры показали масштаб разрушений — взрывы газопроводов, сейсмоустойчивые здания, падающие, словно конструкции из детских кубиков после хорошего пинка. Здание «Googleplex», установленное на гигантские стальные пружины, тряслось, как тарелка с желе, но серверные стойки остались на месте, а худшим ранением у них оказался сильно поврежденный глаз одного из админов, которому в лицо угодили щипцы для обжима кабеля.

> Извини. Я забыл.

> Ничего. Мы ведь все потерянные люди, верно?

> Да. В любом случае выборы меня не волнуют. Кто бы ни победил, мы делаем хотя бы ЧТО-ТО

> Нет — если они проголосуют за одного из слизняков

Слизняками некоторые из админов называли тех, кто хотел отключить Интернет. А ввела термин в обращение Queen Kong — очевидно, он обозначал невежественных IT-менеджеров, сквозь строй которых она пробивалась на протяжении всей своей карьеры.

> Не проголосуют. Они просто устали и огорчены, вот и все. Те, кто тебя одобряет, одержат победу

Среди уцелевших гуглоиды были одной из самых многочисленных и влиятельных группировок, наряду с командами спутниковой связи и оставшимися трансокеанскими командами. Поддержка Queen Kong стала для Феликса сюрпризом, и он послал ей письмо, на которое она коротко ответила: «Не могу допустить, чтобы командовали слизняки».

> мне надо идти — напечатала она, и тут связь с ней прервалась.

Феликс запустил браузер и набрал google.com. Браузер выдал тайм-аут. Он повторил запрос на соединение, потом снова и снова, пока на экране не появилась главная страница сайта. Какой бы ни была причина обрыва связи — отказ питания, вирусы, еще одно землетрясение, — Queen Kong ее восстановила. Феликс фыркнул, увидев, что они заменили буквы «о» в логотипе «Google» маленькими изображениями глобуса Земли с торчащими из него грибовидными облачками.

— Есть что-нибудь пожевать? — спросил Ван.

Была вторая половина дня, но на время в инфоцентре особого внимания не обращали. Феликс похлопал по карманам. Сисадмины все-таки назначили интенданта, но к тому времени все уже успели запастись кое-какой едой из автоматов. Феликс раздобыл дюжину энергетических батончиков и несколько яблок. Он взял еще и парочку бутербродов, но мудро съел их в первую очередь, пока они окончательно не зачерствели.

— Остался один батончик, — сообщил Феликс.

Этим утром он заметил, что брюки на нем болтаются, и даже сначала порадовался этому. Потом вспомнил, как Келли дразнила его за лишний вес, и расплакался. Затем съел два батончика, и у него остался всего один.

— О-о... — протянул Ван. Его и без того ввалившиеся щеки запали еще больше, а плечи над цыплячьей грудью поникли.

— Держи. И голосуй за Феликса.

Ван взял у него батончик и положил на стол перед собой.

— Знаешь, я хотел бы вернуть его со словами: «Нет, не могу», но я зверски голодный, поэтому просто возьму его и съем, хорошо?

— Не возражаю. Валяй.

— Как продвигаются выборы? — спросил Ван, срывая с батончика обертку.

— Не знаю. Давно уже не проверял.

Пару часов назад он выигрывал с небольшим преимуществом. В подобной ситуации отсутствие лэптопа серьез-

но ограничивало возможности Феликса отслеживать информацию. В разных «клетках» находился десяток таких же бедняг, как и он сам, — тех, кто рванул из дома по срочному вызову, не прихватив с собой что-либо со встроенным WiFi.

— Тебя прокатят, — заявил Сарио, усаживаясь рядом с ними. Он стал печально знаменит в инфоцентре тем, что никогда не спал, подслушивал разговоры и затевал в реальной жизни стычки того же накала страстей, что и мгновенно вспыхивающие в «Usenet» перебранки. — Победителем станет тот, кто понимает несколько очевидных фактов. — Он поднял кулак и принялся отсчитывать пункты, распрямляя палец за пальцем. — Первый: террористы используют Интернет, чтобы уничтожить мир, и мы должны опередить их, уничтожив Интернет. Второй: даже если я не прав, вся эта затея яйца выеденного не стоит, потому что у нас скоро кончится горючее для генераторов. Третий: если оно не кончится сейчас, то кончится потом, потому что старый мир скоро вернется, а ему наплевать на ваш новый мир. Четвертый: жратву мы израсходуем быстрее, чем силы на споры о причинах, почему нам не следует выходить наружу. У нас есть шанс сделать хоть что-то, что поможет миру восстановиться: мы можем убить Сеть и ликвидировать ее как инструмент в руках плохих парней. Или же мы можем переставить несколько кресел на мостике твоего личного «Титаника», на котором ты плывешь к прекрасной мечте под названием «независимое киберпространство».

Проблема заключалась в том, что Сарио был прав. Горючее у них закончится через два дня — время от времени в городской сети появлялся ток, и это сэкономило им часть горючего. И если согласиться с его гипотезой о том, что Интернет в первую очередь использовался как инструмент для организации нового хаоса, то его отключение станет верным решением.

Но жена и сын Феликса были мертвы. Он не хотел возрождать старый мир. Он хотел построить новый. В старом мире для него больше не было места.

Ван почесал свою воспаленную, шелушащуюся кожу. Облачка чешуек закружились в душном, наполненном испарениями воздухе. Сарио брезгливо выпятил губу:

— Отвратительно. Мы дышим рециркулированным воздухом, если ты этого не знаешь. И какая бы проказа тебя ни пожирала, забивать своей дрянью фильтры весьма антисоциально.

— Ты сам главный авторитет по антисоциальному, Сарио, — ответил Ван. — Катись отсюда, или я тебя забью плоскогубцами.

Он перестал чесаться и похлопал по чехольчику с универсальным инструментом, совсем как стрелок по кобуре с револьвером.

— Да, я антисоциальный! У меня синдром Аспергера, и я не принимал лекарства уже четыре дня. А у тебя какая гребаная причина?

Ван еще немного почесался.

— Извини, — сказал он. — Я не знал.

Сарио расхохотался:

— О, вы все бесценны! Готов поспорить, что три четверти собравшихся здесь пребывают на грани аутизма. А я просто-напросто задница. Зато я не боюсь говорить правду, и это делает меня лучше тебя, недопосок.

— Пошел на хрен, слизняк, — отрезал Феликс.

У них оставалось топлива меньше чем на день, когда Феликса избрали первым в истории премьер-министром киберпространства. Но сначала подсчет голосов запорол чей-то сетевой робот, посылавший письма с ложными бюллетенями голосования, и они потеряли целый драгоценный день, пересчитывая голоса заново.

К тому времени идея начала все больше походить на шутку. Половина инфоцентров замолкла. Карты запросов в «Google», составляемые Queen Kong, выглядели все мрачнее по мере того, как все больше мест в мире уходило в оффлайн, а статистика по многочисленным новым запросам гласила, что людей в основном интересует здоровье, жилье, санитария и самооборона.

Вирусная нагрузка на сеть падала. Многие пользователи домашних компьютеров остались без электричества, поэто-

му их «зомбированные» компьютеры, прежде рассылавшие вирусы, выпали из Сети. Магистрали[1] на схемах по-прежнему светились и мерцали, но послания из этих инфоцентров становились все более отчаянными. Феликс не ел целый день, и персонал на одной наземной станции трансокеанской спутниковой связи — тоже.

Вода тоже заканчивалась.

Попович и Розенбаум пришли к Феликсу сразу, едва он успел ответить на несколько поздравительных писем и разослать по группам новостей уже заготовленную «тронную» речь.

— Мы собираемся открыть двери, — сообщил Попович.

Как и все, он похудел, а кожа лоснилась от жира и грязи. Воняло от него примерно как от мусорных баков за рыбным рынком в жаркий день. Феликс не сомневался, что от него запашок не лучше.

— Хотите сходить на разведку? Поискать горючее? Мы можем создать рабочую группу. Отличная идея.

Розенбаум грустно покачал головой:

— Мы собираемся отыскать наши семьи. Что бы там ни было снаружи, оно уже рассеялось. Или не успело. В любом случае здесь нет будущего.

— А как же обслуживание Сети? — спросил Феликс, хотя уже знал ответ. — Кто не даст маршрутизаторам «упасть»?

— Мы оставим тебе главные пароли ко всем, — сказал Попович.

Руки у него дрожали, глаза потускнели. Как и многие курильщики, застрявшие в инфоцентре, он всю неделю страдал без сигарет. Все, что содержало кофеин, тоже закончилось два дня назад. Но курильщикам пришлось тяжелее всего.

— И я просто останусь здесь и буду поддерживать систему в онлайне?

---

[1] *Магистраль сети* — основной кабель, от которого кабели приемопередатчиков сигналов идут к компьютерам, повторителям и мостам, обеспечивая для каждой связанной с магистралью системы возможность соединения с любой другой системой, также подключенной к магистрали.

— Ты и все те, кого это еще волнует.

Феликс знал, что упустил свой шанс. Выборы представлялись поступком благородным и отважным, но, если подумать, они стали всего лишь предлогом для соперничества в то время, когда следовало решать, что делать дальше. Проблемой оказалось то, что дальше делать было нечего.

— Я не могу заставить вас остаться.

— Да, не можешь.

Попович повернулся и вышел.

Розенбаум посмотрел ему вслед, потом схватил Феликса за плечо:

— Спасибо, Феликс. Это была прекрасная мечта. А может, все еще есть. Может быть, мы раздобудем еду, горючее и еще вернемся.

У Розенбаума была сестра, с которой он поддерживал контакт по Сети в первые дни кризиса. Потом она перестала отвечать. Админы разделились на тех, у кто был шанс попрощаться с родными, и на тех, у кого его не было. Каждый считал, что другому повезло больше.

Попович и Розенбаум написали сообщение для внутренней группы новостей — в конце концов, они все еще оставались админами, — и вскоре на первом этаже собрался небольшой почетный караул из сисадминов, решивших посмотреть, как два их товарища будут выходить через двойные двери. Уходящие набрали код — поднялись стальные заслонки, затем открылись внутренние двери. Админы шагнули в вестибюль и закрыли за собой двери. Открылись наружные двери. На улице было очень ярко и солнечно, и, если не считать непривычной пустоты вокруг, все выглядело нормально. Душераздирающе нормально.

Двое сделали робкий шаг в новый мир. Затем еще один. Повернулись, помахали оставшимся. И внезапно схватились за горло, рухнули и начали корчиться и дергаться.

— Господи-и-и!.. — только и успел выдохнуть Феликс, как парочка шутников отряхнулась и встала, хохоча так, что вскоре оба ухватилась за бока. Затем они помахали снова, повернулись и ушли.

— Господи, вот придурки-то, — сказал Ван и почесал руки, на которых виднелись длинные кровоточащие цара-

пины. Его одежда была до такой степени усыпана чешуйками кожи, что казалась посыпанной сахарной пудрой.

— А по-моему, было очень смешно, — возразил Феликс.

— Боже, как я хочу есть.

— К счастью для тебя, в нашем распоряжении все, что только можно съесть.

— Вы слишком добры к нам, простым работягам, мистер президент.

— Премьер-министр, — поправил Феликс. — И ты не работяга, а заместитель премьер-министра. Ты мой официальный разрезатель ленточек и вручатель чеков на огромные суммы за инновации.

От шуток им обоим полегчало. А зрелище того, как уходят Попович и Розенбаум, подбодрило всех. К тому времени Феликс уже знал, что вскоре уйдут и остальные.

Исход был предопределен запасом горючего, но кто захочет ждать, пока оно закончится?

> половина моей команды утром ушла — напечатала Queen Kong.

Разумеется, «Google» держался очень хорошо. Нагрузка на серверы стала гораздо меньше, чем была с тех пор, когда весь «Google» умещался в нескольких самодельных персоналках, стоящих под конторским столом в Стэнфорде.

> а нас осталось четверть — ответил Феликс.

Прошел всего лишь день после ухода Поповича и Розенбаума, но трафик групп новостей упал почти до нуля. У Феликса и Вана тоже не хватало времени, чтобы играть в Республику киберпространства. Они были слишком заняты, изучая системы, которые передал им Попович, — большие маршрутизаторы, продолжавшие работать как главный пункт обмена данными для всех сетевых магистралей Канады.

Но все же время от времени кто-то посылал сообщения в группы новостей, обычно желая попрощаться. Старые се-

тевые войны из-за того, кто станет премьер-министром, нужно ли отключать Сеть или кто берет слишком много еды, отошли в прошлое.

Феликс перезагрузил группу новостей и увидел типичное сообщение.

> Свихнувшиеся процессы на Solaris

> Привет. Я всего лишь мелкая компьютерная сошка, но я остался тут один, а четыре наших DSL-сервера только что упали. Похоже, на них работает какая-то клиентская учетная программа, которая пытается вычислить, какие счета надо выставить нашим корпоративным клиентам, и она порождает тысячи запросов и жрет весь обмен данными. Я хочу ее прихлопнуть, но у меня не получается. Какой магический ритуал мне надо совершить, чтобы заставить этот проклятый думатель грохнуть подобное дерьмо? Один черт, ведь вряд ли кто из наших клиентов когда-нибудь оплатит счета. Я запросил парня, который написал эту программу, но он уже давно покойник, и все, кто мог помочь, тоже.

Феликс перезагрузил группу снова и увидел ответ. Он был коротким, авторитетным и по существу — такой, каких почти никогда не увидишь в группах новостей крупного калибра, когда новичок задает глупый вопрос. Апокалипсис разбудил во всемирном сообществе системных администраторов дух терпеливой взаимопомощи.

Ван заглянул ему через плечо.

— Черт, кто бы подумал, что он на такое способен?

Феликс взглянул на имя отправившего ответ. Он пришел от Уилла Сарио. Феликс перешел в окошко чата.

> сарио я думал что ты хотел отключить сеть почему же ты помогаешь салагам налаживать их сервера?

> мистер ПМ, а вдруг у меня просто сил нет смотреть как компьютер страдает в руках любителя?

Феликс перешел на канал, где он общался с Queen Kong.

> Когда?

> Когда я в последний раз спала? Два дня назад. Когда кончится горючее? Через три дня. Когда у нас кончилась еда? Два дня назад.

> Господи. Я прошлую ночь тоже не спал. У нас здесь не хватает рук.

> есть тут кто? я моника, живу в пасадене и мне до смерти надоело делать уроки. ХОчешь скачать мою фотку?

«Троянские» роботы теперь трудились во всех IRC, перепрыгивая на любой канал, где имелся хоть какой-то трафик. Иногда пять-шесть ботов начинали флиртовать друг с другом. Когда Феликс наблюдал за тем, как одна вирусная программа пытается уговорить другую свою версию загрузить «трояна», ему становилось немного не по себе.

Они одновременно вышибли бота из канала. У него теперь для этого имелся скрипт. Количество же спама практически не уменьшилось.

> Как получается, что спама не становится меньше? Ведь половина чертовых инфоцентров уже не работает

Queen Kong долго не отвечала. Как и всегда, если ожидание ответа затягивалось, он уже привычно перезагрузил главную страницу «Google». И точно, сайт завис.

> Сарио, у тебя хоть какая-то еда есть?

> Вам не помешает парочка лишних обедов, ваше превосходительство?

Ван снова перешел на «Майора Макчиза» и находился на том же канале.

— Вот ведь скотина... А ты сегодня неплохо выглядишь, чувак.

Ван смотрелся далеко не так хорошо. Вид у него был такой, словно его может повалить хороший порыв ветра, а речь стала флегматичной и вялой.

> привет Kong все в порядке?

> все хорошо пришлось отойти и дать кое-кому пинка под зад

— Как трафик, Ван?

— С утра упал на двадцать пять процентов.

Имелось определенное количество сетевых узлов, соединение с которыми осуществлялось через их маршрутизаторы. Предположительно бóльшую их часть составляли домашние или коммерческие пользователи из тех мест, где еще было электричество, а центральные АТС телефонных компаний пока работали.

Время от времени Феликс подключался к каналам связи и прослушивал их, надеясь отыскать кого-нибудь с новостями из большого мира. Но почти весь трафик оказался автоматическим: пересылались резервные копии данных или обновления. И спам. Много спама.

> Количество спама растет потому, что службы по борьбе с ним отключаются быстрее серверов и компьютеров, на которых спам генерируется. Все службы по борьбе с сетевыми «червями» централизованы и собраны в нескольких местах. А генерируется спам на миллионах зомбированных компьютеров. Жаль, что у лузеров не хватило здравого смысла выключить свои домашние компьютеры перед тем, как откинуть копыта или смыться.

> если так пойдет и дальше то к обеду мы уже не будем пересылать ничего кроме спама

Ван хрипловато и с натугой кашлянул.

— Как раз хотел об этом поговорить, — сказал он. — Я думал, что этот момент наступит раньше. Феликс, по-моему, если мы просто возьмем и уйдем отсюда, этого никто и не заметит.

Феликс посмотрел на его изможденное лицо, кожу цвета говядины, длинные незаживающие расчесы. Пальцы у Вана дрожали.

— Ты пьешь достаточно воды?

— Весь день, каждые десять секунд. Что угодно, лишь бы брюхо не было пустым. — Он показал на стоящую рядом с ним полную воды двухлитровку из-под «Пепси».

— Надо устроить совещание, — решил Феликс.

В первый день их было сорок три. Теперь осталось пятнадцать. Шестеро отреагировали на сообщение о сборе своеобразно — просто ушли. Все и так знали тему совещания.

— И ты допустишь, чтобы все попросту развалилось?

Только у Сарио еще хватало энергии, чтобы разозлиться по-настоящему. Он будет злиться до самой могилы. На горле и лбу у него даже выступили вены. Он потрясал кулаками. Завидев его, остальные сразу встрепенулись и не сводили с него глаз, забыв о необходимости поглядывать в окошки чатов или журналы трафика.

— Сарио, ты что, издеваешься? — воскликнул Феликс. — Ведь это ты хотел прикончить Сеть.

— Я хотел сделать это чисто! — рявкнул Сарио. — И не хотел, чтобы она истекла кровью и померла навсегда, дергаясь и задыхаясь. Это должно было стать общим решением глобального сообщества тех, кто ее поддерживал и обслуживал. Конструктивным действием, совершенным людьми. А не победой энтропии, хакерских программ и вирусов. Черт побери, ведь именно это сейчас и происходит в Сети.

В кафе на верхнем этаже по всему периметру имелись окна из закаленного стекла, отклоняющие свет. Обычно жалюзи на них были опущены. Теперь Сарио промчался вдоль окон, поднимая жалюзи. Феликса изумило, что у Сарио еще осталась энергия, чтобы бегать. У него едва хватило сил подняться по лестнице в кафе.

Помещение залил резкий дневной свет. За окном был ясный солнечный день, но куда бы ни падал взгляд из этой высокой точки, везде над Торонто поднимались столбы дыма. Башня в центре города, гигантский модернистский кирпич из черного стекла, извергала в небо пламя.

— Сеть разваливается, как и все вокруг. Слушайте, слушайте. Если мы бросим Сеть умирать медленно, какие-то ее части останутся живы еще несколько месяцев. А может, и лет. И что будет по ней гулять? «Трояны». «Черви». Спам. Системные процессы. Зональные пакеты данных. То, чем мы пользуемся, разваливается и требует постоянного обслуживания. То, что мы отвергаем, не используется и может жить бесконечно. Мы собираемся оставить после себя Сеть, похожую на мусорную яму, набитую промышленными отходами. Это и станет нашим наследием — памятью каждого удара по клавиатуре, которые делали вы, я и кто угодно и когда угодно. Дошло? Мы собираемся бросить ее подыхать медленной смертью, как раненую собаку, вместо того чтобы прервать ее мучения одним выстрелом в голову.

Ван почесал щеки, и Феликс увидел, что он вытирает слезы.

— Сарио, ты и прав, и не прав, — сказал он. — Оставить Сеть ковылять понемногу дальше — правильно. Мы все еще долго будем понемногу ковылять, и, может быть, она кому-нибудь пригодится. Если где угодно в мире хотя бы один пакет данных будет передан от одного пользователя другому, то Сеть сделает свое дело.

— Если хочешь убить ее чисто, то можешь это сделать, — заявил Феликс. — Я премьер-министр, и я так решил. Я сообщу тебе корневые пароли. И всем вам тоже. — Он повернулся к белой доске, на которой работники кафетерия обычно писали название текущего фирменного блюда. Теперь доску покрывали остатки жарких технических дебатов, которые вспыхивали между админами с первого дня.

Он рукавом расчистил на доске место и стал писать длинные и сложные буквенно-цифровые пароли, сдобренные знаками препинания. У Феликса был дар запоминать пароли такого рода. Он сомневался, что это ему когда-нибудь еще пригодится.

> Мы уходим, Kong. Горючее все равно почти кончилось

> да что ж тогда правильно. Для меня было честью работать с вами, господин премьер-министр

> какие у тебя перспективы?

> я поручила молодому админу позаботиться о моих женских нуждах и мы нашли еще одну кладовочку с едой которой нам хватит на пару недель ведь нас теперь осталось всего пятнадцать

> ты потрясающая, Queen Kong, серьезно. Но не изображай из себя героя. Когда надо будет уйти — уходи. Там снаружи обязательно что-нибудь найдется

> береги себя Феликс, серьезно кстати я тебе писала что количество запросов из Румынии увеличилось? Может быть они там постепенно становятся на ноги

> в самом деле?

> да, в самом деле. Мы ведь как чертовы тараканы, нас трудно убить

Связь прервалась. Феликс вышел в «Firefox» и перезагрузил «Google». Сайт не отзывался. Он еще несколько раз щелкал кнопку перезагрузки, но безрезультатно. Феликс закрыл глаза и услышал, как Ван чешет ноги, потом набирает на клавиатуре что-то короткое.

— Они снова на связи, — сообщил он.

Феликс облегченно выдохнул. Затем послал в группу новостей сообщение — то самое, которое он переписывал пять раз, пока текст его не удовлетворил.

— Ты тут береги все, ладно? Мы еще вернемся. Когда-нибудь.

Уходили все, кроме Сарио. Он отказался. Но все же спустился их проводить.

Админы собрались в вестибюле, Феликс поднял бронированную дверь, и внутрь ворвался свет.

Сарио протянул руку.

— Удачи, — пожелал он.

— Тебе тоже, — отозвался Феликс. Рукопожатие у Сарио оказалось твердым. — Может, ты был прав.

— Может быть.

— Все еще собираешься выдернуть пробку?

Сарио взглянул на подвесной потолок, словно пытаясь сквозь усиленные потолочные перекрытия рассмотреть гудящие серверные стойки на верхних этажах.

— Кто знает? — произнес он наконец.

Ван почесался, и облачко белых чешуек заплясало в солнечных лучах.

— Пошли найдем тебе аптеку, — сказал Феликс и двинулся к двери.

Остальные админы последовали за ним.

Они подождали, пока за ними закроются внутренние двери, затем Феликс открыл наружные. В воздухе пахло скошенной травой, первыми каплями дождя, озером и небом, а мир казался старым другом, от которого целую вечность не было весточки.

— Пока, Феликс, — говорили другие админы.

Они постепенно расходились, пока он стоял наверху короткой бетонной лестницы. От яркого света у него слезились глаза.

— Кажется, на Кинг-стрит была аптека, — сказал он Вану. — Разобьем окно кирпичом и добудем тебе кортизон, хорошо?

— Ты у нас премьер-министр. Вот и действуй.

За пятнадцать минут они не встретили ни единого человека. И не услышали ни единого звука, если не считать птичьего чирикания и гудения ветра в электрических проводах над головой. Все это очень напоминало прогулку по Луне.

— Готов поспорить, что у них там есть шоколадные батончики, — заявил Ван.

Желудок Феликса непроизвольно сжался. Еда.

— Угу, — буркнул он, давясь слюной.

Они прошли мимо небольшого трехдверного автомобиля. На переднем сиденье они увидели высохшее тело женщины с высохшим младенцем на руках, и рот Феликса наполнился горькой желчью, хотя сквозь закрытые окна запах едва пробивался.

Он уже несколько дней не думал о Келли и 2.0. Феликс упал на колени, и его вырвало. Здесь, в реальном мире, его семья мертва. Все, кого он знал, мертвы. И ему захотелось лечь на тротуар и лежать, пока он тоже не умрет.

Худые руки Вана скользнули ему под мышки и слабо потянули вверх.

— Не сейчас, — сказал он. — Когда мы окажемся под надежной крышей и что-нибудь поедим, вот тогда и смо-

жешь это сделать, но не сейчас. Ты меня понял, Феликс? Не сейчас, черт побери!

Ругань Вана привела его в чувство. Он встал. Колени дрожали.

— Еще один квартал, и все. — Ван положил руку Феликса себе на плечо и повел его дальше.

— Спасибо, Ван. Извини.

— Не за что. Кстати, тебе очень нужно под душ. Только не обижайся.

— Я не обижаюсь.

Витрину аптеки защищала металлическая решетка, но ее уже давно сорвали, а стекло выбили. Феликс и Ван пролезли в дыру и оказались в полутемном помещении. Несколько стендов было опрокинуто, но в целом все выглядело нормально. Возле кассы Феликс одновременно с Ваном увидел стойки с батончиками, и они бросились туда, схватили по горсти и сразу набили полные рты.

— Вы едите как свиньи.

Они резко обернулись на голос. Перед ними стояла женщина, облаченная в лабораторный халат и удобные туфли, и держала пожарный топор, который был чуть ли не больше ее самой.

— Берите, что вам надо, и уходите, договорились? Никому из нас проблемы не нужны. — У нее был острый подбородок и проницательный взгляд. На вид — лет сорок или чуть старше. Она совершенно не походила на Келли, и это было хорошо, потому что Феликсу хотелось подбежать к ней и обнять. Еще один живой человек!

— Вы врач? — спросил Феликс.

— Так вы уйдете или нет? — Она угрожающе взмахнула топором.

Феликс поднял руки:

— Серьезно, вы врач? Фармацевт?

— Я была медсестрой лет десять назад. А теперь вебдизайнер.

— Вы шутите? — изумился Феликс.

— Никогда не встречали девушку, которая разбирается в компьютерах?

— Вообще-то моя подруга руководит инфоцентром «Google»...

— Вы шутите? — теперь уже изумилась она. — Инфоцентром «Google» руководила женщина?

— Руководит, — поправил Феликс. — Он все еще в онлайне.

— Быть такого не может. — Она немного опустила топор.

— У вас есть кортизоновая мазь?.. Могу рассказать вам эту историю. Меня зовут Феликс, а это Ван, которому нужны все антигистамины, которыми вы сможете поделиться.

— Поделиться? Феликс, старина, да у меня здесь столько лекарств, что хватит на сто лет. И срок годности у них закончится гораздо раньше, чем они сами. Но ты говорил, что Сеть все еще работает?

— Работает. Более или менее. Именно этим мы и занимались все неделю. Поддерживали ее работу. Но все же долго она не протянет.

— Да, я тоже так думаю. — Она опустила топор. — У вас есть что-нибудь на обмен? Я мало в чем нуждаюсь, но пытаюсь не закиснуть и поэтому обмениваюсь с соседями. Это как играть в цивилизацию.

— У вас есть соседи?

— Не менее десятка. Люди из ресторана через дорогу варят очень хороший суп, хотя овощи у них консервированные. Но они выменяли у меня почти все бумажные полотенца.

— У вас есть соседи и вы с ними торгуете?

— Ну да. Без них мне стало бы совсем одиноко. Лечу им насморк и разные болячки, какие могу. Наложила шину на сломанное запястье... Слушайте, хотите диетический хлеб с арахисовым маслом? У меня его целая тонна. А то у твоего дружка вид такой, будто он сейчас умрет на месте.

— Да, пожалуйста, — сказал Ван. — У нас нет ничего на обмен, но мы трудоголики в поисках нового ремесла. Вам помощники не нужны?

— Не очень-то. Но от компании не откажусь.

Они съели бутерброды, затем суп. Люди из ресторана принесли его и обслужили их по всем правилам, хотя Феликс и заметил, как они морщатся. Он удостоверился, что

водопровод в задней комнате работает. Ван пошел туда и обтерся мокрой губкой, Феликс поступил так же.

— Никто из нас не знает, что делать, — сказала женщина. Ее звали Роза. Она отыскала бутылку вина и несколько одноразовых пластиковых чашек. — Я думала, что в городе появятся вертолеты, или танки, или хотя бы мародеры, но у нас все тихо и спокойно.

— Но и вы вели себя очень тихо, — заметил Феликс.

— Не хотела привлекать к себе лишнее внимание.

— А вы никогда не думали, что многие здесь поступают так же? Может быть, собравшись, мы придумаем, что делать дальше?

— Или же нам перережут глотки, — возразила Роза.

— Она права, — кивнул Ван.

Феликс возбужденно вскочил:

Нет, нам нельзя так думать. Послушайте, мы сейчас на распутье. Мы можем или опуститься на дно, махнув на все рукой, или хотя бы попробовать создать нечто получше.

— Лучше? — Роза презрительно фыркнула.

— Ладно, пускай не лучше. Но что-то. Создавать что-то новое — все больше пользы, чем дать всему зачахнуть и погибнуть. Господи, ну что вы собираетесь делать, когда прочитаете здесь все журналы и съедите все чипсы?

Роза покачала головой:

— Красивые слова. Но что же нам все-таки делать, черт побери?

— Что-нибудь, — ответил Феликс. — Мы будем делать что-нибудь. Что-нибудь — это лучше, чем ничего. Мы возьмем этот кусочек мира, где люди разговаривают друг с другом, и станем его расширять. Найдем всех, кого сможем, позаботимся о них, и они позаботятся о нас. Наверное, мы сломаемся. Возможно, у нас ничего не получится. Но я лучше проиграю, чем сдамся.

Ван рассмеялся:

— Знаешь, Феликс, ты еще более чокнутый, чем Сарио.

— А мы завтра с утра пойдем и вытащим его. Он тоже станет частью нового. Все станут. В гробу я видал конец света. Никакой конец не наступил. Человечество не такая неженка.

Роза снова покачала головой, но теперь она слегка улыбалась:

— А ты кем станешь? Папой-императором мира?

— Он предпочитает должность премьер-министра, — сообщил Ван театральным шепотом. Антигистамины сотворили чудо с его кожей, ставшей из ярко-красной нежно-розовой. — Хотите быть министром здравоохранения, Роза?

— Мальчишки, — протянула она. — Играете в свои игрушки. А как насчет такого предложения: я стану помогать всем, кому смогу, но при условии, что вы никогда не попросите меня называть его премьер-министром, а меня никогда не назовете министром здравоохранения?

— Договорились, — согласился Феликс.

Ван наполнил всем чашки и перевернул бутылку, чтобы вытекли последние капли. Они подняли чашки.

— За мир, — сказал Феликс. — За человечество. — Он задумался. — За возрождение.

— За что угодно, — вставил Ван.

— За что угодно, — согласился Феликс. — За все.

— За все, — поддержала его Роза.

Они выпили. Феликс хотел пойти домой, посмотреть на Келли и 2.0, хотя его желудок сжимался от одной мысли о том, что он там может увидеть. Но на следующий день они начали Возрождение. А через несколько месяцев начали все сначала, когда противоречия разорвали на части небольшую и хрупкую группу, которую им удалось собрать. А год спустя они вновь начали все сначала. И пять лет спустя — еще раз.

Миновало почти шесть месяцев, прежде чем Феликс побывал дома. Они ехали на велосипедах: Феликс впереди, Ван, прикрывавший его, сзади. Чем дальше на север они продвигались, тем сильнее становился запах горелой древесины. Они видели много сгоревших домов. Иногда мародеры сжигали ограбленные дома, но чаще виновником была природа: пожары начинались спонтанно, как в лесах и в горах. Прежде чем админы доехали, им попалось шесть кварталов, где все дома сгорели дотла.

Но жилой район, где стоял дом Феликса, все еще был оазисом зловеще нетронутых зданий, выглядевших так, словно их немного облепившиеся владельцы ненадолго вышли, чтобы купить краски и новые лезвия для газонокосилок и привести дома в порядок.

В каком-то смысле видеть такое оказалось даже хуже, чем пепелища. Феликс и Ван слезли с велосипедов около микрорайона и молча зашагали дальше, катя рядом велосипеды и прислушиваясь к шелесту ветра в листве. Зима в этом году запаздывала, но все же приближалась, и Феликс начал дрожать от холода.

У него не было ключей. Они остались в инфоцентре, несколько месяцев и миров назад. Ручка на двери не поворачивалась. Тогда он ударил дверь плечом, и она с громким треском выломилась из сырой, прогнившей коробки. Дом гнил изнутри.

Дверь упала в воду. В доме было полно стоячей воды, в гостиной набралась вонючая лужа глубиной четыре дюйма. Феликс осторожно пересек ее, ощущая, как на каждом шагу под ногами проседают прогнившие до губчатого состояния доски.

На втором этаже его ноздри заполнил запах отвратительной зеленой плесени. Он вошел в спальню, где мебель была знакома, как друг детства.

Келли лежала на кровати вместе с 2.0. По тому, как они лежали, становилось ясно, что умирали они в мучениях — скрюченные тела, Келли свернулась калачиком над младенцем. Тела вздулись, сделавшись почти неузнаваемыми. А запах... боже, какой там стоял запах...

У Феликса закружилась голова. Он подумал, что сейчас упадет, и ухватился за шкаф. Эмоция, которую он не мог определить, — ярость, гнев, скорбь? — заставила его жадно глотать воздух, словно он тонул.

А потом все прошло. Мир остался в прошлом. Келли и 2.0 — тоже. Было дело, которое надо сделать. Феликс завернул их в одеяло, ему помог угрюмый Ван. Они вышли на лужайку перед домом и стали по очереди копать могилу лопатой, которую Келли держала в гараже. К тому времени они стали уже опытными могильщиками. И набрались опыта в обращении с по-

койниками. Они копали, а настороженные собаки наблюдали за ними из высокой травы на соседних лужайках, но и собак они хорошо научились отгонять метко брошенными камнями.

Выкопав могилу, они положили в нее жену и сына Феликса. Он поискал слова, чтобы произнести их над свежим холмиком, но в голову ничего не пришло. Он выкопал так много могил для жен стольких мужчин и для мужей стольких женщин... Слов просто не осталось.

Феликс копал канавы, искал консервы, хоронил мертвых. Он возделывал землю и собирал урожай. Починил несколько машин и научился делать дизельное биотопливо. В конце концов он оказался в инфоцентре маленького правительства — маленькие правительства возникали и распадались, но у этого хватило ума понять, что нужно вести учет, и ему понадобился человек, чтобы его вести и поддерживать все в рабочем состоянии. Феликс взял с собой Ваша.

Они проводили много времени в чатах и иногда встречали там старых друзей из того странного времени, когда они правили Распределенной республикой киберпространства. Встречали тех, кто упорно называл его премьер-министром, хотя в реальном мире его никто больше так не называл.

По большей части жизнь была не очень-то хороша. Раны Феликса не заживали, как и у многих других. Были болезни, затяжные и внезапные. Трагедия сменяла трагедию.

Но Феликс любил свой инфоцентр. Здесь, среди гудящих серверных стоек, он никогда не испытывал ощущения, что живет в первые дни лучшего мира. Но что живет в последние дни мира — тоже.

```
> иди спать, Феликс
> скоро, Kong, скоро. Резервное копирование почти закончилось
> да ты трудоголик, приятель
> кто бы говорил
```

Феликс перезагрузил главную страницу «Google». Queen Kong держала его в онлайне уже два года. Буквы «о» в слове

«Google» постоянно менялись, когда ей это взбредало в голову. Сегодня они были мультяшными планетками — одна улыбалась, другая хмурилась.

Феликс долго смотрел на них, потом вернулся в режим терминала — проверить, как идет резервное копирование. По крайней мере сегодня оно шло как по маслу. Архивы маленького правительства были в безопасности.

```
> ладно спокойной ночи
> береги себя
```

Ван помахал ему вслед, когда он направился к двери, потягиваясь и хрустя позвонками.

— Спокойных снов, босс.

— Только не сиди здесь опять всю ночь, — сказал Феликс. — Тебе ведь тоже надо спать.

— Ты слишком добр к нам, работягам, — отозвался Ван и забарабанил по клавиатуре.

Феликс закрыл за собой дверь и вышел в ночь. За домом тарахтел генератор на биотопливе, выплевывая едкий дым. Луна стояла высоко, и он ею полюбовался. Завтра он вернется, наладит еще один компьютер и опять станет бороться с энтропией. А почему бы и нет?

Этим он занимался всю свою жизнь. Ведь он был сисадмином.

ДЖЕЙМС ВАН ПЕЛТ

Последние О-формы

Перу Джеймса Ван Пелта принадлежит роман «Лето апокалипсиса» («Summer of Apocalypse») и около девяноста рассказов, публиковавшихся в «Analog», «Asimov's», «Realm of Fantasy» и «Talebones». Кроме того, были выпущены два сборника писателя: «Бродяги и попрошайки» («Strangers and Beggars»), а также «Последние О-формы и другие рассказы» («The Last O-Forms and other Stories»).

Ван Пелт создавал серию произведений о движущихся медленнее света кораблях-ковчегах, уносящих беженцев с Земли, и во всех историях подразумевается, что люди спасаются от «генной чумы». Неожиданно автору пришло в голову, что не менее интересно будет описать происходящее на Земле.

Так появился рассказ «Последние О-формы», ставший финалистом премии «Небьюла». Действие в нем происходит в мире, где больше не рождаются нормальные дети. Все до одного мутанты, что и хорошо, и плохо для бродячего экзотического зверинца доктора Тревина...

Вокруг простиралась темная долина Миссисипи. Окна болот на горизонте поблескивали под луной как серебряные монетки, сверкавшие сквозь заросли черных деревьев или запутавшиеся в изгороди из рельсов, тянувшейся на много миль. В воздухе пахло сырым мхом и тухлой рыбой. Запах был тяжелым, как мокрое полотенце, но уж лучше такой, чем тот, что распространяется от клеток с животными к полудню, когда солнце бьет в брезентовую крышу фургонов, притулившихся в редкой тени. Ночные переезды удобнее. Тревин до минуты рассчитал расстояния. Скоро они проедут Рокси, затем почти подряд Гамбург, Макнейр и Гарристон. В Файетте есть симпатичная забегаловка, где можно позавтракать, но для этого пришлось бы свернуть с трассы, а стоит чуть задержаться, и они попадут в самую гущу утренних пробок под Виксбургом. Нет уж, надо ехать, ехать до следующего городка, который, может быть, спасет их шоу.

Он потянулся через сиденье к мешку с продуктами, лежавшему между ним и Кэприс. Она спала, приткнувшись младенческой светлой головкой к двери. Крошечные ручки сжимали открытую на коленях «Одиссею» на древнегреческом. Если бы не спала, глянула бы на карту и с точностью до минуты сказала, сколько осталось ехать до Майерсвиля на той же скорости и сколько — с точностью до унции — дизеля осталось у них в баке. И взглядом пришпилила бы его к стене. «Почему бы тебе самому не сообразить?» — так и спрашивают глаза маленькой девочки. Он подумал, не припрятать ли телефонный справочник, который она подкладывает под себя, чтобы смотреть в окно. Будет тогда знать. Может, она и выглядит как двухлетняя, но на самом-то деле ей двенадцать, а душа у нее — сорокалетнего налогового инспектора.

На дне мешка, под пустой коробкой из-под пончиков, нашлась вяленая говядина. Перец почти забивал вкус, а о слабом металлическом привкусе, пробивавшемся сквозь него, лучше не думать. Кто знает, что это за мясо. Маловероятно, что где-то еще остались на забой коровы оригинального типа, или О-коровы.

За длинным изгибом дороги из мрака выплыл знак ограничения скорости в пределах города. Тревин притормозил и поехал медленнее. Полиция Рокси пользовалась недоброй славой за искусные ловушки для нарушителей, а денег, чтобы откупиться, у него не хватит. В зеркале заднего вида показались подтянувшиеся ближе машины — второй фургон и легковушка с командой подсобных рабочих мастера Харди.

На пустом перекрестке Рокси мигал желтым светофор, а под редкими фонарями виднелись ряды запертых наглухо магазинов. Четыре квартала по центру города, еще миля мимо обветшалых домов и выстроившихся вдоль дороги трейлеров, мимо дворов, где в лунном свете мелькали сломанные стиральные машины и кипы угольных брикетов. Из-за решетчатой изгороди машину Тревина облаяли. Он притормозил, чтобы поглядеть, кто это. Профессиональное любопытство. В свете фонаря над крыльцом животное напоминало О-пса, оригинальную форму, причем старую, су-

дя по неуклюжим движениям. Таких уже немного осталось. После появления мутагена... Тревин задумался, как хозяин, который держит О-собаку во дворе, ладит с соседями — не завидуют ли ему.

Младенческий голосок вогласил:

— Если в Майерсвиле мы не наберем двух тысяч шестисот долларов, придется продавать фургон, папа.

— Никогда не называй меня папой, слышишь! — Он молча проехал длинный изгиб. На двухполосных шоссе часто нет обочины, так что отвлекаться на повороте небезопасно.— Я думал, ты спишь. И между прочим, хватит и тысячи.

Каприс закрыла книгу. В темноте кабины Тревин не видел ее глаз, но знал, что они холодны, как голубой арктический лед. Она сказала:

— На дизельное топливо тысячи, конечно, хватит, но мы уже сколько недель не платили по счетам. Подсобники не потерпят новой задержки жалованья, после того, что ты им наобещал в Галфпорте. Квартальный налог просрочен, а федералов, в отличие от прочих кредиторов, не уговоришь потерпеть пару месяцев. Корма для животных хватит дней на десять, но тигрозели и крокомыши нужно свежее мясо, они без него подохнут. В две шестьсот мы уложимся, но только-только.

Тревин ощерился. Он уже много лет не умилялся младенческому голоску и детской картавости, а смысл ее слов почти всегда состоял в критике или сарказме. Жить рядом с ней — все равно что постоянно держать при полной неуверенности в себе адвоката ростом с бутылку.

— Стало быть, нам надо наколотить... — он наморщил лоб, — две тысячи шестьсот разделить на четыре с половиной...

— Пятьсот семьдесят восемь. И у тебя еще останется лишний доллар на чашку кофе, — подсказала Каприс.— Столько мы не набирали с прошлой осенней ярмарки, но и тогда заработали только на том, что в Натчезе раньше времени закрылся праздник пивоваров. Хвала Всевышнему за Луизиану с ее антиалкогольным законодательством! Нам пора признать, что шоу прогорело, избавиться от инвентаря, продать оборудование и расплатиться с работниками.

Она повернула к себе лампочку, укрепленную на гибком штативе на приборной доске, и снова открыла книгу.

— Если мы продержимся до Роздэйла... — Он помнил визит в Роздэйл семилетней давности. Городок тогда зазывал их. Присылал письма и е-мэйлы. Выслали в Новый Орлеан комитет встречающих, включив в него красавицу брюнетку, которая за обедом ущипнула его под столом.

— Не продержимся, — отрезала Каприс.

Тревин вспомнил, как приятно было ощутить на бедре ее горячую руку. Он тогда чуть не подскочил на стуле, покраснев до ушей.

— Народ соберется на соевый фестиваль. Все из сои. Соевый пирог, соевое пиво, соевое мороженое... — Он хихикнул. — Надо почиститься. Я еще проедусь по главной улице с соевой королевой Роздэйла!

— Мы покойники. Пощупай свой пульс, — посоветовала она, не отрываясь от книги.

И соевая королева в Роздэйле тоже была приветлива и полна благодарности за то, что они привезли в город зверинец. Он задумался, не уехала ли она из города. Надо будет ее поискать.

— Да, если доживем до соевого фестиваля, то отменно заработаем. Я перекрашу фургоны. Одно хорошее представление, и мы снова на плаву. Народ любит, когда мы въезжаем в город с музыкой. Лучшее в мире шоу невиданных зверей! Помнишь, как о нас написали в «Ньюсуик»? Господи, вот это был день!

Он снова выглянул в окно. Луна уже коснулась горизонта и мчалась за ними, огромная, как надувной мяч, как начищенный до блеска поднос, катившийся вместе с ними сквозь ночь вниз по Миссисипи. Река лежала в двадцати милях западнее. Но и здесь ощущался запах речной дельты. Она еще сомневается, что они сделают большой сбор! «Я ей покажу, — думал он. — Сотру с младенческого личика эту презрительную усмешку. Я ей покажу — в Майерсвиле, а потом в Роздэйле. Деньги на столе не поместятся. Мешками будем грести. Она еще увидит». Он с ухмылкой вытянул еще один кусок говядины и сжевал, уже не замечая вкуса.

Тревин привел свой караван в Майерсвиль к половине одиннадцатого. Въезжая в город, он искал глазами афиши и плакаты. Коробку с ними он выслал заранее, за две недели, и если парень, которого он нанял, сделал свою работу, они должны висеть на каждом углу, но он увидел всего одну афишу, да и то разорванную чуть ли не пополам. Было несколько баннеров, приветствующих софтбольные команды, прибывшие на региональный весенний турнир, и отели украсились вывесками: «Мест нет». Значит, толпа собралась. Он включил музыку, и она хлынула из колонки на крыше фургона. «Зоопарк в городе! Приходите посмотреть на зверей!» Но, кроме пары бездельников, сидевших перед парикмахерской и проводивших их холодными взглядами, никто, похоже, и не заметил их прибытия.

— Не могут же они играть в мяч сутки напролет, а, Каприс? Нужно же им чем-то заняться в перерывах между матчами.

Она хмыкнула. Рядом с ней на сиденье стоял открытый лэптоп, и она загоняла в гроссбух счета и расписки.

Ярмарочная площадь располагалась на северном краю городка, рядом со стадионом. Смотритель стоянки встретил их в воротах и взобрался на приступку, чтобы дотянуться до окна кабины.

— Плата за место — сто долларов, — донеслось из-под широких полей соломенной шляпы, которая, если судить по ее виду, совершила немало кругосветных путешествий.

Тревин побарабанил пальцами по баранке, но сохранил спокойствие.

— Мы внесли плату вперед.

Смотритель пожал плечами:

— Сто долларов, или ищите себе другое место.

Каприс через колени Тревина подтянулась к окну и спросила, старательно подражая мужскому голосу:

— Чек выписывать на Майерсвильскую городскую стоянку или на округ Иссаквена?

Опешивший смотритель поднял голову так резко, что она не успела пригнуться. Его старое лицо было таким же пыльным, как и шляпа.

— Наличные. Чеков не принимаем.

— Так я и думала, — сказала она Тревину, отодвигаясь от окна. — Дай ему двадцатку. И потребуй, чтобы обеспечил переносный туалет и электричество. Мы их заказывали.

Тревин швырнул смотрителю бумажку, и тот поймал ее на лету, спрыгивая с подножки.

— Эй, мистер, — спросил он, — сколько лет вашей малышке?

— Миллион десять, засранец, — буркнул Тревин, отпуская сцепление громоздкой машины. — Я тебе говорил не показываться никому на глаза! Наживем беду, если местные узнают, что у нас за бухгалтера мутант. Существует, знаешь ли, трудовое законодательство. И вообще, зачем ты велела мне дать ему деньги? На них можно было купить мяса дня на два.

Каприс, встав на колени, выглядывала в окно.

— Он сторож, а со сторожами лучше не ссориться. Эге, они здесь расчистили местность. В прошлый раз, когда мы здесь были, между стоянкой и рекой росли деревья.

Тревин налег на баранку. На малой скорости машина с трудом слушалась руля.

— Кому нужны кусты и деревья рядом с местом, где играют в софтбол? Один неудачный бросок, и мяч навсегда пропадает в зарослях...

За ярмарочным полем начиналась насыпная дамба — до самой Миссисипи, лежавшей в ста ярдах широкой грязной равниной, размеченной полосами грязно-серой пены, тающей под утренним солнцем. Вверх по течению, так далеко, что не слышно было тарахтения двигателя, ползла баржа. Тревин с одобрением отметил протянувшуюся на сколько видел глаз десятифутовую решетчатую загородку между собой и рекой. Кто знает, какие твари выползают оттуда по ночам?

Как всегда, почти целый день ушел на то, чтобы устроиться на новом месте. Клетки в восемь футов высотой с крупными животными, вонявшие горячим мехом и немытыми поддонами, первыми достали из полутрейлеров. Сонная, полумертвая на вид тигрозель — длинноногое копытное, на плечах которой при почти полном отсутствии шеи торчала внушительная саблезубая морда, едва приоткрыла глаза, когда ее клетку опускали на вязкую землю, и тихонько загуркала. Тревин проверил поилку.

— Сразу завесьте ее брезентом, — приказал он мастеру Харперу — крупному брюзгливому мужчине, носившему наизнанку старую футболку с рок-концерта. — В этом трейлере жара градусов сто двадцать, — добавил Тревин.

Любовно поглядывая на тигрозель, он вспоминал, как купил ее на иллинойской ферме. Она — один из первых родившихся в Америке мутантов. Это было еще до того, как мутаген распознали и дали ему название. Еще до того, как он превратился в эпидемию. Сестричка тигрозели была почти такой же необыкновенной — толстые ноги, чешуйчатая шкура и длинная, узкая голова гончей, — но фермер прирезал ее прежде, чем подоспел Тревин. Их мать, обыкновеннейшая корова, жевала жвачку, со смутным недоумением глядя на своих деток.

— Что за чертовщина с моей коровой? — все повторял тот фермер, пока они торговались. Когда Тревин ему заплатил, он спросил: — Позвонить вам, если родится еще что-нибудь чудно́е?

Тревин почуял прибыль. Он брал по двадцать долларов с посетителя и получал по десять тысяч в неделю в июне и в июле, показывая тигрозель в кузове своего пикапа. «Может, — думал он, — я и не семи пядей во лбу, но зато умею делать деньги». К концу того лета родился «Экзотический разъездной зверинец доктора Тревина». В тот год Каприс ездила рядом с ним в детском креслице. Ее мама умерла при родах. В августе они ехали на север, из Сенотобии к Мемфису, и тогда одиннадцатимесячная Каприс сказала свои первые слова: «Разве здесь разрешена скорость восемьдесят в час?» Уже тогда в ее голоске звучала злая ирония. Тревин чуть не перевернул фургон.

Крокомышь, когда ее вынимали, рычала и грызла прутья решетки, колотясь мохнатым рылом о металл. Налегая двухсотфунтовой тушей на дверцу, она едва не вывернула клетку из рук подсобных рабочих.

— Берегите руки! — рявкнул на подчиненных Харпер. — Не то, если захотите написать мамочке, будете привязывать карандаш к культе!

Следом выгрузили остальных животных: ежеящерицу, деформированную лягушку-быка, постоянно менявшую цве-

та своей влажной бородавчатой кожи, гуся-единорога величиной с дикую индейку, расхаживавшего на четырех тонких ногах, горстями разбрасывая мохнатые перья, растущие под блестящим перламутровым рогом, и всех остальных малышей-мутантов — неузнаваемое потомство кошек, белок, лошадей, обезьян, тюленей и других животных, собранных Тревином для своего зверинца. Большие и маленькие клетки, аквариумы, террариумы, маленькие загоны, птичьи клетки, шесты с привязью — все, что нужно для выставки.

К закату устроили и накормили последнее животное. Над крышами трейлеров развевались цирковые флаги. На столбах развесили громкоговорители.

Сторож побродил среди клеток, глубоко засунув руки в карманы. Он держался свободно и дружелюбно, будто и не он поутру нагрел их на двадцатку.

— Если вы здесь останетесь на ночь, лучше после заката сидите по фургонам.

— Это еще почему? — подозрительно спросил Тревин.

Сторож мотнул головой в сторону реки, ставшей под закатным небом красной, как струя крови.

— Пару дней назад вода высоко поднималась, выше изгороди. Дамба выдержала, но какой-нибудь зубастый мутоид мог плюхнуться на нашу сторону. До того дошло, что наступишь в лужу — и того гляди, кто-нибудь откусит от тебя кусман. Добровольцы из гражданской обороны каждый день обходят берега, выискивают самых неуживчивых тварей, но старушка Миссисипи — большая река. Ружье-то у вас есть?

Тревин пожал плечами:

— Бейсбольная бита. Может, нам повезет пополнить коллекцию. На турнир по софтболу большая толпа соберется?

— Двадцать две команды. Мы установили запасные скамьи для зрителей.

Тревин кивнул. Если запустить музыку с раннего утра, можно приманить зрителей, дожидающихся начала игры. Что может быть лучше небольшого развлечения по утренней прохладе?

Через пару минут сторож удалился. Тревен с удовольствием смотрел, как он уходит. У него сложилось впечатление, что старик высматривает, что бы стянуть.

После ужина Каприс забралась на верхнюю полку. С ее короткими ножками это было трудное предприятие. Тревин скинул с себя одеяло. В десять вечера температура все еще была за девяносто и ни намека на ветерок. Большая часть животных угомонилась. Только тигрозель все ворковала в своей клетке, испуская нежные мелодичные звуки, совсем не соответствующие ее свирепой наружности.

— Завтра на глаза не лезь, серьезно предупреждаю, — сказал Тревин, выключив свет. — Нечего народ распугивать.

Каприс громко фыркнула:

— Довольно забавно, что мне нельзя показываться на глаза в зверинце мутантов. Мне надоело скрываться, как какой-нибудь воровке. Еще пятьдесят лет, и таких, как ты, вообще не останется. Мог бы уже и смириться с неизбежностью. Я — это будущее.

Тревин заложил руки за голову и уставился вверх, на ее полку. Сквозь жалюзи на окне он слышал, как плещется Миссисипи. Вдали послышался крик зверя — нечто среднее между свистом и приступом кашля. Он попробовал вообразить, какое животное может издавать подобные звуки. Наконец он отозвался:

— Никому не нравятся люди-мутанты, по крайней мере те, что похожи на людей.

— А почему? — спросила она, и в голосе ее на этот раз не было сарказма. — Я вовсе не плохая, если со мной познакомиться. Мы могли бы поговорить о книгах или о философии. У меня есть разум — не только тело.

Зверь в темноте кричал снова и снова. Последний крик оборвался на середине. Кончину крикуна обозначил шум тяжелых ударов и плеск воды.

— Наверно, им грустно тебя видеть, Каприс.

— И тебе от меня грустно?

В темной кабине казалось, что говорит обычная двухлетка. Ему вспомнилось время, когда она действительно была маленькой, когда он еще считал ее нормальным ребенком, не зная, что она никогда не «вырастет», что анализ ДНК покажет, что она не человек. Когда она еще не разговаривала с ним свысока и не заставляла его чувствовать себя дураком под взглядом своих голубых кукольных глаз.

Когда он не запрещал ей называть его папой. Тогда ему казалось, что она немного похожа на свою мать. Он все еще видел след этого сходства, когда Каприс причесывала волосы или засыпала, дыша приоткрытым ртом, точно как ее мать. При мысли о тех временах у него перехватило горло.

— Нет, Каприс. Мне от тебя не грустно.

Через несколько часов, когда Каприс давно уснула, Тревин задремал и увидел сон, в котором его заворачивали в горячую простыню в турецкой бане. Отбросив простыню, он увидел вокруг себя толпу кредиторов, требовавших возврата долгов, — и никто из них не был человеком.

Тревис встал до рассвета, чтобы накормить животных. Едва ли не главное в содержании зоопарка — это выяснить, какое животное что ест. То, что родители были, скажем, лошадьми О-формы, вовсе не значит, что подойдет сено. Каприс вела для него подробное досье: вес животного, сколько корма оно съедает в день, какие витаминные добавки оказывают наилучшее действие. Такова проза жизни хозяина зверинца.

Он вывалил ведро кукурузы в кормушку свиногорба. Тот хрюкнул и выбрался из своей конуры, не похожий ни на свинью, ни на какое другое известное Тревину животное. Глаза-блюдца с благодарностью взглянули на хозяина, прежде чем зверь зарылся мордой в кормушку.

Он шел вдоль рядов. Мучные черви в одну клетку, крупа в другую. Кости от мясника. Собачий корм. Тухлая рыба. Гнилые овощи. Ячмень. Тигрозель попробовала кусок вырезки, который он бросил в клетку, облизнула мясо мягким язычком, так похожим на кошачий, и, деликатно откусив кусочек, довольно заворковала.

В конце ряда, обращенном к реке, две клетки оказались выбиты с подставок и смяты в лепешку. Черная кровь и куски мяса налипли на погнутые прутья, а животные, содержавшиеся в клетках — слепые создания с кожистыми крыльями, — пропали. Тревин вздохнул и обошел клетки, присматриваясь к земле. На влажном участке почвы отпечаталась перепончатая лапа — фут в поперечнике и четыре глубоких следа когтей. Пара не столь четких отпечатков пряталась ближе к реке. Тревин пощупал пальцем след, яму

в полдюйма глубиной. Земля была влажной, но твердой. Понадобилось солидное усилие, чтобы вдавить в нее на полдюйма палец. Он подивился весу зверя и мысленно отметил, что на следующую ночь надо убрать клетки с мелкими животными в фургоны. Тревин опять вздохнул.

К восьми часам поле для софтбола было полно народа. Игроки разминались за ограждением. Как из-под земли вырастали палатки для игроков и киоски. Тревин улыбнулся и включил музыку. Над фургонами поднялся баннер: «ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ЗВЕРИНЕЦ ДОКТОРА ТРЕВИНА! ЧУДЕСА ПРИРОДЫ! ПОУЧИТЕЛЬНО! УВЛЕКАТЕЛЬНО!» К полудню набралось пятнадцать платных посетителей.

Оставив Харди стеречь кассу, Тревин нагрузил коробку рекламой, повесил на ремень пистолет-степлер и зашагал по стадиону, раздавая листовки. Жарко было как в парной, и на всем поле только игроки не прятались под навесами или зонтами. Несколько человек угощали его пивом — раз он выпил, — но листовки, сморщившиеся от сырости, тотчас исчезали под скамьями и холодильниками.

— В первый день турнира у нас особые скидки, — говорил он. — Два бакса за одного, или три за вас и вашего друга. — Рубаха у него прилипла к спине. — И после заката, когда станет прохладней, еще будет открыто. Такое зрелище, люди, пропустить никак нельзя.

Особа лет двадцати с покрасневшими на жаре щеками и связанными в хвост светлыми волосами огрызнулась:

— Я еще платить буду за напоминание, чтоб его! — Она смяла листок и уронила на землю.

Один из ее приятелей, сидевший на земле, зажав пиво между коленей, вмешался:

— Оставь его в покое, Дорис. Человек пытается заработать на жизнь.

Тревин сказал:

— О нас писали в «Ньюсуик». Может, вы читали?

— Может, попозже и заглянем, дружище, — откликнулся игрок с площадки.

Дорис щелкнула крышкой пивной банки.

— Может, если к вечеру снег пойдет.

— Может, и пойдет, — в тон ей ответил Тревин и направился в сторону городка по ту сторону поля.

Солнце кололо кожу на голове огненными иголками. Через сто ярдов он уже горько жалел, что не надел шляпу, но возвращаться за ней было поздно.

Он прикрепил плакат к первому попавшемуся телефонному столбу.

— Вот так! Немножко рекламы, и мы будем грести монету лопатами.

Он говорил сам с собой. Мостовая мерцала в белом знойном мареве, а он переходил от столба к столбу, мимо хозяйственного магазина, мимо винного, мимо баптистской церкви — надпись на шатре — «СТРАДАЮТ ДЕТИ», мимо бассейна и магазина автотоваров. Он заходил в каждую лавку и просил хозяина повесить его афишу. За главной улицей в несколько рядов стояли многоквартирные дома. Тревин прошел по одной улочке и вернулся обратно по следующей, пришпиливая афиши и с одобрением поглядывая на оконные решетки.

— Осторожность никогда не повредит,— приговаривал он.

Голова кружилась от жары. Пиво, похоже, испарялось из всех пор сразу, и тело стало липким. Солнце било его в спину. Волшебное число — пятьсот семьдесят восемь, думал он. Оно повторялось, как строчка песни. Пусть будет шестьсот для ровного счета. Пусть шестьсот человек к нам в зверинец придут, к нам придут, к нам придут...

Когда он наконец вернулся, солнце уже спускалось к горизонту. Тревин едва волочил ноги, зато все афиши разошлись.

Настал вечер. Тревин ждал у кассы в наряде директора зоопарка: красный мундир с широкими золотыми эполетами. Коробочка с разменной монетой открылась с веселым звоном, рулон билетов был на месте. Цирковая музыка негромко лилась из колонок, в темноте над рекой мигали светляки. «Забавно, — подумал он, — почему это мутаген поражает только крупных позвоночных и не действует на млекопитающих вроде мышей, на мелких ящериц, рыб, насекомых и растения? А впрочем, куда еще мутировать жуку? Они и всегда выглядели как пришельцы». Он хихик-

пул про себя, в ушах еще отдавалась маршевая песенка, под которую он расхаживал по городу: шестьсот человек, приходите к нам, приходите к нам...

Тревин провожал взглядом каждую проезжавшую по шоссе машину, ждал, что она затормозит и свернет к зверинцу.

С заката до полуночи входные билеты купили двадцать посетителей — большей частью игроки, обнаружившие, что в Майерсвиле нет никакой ночной жизни. Небо затянули тучи, в их глубине, похожей на клубки серой блестящей шерсти, сверкали молнии.

Тревин крутил рулон билетов на стержне: туда-обратно. Мимо прошаркала на выход пожилая пара: фермеры, комбинезоны измазаны жирной почвой Миссисипи.

— Странные у вас тут звери, мистер, — сказал старик. Его жена кивнула. — Только мы таких же странных навидались за последние годы на собственном поле. Я уж стал забывать, как выглядят нормальные О-формы.

— Слишком близко к реке, — сказала жена. — Вон он, наш дом. — Она указала на маленькую ферму под одиноким фонарем, прямо за площадкой для игр.

Тревин задумался, часто ли ей приходится откидывать залетевшие мячи со своего крыльца.

Тоненькая пачка банкнот в денежном ящике зашелестела под пальцами Тревина.

«Казалось бы, деньги должны дождем сыпаться, — рассуждал он. — Мы бы должны купаться в деньгах». Старая пара стояла рядом, поглядывая на клетки. Они напомнили Тревину его собственных родителей — не видом, а тем же стойким терпением. Они никуда не торопились.

Причин заводить с ними разговор не было, но и другого дела не нашлось.

— Я был здесь несколько лет назад, — обратился он к фермерам. — Отлично заработал. Что случилось?

Жена взяла мужа за руку.

— Город умирает, мистер. Умирает снизу вверх. С прошлой осени закрыты все начальные школы. В них некому учиться. Если хотите увидеть настоящий зверинец, посетите иссакенскую окружную детскую больницу. Наказание родителям. Хотя не так уж многие решаются заводить детей.

— Или как их там теперь называть, — вставил старик. — Ваш зоопарк наводит на грустные мысли.

— Хотя, как я слышала, у вас есть кое-что особенное, — с хитринкой заметила женщина.

— Вы видели крокомышь? — встрепенулся Тревин. — С ней связана целая история. И еще тигрозель. Ее вы посмотрели?

— Посмотрели, — разочарованно протянула она.

Старики забрались в свой пикап, и он после дюжины скрежещущих рывков стартера ожил, задребезжал прочь.

— Я нашла в Виксбурге покупателя на фургон, — сказала Каприс.

Тревин развернулся как ужаленный. Она стояла в тени билетной кассы, зажав под мышкой ноутбук.

— Я тебе говорил: не лезь на глаза!

— А кто меня увидит? Тебе не заманить посетителей даже на скидку. — Она обвела взглядом пустую площадку. — Нам даже не придется его доставлять. Он на следующей неделе будет здесь по другому делу. Я все проведу через Интернет: и продажу оформлю, и деньги получу.

Фермерский пикап с единственным работающим стоп-сигналом, проехав не больше двухсот ярдов, свернул с шоссе на проселок, ведущий к их дому.

— А с животными что будем делать? — Тревин чуть не плакал.

— Безобидных выпустим. Опасных убьем.

Тревин вытер глаза. Она притопнула ногой.

— Послушай, сейчас не время сентиментальничать! Зоопарк прогорел. Так или иначе, ты очень скоро все потеряешь. Если уж ты так упрям, продай пока фургон, и продержимся еще несколько недель. Может, даже целый сезон, если будем экономить.

Тревин отвел глаза. Светлячки все мигали над рекой.

— Мне надо на что-то решаться, — тяжело проговорил он.

Она открыла ноутбук.

— Я уже решила. Вот что поместится в один фургон. Я уже расплатилась с Харди и его рабочими чеками с отстроченным платежом.

— А оборудование, клетки?

— Свалка отсюда к северу.

Не послышалась ли ему нотка торжества в ее голосе? Тревин взял ноутбук. Она уронила руки, вздернула подбородок, не сводя с него глаз. Огни зоопарка бросали длинные тени на ее лицо. «Пнуть бы ее», — подумал он, и секунду от этой мысли у него дрожали колени.

Он сунул ноутбук себе под мышку.

— Иди спать.

Каприс открыла рот, чтобы что-то сказать, но не сказала и крепко сжала губы. Отвернулась и ушла.

Она уже давно скрылась в кабине, а Тревин все сидел на табуретке, уткнув подбородок в ладони, и смотрел, как кружит под фонарями мошкара. Тигрозель присела на задние лапы, настороженно уставившись в сторону реки. Тревину вспомнилась попавшаяся однажды на глаза жутковатая карикатура. Пара старых уродов сидит на телеге, полной трупов. Тот, что держит поводья, говорит другому: «Знаешь, ведь как только чума кончится, мы останемся без работы».

Тигрозель привстала, вытянувшись всем телом к реке. Нервно обошла клетку по кругу, но смотрела все время в темноту. Тревин напрягся. Что она там видит? Долгую минуту картина не менялась: насекомые вьются вокруг тихо гудящих светильников над клетками, металл блестит в темноте, тигрозель ходит по клетке, под рукой у Тревина полированное дерево кассового прилавка, а за всем этим ядовито бормочет Миссисипи.

За клетками со стороны реки от ночной темноты отделился клок мрака. Тревин моргнул, зачарованный до неподвижности. Волосы у него на затылке зашевелились. Короткорукое существо ростом выше человеческого огляделось зверинец, потом по-медвежьи упало на четыре лапы. Только шкура у него влажно блестела, как у саламандры. Треугольная морда опустилась к земле, шевельнулась над сырой грязью, словно ловя след. Добравшись до первой клетки с маленькой змеелаской, речной зверь поднялся на дыбы, ухватив клетку перепончатыми передними лапами. В мгновение ока клетка превратилась в нечто неузнаваемое, а змееласки как не бывало.

— Эй! — завопил Тревин, стряхнув оцепенение.

Тварь взглянула на него. Выхватив из-под прилавка бейсбольную биту, Тревин шагнул вперед. Тварь отвернулась, занявшись следующей клеткой. Кровь бросилась Тревину в лицо.

— Ну нет, черт тебя побери!

Он уже бежал, вскинув биту над головой.

— Прочь! Убирайся! — Бита шмякнула тварь по мясистому плечу.

Тварь взвизгнула.

Тревин отшатнулся, и выронил биту, чтобы заткнуть уши. Новый вопль, громкий, как свисток локомотива. На дюжину ударов сердца зверь застыл над ним, подняв лапы, потом, как будто забыв о его присутствии, перешел к следующей клетке, одним рывком выломав решетку.

У Тревина еще звенело в ушах, но он подхватил упавшую биту и снова замахнулся. Зверь оскалил зубы — десятки блестящих иголок на треугольных челюстях. Тревин ткнул зверя в бок. Тот согнулся, выказав поразительную гибкость, распялил пасть и оглушительно рявкнул. Тревин опять замахнулся... промах. Чудовище зацепило его за ногу, порвав штаны на бедре. Тревин чудом устоял.

Зверь неуклюже отступал, пятился вниз по склону к изгороди перед дамбой. Тревин опять взмахнул битой. Мимо! Тварь завыла и попыталась обойти его сбоку. Тревин метнулся в сторону, остерегаясь поскользнуться на глине. Стоит упасть, и... Тварь ринулась на него, разинув пасть, но тут же отскочила от поднятой биты, как пес, который угрожает, но побаивается кусить. Тревин, рывками втягивая воздух, тыкал в него концом биты. За спиной послышалась полицейская сирена, взревел мотор, но он не решился оглянуться. Он теснил тварь, держа биту наготове.

Зверь долго уворачивался, прежде чем его удалось прижать к изгороди. Тут кошмарное создание остановилось и, выгнув спину, стало подниматься. И тогда Тревин, перехватив биту двумя руками, рубанул его по голове. Через рукоять биты он почувствовал, как хрустнул череп, и тварь содрогающимся студнем плюхнулась в грязь.

Тревин еще секунду постоял, чувствуя, как колотится сердце, и сел рядом.

Над ним, под огнями зверинца, перекликались люди. Игроки? Или горожане? Мигалка полицейской машины переключалась с синего на красный, три-четыре легковушки остановились у фургонов с включенными фарами. Очевидно, им было его не разглядеть, но у Тревина уже не осталось сил кричать. Наплевав на грязь, он откинулся на землю. Мертвый зверь пах кровью и речной тиной. Тревин тронул его ногой. Он уже готов был пожалеть, что убил тварь. Если бы удалось ее поймать, какое было бы украшение коллекции! Понемногу тяжелые удары в груди стихали. Грязь была мягкой и теплой. Тучи над головой немного разошлись, выпустив полную луну.

В зверинце переговаривались. Тревин вытянул шею, посмотрел. Люди шарили вокруг лучами фонариков. Спускались к нему. Тревин вздохнул. Все равно зоопарк он не спас. Настанет завтра, и один фургон придется оставить. Еще пара месяцев, и он потеряет все: второй фургон, животных. Особенно жалко ему будет тигрозель. Не въезжать ему больше в город под музыку, с развевающимися флагами, и никто больше не станет выстраиваться в очередь к его зверинцу. Не понадобится больше мундир с роскошными золотыми эполетами. «Ньюсуик» никогда больше не возьмет у него интервью. Все пропало. Лучше бы ему утонуть в грязи, пропасть, чем смотреть, как рушится жизнь.

Он сел, чтобы они не приняли его за мертвого; помахал рукой, когда первый луч фонаря отыскал его. С куртки капала грязная жижа. Первым подоспел полицейский.

— Боже всемогущий, какой здоровенный! — Коп направил луч на речного зверя.

— Говорил я, что от изгороди проку не будет, — сказал второй.

Все, кроме полицейских, держались поодаль. Первый коп перевернул труп. Лежа на спине с протянутыми по бокам короткими передними лапами, он вовсе не выглядел таким уж большим и грозным. Подтянулись еще люди: незнакомые горожане, пожилая пара с фермы за стадионом и наконец Каприс, с трудом удерживавшая в руках слишком большой для нее фонарь.

Первый полицейский встал на колени рядом с трупом, сдвинул шляпу на затылок и сказал так тихо, что услышать его мог только напарник:

— Эй, да вроде это мальчишка Андерсонов? Они уверяли, что с ним справляются.

— Он был вдвое меньше, но, сдается, ты прав.— Второй коп набросил куртку на морду твари, встал и долго рассматривал труп.— Не говори им ничего, ладно? Мэгги Андерсон моей жене двоюродная сестра.

— Не на что здесь смотреть, люди,— заявил громко первый.— С этим покончено. Все могут расходиться по домам.

Но толпа уже не интересовалась ими. Лучи фонариков обратились на Каприс.

— Это же маленькая девочка! — сказал кто-то, и люди придвинулись ближе.

Каприс направила свой фонарь в лицо горожанину, потом другому, третьему. И вдруг отчаянно бросилась к Тревину, спрятала лицо у него на груди.

— Что будем делать? — прошептала она.

— Тихо. Подыгрывай.

Тревин погладил ее по затылку и встал. Острая боль в ляжке — он что-то растянул. Мир был полон ярких огней, а закрыть глаза он не мог. Он прищурился против света.

— Это ваша девочка, мистер? — спросил кто-то.

Тревин прижал ее к себе. Маленькие ручки вцепились в край его мундира.

— Я десять лет не видел ребенка,— сказал другой голос.

Фонари сдвинулись ближе. Жена старого фермера шагнула в круг с просветлевшим лицом.

— Можно мне взять твою малышку на руки, сынок? Можно ее подержать? — Она протянула дрожащие руки.

— Я дам вам пятьдесят баксов, если позволите подержать ее на руках,— сказал кто-то из-за стены огней.

Тревин медленно повернулся в кругу фонарей и снова увидел перед собой лицо старухи. Перед его глазами возникла картина, сперва смутная, но проявляющаяся с каждой секундой. Оставшийся фургон, трейлер с комнатой, оформленной как детская. Обои с Винни-Пухом, как в яслях.

Колыбелька! Такая штуковина, которая крутится с музыкой — как ее там? — мобиль! Маленькое кресло-качалка. Детские песенки. И они ездят из города в город. А на баннерах написано: «ПОСЛЕДНЯЯ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА О-ФОРМЫ», и они будут платить, еще как будут, и выстраиваться в очереди! Деньги посыплются дождем!

Тревин оторвал от себя вцепившуюся в его мундир Каприс.

— Все хорошо, милая. Тетя хорошая, она просто возьмет тебя на ручки. Я здесь.

Каприс смотрела на него с нескрываемым отчаянием. Может, и она уже видела трейлер с детской? И баннеры, и бесконечные очереди в маленьких городках?

Старая женщина приняла Каприс на руки, как драгоценную вазу.

— Все хорошо, маленькая. Все хорошо. — Она обернулась к Тревину. По ее щекам катились слезы. — Я всегда мечтала вот о такой внучке! Она у вас еще не говорит? Я целую вечность не слышала детского голоса. Она не говорит?

— Ну, Каприс, милая, скажи что-нибудь доброй тете.

Каприс поймала его взгляд. Даже в свете фонарей он видел ледяную голубизну ее глаз. Сколько ночей подряд, гоня по трассе, он слышал ее язвительный голос. «Продолжать нерентабельно, — говорил этот голосок двухлетки. — Пора признать неизбежное».

Она смотрела на него, губы у нее дрожали. Она подтянула кулачок к лицу. Все замерли. Тревин не слышал даже дыхания.

Каприс засунула в рот большой палец.

— Папа, — проговорила она с пальцем во рту. — Страшно, папа!

Тревин вздрогнул и вымученно улыбнулся:

— Ты моя умница.

— Папа, страшно!

На холме скулила тигрозель, а внизу, за дамбой, почти невидимая в свете фар, журчала и всхлипывала Миссисипи.

РИЧАРД КЭДРИ

Апокалиптический натюрморт

Ричард Кэдри — автор шести романов, в числе которых «Явление ангела» («Angel Scene»), «Сорокопут» («Butcher Bird») и «Метрофаг» («Metrophage»), представляющий собой квинтэссенцию жанра киберпанк. Рассказы писателя печатались во многих сборниках, а также в журналах «Asimov's», «Interzone», «Omni» и «Wired».

«Апокалиптический натюрморт» впервые был опубликован в электронном журнале «The Infinite Matrix». В данную антологию вошла более поздняя, дополненная версия произведения.

По словам Ричарда Кэдри, замысел возник у него под влиянием сна, в котором он видел, как в свете прожекторов со дна канала поднимают останки утонувшей лошади. Писатель решил сделать этот образ частью беглой зарисовки обреченного мира, где у людей нет будущего, однако они продолжают по инерции работать, чтобы скоротать время, и тщетно пытаются навести порядок после апокалипсиса.

Со дна канала поднимают еще одну утонувшую лошадь. Ее гнедой бок покрыт неоново-розовым налетом фреона.

Каждую ночь все новые трещины и разломы наполняются бурлящей жижей, пробившейся из-под земли. Фреон. Мазут. Тяжелая вода из захороненных ядерных реакторов. Каждый день в этом жутком месиве тонут ослабевшие от голода животные, тонут не по одному, а целыми десятками.

Небольшой дизельный кран с громким хлюпаньем вытягивает из маслянистой жижи обмякшее, словно тряпичное, тело мертвой лошади и аккуратно кладет на берег, где лежат прочие останки, найденные сегодня. В голубоватом свете прожекторов мы аккуратно сортируем трупы: людские складываем отдельно, животных подразделяем на млекопитающих и прочих, потом прочих — на позвоночных и беспозвоночных и так далее.

На заре моей карьеры в информационно-поисковой службе мне, помнится, поручили просматривать уцелевшие документы в разрушенных правительственных зданиях, за-

брошенных библиотеках и книжных магазинах. Однажды в каком-то подвале я нашел настоящий полицейский архив — все стены там были увешаны фотографиями задержанных в профиль и анфас, а также снимками с мест убийств и изнасилований. В другой раз я оказался в бывшем здании управления налоговой службы — там, по-видимому, один из разгневанных налогоплательщиков дошел до того, что выпотрошил инспектора, а потом бросил его внутренности на планшет ксерокса и приступил к копированию. В результате моему взору предстал кабинет, доверху заваленный распечатками, на которых красовались зернистые изображения печени, кишечника и прочих органов несчастного клерка.

Из магазина для взрослых я, помнится, принес разбухшие от воды эротические игрушки и старые выпуски порнографических журналов. Почему бы и нет? Ведь начальство велело мне собирать все, что кажется полезным. Свою добычу я и прочие сотрудники складывали в одну большую кучу, а сортировкой занималась информационно-классификационная служба.

Мне кажется, я бы легче смирился с происходящим, если бы причиной всему была, например, мировая война. Или пандемия. Или глобальная катастрофа вроде Чернобыля. Хоть какое-нибудь обстоятельство, которым мы могли бы оправдаться, сказав: «Вот она — подлинная причина конца света». Однако оправдания нет.

Апокалипсис начался в Нью-Йорке. Впрочем, это мог быть и Лондон. Или, скажем, Мумбаи. На перекрестке столкнулись машины — так, небольшая авария, ничего особенного. Из-за этой аварии кто-то там пропустил совещание, так что кто-то другой не смог отправить факс, и в результате еще кто-то не успел на самолет. Тот, кто опаздывал на самолет, принялся было кричать на таксиста — как вдруг получил пулю в лоб. А того, кто стрелял, так и не нашли. Из-за этого убийства поднялась шумиха, разгорелись общественные беспорядки. По телевидению, разумеется, тут же начались круглосуточные прямые трансляции с мест событий — дикая злоба бесчинствующих толп, демонстрируемая на экранах, оказалась заразна, эпидемия ненависти охватила всю страну от штата Мэн до самых Гавайев. А когда репор-

тажи стали передавать спутники, безумство распространилось по всей планете.

В аэропорту Вантаа в Хельсинки протестующие носильщики и проститутки принялись выбрасывать кофейные автоматы из окон третьего этажа прямо на автостоянку. В результате инцидента погиб испанский дипломат. В Шанхае рабочие и студенты стали громить игорные дома, недавно построенные на побережье, — бунтовщики сожгли дотла несколько лучших казино, а все найденные там деньги (миллиарды йен) выбросили в море. В Новом Орлеане подростки осквернили местное кладбище: разворотив склепы, они привязали к трупам веревки и забавы ради таскали их за собой по улицам города.

Дали о себе знать все старые и новые распри и розни. Правительства многих стран объявили чрезвычайное положение и в связи с этим принялись заседать. Некоторые политики, конечно, сразу заявили, что сложившаяся ситуация — результат мирового заговора, организованного известной террористической группировкой. Другие назвали случившееся Божьей карой, кому-то казалось, что это Рагнарек или возвращение Рудры.

Не знаю, сколько времени прошло с момента гибели прежней цивилизации. Все часы остановились. Я слышал, что кто-то из ребятишек пытался соорудить солнечные часы, но ничего не вышло, ведь небо над нами круглые сутки черно от пепла сгоревших городов. Сам я, чтобы согреться, жгу книги, которые приношу из разграбленной библиотеки. Сначала жег газеты и журналы, потом — библиотечные каталоги, руководства и справочники, затем пришло время обогреваться бестселлерами. А вот теперь настал черед раритетных изданий.

Иногда небеса над нами разверзаются и идет странный дождь. Это может быть дождь из рыбы. Или из камней. Или из кукол Барби. Вчера вечером, например, я сжег коллекционный экземпляр «Великого Гэтсби» с подписью автора на форзаце, чтобы пожарить лосося, упавшего с неба. Потом мы ужинали — я и Наташа, немая девушка, работающая на одном из тех кранов, что достают трупы из ям, заполненных фреоном. Она живет вместе со мной в доках, в грузовом

контейнере, который я отвоевал в поединке с его прежним владельцем. Я убил человека, чтобы получить жилище, и продолжаю колоть и кромсать незваных гостей. Наташа тоже весьма ловко обращается с ножом и арматурой, так что кое с кем она успешно разобралась и без моей помощи. Мне хочется верить, что это действительно была оборона. В любом случае так пополняется наш запас мяса.

Вряд ли нас можно назвать обычной семейной парой. Я живу с девушкой, которая шьет перчатки из шкур пуделей и мастерит мне обувь и одежду (причем всегда точно по размеру) из каких-то обрывков. Еще моя Наташа выращивает укроп и петрушку в старой ванне, что стоит на крыше контейнера, и украшает дом всякой всячиной вроде заводных игрушек или обломков музейных статуй. Порой мне ужасно хочется мороженого, а еще я скучаю по кинотеатрам и автомобилям с откидным верхом. Конечно, я еще не настолько чокнулся, чтобы считать, что сейчас мне живется лучше, чем раньше, но на самом деле все не так уж плохо. За исключением каменных дождей, пожалуй.

На днях под обломками Уильямсбургского моста был обнаружен разрушенный зоопарк. Как оказалось, местные жители давно знали о том, что под руинами моста погибли животные, и неплохо питались, готовя отбивные из слонятины и котлеты из жирафятины. Представители муниципалитета обратились в нашу службу с просьбой помочь собрать останки. Никто не объяснил зачем. Впрочем, оно и не важно. Какое-никакое, а занятие. По-видимому, чиновники не позволят концу света наступить, пока все надлежащие бумаги не будут составлены, проштампованы и подписаны. Апокалипсис бюрократии не помеха.

После обеда мы с Наташей забираемся на крышу нашего контейнера и оттуда наблюдаем, как полицейские машины одна за другой проваливаются в только что возникшую на поверхности трещину, которая постепенно наполняется мазутом. Все обитатели доков собрались поглазеть. Наконец трещина с шумом засасывает последнюю машину, и мы вместе с другими зеваками дружно вздыхаем.

Если останешься последним на этой планете, уходя, погаси свет.

КЭТРИН УЭЛЛС

Ангелы Арти

Перу Кэтрин Уэллс принадлежат несколько книг, включая постапокалиптический роман «Матушка Гримм» («Mother Grimm») и трилогию о Коконино: «Земля — это то, что останется» («The Earth Is All That Lasts»), «Дети Земли» («Children of the Earth») и «Спаситель Земли» («The Earth Saver»). Ее новое произведение «Камни Судьбы» («Stones of Destiny») можно отнести к исторической фантастике. Рассказы писательницы публиковались в журналах «Asimov's» и «Analog», а также в антологиях «Красное смещение» («Redshift») и «Судьба Камелота» («The Doom of Camelot»).

Представленное ниже произведение, впервые опубликованное в «Realms of Fantasy», было навеяно тревожным сном, приснившимся Уэллс тридцать лет назад. В нем некий молодой человек карабкается по водосточной трубе к своей подруге, а тем временем кто-то подкрадывается к его велосипедной мастерской и стреляет в окно. Бессмысленность и несправедливость произошедшего во сне угнетала Уэллс. Однажды, много лет спустя, она ехала на велосипеде по проселочным дорогам Аризоны и вообразила постапокалиптическое общество, в котором фигурируют велосипеды и молодые люди вроде того, что ей приснился. В результате появился рассказ «Ангелы Арти».

Если вы настроены на вымысел, то, по-моему, нелепо описывать чистую правду вроде этой. Но те остатки человечества, что сохранились на Земле, вряд ли станут это читать и уж точно не поверят в эту историю. Большинство из них вообще не умеют читать — по крайней мере, на литературном английском, — ну а дальше (наверное) все будет только ухудшаться, пока не начнет улучшаться.

При рождении мне дали имя Фей, но я не пользуюсь им с тех пор, как мне исполнилось десять. В том году мы перебрались на охраняемую радиационным щитом территорию, в запущенный дом в Канзасском хабитате. Мама плакала, потому что незадолго до того умер мой младший

братишка, и она все причитала, что, если бы пораньше оказались в безопасной зоне, он мог бы остаться в живых. Но для того чтобы поселиться на охраняемой территории, надо иметь либо деньги, либо подходящую профессию, а мои родители не имели ни того ни другого. Потому мы и подставляли беззащитную кожу и глаза под прямое солнечное излучение, пока богатые в достаточном количестве не покинули Землю, предоставив нам места под радиационным щитом.

В первую же ночь мне в окно постучал Арти; он вскарабкался по водосточной трубе из своей квартиры, расположенной этажом ниже. Конечно, в нашем секторе давно уже не работала система искусственного дождевания, поскольку пришла в полную негодность, но водосточная труба еще сохранилась. Арти Д'Анжело, костлявый парень примерно моих лет, выглядел несколько придурковатым, но отличался обезьяньей ловкостью. Увидев его на водосточной трубе, я не столько испугалась, сколько восхитилась.

— Привет! — сказал он, ухмыляясь через стекло.

У него были черные курчавые волосы, карие глаза и большие уши.

Я влезла на кровать прямо под окном и уставилась на него.

— Ты откроешь окно? — спросил он. — Или мне всю ночь так и висеть на трубе?

Я покосилась через плечо, проверяя, закрыта ли дверь, потом подняла оконную раму, и Арти ввалился в комнату.

— Меня зовут Арти, — представился он. — Я живу этажом ниже.

— Фей, — назвалась я в ответ. — А через двери ты заходить умеешь?

— Я стучал, — сказал он, — но никто не ответил.

Я поняла, в чем дело.

— Папа опасается открывать двери, — объяснила я Арти.

Он пожал плечами:

— Да, здесь лучше не высовываться. Я видел, как вы въехали, и решил, что вы не местные, значит, нужен кто-нибудь, кто показал бы вам окрестности.

В последующие месяцы Арти показывал мне окрестности. Он родился в Кан-хабе и знал его вдоль и поперек — и даже вглубь. Без его опеки я бы, наверное, погибла в первый же год. К тому времени, когда такие отбросы общества, как мои родители, получили доступ под радиационные щиты, в большинстве секторов уже царило полное беззаконие, и десятилетнего ребенка запросто могли прикончить, если он не знал, куда бежать и где прятаться. Арти научил меня всему и даже больше. В нашем далеком детстве он был моим спасителем; теперь пришла пора возвратить долг.

Мы прятались от гражданского патруля в Б-4, когда он впервые назвал меня именем, которое я восприняла как свое настоящее. Это было давно, когда сестры-просветительницы еще пытались содержать в Б-4 школы, а это было ближайшее место к Б-9, где жили мы с Арти. Школа меня мало привлекала, но мама хотела, чтобы я училась, а Арти считал, что пробираться в Б-4 ничуть не опаснее, чем жить в Б-9. По большей части так оно и было, но только если не попадаться гражданскому патрулю.

В тот день мы знали, что надо ждать неприятностей, потому что во время переклички парта Мелиссы пустовала, и на перемене прошел слух, что ее останки нашли в мусорном баке. Так что вечером того дня гражданский патруль вышел на поиски кого-нибудь, кого можно было бы наказать. Как всегда, их излюбленной мишенью были жители Б-9. Мы с Арти пробирались, прячась то в тени, то за колоннами, то поверху, то под землей, стараясь держаться от патруля подальше. Из-под брошенной ремонтной тачки мы наблюдали, как патрульные заловили троих подростков, гонявших по улице обручи.

Вначале их, видимо, сочли за жителей Б-4, потому что патрульные уже пошли было прочь, но тут один из подростков что-то сказал. И патрульный попросту застрелил его. Застрелил из арбалета, потому что лазерное и огнестрельное оружие в хабитатах было строго запрещено — существовала опасность повреждения радиационного щита. Остальные парни схватились за ножи, и патруль пристрелил тех двоих тоже.

Я и прежде видела, как умирают люди, — за пределами щита жизнь была еще опаснее. Но в первый раз я точно знала, знала наверняка, что шевельнись я — и стану следующей. Один из патрульных принялся пинать подростков, чтобы убедиться, что они действительно мертвы. Другой расстегнул у первого парня штаны и отрезал его половые органы. «Это тебе за Мелиссу», — сказал он и швырнул окровавленный комок плоти через дорогу. Комок плюхнулся прямо рядом с тачкой, за которой мы прятались.

Меня затошнило от ужаса и омерзения. Я зажала рот рукой, чтобы не завизжать; Арти притянул меня к себе, крепко обнял и прижал мое лицо к своей тощей груди.

— Ш-ш, — выдохнул он мне в ухо, понимая, насколько я перепугана и что может случиться, если патрульные нас услышат. — Они не причинят тебе зла. Они не могут сделать это, Фей, потому что ты — волшебница.

Я так удивилась, что перестала плакать, гадая, о чем это он. Мне не было видно патрульных, поскольку он прижимал меня к себе, но через минуту-другую он отпустил меня, и я поняла, что они ушли.

— Как ты сказал? Волшебница? — еле слышно прошептала я, потому что не знала, далеко ли они.

— Они уже ушли, — прошептал он в ответ. — Волшебница. У тебя волшебное имя.

Я высказала ему все, что о нем думала в тот момент.

— Может, оно и так, — согласился он, внимательно приглядываясь к дороге, чтобы удостовериться в безопасности. — Тем не менее «Фей» похоже на «фея Моргана», разве нет?

Он начал выбираться из-под тачки.

Я выползла вслед за ним.

— А кто это?

— Сестра короля Артура, — сказал он. — Она была волшебницей. Она увезла Артура на остров Авалон, где он обрел бессмертие.

Вечером Арти вскарабкался по водосточной трубе в мою комнату, и мы сидели в темноте, а он рассказывал мне про короля Артура и его рыцарей — людей, которые заступались за обездоленных, вместо того чтобы притеснять их;

людей, которые сражались со злом своего времени и неизменно побеждали. Много лет спустя я узнала, сколько он напридумывал в ту ночь в дополнение к тем сюжетам, чтобы я поверила в то, что когда-то существовали люди, которые сражались за справедливость и почитали за честь защищать слабых.

В ту ночь я приняла имя Морганы, но не потому что поверила, будто оно волшебное. Просто я нуждалась в надежде и нашла ее в моем собственном Артуре — Арти. Мне было приятно считать себя его сестрой — это было такое надежное, глубокое чувство, что его невозможно описать.

Не меня одну привлекал Арти. Когда мы встретились, он уже начал обретать приверженцев: детей, с которыми он вместе рос, или тех, которые вроде меня стали его друзьями. Вместе было более безопасно, если, конечно, не нарвешься на арбалеты. Нашей группе обеспечивал безопасность десяток ножей: отобрать их сразу было бы не так-то просто. А потом мы открыли другой источник безопасности — вернее, открыл его Арти, и это открытие изменило его. Оно изменило всех нас.

В те дни мы занимались мелким воровством; мне не очень приятно признаваться в этом, но так оно и было. Арти был вором. Я была воровкой. У нас был свой кодекс чести: мы никогда не крали у тех, кто был беднее и слабее нас, — примитивная, но этика. Но мы присваивали вещи, которые нам не принадлежали, и задумывались над этим не больше, чем коза над травой, которую она щиплет. Вот так мы впервые и наткнулись на велосипеды.

Началось все с Хосе. Снаружи к нам добрались поставщики, нагруженные различными товарами для Стартовой Площадки, — так мы называли сектора, где жили инженеры, чиновники и прочая элита, словом, те, кому уже были обеспечены места на следующем корабле, увозящем людей с нашей погибающей планеты. Пока последний водитель заигрывал с вахтершей, Хосе открыл отмычкой замок на его грузовике и проскользнул внутрь. Он работал для других: те готовили засаду на дороге в Г-5, а Хосе проверял и помечал содержимое кузова, чтобы они знали, какие ящики хватать. В одном из ящиков было шесть велосипедов.

Платой ему послужил велосипед. Трудно даже вообразить гордого Хосе, появившегося с этим велосипедом. Он нес велосипед на плече, потому что не умел на нем ездить, к тому же и цепь была спущена. Арти все смотрел и смотрел на него, и я прямо-таки видела, как в его голове замыслы крутятся вихрем. Ему было еще тринадцать, и хотя он по-прежнему оставался тощим, девушки уже начали заглядываться на него. Но стоило ему задуматься, он становился все тем же придурковатым парнем с раскрытым ртом и затуманенными глазами.

— Умеешь на нем ездить, а? — спросил его Хосе, потому что, как все остальные ребята, он свято верил в то, что Арти знает и умеет все на свете, если оно того стоит. Он даже отвоевал право на учебу в академии Спарка, чему все поражались. Ребята из Б-9 не учились в академии Спарка. Большинство из них вообще нигде не учились.

Арти не ответил на вопрос Хосе; подозреваю, что он вообще его не слышал. Я толкнула его локтем.

— Я умею, — тихо сказала я ему. — Научилась еще там, снаружи. Там эти велосипеды на улице валяются, и платить за них не нужно. Папаша приспособил один для меня.

Наконец Арти оторвал взгляд от велосипеда и уставился на меня, все еще очарованный своими мыслями.

— Так твой отец разбирается в велосипедах?

Я пожала плечами:

— Он вообще силен во всякой механике. Собственно, так мы сюда и попали. Он насобачился в сварном деле.

Арти глухо заворчал и вернулся в действительность.

— Прекрати говорить на уличном жаргоне, Моргана. Тебе надо освоить литературный английский, если хочешь учиться вместе со мной в академии Спарка.

Это он решил за меня: я должна сдать вступительные экзамены в академию Спарка.

— Да, Арти, — сказала я, отчетливо выговаривая слова, — мой отец разбирается в велосипедах. Правда, я не знаю, хорошо ли.

Выяснилось, что достаточно хорошо. Когда отец вернулся со смены, он наладил велосипед в считаные минуты. Арти взял его и вместе со мной отправился в туннель, по-

дальше от любопытных глаз, где можно было попрактиковаться. Я была единственным свидетелем его первых падений. Неделю спустя он лихо проехался на нем по улице на глазах у всех и, плавно затормозив и небрежно сойдя на тротуар, вернул велосипед Хосе.

— Нам нужны велосипеды, — объявил Арти. — Надо, чтобы велосипед был у каждого. На этих колесах мы можем удрать от кого угодно. Мы можем забирать семейные продуктовые наборы и везти их домой, не боясь, что нас ограбят, потому что никто не сумеет нас догнать. Мы сможем быстро добраться до того, кто попал в беду, и мы сможем избежать беды, если она будет угрожать нам. Велосипеды — это решение всех проблем.

Мы сразу же поверили в это, потому что так сказал Арти.

В течение следующего года сверкающие легированными трубками велосипеды расплодились как грибы в Б-9. Один из наших погиб на этом: Тори подстрелили охранники, когда он удирал из Ф-5, где вообще не имел права находиться. Но семнадцать человек остались на колесах. Я, смеясь, называла наше братство рыцарями Колеса.

Вас может удивить, что Арти сумел собрать такое число последователей и завоевать их преданность настолько, что они пожертвовали бы собой (а некоторые и жертвовали) и собственным благополучием ради Арти. По-моему, все объясняется тремя качествами, которые были присущи Арти, как никому другому: состраданием, убежденностью и непреклонностью. Если Арти утверждался в какой-либо мысли, он следовал ей с упорством, какое крайне редко встречается, сила его рвения была такова, что поглощала остальных, как космическая черная дыра.

Велосипеды стали для него всем. Опираясь на отрывочные знания моего отца и несколько книг, которые нам удалось отыскать в Сети, Арти научился не только управляться с велосипедами и ремонтировать их, но и попутно изучил рамочную геометрию, стрессовые факторы и метрику производительности. Я тоже кое-что усвоила, потому что рядом с Арти невозможно было не учиться, но в основном сосредоточилась на уходе и ремонте. Его не удовлетворяло,

что мы просто умеем ездить на велосипеде или даже правильно содержать его. Мы должны были неустанно тренироваться. Он поднимал нас каждый день ни свет ни заря и заставлял колесить по пустым улицам Б-9 и Б-7. Мы накачали мышцы на ногах, соревнуясь в скорости и выносливости.

Вскоре мы примелькались во всех секторах Б и Г, даже в некоторых А. Семнадцать велосипедистов, несущихся плотной группой на скорости более тридцати километров в час, производят сильное впечатление. В этом были свои плюсы и минусы. Шайка негодяев из А-12, известных как Большие Псы, пыталась устраивать нам засады, когда мы проносились через их сектор, а мы появлялись там частенько, сопровождая Арти в академию Спарка и обратно. Но мы слишком хорошо соображали, слишком быстро двигались и слишком хорошо ориентировались, чтобы кто-то сумел нас подловить.

Существовало две причины, заставлявшие Арти, невзирая на любые препятствия, ездить в академию Спарка. Даже три. Третья заключалась в том, что он просто не переносил, если ему говорили, что он чего-то не может. Первая же состояла в том, что он любил учиться. Это давало ему заряд энергии. Он увлекался механикой, и преподаватели академии всячески его поощряли в этом. По-моему, они надеялись, что он сумеет спасти от разрушения инфраструктуру нашего хабитата.

А второй причиной была Ивонна.

У Арти были девушки в нашей округе с тех самых пор, как он повзрослел достаточно, чтобы понять, зачем мужчина вставляет контакт А в слот Б. Он не рассказывал мне о своих первых опытах — ведь я как-никак девушка и вряд ли оценила бы его победы. Я сама поняла, что это произошло, потому что видела девицу, которая пыталась завладеть им. Как же, держи карман шире. Арти всегда нравились шикарные девушки, а какой может быть шик в Б-9.

Ивонна же определенно была шикарной девушкой. Я ее никогда не видела, но Арти мне о ней все рассказал. Он потерял голову, а такое не расскажешь парням, поэтому он рассказывал мне. Он признался, что многое из того, чему

учат в академии, он мог бы усвоить из учебников и видео, доступных даже для таких устаревших компьютеров, как в Б-9. К тому же он мог бы вполне прилично зарабатывать на курьерских услугах. Так что особой нужды в университетском курсе не было. Но девушка вроде Ивонны не пойдет замуж за курьера и не станет жить в Б-9. Значит, ему придется получить академическую степень и добиться перевода в более престижный жилой сектор, чтобы заполучить Ивонну.

Справедливости ради должна сказать, что он бы в любом случае пошел в академию. Не то чтобы его не устраивала работа курьером — он любил испытывать свои возможности, преодолевать препятствия, рисковать на грани возможного. Он вовлек нас всех в курьерский бизнес, и ему нравилось быстро и надежно доставлять пакеты тем, кто боялся ходить по улицам. У него была врожденная потребность помогать людям и облегчать им жизнь, а также защищать детей и помогать новичкам. Эта потребность глубоко укоренилась в нем и стала основой составленного им Кодекса чести.

Однако ради Ивонны ему необходимо было стать кем-то поважнее курьера. Остальные из нашей группировки знали, что у Арти есть девушка в академии, но они полагали, что она ничем не отличается от здешних девиц, разве что развлекаться с принцессой из С-5 гораздо шикарнее, и наши парни только больше зауважали Арти. Вот почему, когда Ивонна дала ему отставку, он вскарабкался ко мне по водосточной трубе и рыдал на моем плече.

Мы с Арти никогда не были любовниками, вовсе нет. Он не интересовался мной в этом смысле, а я отнюдь не стремилась соблазнить его. Это был бы просто смех: я женщина невзрачная, если не сказать некрасивая, а уж в детстве была и вовсе чучелом. Мама говорила, что это все от радиации, которой мы подверглись там, снаружи. Впрочем, она все валила на радиацию. Но мне не надо было долго глядеться в зеркало, чтобы увидеть унаследованный от родителей вытянутый подбородок и близко посаженные глаза, не говоря уже о жидких, бесцветных волосах и кривых зубах. Да и фигура у меня явно подкачала: костлявая и плоскогрудая. Конечно, есть парни, которым все равно, как выгля-

дит слот Б, главное, чтобы он годился для контакта А, но Арти был не из их числа.

И в ту ночь, когда Ивонна его отвергла, я утешала его, зная, что это самая тесная близость с ним, которой мне суждено довольствоваться. На следующий день он смастерил свой первый велосипед.

Его первый велосипед отнюдь не был шедевром: грубо сваренная рама из никелированных трубок. Но он вполне прилично ездил, и это было только начало. Мы с Дероном возглавили вместо него курьерский бизнес, поскольку неплохо освоили основы текущего ремонта наших грузовых велосипедов. Так что Арти мог теперь заняться их изготовлением. Его преподаватели по машиностроению в академии, рассказывал он, насмехались над ним за то, что он тратит время на такие пустяки. Для инженера-механика, по их словам, подошли бы гораздо более перспективные проекты, положим, разработка роботов для замены засоренных канализационных труб или инновационные расчеты по опорам для проседающих туннелей Кан-хаба.

Днем он делал то, что от него требовали, но с наступлением темноты запирал входную дверь заброшенного склада, который служил нам штаб-квартирой, раскладывал чертежи и принимался за велосипеды.

Арти считал своим главным делом снабжение ребят из Б-9, державшихся его Кодекса, надежными велосипедами. К этому времени мы больше не занимались кражами, перейдя на легальный бизнес. Мы доставляли продуктовые пакеты по всему Кан-хабу. У нас имелись особые нашивки, подтверждавшие, что мы состоим в бригаде Арти — ангелы Арти, как мы сами себя называли, — и имеем право передвигаться из сектора в сектор, а также через общественные туннели и постройки. Администрация снабдила нас шлемами, перчатками и защитными жилетами. Кроме того, нам выдали зажимы, чтобы пристегивать гибкие, со стальной окантовкой туфли к педалям. Когда мы мчались всей бригадой, одинаково экипированные, народ останавливался и глазел на нас, разинув рты.

По мере расширения клиентуры наша зарплата, вначале установленная в виде запчастей, инструментов и одежды,

все чаще принимала форму конвертируемых кредиток, которые принимались повсюду и погашались продуктами, развлечениями и всем, что душа пожелает. Я забирала свою продуктовую карточку, а все остальное отдавала Арти на материал для велосипедов — ведь они давали шанс ребятам из Б-9: шанс учиться, расти и верить в добро и ценность человека.

Но подавать надежду погибающей планете дело нелегкое.

Пока Арти старался улучшить положение дел в Б-9, за пределами щита безопасности по всему Кап-хабу жизнь катилась под гору. Растения и животные погибали от солнечной радиации, люди умирали от голода, а дети рождались такими уродами, что родители спешили умертвить их собственными руками. Всем правила жестокость, ибо жизнь была столь коротка и безобразна, что люди поровили урвать хотя бы крохи удовольствия. Давно ли снаружи верховодили чистильщики, сказать я не могу, но день, когда они прорвались в Кан-хаб через заслон охраны, я не забуду никогда.

Они ездили на допотопных мотоциклах с двигателями внутреннего сгорания, топливом для которых служил любой спирт, какой только можно было достать. Чистильщики руководствовались философией полного нигилизма: Земля и ее обитатели обречены, так почему бы не поспособствовать им на пути к полному исчезновению? Погибнут ли при этом они сами, чистильщиков не особо заботило. Из двадцати или около того прорвавшихся сквозь заслон в тот день только двое пытались спастись. Но прежде чем погибнуть, чистильщики успели уничтожить восемнадцать солдат безопасности и более сотни мирных граждан, применив огнестрельное оружие, это если не считать тех, кого они попросту задавили. Еще несколько сот человек погибли в пожарах.

Устройство защитных ворот, включая радиационную защиту, серьезно пострадало, и администрация закрыла тот сектор, соорудив новые ворота, немного в стороне. Они не стали восстанавливать разрушенные туннели и обгоревшие дома в секторах А-7 и А-8. Да и зачем? В домах недостатка не было, не хватало только продуктов.

Арти получил двухмесячный отпуск в академии, чтобы вместе с другими студентами помочь в восстановлении поврежденного щита и других важных объектов инфраструктуры. Однажды мы работали под землей в секторе С-17, Арти в качестве инженера по монтажу, а мы с Дероном были его прорабами. Вдруг к нам подошла невероятно красивая женщина, красивее я в жизни не встречала: высокая, стройная, с правильными чертами овального лица и смуглой, безупречно чистой кожей.

— Мистер Д'Анжело? — спросила она, и голос ее обволакивал, как густая сметана, тек богатым потоком по иссушенному жаждой воздуху.

Судя по виду Арти, когда он спускался с лестницы, на которую только что забрался, он был потрясен.

— Я Арти Д'Анжело, — сказал он.

Я попыталась увидеть его глазами Саронды: стройный юноша среднего роста, с плоским животом и мускулистыми ногами; курчавые волосы свалялись от пота под жесткой каской; покрасневшие глаза и двухдневная щетина свидетельствовали о том, что последние двое суток он был занят только работой.

Она улыбнулась искренне и тепло, сверкнув белыми зубами.

— Меня зовут Саронда Мак-Кейб. Я слышала, что вы делаете велосипеды.

Она училась на отделении электротехники, и ее отец беспокоился, что ей приходится добираться из дома в Ф-3 на занятия в С-7. Она подумала, что велосипед решил бы эту проблему. Арти согласился и добавил, что ей следует также поупражняться в разных способах избегать опасности, и он, Арти, готов помочь ей в этом, без всякой платы. Мы с Дероном обменялись взглядами и увели бригаду на обед, оставив эту парочку строить друг другу глазки и обмениваться комплиментами. «Ставлю десять обменок на то, что он залезет к ней под юбку еще до утра», — пробормотал Дерон, едва мы завернули за угол.

Я сомневалась в этом — все-таки она была явно из высших кругов, но мне хватило ума не принимать пари. И это оказалось весьма кстати — я бы проиграла.

Когда велосипед для Саронды был готов, мы начали делать по утрам крюк в две мили, чтобы заехать в Ф-3 и забрать ее на прогулку, после чего они с Арти бросали нас и сворачивали в сторону. Он уверял, что она пока еще не может выдерживать нашей скорости. Так оно и было, потому что со временем она натренировалась, и они стали держаться с нами дольше. У нее была собственная квартира, отдельно от родителей, — ее папаша был большой шишкой в администрации, — и через пару месяцев мы уже заезжали по утрам в Ф-3 не только за ней, но и за Арти.

Его велосипедный бизнес несколько притормозил. У всех ребят из Б-9 к этому времени были велосипеды, а все ангелы ездили на первоклассных машинах, изготовленных с учетом индивидуальных особенностей. По выходным Арти приезжал в Б-9, чтобы проверить, как идет курьерский бизнес, и пообщаться с народом. Это был все тот же Арти с его широкой улыбкой, веселым смехом и готовностью помочь. Но ребятам не хватало его, и некоторые начали потихоньку откалываться. Из-за этого Арти на какое-то время вернулся, поскольку понял, что в его присутствии они не собьются с пути и сохранят веру в Кодекс. Но я беспокоилась за него, потому что с наступлением ночи, когда народ запирается на все засовы, он вскакивал на свой велосипед и отправлялся в Ф-3, к Саронде. Не самое лучшее время для поездок.

Я твердила себе, что Арти совершает ужасную ошибку, что его ждет крах похуже, чем с Ивонной, но на самом деле не была в этом убеждена. Он был так счастлив, а Саронда — черт бы побрал ее смазливую мордашку! — держалась довольно мило. На самом деле мило. Она мне нравилась, несмотря на то что я старалась по любому поводу придраться к ней. Однажды она приехала к нам в Б-9, чтобы встретиться с ребятами и послушать, как они хором цитируют Кодекс Арти.

— В юности я хотела примкнуть к сестрам-просветительницам, — призналась она мне, пока Арти объяснял какому-то девятилетке, как работает сбрасыватель и как легче всего надеть соскочившую цепь. — Но папа и слышать об этом не хотел. Он заявил, что мы должны держаться...

Внезапно она замолчала и с тоскливым выражением лица сменила тему. Но я-то поняла. Я все поняла. Мне захотелось накричать на Арти за то, что он так глуп и не понимает очевидного. И на Саронду — за то, что она не прекратила все это. И на саму себя — за то, что не заставила их вернуться к действительности. Но они были так влюблены друг в друга. У нас в Б-9 бывают только очень короткие моменты счастья. Вот такой был и у них.

В сентябре прибыл на орбиту космический паром и начал собирать тех, кто был в состоянии оплатить проезд на внеземные объекты. Небольшая шумиха поднялась, когда какой-то недоносок из чистильщиков выбрался из укрытия, где прятался десять месяцев, и бросил гранату в космический челнок, как только тот приземлился. Чистильщика тут же пронзили шестью арбалетными болтами, а какой-то охранник-герой накрыл гранату грудью, и челнок нисколько не пострадал. Но я смотрела на это без особого интереса, потому что ждала стука в окно.

За стеклом Арти ухмылялся вымученной улыбкой.

— Ты откроешь? — спросил он. — Или мне так и висеть на трубе до утра?

Я опасалась повторения ночи, когда его отвергла Ивонна, ибо знала, что семья Саронды улетает на этом корабле, и она наверняка выбрала жизнь вне Земли, где можно жить сто лет в покое и довольстве — не то что пару десятков с лет с парнем из Б-9.

Но я ошиблась. Оказалось, что ее отец оплатил проезд для Арти, — ради Саронды и ради самого Арти, поскольку счел его объектом, достойным инвестиций.

— Значит, мы прощаемся, — сказала я и содрогнулась от чувства невосполнимой потери.

Но Арти покачал головой.

— Я не полечу, — сказал он так, словно даже и не рассматривал такую возможность всерьез.

— Что ты имеешь в виду? — воскликнула я. — Ты должен лететь, Арти! Должен выбраться отсюда!

— И оставить вас, чтобы вы тут развлекались без меня? — спросил он, хотя голос у него дрогнул, а глаза наполнились слезами. — Ну уж нет.

— Ты должен! — снова закричала я и ударила его кулаком в грудь. — Ты должен, Арти! Ради всех нас! Ты единственный из Б-девять, кому предложили место на пароме, и ты должен лететь! Ты должен улететь туда, где живут сто лет, ты должен сделать это за всех нас. Ты должен жить все эти долгие годы за всех нас. Арти, только ты можешь это сделать.

Он снова покачал головой, хотя на сей раз отвстил не сразу.

— Нет уж, — повторил он. — А кто будет делать ребятам велосипеды? Кто заставит их соблюдать Кодекс? Ты же видела, что началось, едва я только на пару месяцев отлучился. — Он улыбнулся, хотя и вытер слезы тыльной стороной руки. — Кроме того, и ангелов нельзя бросать. Дерон через полтора месяца уйдет в наемники, а Сташ и так уже браконьерствует на стороне. Я должен остановить его, прежде чем он станет преступником. К тому же в пяти других секторах уже действуют бригады велосипедистов, из них три следуют Кодексу. Я должен остаться, чтобы поддержать в них боевой дух.

— А Саронда? — спросила я, используя последнее средство, чтобы заставить его улететь.

Он глубоко вздохнул:

— Она думает, что я уже на борту. Отец не скажет ей, пока они не взлетят. Он обещал мне.

Он выглянул из окна, когда небо прорезала яркая вспышка: челнок взлетел, чтобы доставить пассажиров на космический паром.

— Черт бы тебя побрал, Арти! — заорала я на него, как будто он покидал меня. — Черт побери, Арти, ты должен был лететь с ней!

И я била его в грудь кулаками, пока он не схватил меня за руки, и тогда я ударилась в слезы. Тогда он крепко обнял меня, и мы плакали вместе, пока не выдохлись и заснули в объятиях друг друга, и во сне мы слышали стенания Саронды.

Хорошо было бы, если бы история на этом закончилась. Вы бы поверили всем легендам об Арти и его ангелах. Вы бы решили, что он посвятил свою жизнь защите несчаст-

ных ребят из Б-9 и других секторов, что он восстановил понятия чести и достоинства, даже, я бы сказала, рыцарства, давно утраченные обществом. Именно это он и намеревался сделать. Но не успел.

Уже несколько месяцев мы знали, что среди Больших Псов ошивается один чистильщик, один из тех двоих, что сумели избежать гибели во время вторжения. Мы знали об этом, потому что из А-12 начала просачиваться болезнетворная идеология чистильщиков. Когда произошло нападение на космический челнок, мы решили, что это он и что с его смертью угроза исчезла.

И мы ошиблись.

Полгода спустя Арти в своей мастерской собирал велосипед для малыша, который только что переехал из незащищенной зоны. Я сидела у себя в комнате, через дорогу от мастерской, и изучала книгу Танингера о мифах. Хотя мне и не удалось поступить в академию, Арти настоял, чтобы я училась заочно. С его помощью я занималась математикой и естествознанием по программе первого курса, а также — на более продвинутом уровне — социологией. Читая Танингера, я подумала, что легенды артуровского цикла имеют много общего с преданиями о Христе. И тут я услышала два выстрела.

Я кинулась к двери, даже не глянув в окно. Звуки были непривычными, я только много позже узнала, что это такое, но меня охватило ужасное предчувствие, что они донеслись из мастерской Арти.

Чистильщика поблизости уже не было, но результаты его действий были налицо: фибергласовое оконное стекло мастерской не предназначалось для отражения огнестрельной атаки; оно разлетелось на тысячи мелких осколков, и они хрустели у меня под ногами, когда я неверными шагами шла к Арти. Он лежал на полу между регулировочным стендом и сборочным станком, среди обломков никелированных трубок и запчастей. Разрывная пуля попала ему прямо в грудь, а ноги и руки были изранены осколками стекла.

Кто-то вошел, я повернулась и увидела Луиса.

— Скорей за врачом! — заорала я. — Вызови «скорую»!

Но глаза Арти уже тускнели.

— Хотел забрать тебя с собой, — прохрипел он, и на губах его пузырилась кровавая пена.

— Молчи! — приказала я. — Не шевелись. Сейчас приедет «скорая».

— Сказал, что полечу, только если ты полетишь тоже, — с трудом прошептал он.

— Замолчи, Арти! — умоляла я. — Не смей покидать меня! Не смей!

Немыслимо, но он улыбнулся.

— Фея Моргана, — прошептал он, — унеси меня на остров Авалон...

По легенде мы успели доставить его в госпиталь, врачи сумели поддержать в нем жизнь, а потом поместили в криогенную камеру. На следующем космическом пароме эта камера отправилась на отдаленную планету, где ждала Саронда и где медицинская наука достигла таких высот, что его смогли вылечить. Когда-нибудь он совсем выздоровеет и вернется на землю, в Кан-хаб. А пока ангелы Арти не теряют надежды и продолжают его дело.

Такова легенда. Но на самом деле Арти умер у меня на руках той же ночью, а никакая «скорая» не приехала вовсе. Кто же посдет в Б-9! Мы с Луисом втащили его в разрушенный туннель, где остался только узкий проход. Мы положили его там и замуровали проход, никому не сказав об этом. А я сочинила сказку о криогенной камере. Ха. Можно подумать, что в Кан-хабе есть что-либо подобное.

Вот правдивая история о том, что случилось с Арти Д'Анжело, но не рассказывайте ее никому в Кан-хабе. После смерти он стал еще большим героем, чем при жизни, — уж я постаралась. Преступная выходка нигилиста лишила меня друга, предводителя нашего братства, моей путеводной звезды, но я ни за что не позволю лишить Кан-хаб надежды. Легенды о деяниях Арти множатся, и в них он совершает немыслимые подвиги во славу беспомощных и обездоленных, оберегая жизнь тех, кого он оставил здесь.

Ради нас он отверг возможность жить сто лет в покое и довольстве с той, кого любил. Взамен я дарю ему бессмертие.

Спи спокойно на своем Авалоне, мой Артур. Кан-хаб тебя не забудет.

ДЖЕРРИ ОЛШЕН

После Судного дня

Джерри Олшен является автором романов «За пределами рая» («Paradise Passed»), «Особый звездный экспресс» («The Getaway Special»), «Где угодно, только не здесь» («Anywhere But Here») и нескольких других. В 1998 году он получил премию «Небьюла» за повесть «Не демонтировать!» («Abandon in Place»), на основе которой позднее был написан роман. Перу Олшена принадлежит более ста рассказов, многие из них появлялись на страницах журналов «F&SF» и «Analog».

В рассказе «После Судного дня», который в данной антологии публикуется впервые, библейский день Страшного суда показан с рационалистической точки зрения. Экипаж космического корабля, возвратившегося на Землю, обнаруживает, что вознесение праведников состоялось во время их отсутствия. Олшен, считающий религию бичом человечества, размышляет, так ли это плохо — «остаться за бортом».

В то утро было холодно, и когда я шел по дорожке в поисках Джоди, снег поскрипывал у меня под ногами. После ночного бурана ледяная корка недельной давности покрылась слоем свежего снега, доходившим до щиколотки. Я ясно видел цепочку следов, извивавшуюся среди скелетов тополей и скрывавшуюся за поворотом дороги. Джоди отправилась в сторону гор. Но не нужно было смотреть на следы, чтобы догадаться: она ушла одна.

Кроме отпечатков ног Джоди, нигде не было заметно присутствия человека. Тишину нарушал лишь скрип моих сапог, и единственное движение создавали облачка пара, вылетавшие у меня изо рта. Несмотря на то что я был в пуховом пальто, мне казалось, что я ощущаю жуткий холод. Я понимал, почему Джоди выбрала эту тропу. В этом уединенном месте ее не преследовало чувство, будто она ищет людей, которых здесь нет.

Я нашел Джоди сидящей на изгороди; она пристально вглядывалась в горы, видневшиеся за покрытыми снегом полями. Она сидела на нижней жерди забора, положив под-

бородок на верхнюю перекладину, на руки в перчатках. Каштановые волосы, доходившие ей до плеч, выбивались из-под зеленой вязаной шапочки. На снегу видны были небольшие канавки — она болтала ногами. Услышав скрип моих сапог, Джоди повернула голову, произнесла: «Привет, Грегор» — и затем снова повернулась к горам. Я уселся рядом с Джоди, как она, опершись подбородком на ладони, и тоже взглянул на горы.

Солнце в полную силу светило на пики, сверкали белые ледяные поля, а коричневые скалы даже казались нагретыми. Но на каменистых склонах не росло ни деревца. Там были только камни и лед.

Хребет Титон[1], подумал я. Божья страна. Да, это оказалось правдой.

— Я и забыл, какими величественными могут быть горы, — начал я, и облачко пара инеем осело на моих перчатках.

— Я тоже, — отозвалась она. — Столько времени прошло.

Двенадцать лет. Пять лет — туда, пять — обратно, еще два года мы провели там, на покрытой пылью планете, вращавшейся вокруг чужой звезды.

Джоди сказала:

— На Дессике[2] нет ничего подобного.

— Да, откуда там ледники возьмутся. Для ледников нужны вот такие горы...

— Хм.

Мы уставились на залитые солнечным светом вершины, и каждый задумался о своем. Я размышлял о Дессике. Два месяца после высадки мы не могли подобрать ей имя, но затем решение пришло само собой. Сухая, раскаленная планета, с бушующими на поверхности пылевыми бурями, которые могли продолжаться неделю подряд, — если ад существовал, то он находился именно там. Но мы, восемь чело-

---

[1] *Титон* — горная цепь в Скалистых горах, расположенная к югу от Йеллоустонского национального парка на северо-западе штата Вайоминг и востоке штата Айдахо.

[2] *Дессика* (Dessica) — в фантастическом сериале «Star Trek» («Звездный путь») планета, населенная вымышленной расой ромуланцев.

век, прожили в преисподней два года, исследуя планету; как-никак это была первая экспедиция за пределы Солнечной системы. А затем мы вернулись назад — на обезлюдевшую Землю. Нигде не было ни души. Нас приветствовали дикие животные и пустые города, по улицам которых летали пожелтевшие газеты четырехлетней давности.

Если верить этим газетам, именно тогда, четыре года назад, состоялось второе пришествие Христа. И не в Иерусалиме, не в Ватикане и даже не в Солт-Лейк-Сити[1]. На горе Гранд-Титон. Это высшая точка хребта, сияющая суровой красотой, самый подходящий монумент Сыну Божию. Я, казалось, видел Его — Он спускался с горы и останавливался рядом с часовней Преображения Господня, расположенной рядом с гостиницей, где мы провели ночь. В подобное трудно поверить, но представить легко.

А затем началось самое невероятное. По-видимому, Он дал людям шесть дней на то, чтобы подготовиться, а на седьмой призвал их на суд. Никакого особого обращения к праведникам, никакого наказания для неверных; Он призвал всех одновременно, очевидно собираясь рассортировать их позднее. В газетах ничего не говорилось о Его методах, а я не в состоянии был представить себе, что именно произошло дальше. Бóльшая часть людей ожидала вознесения на небеса; но на высоте пятнадцати тысяч футов они начали бы задыхаться, а на высоте сорока тысяч футов над землей их кровь должна была вскипеть. Вряд ли ветхозаветный Бог хотел, чтобы его последователи перенесли подобные муки. Более подходящим казался переход в иное измерение, но я совершенно не понимал, как это осуществляется.

Пытаясь вообразить невообразимое, я вспомнил, зачем искал Джоди.

— Капитан собирается провести богослужение. Она подумала, что ты, возможно, захочешь присутствовать.

Джоди взглянула на меня так, как обычно смотрят на тупых младших братьев.

---

[1] В Солт-Лейк-Сити, столице штата Юта, расположена штаб-квартира последователей Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов).

— Зачем? Чтобы молиться и попытаться привлечь внимание Бога?

Я кивнул:

— Дейв уговорил ее. Он считает, что чем больше людей молится, тем сильнее сигнал.

— Очень научно.

— Дейв — инженер. Гвен согласна с ним.

— Наверное, она собирается попросить Бога прислать за нами Иисуса.

— В общем, идея такая, — согласился я, почему-то чувствуя себя глупо.

Джоди взглянула на меня с прежним выражением.

— Ты ведь на самом деле не думаешь, что это сработает, верно?

— Но попытаться стоит. Хуже не будет, как ты считаешь?

Джоди рассмеялась:

— Ты говоришь, как настоящий агностик.

Я немного подвинулся — сучок, торчавший из жерди, упирался мне в бедро. Заскрипел забор в том месте, где поперечина соединялась со столбом.

— Все мы агностики, — заметил я. — Или были ими.

Подбирая команду, руководители полета отдавали предпочтение людям, принимающим решения на основе имеющейся информации, а не в соответствии со своими ожиданиями или предположениями. Такие люди обычно и являются агностиками.

— Я не изменилась, — сказала Джоди.

Я удивленно взглянул на нее:

— Ты серьезно? Все население планеты исчезает, во всех найденных нами газетах рассказывается о втором пришествии Христа — с фотографиями, и все кладбища пусты. Неужели это не сделало тебя верующей?

Она покачала головой и просто спросила:

— Зачем мы здесь?

— Что значит «зачем»?

— Я хочу сказать — если предположить, что Иисус действительно сошел на Землю во второй раз, наступил день Страшного суда и души праведных вознеслись на не-

бо, тогда что мы здесь делаем? Почему Он не забрал с собой и нас?

— Нас не было на Земле.

— Трех тысяч поселенцев, которые жили на Луне, тоже не было на Земле, но их забрали.

— Мы летели со скоростью девяносто восемь процентов от световой. Мы находились на расстоянии трех с половиной световых лет отсюда.

— И поэтому Господь нас не заметил. Вот почему я не верю во все это. Если бы Он был всеведущ, Он бы знал, что мы там.

Я и сам думал об этом с тех пор, как мы вернулись.

— А может быть, Он знал, — возразил я.

— Как это?

— Возможно, Бог знал о нас. Может быть, Он оставил нас здесь намеренно, в качестве наказания за то, что мы не верили в Него.

Джоди фыркнула:

— Тогда как насчет атеистов? Как насчет других агностиков? Почему здесь остались только мы, восемь человек?

Я поднял руки в перчатках ладонями вверх.

— Я не знаю. Я не Бог.

— Если бы ты был Богом, ты бы лучше выполнял свою работу.

Я не был уверен, стоит ли воспринимать эти слова как комплимент, и решил не обращать на них внимания.

— Если ты думаешь, что население Земли забрал не Бог, то что, по-твоему, произошло?

— Не знаю. Может быть, прилетели инопланетяне и увезли людей в качестве рабов. Может быть, человечество было лабораторным экспериментом, и тот, кто проводил его, получил все нужные данные. Может быть, люди на вкус похожи на цыплят. Существует множество более правдоподобных объяснений, чем пришествие Бога.

— А как насчет фотографий Иисуса? — спросил я.

Джоди потерла покрасневший нос.

— Если бы ты собрался похитить население целой планеты, неужели ты не воспользовался бы местной религией, чтобы держать его в повиновении?

— Евреи, например, не верят в Иисуса, — заметил я. — Как и мусульмане. Или атеисты.

— И это говорит бывший агностик, который поверил в Бога потому, что прочитал о Нем в газетах. — Она произнесла эти слова мягко, но они все же уязвили меня.

— Послушай, — сказал я. — Гвен скоро начинает. Ты идешь или нет?

Джоди пожала плечами:

— Черт возьми, забавно будет взглянуть на церковную службу, проводимую агностиками.

Мы отправились по собственным следам обратно к дому — это был огромный бревенчатый отель, выстроенный в конце прошлого века, чтобы вмещать толпы туристов, приезжавших в один из последних незагрязненных уголков Земли.

По пути я взял Джоди за руку. Это было неосознанное, естественное движение; в тот момент мы не были вместе, хотя несколько раз прежде состояли в близких отношениях. Оказавшись на корабле в составе немногочисленной команды, имея долгие годы для экспериментов, мы перепробовали почти все возможные комбинации. Идя рядом с Джоди по свежевыпавшему снегу, я ощутил тепло и покой и порадовался, что мы не ссорились слишком сильно. Возможно, у нас еще есть будущее.

Должно быть, Джоди думала о том же. Когда мы спустились в рощу тополей, она сказала:

— Если предположить, что за этим действительно стоит Бог и это не какая-то шутка гигантских масштабов, тогда, может быть, это награда.

— Награда?

Она кивнула:

— Мне здесь нравится: красиво и тихо. В последний раз, когда я была тут, это место напоминало зоопарк. Куда ни глянь — везде туристы, вдоль шоссе до самого горизонта ряды передвижных домиков и джипов, вокруг летает мусор. Мне кажется, я наконец-то вижу это место таким, каким оно должно быть.

— Таким, каким и сотворил его Господь?

— Да, наверное.

Джоди усмехнулась своей агностически-теологической усмешкой и продолжила:

— Возможно, мы — пассажиры нового ковчега. В конце концов, ведь мы и отправились в полет, чтобы основать колонию. Мы обладаем лучшим набором генов, какой только смогло найти Космическое управление ООН, а в холодильной камере у нас хранятся оплодотворенные яйцеклетки. Вероятно, Господь решил, что наступило время избавиться от всякого хлама и дать человечеству шанс начать все сначала.

— Для Эдема здесь холодновато, — возразил я.

— Нам принадлежит весь мир, — напомнила Джоди.

Я поразмыслил над ее словами. Допустим, мир действительно принадлежит нам — но только до тех пор, пока самолеты и прочие средства передвижения не рассыплются в пыль. Нам восьмерым не под силу самостоятельно поддерживать технологическую цивилизацию. Наше снаряжение для колонизации было подобрано таким образом, чтобы обеспечить нам, как выражались социологи ООН, «искусственно усовершенствованный уровень индустриальной эпохи». Нам следовало, оказавшись на месте, увеличивать население, строить заводы и так далее, но мы были ограничены в действиях. Идея состояла в том, чтобы выбрать некое место и обустраиваться там, а не изображать туристов, осматривающих достопримечательности. Разумеется, для этого на планете должно существовать хотя бы одно подходящее место, и, не найдя его на Дессике, мы бросили все и вернулись домой.

— Я никогда не думал о том, чтобы просто продолжать жить, — признался я. — То есть после второго пришествия Христа это как-то не приходило мне в голову.

Джоди пожала плечами:

— Мы только что прилетели; мы были слишком заняты попытками понять, что произошло. Я думаю, пройдет какое-то время, и большинство из нас задумается о будущем. Я хочу сказать, это, возможно, и есть рай, в который мы все хотим попасть, — если все сделать правильно.

Внезапно по спине у меня пробежал холодок, и причиной его был отнюдь не стоявший на улице мороз.

— А вдруг у нас уже нет времени? — воскликнул я. — Если молитвенное обращение Гвен дойдет до адресата, Бог может вернуться за нами уже сегодня.

Джоди взглянула на меня, и на лице ее тоже появилось озабоченное выражение.

— Проклятие, — пробормотала она и бросилась бежать к часовне.

Я пустился вслед за ней, и оба мы закричали: «Гвен! Гвен, подожди!»

Бежать было нелегко. Ноги проваливались сквозь ледяную корку, которая выдерживала наш вес, пока мы шли медленно, а теперь каждый шаг давался с трудом. Взмокнув, хватая ртом воздух, мы ворвались в часовню с криками: «Не молитесь!»

Гвен стояла за кафедрой; на ней было длинное белое одеяние, отделанное золотой каймой шириной в ладонь. Она нашла его в чулане в доме священника. Стена у нее за спиной представляла собой огромное окно, и собравшиеся — Дейв, Мария, Хаммад, Аруна и Кьюнг, сидевший на передней скамье, — могли видеть позади великолепной фигуры Гвен фантастическую картину Титонских гор. Все обернулись и уставились на нас, а Джоди повторила:

— Не молитесь. Сначала нужно все обдумать.

Гвен нахмурилась:

— Что тут обдумывать? Нам нужно связаться с Богом.

— Ты уверена, что нужно?

— Что ты хочешь сказать? Разумеется нужно. Он забыл про нас!

— А может быть, это и к лучшему. — Стаскивая перчатки, шапку и пальто, Джоди повторила Гвен то, что сказала мне, и закончила словами: — Так что, возможно, нам следует просто сидеть тихо и продолжать заниматься своими делами.

Гвен качала головой все время, пока Джоди говорила. Она была крупной женщиной с копной густых курчавых черных волос, которая тоже раскачивалась из стороны в сторону. Затем капитан произнесла:

— Мы не знаем, каким делом нам следует заниматься. Это вполне может оказаться неким испытанием.

— Верно! Это может быть испытанием, так что, я думаю, следует хорошенько подумать, о чем нам просить. Мы ведь можем и получить желаемое.

Дейв слушал Джоди с таким же нетерпением, как и Гвен. Прежде чем та успела ответить, он вмешался:

— Если Бог хочет, чтобы мы заново заселили Землю, почему Он не сказал нам об этом? Он же сообщил Ною, что от него требуется.

Джоди пожала плечами:

— В те дни Бог был гораздо более разговорчив.

— Если верить иудейско-христианской Библии, — вставил Хаммад.

— День Страшного суда настал и закончился, — сказала Гвен. — Во что еще, по-твоему, нам следует верить?

Хаммад раскинул руки, словно желая охватить часовню и весь мир за ее пределами.

— Нам следует верить в то же, во что и раньше: в то, что говорят нам органы чувств. Население Земли исчезло. Оставшиеся газеты сообщают, что существо, назвавшее себя Иисусом Христом, несет за это ответственность. Насчет остального мы можем лишь строить предположения.

— Минуточку, — начала Мария, но, прежде чем она успела высказать свою мысль, Аруна воскликнула:

— Мы также можем...

Кьюнг вступил:

— Да, а как насчет...

И все присутствующие загомонили одновременно.

Гвен недаром избрали капитаном. Она позволила нам шуметь несколько секунд, затем изо всех сил выкрикнула:

— Тихо!

В часовне воцарилась тишина.

— Отлично, — произнесла капитан. — Очевидно, я ошиблась, предполагая, что мы все хотим попросить Бога вернуться за нами. Джоди считает, что нам вообще не следует пытаться вступить с Ним в контакт. А что думают остальные?

Раздался хор голосов, в котором едва не потонули ее слова.

— По одному! — проревела Гвен. — Ты, Дейв.

— Я считаю, что мы должны попросить у Него прощения и умолять забрать нас с собой.

— Хаммад?

— Спросить, что Ему нужно от нас, чтобы не теряться в догадках.

— Мария?

— Я... э... я определенно уверена, что нам нужно связаться с Ним, но вообще-то считаю, что Хаммад в чем-то прав.

— Благодарю, — произнес Хаммад.

Гвен обратилась ко мне:

— Грегор?

Я посмотрел на Хаммада, затем на Джоди.

— Я не уверен, что привлекать Его внимание — хорошая идея. Вообще-то это зависит от личной веры каждого, но думаю, что мы сделаем только хуже.

— Аруна?

— Я в чем-то согласна с Грегором, — ответила Аруна, — только непонятно, что будет, если Бог решит выключить свет.

— Но ведь прошло уже четыре года, — напомнил Хаммад.

— Но это не значит... — начал Дейв, и перебранка разгорелась с новой силой.

— Тихо! — прикрикнула Гвен, схватила лежавший перед ней деревянный крест и застучала по кафедре. — Хорошо, — произнесла она, когда мы успокоились, — попробуем еще раз. Кьюнг, что ты думаешь об этом?

Кьюнг пожал плечами:

— Вряд ли служба имеет смысл. Если наши молитвы вообще могут достичь Его ушей, то кто-то из нас уже должен был достучаться до Него. Мне кажется, что если мы в принципе можем привлечь Его внимание, то и прятаться нет смысла — ведь в конце концов Он заметит, что мы здесь.

— Так ты голосуешь «за» или «против» молитвы?

— Я воздерживаюсь.

Гвен кивнула:

— Итак, похоже, большинство считает, что службу провести следует, но не вижу ничего плохого в том, чтобы вежливо спросить у Бога, что́ от нас требуется, прежде чем умолять Его о вмешательстве. Согласимся на этом?

— Нет, — ответила Джоди, но голоса Дейва, Марии и Хаммада, выражавшие согласие, звучали громче.

Гвен сказала:

— Джоди, Кьюнг прав: если молитва вообще действует, то рано или поздно кто-то из нас привлечет внимание Бога.

— Нет, не привлечет, — возразила Джоди. — Вокруг нас на всей планете валяются миллионы ружей, но это не значит, что мы должны начать стрелять друг в друга. У нас нет никакой необходимости молиться.

— У меня есть, — заявил Дейв.

Джоди пристально смотрела на него, затем покачала головой и взяла свое пальто и перчатки.

— В таком случае я подожду снаружи, — ответила она и быстрыми шагами прошла мимо меня, направляясь к двери. — Может быть, Он снова забудет про меня, когда придет за вами, идиотами.

Я последовал за ней. Я не снимал пальто, просто расстегнул молнию; освежающий холод проник под рубашку.

— Идиоты, — повторила Джоди, когда мы остались вдвоем. — Они там играют с динамитом. Хуже. С антиматерией.

— Возможно, в буквальном смысле ты и права, — согласился я. — Кто знает, из чего сделан Бог.

— А-а, Бог, Бог, Бог, — проворчала она. — Я устала от всего этого. Я хочу, чтобы Он вообще не совался в мою жизнь.

Я ткнул пальцем ей в ребро.

— Так ведь Он и не совался, глупая.

— Это не смешно.

— Разумеется не смешно. Всю жизнь мы повторяли, что нам все равно, кто что думает или говорит о религии, — ведь правду узнать по определению невозможно. А теперь мы боимся, что кто-то своими молитвами отнимет у нас жизнь. Мне кажется, это весело.

Мы направились к гостинице по тропе, обсаженной соснами, тонущими в сугробах. Повинуясь какому-то импуль-

су, я схватился за ветку и дернул за нее как раз в тот миг, когда Джоди проходила под деревом.

— Ай! — вскрикнула она, когда снег насыпался ей за шиворот, и, прежде чем я успел отбежать на безопасное расстояние, она наклонилась, набрала пригоршню снега и швырнула мне в лицо. Я пошатнулся и сел в сугроб, что спасло меня от второго снаряда, пролетевшего у меня над головой.

Сидя на земле, я решил, что могу защищаться, и начал обстреливать Джоди со всей быстротой, на какую был способен. Было холодно, снежки рассыпались, так что мы просто швыряли друг в друга пригоршнями снега, крича и смеясь, как дурачки, пока остальная часть человечества молила Бога о чуде.

Молитвенное собрание закончилось примерно через полчаса. К этому времени мы с Джоди уже уютно устроились на медвежьей шкуре перед самым большим в отеле камином — в этом чудовищном сооружении из плитняка можно было поджарить небольшой автомобиль на воздушной подушке. Хаммад первым нашел нас.

— Похоже, нам не удалось связаться с Высшими Силами, — сообщил он, снимая пальто и вешая его на крючок. — Конечно, если молитвы не поступают туда с некоторой задержкой.

— Прекрасно, — ответила Джоди. — Я всю ночь буду ждать того момента, когда небеса разверзнутся и сонм ангелов призовет меня.

— Судя по вашему виду, вы двое вряд ли будете спать, разве что от усталости. — Хаммад уселся рядом с нами в одно из излишне мягких кресел и протянул ноги к огню. — Знаешь, я думаю, что ты права, — произнес он. — Нам следует жить своей жизнью, а Бог пусть продолжает заниматься своими делами. Должен признаться, я очень рад, что не застал всей этой суматохи с вознесением.

— Согласен, — ответил я. — С тех пор как мы поняли, что Он существует, я чувствую себя как чужак на территории какой-то бандитской группировки. Все время жду, что кто-то хлопнет меня по плечу, после чего у меня начнутся большие неприятности.

— Интересно, все религиозные люди так обычно чувствовали себя? — спросила Джоди. — Всю жизнь ходили на цыпочках, чтобы не привлечь нежелательного внимания.

Хаммад покачал головой:

— Сомневаюсь, что большинство людей рассматривало религию в таком свете. Вероятно, они...

Толстая деревянная дверь с грохотом распахнулась, вошли Дейв, Гвен и остальные, стряхивая снег с ботинок и разговаривая. Дейв окинул нас с Джоди гневным взглядом и куда-то ушел, вероятно в свою комнату, но Гвен, Мария, Аруна и Кьюнг, сняв верхнюю одежду, присоединились к нам у огня.

— Ну что ж, по крайней мере мы можем сказать, что пытались, — подытожила Гвен, усевшись спиной к огню. Она оставила облачение в часовне, на ней были обычные рубашка и брюки.

— И что теперь? — спросила Джоди. — Путешествовать? Осматривать достопримечательности? Играть в оставшиеся игрушки, пока они не заржавеют и не превратятся в пыль? Или прямо сейчас займемся делом и начнем основывать колонию?

Аруна ответила:

— Никого не хочу обидеть, но после двенадцати лет тесного общения с вами, ребята, я готова провести некоторое время в одиночестве.

Кьюнг демонстративно отстранился от нее, но сказал:

— Я чувствую то же самое. Буду не против ненадолго получить в свое распоряжение какой-нибудь континент.

Мария явно была шокирована.

— Погодите. Если мы разделимся, то, когда Бог вернется, кто-то из нас снова останется незамеченным.

— Он не вернется, — возразил Кьюнг.

— А почему ты так уверен?

Он пожал плечами:

— Вообще-то я не уверен, но за всю жизнь я ни разу не озаботился этим вопросом — с чего бы мне начинать волноваться сейчас? Если Он придет за мной, пусть приходит, а если нет — прекрасно. У меня найдется чем заняться и без Него.

— Я с тобой согласен, — произнес я. — Теперь, когда у меня появилась такая возможность, я хотел бы немного посмотреть мир.

— Я тоже, — вступила Джоди.

Гвен развернулась лицом к камину и обратилась к нам через плечо:

— Система спутниковой связи еще работает, так что нам несложно будет поддерживать контакт друг с другом. Здесь, в отеле, сотни мобильных телефонов, и я уверена, что по крайней мере у некоторых из них еще имеются на счету деньги, которые каждый месяц автоматически переводятся туда с кредитки. Нетрудно будет найти для каждого из нас по действующему телефону. Разумеется, всем нам не обязательно играть в туристов. Кто хочет, может приступить к основанию колонии.

— Где? — уточнил Хаммад.

— На Средиземном море, — произнесла Аруна как раз в тот момент, когда я назвал Калифорнию.

Мы мгновение смотрели друг на друга, затем я пожал плечами и согласился:

— Хорошо, Средиземное море.

С задней стороны отеля донесся какой-то резкий звук.

— Похоже на выстрел, — воскликнула Гвен и бросилась бежать по коридору, крича на ходу: — Дейв! Дейв!

Мы последовали за ней, но я задержался и прихватил кочергу. Может быть, он покончил с собой, а может быть, и нет. Кочерга — слабовато против ружья, но это лучше, чем ничего.

Мы обнаружили Дейва на улице, на террасе, выходившей на реку Снейк, в руке он держал дробовик, а на снегу были разметаны перья и кровавая масса. Среди перьев я заметил зернышки птичьего корма; видимо, Дейв разбросал пригоршню зерен и ждал, пока какая-нибудь птица не прилетит поклевать их. Судя по останкам, злополучная птичка была едва крупнее мыши.

— Маловато для обеда, а? — спросил я, протянув кочергу и переворачивая крошечное тельце, чтобы рассмотреть оперение.

— Это эксперимент, — объяснил Дейв. Я обрадовался, увидев, что он тщательно отводит дробовик в сторону, что-

бы не направить его на нас. — Если вы вспомните слова Иисуса, даже воробей не упадет на землю незамеченным[1]. Я подумал, что это довольно легко проверить.

Джоди подошла ко мне и тоже взглянула на птицу.

— Возможно, эксперимент удался бы, если бы ты подстрелил воробья, — заметила она. — А это синица.

Мы все рассмеялись, а Дейв покраснел, но возразил:

— Дело не в названии птицы; важна суть.

— Как бы то ни было, похоже, твое средство не подействовало.

— А может, тебе сначала следовало привязать к ноге воробья послание? — предложил я.

Кьюнг рассмеялся:

— Для этого, по-моему, используют голубей.

— Это не смешно, — фыркнул Дейв. Он глубоко вдохнул и сказал: — Я пытаюсь привлечь внимание Бога. Если вы считаете, что это смешно или бесполезно, мне жаль, но я думаю, что это важно, и собираюсь испробовать все, что в моих силах, пока не достигну цели.

— И что дальше? — спросила Гвен. — Принесешь в жертву ягненка? Построишь ковчег?

— Если это будет необходимо, — ответил Дейв.

Я почувствовал, что дрожу, и, когда дрожь усилилась, я внезапно понял, что мы все, исключая Дейва, стоим на морозе без пальто.

— Пошли, — обратился я к Джоди. — Идем отсюда, пока не замерзли до смерти.

На следующее утро мы покинули отель и отправились в Йеллоустонский парк. Остальные члены экипажа разделились и разбрелись по всему земному шару, а мы с Джоди решили, что раз уж мы оказались поблизости от самой крупной туристической достопримечательности на планете, то стоит осмотреть ее как следует. Мы обнаружили исправный автомобиль на воздушной подушке, его приборы показыва-

[1] Имеется в виду цитата из Евангелия «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10:29).

ли, что он может работать еще несколько сотен часов. Закинув на заднее сиденье свои пожитки, мы полетели, держась невысоко над землей, вверх по течению реки Снейк, миновали водохранилище Джексон и углубились в парк. Мы пролетели над пандусами и рельсовыми тележками, которыми последние пятьдесят лет пользовались туристы, проносились мимо знака, оповещающего, что движение частного транспорта в пределах парка запрещено законом.

Лес казался бесконечным. Мы летели вдоль старой дороги, петляя среди деревьев, так что могли хорошо видеть местность, а также животных, которыми был знаменит парк. В густонаселенных местах земного шара после внезапного исчезновения людей экосистема все еще не восстановилась, но Йеллоустон достиг равновесия еще раньше, до второго пришествия. Мы наблюдали за мышами и лосями, смотрели, как бродят по парку бизоны, похожие на огромные снегоочистители с копытами, и даже мельком увидели волка, который пил из реки неподалеку от Верного Старика[1].

Гейзеры, наверное, работали точно так же, как и всегда, но, когда мы стояли вдвоем на покрытой снегом площадке перед Верным Стариком, мне показалось, что мы наблюдаем самый мощный фонтан, который он когда-либо извергал. Пар и кипящая вода поднимались на сотню футов над землей, земля под ногами дрожала.

— Знаешь, — произнесла Джоди, когда гейзер утих, — я сейчас поняла, как глупо было приезжать сюда именно теперь.

— Почему глупо? — удивился я.

— Если Дейву удастся связаться с Богом, у нас будет целая вечность, чтобы радоваться подобным вещам.

Я оглядел дымящуюся горку красноватых камней, затем взглянул на поляну, покрытую сверкающим снегом, и зеленеющий за ней лес.

— Думаешь, на том свете нас ждет созерцание прекрасного?

— Кто знает?

---

[1] *Верный Старик* — название гейзера, расположенного на территории Йеллоустонского национального парка; высота фонтана воды достигает 45 м.

Действительно, кто мог знать? Я прожил жизнь, тщательно соблюдая нормы морали, — по стандартам агностиков, — но кто мог сказать, праведно ли я жил с точки зрения Бога? И вообще, даже теперь мы не были уверены, существуют ли на самом деле рай и ад. Да, Иисус пришел и увел всех с Земли, но куда — этого мы не знали; Он мог отправить человечество хоть на Андромеду.

И все же я сомневался, что мы поступили разумно, предоставив Дейву свободу взывать к Богу. Прежде чем разделиться, мы обсудили этот вопрос, но так и не решили, что делать с упрямцем. Мы понимали, что он не остановится, пока не перепробует все, что только сможет придумать, но никому не хотелось его изолировать. Думаю, после молитвы и эпизода с синицей никто из нас всерьез не верил, что Дейву удастся его предприятие, и поэтому мы перестали думать об этой ерунде. Все мы надеялись, что через некоторое время он бросит свою затею и станет нормальным — хотя и несколько упертым — другом и членом экипажа, с которым мы все привыкли сосуществовать.

Мы поняли, что совершили ошибку, несколько дней спустя, когда Дейв позвонил Гвен. Она формально сложила с себя обязанности капитана и улетела на Гавайи, но по-прежнему действовала в качестве нашего координатора. Дейв позвонил, чтобы выяснить, где находятся остальные, и когда она поинтересовалась, зачем ему это нужно, он лишь попросил ее предупредить нас всех, чтобы мы держались подальше от Шайенна, Вайоминга и тех мест, куда дует ветер из этого штата.

— Ветер? — переспросил я, когда Гвен перезвонила нам, чтобы передать сообщение. — Какого черта, что он собирается сделать на этот раз?

Джоди и я сидели в машине, мы ехали на север, к горячим источникам парка Мамонтова Пещера. Призрачное лицо Гвен смотрело на нас с экрана, возникшего на ветровом стекле.

— Он не захотел отвечать, — объяснила она. — Он просто попросил, чтобы вы какое-то время не показывались на американском Среднем Западе.

— Бьюсь об заклад, он собирается взорвать ядерную бомбу, — сказала Джоди. — В Шайенне расположена база ВВС, где хранятся ядерные ракеты.

— Ядерную бомбу? — удивилась Гвен. — Какое отношение это имеет к Богу?

Я рассмеялся:

— Возможно, он думает, что достаточно лишь постучать погромче, и нас услышат.

— Да, но где находится дверь, в которую надо стучать? — спросила Джоди. — Уж разумеется, не в Шайенне. Я там бывала; это маленький грязный городок среди прерии, населенный правительственными служащими.

Моя улыбка погасла.

— Если местоположение вообще что-нибудь значит, то, я думаю, это будет в Гранд-Титоне — помнишь, именно там явился Иисус.

— Но ведь Он не взорвет Титонские горы, правда? — воскликнула Джоди, охваченная ужасом при этой мысли.

— Не знаю, — ответила Гвен. — По крайней мере, не думаю, что это будет Его первая цель. Скорее всего, Он сбросит бомбу где-нибудь в Небраске. Но если это не сработает, тогда — горы.

Мы ехали по узкой просеке, окруженной оксаном широкохвойных сосен; я нажал на рычаг, и машина остановилась, подняв вихрь снега.

— Мы еще в Йеллоустоне, — сообщил я Гвен, — но можем добраться до Шайенна... за сколько, четыре часа? Пять?

До сих пор мы тащились медленно, почти над самой землей, но в случае необходимости могли лететь на любой высоте.

— Не знаю, стоит ли, — заколебалась Гвен. — Мне не нравится, что вы двое полетите к центру ядерного взрыва.

— Мне тоже не особенно это нравится, — согласился я, — но еще меньше я хочу, чтобы он взорвал целый горный хребет только ради того, чтобы привлечь внимание Бога.

— И разрушил экологию как раз тогда, когда она начала понемногу налаживаться, — вставила Джоди.

Снег перестал кружиться вокруг нас. Вентиляторы автомобиля разогнали его. Я нажал на рычаг управления, и машина развернулась на сто восемьдесят градусов, затем потянул рукоятку на себя и снова толкнул вперед. Аппарат поднялся над деревьями и начал разгоняться, направляясь на юго-восток.

Я заговорил:

— В самом Шайенне мы будем в безопасности. В конце концов, Дейв тоже будет там. Как ты думаешь, стоит нам позвонить ему и предупредить, что мы летим, или лучше попытаться застигнуть его врасплох?

— Если мы скажем ему, что едем туда, он просто спрячется, — возразила Джоди.

— Но он, возможно, и не взорвет бомбу, если дать ему знать, что вы находитесь в зоне действия ударной волны, — предположила Гвен.

— Ты уверена? — усомнился я. — Как ты думаешь, насколько сильно он съехал с катушек?

— Возможно, он и ненормален, — ответила Гвен. — Я не знаю. Все эти события очень сильно повлияли на нашу психику. Сомневаюсь, что хоть один из нас действует абсолютно рационально, но откуда мы сейчас можем знать, что рационально, а что — нет? Мы оказались в совершенно новых условиях.

— Не думаю, что взрыв ядерной бомбы — рациональное действие, — заметила Джоди.

— Даже если ему удастся таким образом заставить Бога вспомнить о нас?

— Особенно в этом случае.

Гвен криво усмехнулась:

— Это высказывание тоже не совсем рационально, Джоди.

— Но я так чувствую.

— А Дейв, вне всякого сомнения, чувствует, что обязан заставить Господа Бога вернуться за ним.

— Разумеется. А вот я считаю, что обязана остановить его.

Кивнув, Гвен сказала:

— Но только не дайте Дейву прикончить заодно и вас.

Джоди рассмеялась:

— Ну, это в каком-то смысле аннулирует и саму цель, верно?

Мы летели над продуваемой ветрами долиной, расположенной в сотне километров к северо-западу от Шайенна, когда над горизонтом возник ядерный гриб.

В первую секунду я был слишком потрясен и даже не мог пошевельнуться; я смотрел, как над землей вздымается огненный шар, как дрожит и волнуется поверхность растущего облака. Затем, вспомнив, где мы находимся, я вскрикнул: «Господи!» — и рванул ручку аварийного снижения, расположенную под приборным щитком. Мне в первый раз приходилось совершать аварийную посадку. Из дверей и крыши выросли подушки безопасности; меня с силой швырнуло на сиденье, и вид из окна оказался полностью скрыт на десять или пятнадцать ужасных секунд, пока срабатывал автоматический цикл приземления и мы камнем падали на землю. Машина сильно подпрыгнула, словно пробка, упавшая в воду, затем с хрустом рухнула на землю. Воздушные подушки всосало обратно в гнезда, и я упал вперед, на приборную доску. Машина накренилась вперед примерно на тридцать градусов.

Джоди уперлась руками в лобовое стекло, чтобы не упасть. Выглянув в окно, она сообщила:

— Мы сидим на кусте полыни.

Я посмотрел в окно со своей стороны. Верно; задняя часть машины застряла на небольшом кусте с изогнутыми узловатыми ветками. Не очень удачное положение для противостояния ударной волне. Я завел мотор и потянул рычаг, пытаясь взлететь с куста, и со звуком, подобным грохоту кубиков льда в шейкере, машина разнесла куст в клочья, разбросав вокруг кусочки серо-голубых листьев. Через вентиляторы в кабину проник запах полыни, от которого на глаза у нас навернулись слезы. Однако мы поднялись над землей, и ветер снес нас на несколько метров вперед, прежде чем я снова смог посадить аппарат. Мы сидели, наблюдая, как растет облако, и ждали, пока ударная волна достигнет нас.

Мы ждали и ждали. Ветер немного изменился, затем задул снова, и через некоторое время мы поняли, что так далеко от места взрыва мы ничего не почувствуем. Я осторожно поднялся на несколько метров над землей и снова направился на юго-восток. После эпизода с кустом полыни машина странно вибрировала, но все же летела.

Ядерное облако двигалось перед нами на восток, и порывы ветра медленно разрывали его на куски. Однако мы летели быстрее ветра и, приближаясь, поняли, что бомба взорвалась поблизости от Шайенна.

Джоди с озабоченным видом посмотрела на меня.

— По-моему, Гвен сказала, что он направит ракету на Небраску.

Меня тоже охватило беспокойство.

— Возможно, она взорвалась в шахте.

— Хорошо бы позвонить и убедиться, что с ним все в порядке.

Я не хотел лишаться шанса застать Дейва врасплох, но решил, что, если он пострадал, мы должны это знать.

— Ладно, — сказал я, и Джоди набрала его номер.

Когда в трубке прозвучало полдюжины гудков, я начал серьезно волноваться, но затем дисплей телефона замерцал и перед нами возникло лицо Дейва.

— Дейв слушает, — произнес он.

На лице Джоди появилось суровое выражение.

— Мне позвонил Бог и велел передать тебе, чтобы ты это прекратил.

На какое-то мгновение на лице Дейва расцвела надежда. Затем он нахмурился и огрызнулся:

— Очень смешно. Ты позвонила мне только затем, чтобы поиздеваться, или у тебя есть что-то важное?

— Мы хотим узнать, как у тебя дела. Похоже, что взрыв произошел очень близко к городу.

— Взрыв произошел прямо в городе, — ответил Дейв. — Во всяком случае, на базе ВВС, что практически то же самое. Ни одна ракета не могла взлететь, так что я просто взорвал один из зарядов прямо на месте.

— А сам ты где был? — удивился я.

Дейв рассмеялся:

— В Колорадо-Спрингс. В центре управления Объединенного командования ПВО. Сейчас у меня над головой слой камня толщиной в полмили, это я говорю на случай, если вы думаете остановить меня.

Дразнящим тоном Джоди произнесла:

— А ты не боишься, что Господь снова про тебя забудет?

Дейв покачал головой:

— Вы не поверите, какое у них здесь шпионское оборудование. С помощью спутников я могу наблюдать за всей планетой. Если Он появится, я это увижу и взорву еще одну бомбу, поближе. Он поймет, где я.

Так же, как поняли и мы. Я направил аппарат на юг.

— А ты никогда не задумывался, как относится Господь к ядерным бомбам? — спросила у него Джоди. — Разрушение такого большого куска Его творения может свести Его с ума.

— Я готов пойти на этот риск, — ответил Дейв.

— Но ты идешь на это от имени всех нас, а я не согласна.

— Сейчас ты против, — возразил Дейв, — а потом, когда у меня получится, ты будешь благодарить меня.

— А что будет, если у тебя ничего не выйдет? Никто из нас не скажет тебе спасибо за огромный выброс радиации. Нам предстоит здесь жить, Дейв. И тебе, вероятно, тоже.

Он рассмеялся:

— Когда-то так считали и экологи. Мы перестали вырубать леса, использовать каменный уголь, и что теперь? Экологи исчезли, а леса и каменный уголь остались. Вся эта охрана среды оказалась напрасной тратой времени и сил.

Я не мог поверить своим ушам.

— Ты и вправду так считаешь?

— Да, считаю.

— Тогда дела у тебя обстоят еще хуже, чем я думал.

Дейв прищурился.

— Да зачем я с тобой вообще разговариваю? — Он наклонился вперед, и изображение, мигнув, погасло.

Джоди обернулась ко мне:

— Не думаю, что его легко будет уговорить. Если он находится в центре управления ПВО, то мы вряд ли сможем добраться до него.

— Когда прилетим туда, придумаем что-нибудь на месте, — ответил я.

Я пытался убедить не только ее, но и себя. Я понятия не имел, что теперь делать, но что нам оставалось?

Как ни неопределенны были наши планы, машина неожиданно внесла в них изменения; это произошло к югу от границы Вайоминга и Колорадо. Вибрация в задних вентиляторах постоянно усиливалась, и я снизился, почти прижавшись к земле, чтобы уменьшить нагрузку на них. Я надеялся добраться до какого-нибудь города, прежде чем они окончательно откажут, но значительно севернее Форт-Коллинза правый вентилятор со скрежетом остановился. Машина накренилась вправо, ударилась о землю, развернулась на сто восемьдесят градусов и окончательно заглохла. Снова со свистом надулись подушки безопасности. Внезапно подушка, расположенная перед Джоди, с громким треском лопнула, и Джоди, вскрикнув от неожиданности, упала головой вперед на ветровое стекло.

— Джоди!

Я попытался дотянуться до нее, но подушки не давали мне пошевелиться. Машину занесло вбок, и она остановилась, но, поскольку мы перевернулись вверх ногами, подушки сдувались медленно, чтобы не дать нам упасть на крышу и сломать себе шею. Мне удалось протиснуться сквозь щель между той, которая находилась передо мной, и той, что выросла между сиденьями. Джоди лежала в углублении, образованном крышей и выгнутым лобовым стеклом, лицо ее было залито кровью, струившейся из раны на лбу. Она пыталась схватиться за что-нибудь, чтобы сесть.

Первой моей мыслью было, что ей следует лечь, на тот случай, если она повредила шею или позвоночник, но затем я понял, что для этого в машине нет места и ей лучше сидеть прямо. Я взял Джоди за руку, помог развернуться и сесть на крышу. Сиденья оказались у нас над головой.

— Ничего не сломала? — спросил я, шаря в щели между сиденьями и полом в поисках аптечки.

— Не знаю. — Она пошевелила руками и ногами, затем ответила: — Вроде бы все цело.

Джоди поднесла руку ко лбу, чтобы кровь не заливала глаза, поморгала, пытаясь разлепить ресницы.

— Глаза в порядке, — сообщила она через мгновение.

Она говорила слегка невнятно, но совершенно спокойно — все мы много лет отрабатывали поведение в чрезвычайных ситуациях.

Я никак не мог найти аптечку, поэтому оторвал полосу ткани от своей рубашки и с ее помощью промокнул кровь, лившуюся из раны. Джоди поморщилась, когда я приложил к ее лбу тряпку, но, прежде чем кровь выступила снова, я, к своему облегчению, увидел только мышцы, но не кость.

— Думаю, жить ты будешь, — объявил я, стараясь не выдать беспокойства.

Вряд ли травма была смертельной, но ночь под открытым небом зимой в Колорадо могла и убить Джоди. Я наклонился, чтобы выглянуть в окно. Солнце висело довольно высоко над горами. До заката оставалась еще пара часов, но вокруг не видно было жилья, и я понятия не имел, долго ли идти до ближайшего поселения. Ветер здесь был слабее, чем там, на севере, но все же дул достаточно сильно. Наша машина уже начинала терять тепло.

Джоди думала о том же, о чем и я.

— Я вдруг перестала радоваться тому, что наша планета необитаема, — призналась она.

— Пока ничего страшного не произошло, — возразил я. — Ну, во-первых, планета не совсем необитаема. — Я включил находившийся в машине телефон, набрал вверх ногами номер и стал ждать, надеясь, что контакт передатчика с антенной, находившейся под нами, не нарушен.

— Кому ты звонишь? — спросила Джоди. — Дейву?

— Именно. Он ближе всего к нам.

— А почему ты думаешь, что он нам поможет?

— Не знаю, поможет он нам или нет, но спросить мы можем, хуже не будет.

Мы ждали десять-пятнадцать секунд, аппарат пытался установить соединение. Наконец на ветровом стекле возникло мерцающее, подернутое «снегом» призрачное лицо, и голос Дейва, искаженный помехами, произнес:

— Что опять?

— Это Грегор, — отозвался я. — У нас произошла авария к северу от Форт-Коллинза. Джоди ранена. Ты можешь за нами приехать?

Перевернутое лицо подозрительно оглядело нас.

— Это уловка, чтобы выманить меня отсюда?!

— Нет, не уловка, — сказала Джоди. — Посмотри на это.

Она наклонилась к «глазку» камеры и убрала со лба пропитанную кровью тряпку. Выражение лица Дейва стало более сочувственным, но подозрительность не исчезла.

— Мне жаль, — произнес он. — Вы сами в это вляпались, так что можете сами и выпутаться.

Я воскликнул:

— Дейв, мы не просто просим о любезности. Мы можем умереть здесь от холода.

— Хватит мелодрамы. Вы такие предусмотрительные... — на секунду изображение исчезло, затем возникло снова, — ...должны были взять с собой пальто, шапки и все такое.

— Мы сидим в перевернутой машине среди чистого поля, а ты советуешь нам надеть пальто? Черт побери, Джоди ранена! Нам нужно в больницу, проверить, не сломала ли она что-нибудь. У нее могут быть повреждения внутренних органов.

По искаженному, перевернутому изображению трудно было разгадать настроение Дейва. Мне показалось, что он хмурится, затем на какое-то мгновение выражение его лица изменилось.

— Хорошо, — произнес он. — Я приеду. Мне потребуется некоторое время, чтобы выбраться из горы, и еще час или два, чтобы добраться до вашего поля и найти вас. Сидите на месте. — И, прежде чем я или Джоди успели что-то еще сказать, он отключился.

Несколько минут я размышлял о внезапной капитуляции Дейва. Что-то здесь мне не нравилось, и очень скоро я понял, что именно.

— Этот негодяй не собирается приезжать за нами.

Джоди резко обернулась ко мне:

— Что? Он же только что сказал...

— Он хочет, чтобы мы подумали, будто он едет, а сам станет дожидаться, пока мы замерзнем насмерть. Ну представь себе. Самый верный способ привлечь внимание Бога — это прислать к Нему парочку свеженьких душ, чтобы они постучались за Дейва во врата рая!

— Но... он... он способен на это?

— Разумеется способен. Он сам только что выдал себя. «Некоторое время» он будет выбираться из горы, еще «некоторое» — лететь сюда и еще — искать нас. Уж он постарается, чтобы это время оказалось долгим. Потом, добравшись сюда, он сможет честно сказать, что пытался спасти нас, но опоздал.

Джоди покачала головой:

— Нет, я не верю, что он так поступит.

— А я верю. И не собираюсь сидеть здесь и ждать смерти.

— Так что же ты намерен делать?

Я сунул руку под задние сиденья и вытащил наши пальто. Помогая Джоди одеться, я объяснил:

— Я хочу пешком добраться до Форт-Коллинза и поискать там дом или исправную машину. Я не буду уходить слишком далеко и рассчитаю время так, чтобы вернуться до захода солнца.

Она обдумала мое предложение, затем сказала:

— Хорошо. А пока ты ходишь, я позвоню Гвен и выясню, сможет ли кто-нибудь еще помочь нам.

— Отлично.

Я натянул пальто, шапку и перчатки, затем открыл окно и вылез на мерзлую землю. Порыв ледяного ветра тотчас намел в кабину снега. Я наклонился, чтобы поцеловать Джоди, затем отодвинулся и, убедившись, что она плотно закрыла окно, поднялся на ноги.

Машина продолговатым пятном выделялась на фоне заснеженного поля; я подумал, что без труда найду ее, если вернусь засветло. Я зашагал в ту сторону, где, по моим расчетам, находился город, время от времени оборачиваясь, чтобы убедиться, что на обратном пути замечу машину. Наконец она скрылась за холмом. В предгорьях Скалистых

гор, расположенных на территории Колорадо, гораздо меньше снега, чем в Йеллоустонском парке, но его было достаточно, чтобы оставить четкие следы. Их должно было замести лишь через несколько часов, так что на этот счет я не волновался. Я тащился вперед, засунув руки в карманы и наклонив голову набок, чтобы ее не унесло ветром, и высматривал какие-нибудь признаки цивилизации.

По дороге я представлял себе, как возненавижу примитивную жизнь, когда все механизмы начнут разрушаться. К тому времени, когда я достигну старости, мне скорее всего придется передвигаться исключительно пешком. Возможно, я даже буду жечь костер, чтобы согреться, — это зависит от того, сколько времени продержатся энергоустановки. Неудивительно, что Дейв так отчаянно пытается привлечь внимание Господа Бога.

Я подумал о Джоди, которая ждет меня в машине, о том, что она может погибнуть от потери крови или переохлаждения, прежде чем я вернусь. В этот момент я не возражал бы, чтобы Господь наблюдал за нами, разумеется, если Он действительно намерен помочь нам в случае необходимости. Но даже если Он не захочет — или не сможет — вмешаться, мысль о том, что после смерти я встречу Джоди, послужит мне некоторым утешением. Это будет слабое утешение — ведь при жизни я не буду уверен, что встреча произойдет, но надежда поможет мне протянуть еще немного.

Мне пришло в голову, что, если Джоди умрет, мне стоит присоединиться к Дейву в его попытках. Но я не верил, что она умрет. Мне нужно лишь найти какое-нибудь укрытие, и все будет в порядке.

В конце концов в неглубокой долине я обнаружил то, что искал: дом и амбар, окруженные группой высоких тополей. Перед домом были припаркованы две машины, и от шоссе, находившегося слева, вниз к дому вела длинная извилистая дорога. Я продолжил идти через поля, направляясь прямо к ферме.

До дома оказалось дальше, чем я думал, но я добрался до него как раз в тот момент, когда солнце коснулось горных вершин. Дом был не заперт, что избавило меня от необходимости взламывать дверь. Внутри стоял холод, но

после улицы мне показалось, что здесь замечательно тепло. Я хотел было позвонить Джоди, но, вытащив телефон, обнаружил на экране большую трещину; дисплей не светился. Очевидно, я упал на него во время аварии. Телефон, находившийся в доме, также не работал; это было неудивительно после четырех подобных зим. Но у черного хода я обнаружил на крючке связку ключей, взял ее с собой и попытался завести машины.

На подъездной дорожке стояли машина на воздушной подушке и четырехколесный пикап. Летательный аппарат вышел из строя, как и телефон; но пикап медленно тронулся вперед, когда я повернул ключ. Я нажал на сцепление, попробовал еще раз и был вознагражден рычанием набирающего обороты двигателя. Топлива осталось маловато, но я решил, что мне хватит, чтобы забрать Джоди и вернуться сюда.

Пока разогревался двигатель, я пошарил в «бардачке» в поисках работающего телефона, но обнаружил лишь несколько гаечных ключей и предохранителей. Это не утешало. Я медленно выжал сцепление, и машина тронулась с места; сделав круг по подъездной дорожке, я двинулся в сторону шоссе, подпрыгивая и раскачиваясь на ухабах. Я слышал, что колесные транспортные средства легко застревают в снегу, поэтому решил как можно дольше ехать по дороге, не сворачивая на поле.

Это была хорошая идея, и она бы сработала, если бы примерно через километр, там, где дорога пересекала дно долины и начинала подниматься вверх, я не уперся в огромный снежный занос. Я слишком поздно заметил, что дорога не повторяет очертаний местности, и внезапно пикап ткнулся носом в сугроб, дрожа, преодолел еще несколько метров и остановился, окончательно увязнув. Я не мог двинуться ни вперед, ни назад, даже если бы оставил машину включенной, вышел бы и толкал ее.

Разумеется, в пикапе не было лопаты. Мне оставалось лишь возвращаться к дому за инструментом. Проклиная свою глупость и недальновидность, я пошел обратно по следам колес.

Когда я подошел к дому, уже начинало темнеть, и я, порыскав по ящикам в кухне, обнаружил исправный фона-

рик, затем отправился в сарай и нашел там лопату. Затем я побежал к пикапу и начал откапывать его, надеясь, что Джоди еще не беспокоится обо мне. До нашей машины было не больше двух километров; если я буду осторожен и не застряну снова, думал я, то доберусь до нее за несколько минут.

Я как раз прокопал колею для левого колеса и начал рыть вокруг правого, когда заметил приближавшуюся с юга яркую точку. Огонек пронесся мимо меня, продолжая снижаться, он направлялся прямо к месту аварии. Дейв.

— Будь я проклят, — произнес я вслух. — Он и в самом деле приехал.

Я на несколько секунд прислонился к кузову, переводя дыхание. Теперь не было необходимости надрывать спину; он и Джоди, наверное, скоро заберут меня отсюда.

Конечно, если смогут найти. С воздуха им будет нелегко различить мои следы, а если они не заметят фермы, то вполне могут не заметить меня и пикап на дороге.

Я залез в кабину и включил фары. Это должно помочь им. Но я все же продолжил копать.

Спустя десять минут я закончил со вторым колесом. Дейв и Джоди почему-то не приходили за мной. Я забрался в машину, включил мотор, выжал сцепление, но пикап не тронулся с места.

Я снова вышел наружу и взялся за лопату, на этот раз пришлось раскапывать снег снизу. Это заняло еще четверть часа. Когда я снова попытался тронуться вперед, пикап немного пошевелился, и я несколько раз двинулся вперед и назад, пока он не поехал, затем рванул вперед так быстро, как только мог.

Дейв оставил посадочные огни гореть. Я заметил их, как только добрался до гребня холма, — фары светили прямо на нашу перевернутую машину. Я разглядел рядом с машиной какую-то фигуру, но не мог разобрать, Дейв это или Джоди.

Дорога свернула вбок. Проклиная свою злую судьбу, я дал полный газ и съехал с дороги, подскакивая на камнях и кустарнике, пытаясь рулить в те моменты, когда колеса касались земли. Колеса буксовали, двигатель протестующе

скрежетал, но я вцепился в рычаг управления и не выпускал его, пока никак несся к летательным аппаратам. Подъехав ближе, я увидел, что это Дейв стоит в свете фар, а Джоди лежит на земле перед ним. Она не шевелилась.

Я рывком открыл «бардачок» как раз в тот момент, когда машина наскочила на особенно глубокую колдобину, и ключи рассыпались по сиденью и полу. Я схватил правой рукой самый тяжелый, резко затормозил рядом с машиной Дейва, выскочил на ходу и крикнул:

— Что ты с ней сделал?

Он даже не попытался защищаться. Он остался стоять на месте и с блаженной улыбкой произнес:

— Давай. Это уже не имеет значения. Я даже скажу Богу, что заслужил это.

— Ты не с Богом будешь там разговаривать! — прорычал я.

Я занес гаечный ключ, чтобы проломить Дейву череп, но он даже не шевельнулся, и я почувствовал, что не в силах убить его, несмотря на то что Джоди лежала на земле перед нами.

Он снял с нее пальто и перчатки. Ее лицо и руки были белы как снег, и из открытого рта не поднимался пар от дыхания.

— Нам сразу следовало сообразить, что одному из нас надо пойти к Богу и попросить Его забрать остальных, — объяснил мне Дейв, когда я наклонился над распростертым телом и пощупал шею в поисках пульса. — Я бы отправился сам, как только эта мысль пришла мне в голову, но Джоди уже была в таком состоянии, что я подумал: а почему бы не пойти ей? Ведь не имеет значения, кто пойдет.

Я не обнаружил на ее теле ран, кроме той раны на лбу. Должно быть, она была без сознания, когда он прилетел, или он чем-нибудь оглушил ее. Я не мог найти пульс, но пальцы мои так окоченели, пока я копал снег, что я вряд ли нашел бы пульс и у себя самого. Я склонился над Джоди и прижал щеку к ее губам, пытаясь услышать дыхание, но ничего не почувствовал. Не зная, что еще предпринять, я приложил губы к ее губам и попытался сделать искусственное дыхание.

Дейв схватил меня за воротник:

— Нет, этого я не могу тебе позволить. Я не дам тебе вернуть ее обратно, пока мы не убедимся, что она выполнила свою задачу.

Одним молниеносным движением я поднялся на ноги и ударил Дейва в висок плоской стороной ключа. Голова его откинулась набок, и он с глухим стуком упал на спину; вокруг тела взвихрился снег. Я вернулся к Джоди.

Пять раз надавить на грудь, вдох, пять раз нажать, вдох, еще и еще. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем она вздрогнула, сама сделала вдох и застонала.

Я завопил от радости, поднял ее на руки, отнес в машину Дейва, усадил на пассажирское сиденье и включил обогреватель на полную мощность.

Я обежал аппарат и залез в кабину с другой стороны. Когда я хлопнул дверью, Джоди очнулась и вскрикнула, но затем узнала меня и откинулась на спинку сиденья.

— Господи Иисусе, как ты меня напугал, — сказала она. — Мне снился какой-то дьявольский, безумный сон... погоди-ка. — Она огляделась по сторонам — машина была гораздо больше той, в которой мы прилетели. — Это машина Дейва, — сообразила она секунду спустя. — Он и в самом деле пришел.

— Верно, а еще он вытащил тебя наружу умирать.

Я выглянул в окно, чтобы убедиться, что он все еще лежит там, где упал. Едва я успел сообразить, что тело исчезло, как дверь рядом со мной рывком распахнулась, и в проеме возник Дейв с моим гаечным ключом в руке.

Я схватился за рычаги, пытаясь подняться в воздух, но, прежде чем летательный аппарат успел тронуться с места, негодяй добрался до меня и ударил ключом по руке.

— Никуда ты не пойдешь, — сказал он. — Вылезай. Мы закончим этот эксперимент, так или иначе.

Я подхватил левой рукой внезапно онемевшую правую кисть, пытаясь понять, смогу ли я стиснуть ее в кулак и что можно в таком случае будет сделать этим кулаком.

Джоди наклонилась, чтобы Дейв мог видеть ее.

— Эксперимент уже закончен, — сказала она.

— Что ты хочешь сказать? Неправда. Ты же еще жива.

Она рассмеялась:

— Я снова вернулась в этот мир, идиот. Я была мертва. Я побывала там. Я видела эти твои драгоценные врата в рай, и они были накрепко заперты.

— Мертва? — воскликнул я.

— Заперты? — воскликнул Дейв.

— Ага.

Джоди взглянула на Дейва, и в глазах ее зажглись мрачные огоньки.

Дейв выпустил ключ, и тот упал на землю. Тихим голосом он произнес:

— Пустите меня. Здесь холодно.

Я несколько мгновений обдумывал его просьбу, и мне очень хотелось еще немного подержать его на морозе, но Джоди сказала:

— Пусти, я хочу ему еще кое-что сказать.

Я поднял спинку своего кресла и дал Дейву пролезть на заднее сиденье. В тот момент, когда он уселся, я рванул рычаг набора высоты, и мы поднялись в воздух метров на сто.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Хочу подняться повыше, так что подумай дважды, прежде чем затевать какую-нибудь гадость, — ответил я.

— Он ничего нам не сделает, — возразила Джоди. — Ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Откуда такая уверенность? — удивился я.

Она ухмыльнулась, подобно целой стае волков, окружившей оленя.

— Потому что если он что-нибудь затеет, ему самому будет только хуже. Если ты думаешь, что здесь, по эту сторону, одиноко, подожди, пока не увидишь того, что ждет нас на той стороне.

— Что? — воскликнул Дейв, пытаясь просунуться между сиденьями. — Что ты там увидела?

Казалось, Джоди смотрит куда-то далеко-далеко.

— Я видела место, где когда-то находился рай. В конце длинного темного туннеля. На самом деле там нет ворот; скорее это такое... такое место. Трудно это объяснить тому, кто сам не видел. Но я могу сказать, что должна была попасть туда, и могу сказать, что путь туда закрыт.

— Навсегда? — уточнил Дейв.

— Похоже, что да. Там осталось лишь воспоминание о вратах и никакого обещания того, что они откроются снова. Так что я развернулась и пошла назад, но не сразу смогла найти обратную дорогу. Я некоторое время блуждала там, прежде чем споткнулась о порог. Если бы Грегор не помогал моему телу работать, думаю, я так и не нашла бы выход.

— А где именно ты блуждала? — спросил Дейв. — На что это было похоже?

— На туман, — ответила Джоди. Когда она продолжила, голос ее дрожал: — Я была всего лишь точкой в бесформенном, безмолвном сером тумане. Там нет ни звуков, ни запахов; у меня даже не было тела, с помощью которого можно слышать, ощущать запахи, чувствовать прикосновения. Я даже не знаю, видела ли я вообще что-нибудь. Там нечего было видеть.

— Тогда откуда ты могла знать, где ты?

— А откуда ты знаешь, где твой подбородок? Я была там, и все. — Джоди отвернулась от него и откинулась на спинку сиденья. — Послушай, я устала, у меня голова болит, и сегодня я слишком много времени провела на том свете. Я просто хочу отдохнуть. Я расскажу тебе все завтра.

Я понял намек и направил машину в сторону города, в поисках больницы.

Позже, перевязав Джоди голову и убедившись, что с ней все в порядке, мы заняли номер для новобрачных на верхнем этаже отеля «Хилтон» в Форт-Коллинзе. Дейв поселился этажом ниже. Я хотел было посадить его в городскую тюрьму, но Джоди не позволила мне.

— У него вырваны зубы, — сказала она, когда мы лежали на огромной кровати, накрывшись дюжиной одеял для тепла и окружив себя множеством свечей. — Теперь он поверит всему, что я скажу. А кроме того, он нам нужен. Лучшее, что мы можем сделать, — это относиться к нему как к вылечившемуся алкоголику или кому-то вроде этого и просто вернуть его в нашу жизнь как можно быстрее.

— Вернуть его в нашу жизнь? — недоверчиво переспросил я. — После того, что он с тобой сделал? Он убил тебя. Ты умерла!

Она хихикнула:

— Ну, в этом я не совсем уверена.

— Не уверена? А как насчет темного туннеля, ворот в рай и тому подобного?

Джоди понизила голос и шепотом ответила:

— Ничего я не видела. Я сказала Дейву то, что он хотел услышать. Ну, во всяком случае то, что он должен был, по моему мнению, услышать.

Я уставился на нее в мерцающем свете свечей, ошеломленный этими словами.

Она пожала плечами:

— Я ничего не помню с того момента, как Дейв вырубил меня, до той минуты, когда я очнулась рядом с тобой.

— Точно?

— Точно.

— Тогда ты гениальная актриса.

— Просто необходимо было убедить его.

Я подумал.

— Несмотря на то что мы сами ни в чем не уверены?

— В каком смысле?

— Ты хотела убедить Дейва, но мы по-прежнему на том же месте, что и прежде. Мы все так же не знаем, что ждет нас после смерти.

Джоди снова хихикнула и теснее прижалась ко мне под одеялами.

— Значит, Господь справедлив, если Он существует, конечно, — ответила она. — В конце концов, ведь я агностик. Я получила то, чего хотела.

ДЖИН ВУЛФ

Беззвучный режим

Джин Вулф, известный своей многотомной эпопеей «Книга Нового Солнца» («The Book of the New Sun»), является автором более чем двухсот рассказов и тридцати романов, а также дважды лауреатом премий «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези. Майкл Суэнвик назвал его «величайшим англоязычным писателем современности». Среди недавних работ Вулфа романы «Рыцарь» («Knight»), «Чародей» («The Wizard»), «Воин Сидона» («Soldier of Sidon») и «Пират» («Pirate Freedom»).

«Беззвучный режим» — это история о двух детях, вернувшихся в опустевший дом и вынужденных очень быстро повзрослеть. Впервые рассказ был опубликован в брошюре Всемирного хоррор-конвента (World Horror Convention) 2002 года, на котором Джин Вулф был почетным гостем.

В этой же брошюре Нил Гейман предложил несколько советов о том, как следует читать Джина Вулфа. Вот первые два:

«1. Слепо доверьтесь тексту. Все ответы — там.

2. Не доверяйте тексту ни на грош, нет — ни на полгроша. Этот текст — штука ненадежная, коварная, того и гляди, взорвется прямо в руках».

Следуйте этим советам, когда будете читать рассказ. А добравшись до последней строчки, воспользуйтесь еще одной рекомендацией Геймана:

«Перечитайте. Со второго раза оно лучше».

Джил не была уверена, автобус ли это, хотя по форме вроде бы автобус, да и по цвету тоже. Начать с того (сказала она себе), что мы с Джимми тут единственные пассажиры. Если это школьный автобус, почему нет других детей? А если это автобус «платить-при-входе», отчего никто не входит? Вот знак «Автобусная остановка». Но странный транспорт даже не притормозил.

Дорога была прямая, но вся в трещинах и ямах, поэтому ехали очень медленно. Кроны деревьев так густо разрослись, что скрывали солнце. На пару мгновений оно вдруг осветило крышу автобуса и потом вновь скрылось.

Похоже, насовсем.

Вокруг ни легковых машин, ни грузовиков, ни джипов, ни других автобусов. Мимо проплыл ржавый знак с изображением девочки на лошади, но ни девочки, ни лошади не показались поблизости. Олень с большими, невинными глазами стоял под знаком с нарисованным скачущим двойником и глядел, как их автобус (если это правда автобус) громыхает по проезжей части. Джил вспомнила картинку в книжке: девочка с длинными белокурыми волосами обнимает за шею вот такого же оленя. Этой девочке везло только на нехороших зверей и жутких, уродливых личностей. И Джил решила, что художник просто сжалился над бедняжкой и подарил ей вот такого милого друга. От ужасов на других иллюстрациях захватывало дух, так что Джил всегда возвращалась к этой, доброй. Дурных вещей в мире очень много, но и хорошие встречаются.

— Помнишь рыцаря, который свалился с коня? — прошептала она брату.

— Ты в жизни не видела рыцарей, Джелли. И я тоже.

— У меня в книжке. Все, кого встречала та девочка, были ужас какие, но рыцарь ей понравился, а ему понравилась...

Голос водителя оборвал ее на полуслове:

— Тут вот поблизости ваша матушка похоронена.

Из динамиков послышался кашель. Джил прилипла к окну, но увидела только деревья.

Тогда она попыталась вспомнить маму. Ни четкого образа, ни голоса, ни ласковых домашних прозвищ. Но ведь мама была. Их мама. Ее мама. И Джил любила маму, а та любила Джил. Никогда не забуду об этом, пообещала она себе. Такое нельзя хоронить.

Деревья поредели, являя высокую каменную стену с чугунными резными воротами. По бокам красовались каменные колонны со сверкающими статуями львов на каждой. Чугунная табличка на чугунных прутьях гласила: «Тополиный холм».

Ворота, табличка, колонны, львы исчезли, прежде чем Джил перевела дыхание. Каменная стена тянулась и тянулась, обрамленная деревьями снаружи и с еще большим их количеством по ту сторону. Снаружи ольха, определила Джил. А за стеной разрослись березы. Ни одного тополя.

— Я ведь не читал твою книжку со сказками. Все собирался, но так и не прочел. Хорошая книжка?

Заметив выражение ее лица, Джим обнял сестру за плечи.

— Ну, подожди немного, Джелли, ладно? Может, нам ее еще пришлют.

Когда слезы высохли, Джил заметила, что автобус свернул и взбирается по узенькой извилистой дороге меж деревьев. Вот он притормозил перед поворотом, вот притормозил опять. Снова поворот. За широким лобовым стеклом показался большой дом. Мужчина в твидовом пиджаке стоял у черного хода (по крайней мере, так это выглядело) и попыхивал трубкой.

Водитель закашлялся и сплюнул.

— А вот дом вашего папочки,— объявил он.— Он будет рад вас видеть. Так что будьте паиньками, чтоб ему не пришлось жалеть, что вы приехали, ясно?

Джил кивнула.

Автобус остановился, раскрылись двери.

— Не забудьте свои вещи.

Джил и не забыла бы. В сумке умещалось все, что ей позволили взять с собой, совсем не тяжелое. Брат уже выскочил наружу со своими пожитками, и дверь автобуса захлопнулась.

Джил уставилась на черный ход. Никого здесь не было.

— Папа только что стоял тут, я видела.

— А я нет,— отозвался Джим.

— Он стоял в дверях и ждал нас.

Брат пожал плечами:

— Может, телефон его отвлек.

Разворачиваясь, автобус сдал назад, потом вперед, потом снова назад и покатил обратно.

Джил замахала руками.

— Стойте! Подождите минутку!

Если водитель и слышал, то виду не подал.

— Идем в дом.— Брат размашисто зашагал к входу.— Наверно, он ждет нас там.

— А может, дом закрыт.— Джил с неохотой пошла следом.

Она ошиблась. Дверь даже не была толком притворена. Ее как будто нарочно держали нараспашку, позволяя ветру хозяйничать: пол на кухне устилали листья. Дверь Джил закрыла хорошенько, плотно.

— Он, наверное, где-то дальше, — донесся ломавшийся голос брата.

— Если бы он говорил по телефону, мы бы слышали.

— А если он слушает? — Джим на кухне уже осмотрелся и вышел. — Идем!

А вот Джил еще только оглядывалась. Конфорки электрической плиты алели ярче некуда, в холодильнике мерзли кусок сыра и пара бутылок пива, шкаф ломился от консервов. На кухне в изобилии имелись тарелки, кастрюли, противни, ножи, ложки и вилки.

Брат вернулся.

— Телевизор в гостиной работает, но там никого нет.

— Папа где-то здесь, — настаивала Джил. — Я же его видела.

— А я нет.

— Но я-то видела.

Она прошла за братом в просторный коридор с высокими темными окнами по одну сторону, за массивными дверями обнаружила столовую, где никто не обедал, и, оказавшись в залитой светом огромной гостиной, пришла к выводу, что полдюжины водителей спокойно разместили бы здесь полдюжины своих автобусов.

— Все это сделал человек, — заключила она, оглядываясь.

— Что именно?

— Все это. Человек выбрал мебель, ковры, ну, в общем, все.

Брат вытянул руку.

— Смотри-ка. Кресло из рогов. Клевое.

Джил кивнула:

— Да. Но я бы такое не купила. Комната — это рама, а люди в ней — картина.

— Ты сошла с ума.

— Вовсе нет.

— Ты говоришь, папа накупил всего, чтобы выглядеть хорошо.

— Чтобы выглядеть правильно. Нельзя заставить людей выглядеть хорошо. Что не дано, то не дано. Ничего не поделаешь. Но можно помочь им выглядеть правильно, а это куда важнее. Все выглядят правильно в правильном месте. Вот у тебя есть фото папы...

— У меня его нет.

— Представь, что оно у тебя есть. И ты собрался поместить его в рамку. А торговец предлагает выбрать любую. Ты бы взял чернильную, с серебряными цветочками?

— Черт, нет!

— Вот именно. Но для своей фотографии я бы именно такую и взяла.

Брат заулыбался:

— Однажды я так и сделаю, Джелли. Телевизор видела?

Она кивнула:

— Когда мы вошли. Только этого дяденьку совсем не слышно, звук-то выключен.

— Значит, отец говорит по телефону.

— В другой комнате?

Телефон стоял на краю стола рядом с телевизионной тумбой. Джил сняла трубку и поднесла к уху.

— Ну как? Слышишь его?

— Нет. — Осторожно она вернула трубку на место. — Телефон выключен.

— Что ж, значит, я ошибся.

Бессмыслица какая-то, но Джил слишком устала, чтобы спорить.

— Вряд ли он вообще здесь, — добавил Джим.

— Телевизор же работает. — Она опустилась в деревянное кресло с коричнево-оранжевыми подушками. — Это ты включил свет?

Джим покачал головой.

— И потом, я видела его у входа.

— Ладно. — Брат помолчал немного. Он был как папа, высокий и светловолосый, с лицом, которое создано для серьезного выражения. — Если бы он уехал, я бы услышал звук мотора. Я прислушивался.

— Я тоже.

Джил не говорила, но ощущение чьего-то присутствия в этом доме все время заставляло ее прислушиваться. Слушать. Слушать. Постоянно.

«Беззвучный режим», молчаливо сообщал экран.

— Я хочу знать, о чем говорит этот дяденька, — сказала Джил брату.

— Звук выключен, а пульта нигде нет. Я уже искал.

Джил молча откинулась на коричнево-оранжевые подушки и уставилась в экран. В кресле она чувствовала себя под защитой, пусть не самой надежной.

— Переключить канал?

— Пульта же нет.

— Вручную. — Джим открыл панельку рядом с экраном. — Кнопки «включить» и «выключить». Переключатель каналов. Звук: «прибавить» и «убавить». А беззвучного режима нет.

— Нам он и не нужен, — прошептала Джил. — Нам нужен выключатель беззвучного режима.

— Ну так переключить? Глянь-ка.

Следующий канал оказался серым полотном в волнистых разводах с яркой желтой надписью «беззвучный режим» в углу. Дальше показывали очень милую женщину, которая сидела за столом и что-то говорила. Желтый «беззвучный режим» был тут же. Женщина все говорила и крутила в пальцах желтый, остро заточенный карандаш. Джил подумала, что лучше бы диктор что-нибудь написала. Но та, похоже, не собиралась этого делать.

Следующий канал показывал практически пустую улицу и знакомую желтую надпись. Улица была пуста только практически, потому что двое, мужчина и женщина, лежали на дороге. И не двигались.

— Оставить?

Джил замотала головой.

— Верни того дяденьку, которого папа включил.

— Первого?

Она кивнула, и каналы замелькали в обратном порядке.

— Тебе нравится...

Брат замер, не договорив. Секунды потекли, исполненные страха и почему-то вины.

— Мне... — начала Джил.

— Ш-ш! Кто-то на лестнице. Слышишь? — Брат метнулся из комнаты.

Джил, которая ничего такого не слышала, забормотала под нос:

— Мне он вовсе не нравится. Но он говорит медленнее, чем та тетенька, и я думаю, смогу читать по его губам, если посмотрю на него подольше.

Она сосредоточилась, но время от времени отводила взгляд в поисках пульта.

На лестнице никого не было, зато в доме нашлась большая спальня с двумя маленькими кроватями: одна у восточной, другая у южной стены. Три окна, два гардероба. Брат хотел бы отдельную комнату, но Джил, ввергнутая в ужас перспективой остаться на ночь одной в темноте, пообещала, что эта спальня — его спальня, а ей собственной вовсе не нужно, к тому же она ежедневно будет убирать его комнату и кровать стелить тоже.

Без особой охоты Джим согласился.

В первый вечер они поужинали консервированными чили, а утром позавтракали овсянкой. В доме было четыре этажа и четырнадцать комнат — пятнадцать вместе с кладовкой. Телевизор, который Джил предусмотрительно выключила, прежде чем отправиться разогревать еду, снова работал, по-прежнему без звука.

В гаражной пристройке они нашли две машины. Полдня Джим провел в поисках ключей зажигания, но безуспешно. В доме никаких ключей не было вообще.

В гостиной беззвучно говоривший мужчина продолжал говорить. Все говорил и говорил. Джил большую часть времени проводила перед телевизором и постепенно поняла, что смотрит запись. За последней фразой (произнося которую мужчина опускал взгляд на полированную поверхность стола) вновь следовала первая.

В тот вечер, когда на ужин Джил готовила венские сосиски и консервированный картофельный салат, она услышала крик брата: «Пап!» Громко хлопнула дверь, и раздались торопливые шаги.

Она тоже побежала и в дальнем коридоре натолкнулась на Джима, напряженно всматривавшегося в узкий дверной проем.

— Я видел его! Он был там и смотрел на меня!

За узким проемом таяла во тьме узкая деревянная лестница.

— А потом я услышал, как дверь хлопнула. Уверен, вот эта дверь!

Джил посмотрела вниз, встревоженная идущим из проема воздухом, холодным, сырым, с примесью тошнотворного запаха.

— Похоже, это подвал, — заметила она.

— Он и есть. Я был там пару раз, только свет не удалось включить. Не знаю, где выключатель. Надеялся найти фонарик и обследовать там все.

Брат начал спускаться по лестнице и вдруг резко обернулся, удивленный, что внезапно вспыхнула единственная тусклая лампочка, свисающая на проводе с потолка.

— Как ты это сделала?

— Выключатель тут, в коридоре.

— Отлично! Идешь?

Джил пошла.

— Надеюсь, назад мы вернемся.

Джим ее не расслышал. Или проигнорировал.

— Он внизу, Джелли, точно тебе говорю. Не может же он вечно прятаться.

— Отсюда есть другой выход?

— Вряд ли. Правда, я тут не задерживался. Было темно, да и пахнет ужасно.

Источник зловония дети обнаружили за стеллажами, заставленными инструментом и банками с краской. Он гнил, и одежда сплошь покрылась пятнами. В некоторых местах плоть ввалилась, в некоторых ее уже и вовсе не было. Джим принялся расчищать полки, чтобы осветить мертвое нечто на полу. Избавился от нагромождения досок, садового распылителя и дюжины бутылок и банок.

Когда все было сделано, Джим спросил:

— Кто это?

Шепотом сестра отозвалась:

— Папа.

Она развернулась, поднялась по ступеням и на кухне тщательно отмыла руки до самых локтей. А потом села за стол и ждала, пока не хлопнет дверь в подвал и не появится брат.

— Вымой руки, — сказала она ему. — Вообще нам лучше вымыться целиком. Обоим.

— Давай.

Наверху располагались две ванные комнаты. Джил заняла ту, что ближе к их спальне. Тщательно оттерев себя, она надела халат, который прежде, наверное, принадлежал маме, подобрала его и туго обвязалась поясом, чтобы подол не волочился по полу. После сгребла их одежду и запихнула в стиральную машину.

Человек, по губам которого Джил пыталась читать, исчез. Серый экран хранил лишь одно изображение: надпись «беззвучный режим», светившуюся желтым. Другие каналы тоже были пусты: тот же серый экран, то же беззвучие.

Пришел брат, в шортах и тапочках.

— Есть не собираешься?

— Потом, — ответила Джил. — Что-то не хочется.

— Не против, если я поем?

Она пожала плечами.

— Думаешь, это папа? Там, в подвале.

— Да, — отозвалась Джил. — Не представляла, что мертвые так выглядят.

— Я видел его. Я тебе не поверил тогда. Но потом увидел. И он хлопнул дверью в подвал. Я слышал.

Джил молчала.

— Думаешь, мы его еще увидим?

— Нет.

— Думаешь, это все? Он хотел, чтобы мы его нашли, и мы нашли. И это все, что он хотел?

— Он говорил нам, что умер, — произнесла Джил бесцветным голосом. — Он хотел, чтобы мы знали, что он нам помочь не сможет. Что мы теперь сами по себе. Так будешь есть?

— Да.

— Подожди, я тоже. Ты знал, что кабельное отключено?

— Оно и раньше таким было, — отозвался брат.

— Я догадывалась. Завтра я хочу прогуляться. Помнишь те ворота, мимо которых мы проезжали?

Он кивнул:

— Тополиный холм.

— Да. Я схожу туда. Может, ворота не заперты. А если заперты, то там много деревьев, а стена не очень высокая.

Хорошо бы ты пошел со мной, но если не хочешь, я и одна справлюсь.

— Пойдем вместе. Давай есть.

Наутро они вышли из дома, плотно прикрыли кухонную дверь, при этом убедившись, что не заперли ее, и пустились по длинной, вьющейся серпантином дорожке, по которой взбирался автобус. Когда дом почти скрылся из виду, Джил обернулась.

— Как будто сбегаем, — сказала она.

— Вовсе нет, — заверил ее брат.

— Не знаю.

— Зато я знаю. Слушай, это наш дом. Папа умер, так что теперь он наш с тобой.

— Не нужен он мне, — нахмурилась Джил, но, когда крыша исчезла за холмом, добавила: — Но это единственный дом, который у нас есть.

Спуск был долгим, но не бесконечным, так что шоссе — если только это можно так назвать — в конце концов раскинулось перед ними направо и налево. Тихое и пустое.

— Мы могли бы поймать машину. Ну, или автобус.

— Тут трава в колдобинах растет.

— Да, вижу. Сюда, Джелли. — Джим махнул рукой, как всегда серьезный и очень, очень решительный.

Джил семенила следом.

— Так ты пойдешь туда со мной?

— Сначала подождем машину. Я отправлюсь с ними, если меня возьмут. И ты тоже.

Она кивнула.

— Но если никто не проедет, я пойду с тобой на Тополиный холм. Может, там кто-то есть, и они нам помогут.

— Уверена, что кто-нибудь есть. — Джил постаралась сказать это с большей уверенностью, чем ощущала на самом деле.

— Кабельное не работает. Я все каналы перещелкал.

Джим на три шага опережал ее и не оборачивался.

— Я тоже. — Это была ложь, но несколько каналов Джил все же проверила.

— Это значит, что в телевизионных центрах никого нет. Ни в одной студии. — Он прокашлялся, и голос его внезап-

но сделался низким, как у всех мальчиков-подростков. — Короче, живых нет.

— Может, есть кто-то живой, кто просто не знает, как это работает, — предположила Джил и, подумав, добавила: — Может, там, где они находятся, нет электричества.

Джим остановился и посмотрел на сестру.

— У нас ведь есть.

— Значит, люди все еще живы. Вот я к чему.

— Точно! И значит, машина тоже может проехать. Это к чему я.

Небольшой куст, свежий и зеленый, рос, пробив асфальт, прямо посреди проезжей части. Разглядывая его, Джил почувствовала вдруг, как некая неведомая, непознаваемая сила завладевает ими и мягко намекает, что они ошибаются. Девочка вздрогнула и принялась перебирать в голове все неопровержимые доказательства того, что неправ именно зеленый куст. Здесь непременно есть живые люди. Водитель автобуса, например.

Чугунные ворота были на том же месте, что и днем раньше, изящные и внушительные, меж двух колонн. Львы по-прежнему скалились со своих пьедесталов, и чугунная табличка на чугунных прутьях по-прежнему гласила: «Тополиный холм».

— Закрыто, — объявил Джим и брякнул висячим замком — медным, тяжелым, на вид совсем новым.

— Надо попасть туда.

— Надо. Я пойду вдоль стены, хорошо? Посмотрю, как перелезть через нее. Может, она где обрушилась. Когда найду, вернусь.

— Я хочу с тобой.

Подкрался страх, словно повеял легкий, прохладный ветерок. А вдруг Джимми уйдет и она больше никогда его не увидит?

— Слушай, ты же собиралась в одиночку тут все облазить. А если собиралась, значит, сможешь постоять десять минут и подождать машину. Не ходи за мной!

Она не пошла. Но через час, когда Джим вернулся, шагая вдоль внутренней стороны стены, исцарапанный и запачканный, она уже ждала его там.

— Как ты пробралась? — воскликнул он, едва Джил появилась у него из-за спины.

Она пожала плечами:

— Ты первый.

— Нашел дерево, оно высохло и повалилось. Совсем небольшое, так что я подтащил его к стене, залез и спрыгнул.

— Значит, обратно ты выбраться не можешь, — сказала Джил и направилась по дорожке, ведущей прочь от ворот.

— Что-нибудь придумаю. Ну а ты как тут оказалась?

— Пролезла между прутьями. Очень тесно. Вряд ли ты пролезешь. — И почти зло добавила: — Давно здесь жду.

Подъездная дорожка вела вверх по холму, петляя между стройными стволами, и Джил представляла манекенщиц, дефилирующих в зеленых нарядах. Большая входная дверь большого квадратного дома на самой вершине холма была заперта, а внушительный медный дверной молоток вызывал на крыльцо лишь протяжное, пустое эхо.

Хорошенькая перламутровая кнопка звонка, которую нажимала Джил, заставляла бряцать колокольчики где-то в глубине дома, но никто так и не вышел.

Заглянув в окно слева от двери, она увидела деревянное кресло с коричнево-оранжевыми подушками и серый экран телевизора. В углу красовалась яркая желтая надпись «беззвучный режим».

Обойдя дом, дети нашли незапертую кухонную дверь.

Свет погас, когда Джил снимала с противня отварную солонину.

— Это значит, больше не будет горячей еды, — сказал она брату. — Она электрическая. Плита.

— Скоро включат, — заверил ее Джим.

Но никто ничего не включил.

В обесточенном доме, посреди темной спальни, Джил разделась и сложила одежду, которой даже не видела, на кресло. Сложила так аккуратно, как это только возможно в кромешной тьме. Потом забралась под одеяло.

Через минуту, теплый и голый, в кровать лег Джим.

— Знаешь, Джелли, — сказал он, притягивая ее к себе, — похоже, мы единственные живые люди на всем белом свете.

НЭНСИ КРЕСС

Миротворец

Нэнси Кресс — автор четырнадцати научно-фантастических и фэнтезийных романов и более восьмидесяти рассказов, вошедших в сборники «Троица и другие рассказы» («Trinity and Other Stories»), «Чужие на Земле» («The Aliens of Earth») и «Дюжина мензурок» («Beaker's Dozen»). Повесть «Испанские нищие» («Beggars in Spain»), послужившая основой для одноименного романа, была удостоена премий «Хьюго» и «Небьюла». Премию «Небьюла» Кресс завоевывала еще дважды: за рассказ «Над ними всеми есть яркие звезды» («Out of All Them Bright Stars») и роман «Цветы тюрьмы Аулит» («The Flowers of Aulit Prison»), который также был награжден премией Теодора Старджона. В 2003 году за роман «Возможный космос» («Probability Space») писательница получила премию Джона Кэмпбелла.

Недавно у Кресс вышли три новые книги: сборник рассказов в издательстве «Golden Gryphon Press», научно-фантастический роман «Кража в небесах» («Steal Across the Sky», 2009) и триллер «Псы» («Dogs», 2008), в котором, как и в представленном ниже произведении, описана эпидемия загадочной болезни.

В «Миротворце» повествуется о жертвах обезображивающей болезни, изолированных в современном аналоге лепрозория. Кресс заявляет, что проблема личности, познания себя — кто ты такой, зачем ты здесь, почему ты такой, какой есть (и что тебе следует с этим делать), — является центральной во всех ее произведениях, и этот рассказ не стал исключением.

На закате обваливается задняя стена спальни. Только что здесь была потрескавшаяся голубая древесная плита, усеянная блестящими шляпками гвоздей, а в следующее мгновение передо мной уже дыра два на четыре метра и забор из разнокалиберных реек высотой до талии; края его зазубрены и покрыты каким-то мхом, словно посыпаны пудрой. Сквозь дыру я вижу хилое деревце, пытающееся протиснуться в узкую щель между задней стеной нашего барака и бараком блока Е. Я хочу встать, что-

бы взглянуть на дерево поближе, но артрит сегодня разошелся — именно поэтому я лежу в кровати. В комнату врывается Рэчел.

— Что случилось, бабушка? С тобой все в порядке?

Я киваю и указываю на дыру. Рэчел наклоняется к пролому, и волосы ее в лучах заходящего солнца светятся вокруг головы, словно аура. Я делю спальню с Рэчел; ее матрас сложен под моей старомодной кроватью с пологом.

— Термиты! Проклятие. Я и не знала, что они у нас завелись. С тобой точно все в порядке?

— Все нормально. Я могу передвигаться по комнате, дорогая. Я в порядке.

— Ну что ж... Придется попросить маму, пусть как-нибудь уладит это.

Я ничего не отвечаю. Рэчел выпрямляется, бросает на меня быстрый взгляд, отводит глаза. Я по-прежнему ничего не говорю насчет Мэйми. В свете внезапно ярко вспыхнувшей масляной лампы я смотрю прямо на Рэчел, просто потому, что мне на нее приятно смотреть. Она не красавица, даже по местным меркам, хотя болезнь затронула пока только левую сторону ее лица. Участок вздувшейся, липкой кожи, грубой, как старый пеньковый мешок, совершенно не заметен, если смотреть на девушку справа. Но у нее слишком большой нос, густые низкие брови и костлявый выпирающий подбородок. Точнее, прямой нос, выразительные брови, открытые серые глаза, подбородок, выступающий вперед, когда она запрокидывает голову, внимательно слушая собеседника. По моему мнению, на Рэчел приятно смотреть. Там, Снаружи, они так не думают. Но они ошибаются.

Рэчел говорит:

— Может быть, мне удастся выменять панель и гвозди на лотерейный билет, и я приделаю ее сама.

— Но термиты останутся.

— Ну да, однако нужно же что-то сделать. — Я не противоречу ей. Ей шестнадцать лет. — Чувствуешь, как оттуда дует? Сейчас холодно, ночью ты замерзнешь. Это ужасно подействует на твой артрит. А сейчас пойдем на кухню, бабушка, я развела огонь.

Она помогает мне дойти до кухни; от раскаленной докрасна металлической печи, в которой пылают дрова, исходит приятное тепло, согревающее мои суставы. Печь была пожертвована колонии год назад каким-то благотворительным обществом или группой по интересам, и я думаю, они получили налоговую льготу, предусмотренную при подобных сделках. Если, конечно, налоговые льготы еще существуют. Рэчел говорит мне, что к нам еще приходят газеты, и пару раз мне приходилось заворачивать овощи с нашего огородика в довольно новые с виду выпуски. Она утверждает даже, что молодой Стивенсон с помощью подаренного колонии компьютера организовал в общем зале блока J новостную сеть. Но я больше не ориентируюсь в налогообложении, действующем Снаружи. Я также не спрашиваю Мэйми, почему именно она получила дровяную печь, хотя в тот месяц мы не участвовали в лотерее.

Свет, исходящий от печи, ярче, чем свет масляной лампы в спальне; я замечаю, что, несмотря на озабоченность гибелью нашей спальни, Рэчел раскраснелась от возбуждения. Ее юная кожа пылает от интеллигентного подбородка до границы пораженного участка, который, разумеется, не меняет цвета. Я улыбаюсь ей. В шестнадцать лет все вызывает волнение. Новая лента для волос из хранилища пожертвований; взгляд какого-нибудь юноши; секрет, поведанный кузиной Дженни.

— Бабушка,— произносит девушка, опускаясь на колени около моего кресла; пальцы ее бегают по потертой деревянной ручке.— Бабушка, у нас посетитель. Он приехал Снаружи. Дженни видела его.

Я продолжаю улыбаться. Рэчел — да и Дженни тоже — не помнит тех времен, когда в колонию приезжало множество посетителей. Сначала — громоздкие фигуры в защитной одежде, затем, несколько лет спустя, более изящные, в санитарных костюмах, занявших место тяжелых скафандров. Снаружи сюда поступали люди, и многие годы на контрольно-пропускном пункте движение происходило в обе стороны. Но, разумеется, Рэчел не может этого помнить; тогда она еще не родилась. Мэйми было всего двенадцать лет, когда нас поместили сюда. Для Рэчел посетитель,

должно быть, великое событие. Я протягиваю руку и глажу ее по волосам.

— Дженни сказала, что он хочет поговорить со старейшими жителями колонии, с теми, кто поступил сюда в начале распространения болезни. Это рассказал ей Хэл Стивенсон.

— Правда, милая?

Волосы Рэчел мягкие и шелковистые на ощупь. У Мэйми в ее возрасте были такие же.

— Он, возможно, захочет поговорить с тобой!

— Ну что ж, я к его услугам.

— Но разве это не удивительно? Как ты думаешь, что ему нужно?

Я избавлена от необходимости отвечать ей — в этот момент входит Мэйми, за ней следует ее бойфренд Питер Мэлони с сеткой, набитой продуктами из хранилища.

Услышав звук поворачивающейся дверной ручки, Рэчел встает, отходит от моего кресла и начинает ворошить угли в печке. С лица ее исчезает всякое выражение, но я знаю, что это притворство. Мэйми восклицает:

— Мама, дорогая, как ты себя чувствуешь? И Рэчел! Ты не поверишь — у Пита оказался лишний талон на питание, и он раздобыл нам цыпленка! Я сделаю тушеную курицу!

— Задняя стена спальни обвалилась, — без выражения произносит Рэчел.

Она не смотрит на Питера с цыпленком в сетке, а я смотрю. Он ухмыляется своей терпеливой, волчьей усмешкой. Думаю, талон на питание он выиграл в покер. У него под ногтями грязь. Цыпленок завернут в газету, и я могу прочесть часть заголовка: «ЕЗИДЕНТ КОНФИСКУЕТ С».

Мэйми удивляется:

— Что значит — обвалилась?

— Просто взяла и обвалилась. Термиты, — пожимает плечами Рэчел.

Мэйми беспомощно смотрит на Питера, его усмешка становится еще шире. Теперь я словно вижу, что произойдет дальше. Спектакль состоится позднее, он будет устроен не совсем ради нас, хотя действо будет разворачивать-

ся на кухне, у нас на виду. Мэйми начнет вежливо упрашивать Питера починить стену. Он, ухмыляясь, откажется. Она с глупой улыбкой намекнет на то, что сделает в обмен на починку стены, и каждый последующий намек будет откровеннее предыдущего. В конце концов Питер согласится. Поскольку другого теплого помещения, помимо кухни, у нас нет, нам с Рэчел придется смотреть в огонь, на пол или на свои туфли, ожидая, пока Мэйми и Питер демонстративно удалятся в свою комнату. Нас смущает именно это показное уединение. Но Мэйми нужны свидетели, которые бы подтвердили, что она еще привлекательна.

Питер, однако, смотрит не на Мэйми, а на Рэчел.

— Это цыпленок не Снаружи, Рэчел. Он с птичьего двора в блоке В. Я слышала, ты говорила, что у них там очень чисто.

— Ага, — коротко, почти грубо отвечает Рэчел.

Мэйми вращает глазами.

— Скажи «спасибо», дорогая. Питу пришлось немало потрудиться, чтобы раздобыть этого цыпленка.

— Спасибо.

— Ты можешь сказать так, чтобы это звучало искреннее? — Голос Мэйми становится резким.

— Спасибо, — повторяет Рэчел.

Она направляется в сторону нашей спальни с тремя стенами. Питер, все еще не сводя с нее взгляда, перекладывает сумку из одной руки в другую. Сетка сдавливает курицу, и на ее желтоватой коже появляются полосы.

— Рэчел Энн Уилсон...

— Оставь ее в покое, — негромко произносит Питер.

— Нет, — говорит Мэйми. Под пятью шрамами, пересекающими крест-накрест ее лицо, появляется недоброе выражение. — Ей не мешает хоть немного научиться себя вести. К тому же я хочу, чтобы она услышала наше сообщение! Рэчел, выходи сию же минуту!

Рэчел возвращается. Я не могу припомнить, чтобы она хоть раз ослушалась мать. Она останавливается в дверях спальни и ждет. Два пустых подсвечника, почерневших от копоти, обрамляют ее лицо. В последний раз мы зажигали

свечи прошлой зимой. Мэйми, лоб которой пересекают раздраженные складки, радостно улыбается.

— Это особый обед для всех нас. Пит и я хотим сделать объявление. Мы собираемся пожениться.

— Точно, — говорит Питер. — Поздравьте нас.

Рэчел, и без того неподвижная, казалось, становится каменной. Питер пристально смотрит на нее. Мэйми, покраснев, опускает глаза, и меня охватывают одновременно жалость и раздражение при виде ребячества дочери, которая в свои тридцать пять ищет поддержку у такого ненадежного типа, как Питер Мэлони. Я пристально смотрю на него. Если он только посмеет коснуться Рэчел... Но на самом деле я не верю, что это произойдет. Подобные вещи больше не случаются. Во всяком случае не здесь.

— Поздравляю, — бормочет Рэчел.

Она пересекает комнату и обнимает мать, которая сжимает ее в объятиях с показной горячностью. Еще минута, и Мэйми разразится слезами. Через ее плечо я мельком вижу лицо Рэчел, на нем отражаются любовь и печаль, и я опускаю взгляд.

— Ну что! За это нужно выпить! — весело восклицает Мэйми.

Она подмигивает, проделывает неуклюжий пируэт и вытаскивает какую-то бутылку с дальней полки буфета, доставшегося Рэчел на последнем розыгрыше пожертвований. Этот буфет странно смотрится на нашей кухне: он сверкает белым лаком, в нем есть что-то восточное, и он явно не на своем месте среди шатающихся стульев и изрезанного стола со сломанным ящиком, починить который ни у кого не находится времени. Мэйми триумфально размахивает бутылкой; я и не знала, что́ у нее там спрятано. Это действительно шампанское.

О чем они думают, эти люди Снаружи, когда жертвуют шампанское колонии неизлечимо больных? *Пусть даже у этих несчастных и нет поводов для праздника... Или они вообще не представляют, что им делать с этой бутылкой... Все равно, пусть она достанется им — но при условии, что они будут жить подальше от меня, за колючей проволокой...* Но на самом деле это не имеет значения.

— Я просто обожаю шампанское! — пылко восклицает Мэйми; по-моему, она пила его один раз в жизни. — О, смотрите, а вот к нам и гости, как раз вовремя! Заходи, Дженни, заходи, выпьем шампанского!

Дженни входит, улыбаясь. Я вижу на лице ее то же оживление, что и у Рэчел перед тем, как ее мать объявила о помолвке. Лицо Дженни сияет от радости; она прекрасна. На руках и лице ее не видно признаков болезни. Пораженные места должны быть, ведь она родилась Внутри, но никто не спрашивает, где именно находятся болячки. Возможно, Рэчел знает. Две девушки неразлучны. Дженни, племянница покойного мужа Мэйми, — двоюродная сестра Рэчел, и по закону Мэйми — ее опекунша. Но на такие вещи никто больше не обращает внимания, и Дженни живет с какими-то людьми в бараках в соседнем блоке, хотя Рэчел и я просили ее переехать к нам. Она качает головой, и прекрасные волосы, такие светлые, что кажутся почти белыми, рассыпаются по ее плечам, она краснеет от смущения, стараясь не смотреть на Мэйми.

— Я выхожу замуж, Дженни, — сообщает Мэйми, снова скромно опуская глаза.

Я гадаю, что и с кем ей пришлось проделать, чтобы получить шампанское.

— Поздравляю! — горячо восклицает Дженни. — И тебя тоже, Питер.

— Называй меня Пит, — говорит он уже не в первый раз.

Я перехватываю его жадный взгляд, брошенный на Дженни. Та ничего не замечает, но какое-то шестое чувство — оно действует даже здесь, Внутри — заставляет ее немного отступить. Я знаю, что она будет продолжать называть его «Питер».

Мэйми обращается к племяннице:

— Давай еще выпьем. Оставайся на ужин.

Дженни оценивает количество оставшегося в бутылке вина и размер цыпленка, медленно истекающего кровью на столе. Оценка ее скромна, и затем, разумеется, она лжет:

— Прости, но я сегодня уже ужинала. Я просто зашла спросить, бабушка, можно ли мне попозже привести к тебе одного человека, он хочет видеть тебя. Это посетитель. —

Голос ее опускается до шепота, и румянец возвращается на щеки. — Снаружи.

Я смотрю в ее блестящие голубые глаза, на лицо Рэчел, и у меня не хватает духу отказать им. Несмотря на то что я, в отличие от девочек, знаю, как пройдет этот визит. Я никакая не бабка для Дженни, но она называет меня так с тех пор, как ей исполнилось три года.

— Хорошо.

— О, спасибо! — радуется Дженни, и они с Рэчел обмениваются восторженными взглядами. — Я так рада, что ты согласилась, иначе нам вообще никогда не удалось бы близко увидеть посетителя!

— Не за что, — отвечаю я.

Они так молоды. Мэйми явно недовольна; ее помолвка отошла на второй план. Питер наблюдает за Дженни, которая импульсивно бросается на шею Рэчел. Внезапно я понимаю, что его тоже интересует, где именно на теле Дженни находится пораженный участок кожи и насколько он велик. Питер встречается со мной взглядом, затем смотрит в пол, прикрыв темные глаза, на лице его появляется слегка пристыженное выражение. Но тут же исчезает. В печи трещит полено, и на миг пламя вспыхивает ярче.

На следующий день Дженни приводит посетителя. Он сразу же удивляет меня: на нем нет защитного костюма, и он не социолог.

В первые годы после основания колоний нас посещало множество людей. Во-первых, врачи, не оставлявшие надежду избавить больных от толстых серых пятен на коже, медленно распространявшихся по всему телу. В некоторых случаях пятна не увеличивались в размерах, и никто не понимал причины этого явления. Болезнь обезображивала. Вероятно, она была смертельной. И очень заразной. В этом было все дело: она была заразна. Так что доктора в защитных костюмах приходили изучать больных и испытывать лекарства. Журналисты в скафандрах приходили в поисках материала на целый разворот в четыре цвета. Члены парламентских комиссий по борьбе с правонарушениями пытались искать правонарушения, по крайней мере до тех

пор, пока Конгресс под давлением налогоплательщиков не отнял у жителей колоний право голоса. Люди, сами находившиеся под растущим давлением, воспротивились тому, что зависимые от них больные тоже голосуют. И целыми толпами приходили социологи с микрокамерами, готовые зафиксировать крах плохо организованных колоний зараженных, превращение их в бандитские шайки, живущие по волчьим законам, и наступление анархии.

Позднее, когда краха не произошло, пришли другие социологи, в защитных костюмах последней модели, чтобы выяснить, почему колонии не рухнули в положенное время. Все эти люди ушли неудовлетворенными. Они не нашли способов лечения, не выяснили происхождения болезни, не обнаружили ни сенсационных историй для газет, ни зрелища гибели, ни причин выживания.

Социологи продержались дольше остальных. Журналистам необходимы свежие, интересные сюжеты, а социологам просто нужно публиковаться. А кроме того, все культурные традиции говорили, что Внутри рано или поздно образуется несколько враждующих группировок. Лишите людей электричества (оно подорожало), муниципальной полиции (полицейские отказались жить Внутри), свободы покидать колонию, политического влияния, работы, скоростных автострад, кинотеатров, федеральных судей и государственных начальных школ, считали они — и получите беспредел, насилие и борьбу за выживание. Вся культура говорила в пользу этого. Взрывы бомб в бедных кварталах. «Повелитель Мух». Кабрини-Грин[1]. Вестерны. Воспоминания бывших заключенных. Бронкс[2]. Восточный Лос-Анджелес[3]. Томас Гоббс. Социологи знали, что будет.

---

[1] *Кабрини-Грин* — неблагополучный район Чикаго, место деятельности гангстерских банд и распространения наркотиков. В настоящее время проводится его реконструкция.

[2] *Бронкс* — округ Нью-Йорка, населенный иммигрантами; в кино и литературе изображается как густонаселенный рабочий район.

[3] В восточной части Лос-Анджелеса живут в основном выходцы из Латинской Америки; во время Второй мировой войны здесь происходили столкновения между американскими моряками и мексиканской молодежью.

Только ничего этого не произошло.

Социологи ждали. А мы здесь, Внутри, учились выращивать овощи и разводить кур, которые, как мы узнали, едят все подряд. Те из нас, кто умел обращаться с компьютерами, некоторое время, по-моему, лет десять, работали на настоящей работе в Интернете, пока оборудование, которое никто не заменял, окончательно не устарело. Бывшие учителя организовали занятия для детей, хотя программа, как мне кажется, с каждым годом становится все примитивнее: Рэчел и Дженни не блещут знаниями в области истории и естественных наук. Врачи лечили людей с помощью лекарств, пожертвованных корпорациями в обмен на налоговые льготы, и примерно лет через десять начали обучать желающих медицине. Какое-то время — вообще-то довольно долгое время — мы слушали радио и смотрели телевизор. Возможно, кто-то и сейчас его смотрит, если Снаружи нам жертвуют новые телевизоры.

В конце концов социологи вспомнили более старые модели существования в условиях лишений, дискриминации и изоляции от внешнего мира: еврейские гетто, общины французских гугенотов, фермы амишей[1]. Самодостаточные модели, инертные, но способные к выживанию. И пока ученые вспоминали, мы проводили розыгрыши товаров, обучали молодежь, распределяли еду из хранилищ среди тех, кто в ней нуждался, заменяли ломаную мебель другой ломаной мебелью, женились и рожали детей. Мы не платили налогов, не воевали, не обладали правом голоса, словом, не представляли собой ничего интересного. И спустя некоторое время — долгое время — посетители перестали навещать нас. Даже социологи.

Но вот передо мной молодой человек без санитарного костюма, карие глаза улыбаются из-под копны густых темных волос; он протягивает мне руку. Он не морщится, дотрагиваясь до клейкой кожи. И, кажется, не рассматривает

---

[1] *Амиши* — закрытая религиозная секта, основанная в XVII в. швейцарским меннонитом-радикалом Якобом Амманом. Отрицают технический прогресс, развивая только агрокультуру. Придерживаются строго патриархального уклада.

кухонную мебель, чтобы потом описать ее: три стула, один — из пожертвований, имитация эпохи королевы Анны, один — сделанный Внутри, подлинный Джо Кляйншмидт; стол; дровяная печь; сверкающий новый буфет в восточном стиле; пластиковая раковина с ручным насосом, соединенная с трубой, по которой вода поступает Снаружи, из резервуара; деревянный ящик с пожертвованными дровами; на кусках прессованного дерева — клеймо «Дар Boise-Cascade»[1]; две восторженные, умные и любящие юные девушки, к которым лучше не пытаться относиться снисходительно, как к больным уродцам. Такое случалось — давно, но я это помню.

— Здравствуйте, миссис Пратт. Меня зовут Том Мак-Хейб. Спасибо за то, что согласились побеседовать со мной.

Я киваю:

— О чем же вы хотите поговорить, мистер Мак-Хейб? Вы журналист?

— Нет. Я врач.

Этого я не ожидала. Я также не ожидала увидеть внезапную судорогу, пробежавшую у него по лицу, прежде чем на нем снова возникла улыбка. Хотя напряжение и боль вполне естественны: войдя Внутрь, человек не может отсюда выйти. Интересно, где он мог подхватить болезнь. Насколько я могу припомнить, в нашу колонию давно не поступало новых зараженных. Может быть, по каким-то политическим соображениям власти отправляют их в другие колонии?

Мак-Хейб отвечает на мой взгляд:

— Я не болен, миссис Пратт.

— Тогда зачем же...

— Я пишу статью о течении болезни у тех, кто давно живет в колонии. Разумеется, для этого необходимо побывать Внутри, — объясняет он, и я сразу понимаю, что он лжет.

Рэчел и Дженни, разумеется, этого не понять. Они сидят справа и слева от него, словно беспокойные птички, и слушают.

---

[1] Американская компания, производитель целлюлозно-бумажной продукции.

— И как вы собираетесь опубликовать свою статью, когда она будет написана? — спрашиваю я.

— Я передам текст по радио, на коротких волнах, моим коллегам. — При этих словах он отводит взгляд.

— И эта статья стоит того, чтобы оказаться заключенным здесь навсегда?

— Как прогрессирует ваше заболевание? — начинает он, игнорируя мой вопрос. Он осматривает мое лицо, ладони, руки — пристальным профессиональным взглядом, который убеждает меня, что по крайней мере часть его истории — правда. Он врач. — Вы испытываете боль в пораженных участках?

— Нет.

— Наблюдаются ли функциональные нарушения или снижение активности, связанные с болезнью?

Рэчел и Дженни выглядят слегка озадаченными; он проверяет меня, хочет узнать, понимаю ли я терминологию.

— Нет.

— Не произошло ли за несколько последних лет каких-либо внешних изменений на старых пораженных участках кожи? Изменился ли цвет, плотность тканей, размер утолщенных краев?

— Нет.

— Не наблюдали ли вы каких-нибудь других симптомов, о которых я забыл упомянуть?

— Нет.

Мак-Хейб кивает и раскачивается на каблуках. Он хладнокровен для человека, которому вскоре суждено гораздо ближе познакомиться с этой болезнью. Я жду, что он скажет, зачем он здесь на самом деле. Молчание затягивается. Наконец Мак-Хейб произносит:

— Вы были независимым аудитором.

Одновременно с ним Рэчел спрашивает:

— Никто не хочет лимонада?

Мак-Хейб с радостью соглашается. Девушки, с облегчением поднявшись, наливают из-под крана холодную воду, открывают банку консервированных персиков и смешивают лимонад в коричневом пластиковом кувшине с глубо-

кой вмятиной с одной стороны, там, где кувшин когда-то коснулся раскаленной печи.

— Да, — отвечаю я Мак-Хейбу. — Я была аудитором. И что?

— Теперь они не имеют права заниматься ревизиями.

— Аудиторы? Почему? Надежные столпы режима, — говорю я и понимаю, что прошло очень много времени с тех пор, как я употребляла подобные слова. Они имеют металлический привкус, как старая консервная банка.

— Больше нет. Теперь все расчеты налогов проводит Внутренняя налоговая служба, она же посылает в каждый дом особый счет. Процедура, по которой вычисляется ваш персональный налог, засекречена. Чтобы враги не узнали величину государственного дохода и, соответственно, количество денег, идущее на оборону.

— Вот как.

— Мой дядя тоже был аудитором.

— А кем он теперь работает?

— Не аудитором, — серьезно говорит Мак-Хейб.

Дженни протягивает стакан лимонада сначала мне, затем Мак-Хейбу, и гость улыбается. Дженни опускает ресницы, и щеки ее едва заметно розовеют. Что-то мелькает в глазах Мак-Хейба. Но не то, что я видела у Питера; совсем не то.

Я быстро смотрю на Рэчел. Кажется, она ничего не заметила. Она не ревнует, не взволнована, не уязвлена. Я испытываю облегчение.

Мак-Хейб обращается ко мне:

— Вы также опубликовали несколько статей в журналах, популяризирующих историю.

— Откуда вы это знаете?

И он снова не отвечает.

— Необычное сочетание интересов — бухгалтерское дело и написание исторических статей.

— Возможно, — говорю я безразлично. Это было так давно.

Рэчел спрашивает у Мак-Хейба:

— Можно задать вам вопрос?

— Конечно.

— У вас там, Снаружи, нет средства, чтобы вылечить дерево от термитов?

Ее лицо абсолютно серьезно. Мак-Хейб не улыбается, и я признаю — неохотно, — что он привлекателен. Он вежливо объясняет ей:

— Мы не лечим дерево, мы не допускаем проникновения термитов. Лучше всего строить из бревен, пропитанных креозотом, это химическое вещество, которое термиты не любят, так что они не забираются в стены. Но должны существовать препараты, которые убивают насекомых, уже расплодившихся в дереве. Я поспрашиваю и постараюсь привезти вам что-нибудь в следующий раз, когда окажусь Внутри.

В следующий раз, когда он окажется Внутри. Он бросает эту бомбу, словно беспрепятственные поездки Наружу и Внутрь — общеизвестный факт. Рэчел и Дженни распахивают глаза; обе смотрят на меня. Мак-Хейб тоже смотрит мне в лицо; взгляд его холоден и испытующ, он оценивает мою реакцию. Он ждет, что я начну расспрашивать о деталях или даже — я так давно не мыслила этими категориями, что это для меня усилие, — что я рассержусь на него за ложь. Но я не знаю, лжет он или нет, да и какое это имеет значение? Несколько людей Снаружи придет в колонию — как это может повлиять на нашу жизнь? Существенной иммиграции не будет, а эмиграции не будет вообще.

Я спокойно спрашиваю:

— Зачем вы здесь на самом деле, доктор Мак-Хейб?

— Я уже сказал вам, миссис Пратт. Чтобы изучить развитие болезни.

Я молчу. Он добавляет:

— Может быть, вы хотите больше узнать о том, какова сейчас жизнь Снаружи?

— Не особенно.

— Почему же?

Я пожимаю плечами:

— Они бросили нас на произвол судьбы.

Он пристально смотрит на меня.

Дженни робко произносит:

— Я бы хотела узнать побольше о том, как живут Снаружи.

Прежде чем Рэчел успевает добавить: «Я тоже», дверь резко распахивается и в комнату, пятясь, входит Мэйми, крича кому-то в коридоре:

— И не смей больше приходить сюда! Если ты думаешь, что я позволю тебе прикоснуться ко мне после того, как ты трахался с этой... этой... Надеюсь, у нее болячка между ног, и она пристанет к твоему...

Она замечает Мак-Хейба и замолкает, все тело ее трясется от ярости. Негромкие слова, слышные из коридора, смысл которых я не могу разобрать из своего кресла, заставляют ее задохнуться и покраснеть еще сильнее. Она с силой хлопает дверью, разражается слезами и убегает в свою комнату, в очередной раз с грохотом закрыв дверь.

Рэчел поднимается.

— Лучше я, детка, — говорю я, но, прежде чем я успеваю подняться — артрит сегодня почти оставил меня в покое, — Рэчел исчезает в комнате матери. На кухне звенит смущенная тишина.

Том Мак-Хейб встает, собираясь уходить.

— Сядьте, доктор, — прошу его я, надеясь, что, если он останется, Мэйми удержится от истерики — возможно — и Рэчел быстрее покинет спальню матери.

На лице Мак-Хейба появляется нерешительное выражение. Дженни присоединяется ко мне:

— Да, пожалуйста, останьтесь. Не расскажете ли вы нам... — я вижу ее неловкость, страх показаться дурочкой, — о том, как живут Снаружи?

Он рассказывает. Глядя на Дженни, но обращаясь ко мне, он говорит о недавно введенном военном положении, о том, что Национальной гвардии не удалось сдержать участников акции протеста против войны в Южной Америке и те добрались до забора из колючей проволоки, окружающего Белый дом; о растущем влиянии фундаменталистского подполья, которое другие подполья — он использует множественное число — называют «банда Господня». Он рассказывает нам о том, как приходит в упадок американская промышленность, уступая место корейским и китай-

ским конкурентам, о резком росте безработицы, этнических беспорядках, горящих городах. Майами. Нью-Йорк. Лос-Анджелес — там годами бушевали восстания. Теперь — Портленд, Сент-Луис, Атланта, Финикс, Гранд-Рапидс в огне. Это трудно представить себе.

Я замечаю:

— Насколько мне известно, количество пожертвований в колонию не сократилось.

Гость снова смотрит на меня тем же проницательным, изучающим взглядом, оценивая что-то недоступное мне, затем касается ботинком края печи. Ботинок, замечаю я, такой же старый и изношенный, как те, что носим мы.

— Эта печь из Кореи. Сейчас почти все пожертвования делаются из Азии. Это реклама. Множество конгрессменов, даже те, кто выступал за военное положение, имеют больных родственников, но не желают в этом признаваться. Азиаты заключают такие сделки, чтобы избежать полного протекционизма, хотя ваши пожертвования, разумеется, лишь часть их политики. Но почти все, что вы, Внутри, получаете, сделали китаезы и прочие узкоглазые. — Он употребляет эти слова неумышленно, этот всжливый молодой человек, сообщающий мне новости с либеральной точки зрения, но это говорит мне о жизни Снаружи больше, чем все его рассказы.

Дженни неуверенно произносит:

— Я видела... наверное, это был азиат. Вчера.

— Где? — резко спрашиваю я.

Американцы азиатского происхождения очень редко заражаются болезнью; это еще одна вещь, которой никто не понимает. В нашей колонии их нет.

— На Границе. Один из охранников. Два других солдата пинали его ногами и обзывали — мы не могли разобрать, как именно, связь плохо работает.

— Мы? Ты и Рэчел? Что вы делали у Границы? — восклицаю я и сама замечаю свой тон.

Граница, широкая пустая полоса земли, огорожена колючей проволокой и заминирована, чтобы мы, носители заразы, не могли пробраться Наружу. Граница окружена милями земли, отравленной химикалиями, на которой уничтожены всякая растительность и живые существа. Кро-

ме того, ее патрулируют солдаты, доставленные сюда против воли, они общаются с нами через интеркомы, установленные по обе стороны колючей проволоки через каждые полмили. Давно, когда в колонии происходили драки, изнасилования или — такое случилось всего один раз, много лет назад — убийство, это происходило именно на Границе. Люди, полные ненависти, приходили, чтобы причинить нам боль, потому что за электрической оградой и колючей проволокой мы были беззащитны, и никакая полиция не последовала бы за ними сюда. Солдаты, а иногда и наши мужчины останавливали их на Границе. Наши мертвые были похоронены на Границе. И Рэчел с Дженни, о боги, они были там...

— Мы хотели спросить охранников по интеркому, не знают ли они, как остановить термитов, — резонно отвечает Дженни. — В конце концов, это их работа — останавливать всех, микробов и тому подобное. Мы решили, что они, может быть, подскажут нам, как вывести термитов.

Открывается дверь спальни, выходит Рэчел; ее юное лицо искажено. Мак-Хейб улыбается ей, затем снова смотрит на Дженни.

— Не думаю, что солдаты обучены выводить термитов, но я обещаю вам, что обязательно привезу вам какое-нибудь средство против вредителей в следующий раз, когда попаду Внутрь.

Снова он об этом. Но Рэчел лишь радуется:

— О, как здорово. Я сегодня поспрашивала насчет панели, но даже если мне удастся раздобыть ее, то же произойдет снова, если мы не выведем термитов.

Мак-Хейб говорит:

— А вы знаете, что термиты выбирают себе королеву? У них имеется тщательно контролируемая система баллотировки. Это факт.

Рэчел улыбается, хотя я не думаю, что она вполне понимает его слова.

— А муравьи могут свалить каучуковое дерево[1].

---

[1] Цитата из песни Фрэнка Синатры «High Hopes»: «Все знают, что муравей не может сдвинуть с места каучуковое дерево».

Он начинает петь. Это старая песня из моего детства. «Большие надежды». Фрэнк Синатра на стереомагнитоле — это было еще до компакт-дисков, до появления множества вещей; чай со льдом и кока-кола в высоких стаканах воскресным вечером, тети и дяди, собирающиеся на кухне, футбол по телевизору в гостиной. На столе в вазе из искусственного хрусталя — последние пурпурные хризантемы из сада. Запах воскресного вечера, острый, но едва заметный. Последний уик-энд. В понедельник утром нас заберет желтый школьный автобус.

Дженни и Рэчел, разумеется, ничего этого не видят. Они слышат беззаботные слова, произносимые хорошим баритоном, простую мелодию, которую они могут запомнить, чувствуют надежду и бесстрашие в этих глупых виршах. Они в восторге. Мак-Хейб повторяет песню несколько раз, и девочки начинают петь хором, затем поют три песенки, популярные на танцульках в бараках, делают гостю еще лимонада и начинают расспрашивать его о жизни Снаружи. Они задают простые вопросы: Что там едят? Где берут еду? Что носят? Они втроем все еще сидят на кухне, когда я отправляюсь спать, — мой артрит в конце концов дает о себе знать. Я смотрю на закрытую дверь спальни Мэйми с печалью, которой я не ожидала и причину которой не могу назвать.

— Этому сукину сыну лучше не подходить ко мне, — говорит Мэйми на следующее утро.

День выдался солнечный, и я сижу у окна, вяжу одеяло, чтобы разработать пальцы, и размышляю, от какой овцы эта шерсть — корейской или китайской. Рэчел и Дженни ушли на трудовой вызов, углублять колодец в блоке Е; об этом говорили уже несколько недель, и, очевидно, у кого-то наконец нашлось время организовать работу. Мэйми неуклюже шлепается на стул, глаза ее покраснели от слез.

— Я застукала его, когда он трахался с Мэри Делбартон. — Язык у нее заплетается, как у двухлетнего ребенка. — Мама, он трахался с Мэри Делбартон.

— Оставь его в покое, Мэйми.

— Я опять буду одна. — Она произносит это с каким-то величием, но его хватает ненадолго. — Этот сукин сын ло-

жится со шлюхой на следующий день после нашей помолвки, и я снова одна!

Я молчу; сказать тут нечего. Муж Мэйми умер, когда Рэчел было всего пять лет, после испытания лекарства, которое проводили посланные правительством врачи. Колонии представляли собой источник подопытных животных. Семнадцать человек из четырех колоний погибли, прежде чем правительство прекратило финансировать подобные эксперименты и законодательно запретило посещать колонии. Слишком велик риск заражения, говорили они. Ради защиты здоровых граждан страны.

— Я не позволю ему прикоснуться ко мне! — всхлипывает Мэйми, на ресницах ее дрожат слезы. Одна слеза падает, оставляет дорожку длиной в дюйм и натыкается на болячку, затем стекает вбок, ко рту. Я протягиваю руку и смахиваю слезу. — Черт побери, проклятый сукин сын!

Вечером они с Питером держатся за руки. Они сидят рядом, и он шарит у нее под юбкой, думая, что из-за стола ничего не видно. Мэйми засовывает руку ему в штаны. Рэчел и Дженни отводят глаза, Дженни слегка краснеет. В мозгу у меня мелькает обрывок воспоминаний, из тех, которые годами не всплывали на поверхность: мне около восемнадцати, я первокурсница Йельского университета, лежу на огромной железной кровати, покрытой одеялом с современным геометрическим рисунком, рядом со мной рыжеволосый мужчина, с которым я познакомилась три часа назад. Но здесь, Внутри... Здесь сексом, как и всем остальным, занимаются после долгих раздумий, осторожно, скрытно. Слишком долго люди боялись, что эта болезнь, как и та, что свирепствовала ранее, может передаваться половым путем. И еще люди стыдились своего уродливого тела, исчерченного шрамами, оставленными болезнью. Я не уверена, что Рэчел когда-либо видела обнаженного мужчину.

Я говорю, просто чтобы что-нибудь сказать:

— В среду танцы.

— В блоке В, — подхватывает Дженни. Ее голубые глаза блестят. — Там будет группа, которая играла прошлым летом для блока Е.

— Гитары?

— О нет! У них труба и скрипка, — сообщает Рэчел, на которую оркестр явно производит впечатление. — Ты должна послушать, как они звучат вместе, бабушка, это совсем не то, что гитары. Пойдем на танцы!

— Вряд ли я пойду, милая. А доктор Мак-Хейб там будет?

По лицам девушек я понимаю, что моя догадка верна.

Дженни нерешительно произносит:

— Он хочет поговорить с тобой перед танцами, несколько минут. Если можно.

— Зачем?

— Я не... не уверена, не могу сказать.

Она не смотрит мне в глаза: она не хочет говорить, но и лгать тоже не хочет. Мне впервые приходит в голову мысль, что среди нашей молодежи очень мало лжецов. И испорченных детей. Им можно доверять, но с ними нужно поступать честно.

— Ты встретишься с ним? — энергично спрашивает Рэчел.

— Да.

Мэйми, которая уже некоторое время не смотрит на Питера, резко произносит:

— Если дело касается тебя или Дженни, он должен говорить со мной, мисс, а не с твоей бабкой. Я твоя мать и опекунша Дженни и прошу не забывать об этом.

— Дело не в этом, мама, — возражает Рэчел.

— Мне не нравится ваш тон, мисс!

— Извини, — отвечает Рэчел тем же голосом.

Дженни, смущенная, смотрит в пол. Но прежде чем Мэйми доводит себя до настоящего приступа материнского негодования, Питер шепчет ей что-то на ухо, и она хихикает, прикрыв рот ладонью.

Позднее, когда мы остаемся на кухне вдвоем, я тихо говорю Рэчел:

— Постарайся не огорчать свою мать, милая моя. Она ничего не может с собой поделать.

— Хорошо, бабушка, — покорно соглашается Рэчел.

Но я слышу недоверие в ее голосе, недоверие, заглушаемое любовью ко мне и к матери, но все же — недоверие.

Рэчел не верит, что Мэйми не может совладать с собой. Рэчел, рожденная Внутри, не понимает, почему ее мать так боится потерять Питера Мэлони.

Во время второго визита ко мне, шесть дней спустя, как раз перед танцами в бараке, Том Мак-Хейб выглядит иначе. Я уже успела забыть, что бывают люди, излучающие такую энергию и целеустремленность, что сам воздух вокруг них, казалось, звенит. Он стоит, слегка расставив ноги, справа и слева от него — Рэчел и Дженни, обе одетые в парадные юбки ради танцев. Дженни вплела в свои белокурые волосы алую ленту; лента горит, словно цветок. Мак-Хейб слегка дотрагивается до плеча девушки, и по ее ответному взгляду я понимаю, что между ними что-то происходит. У меня сжимается сердце.

— Я хочу быть откровенным с вами, миссис Пратт. Я говорил с Джеком Стивенсоном, Мэри Крамер и еще кое с кем из блоков С и Е и теперь понимаю, как вы здесь живете. По крайней мере немного. Я собираюсь сказать мистеру Стивенсону и миссис Крамер то же, что и вам, но я хотел, чтобы вы первая услышали это.

— Почему? — спрашиваю я более жестко, чем намеревалась. А может быть, и не намеревалась.

Он не обращает внимания на мой тон.

— Потому, что вы одна из первых выживших жертв болезни. Потому, что вы получили хорошее образование Снаружи. Потому, что муж вашей дочери умер от аксопиридина.

В эту минуту я понимаю, что́ собирается сообщить мне мистер Мак-Хейб, я также понимаю, что Рэчел и Дженни это уже слышали. Они внимательно слушают его, слегка приоткрыв рот, словно дети, которым рассказывают чудесную, но уже знакомую сказку. Но понимают ли они ее? Рэчел не видела, как умирал ее отец, хватая ртом воздух, который не принимали его легкие.

Мак-Хейб, наблюдая за мной, продолжает:

— Со времени этих смертей проведено множество исследований вашей болезни, миссис Пратт.

— Нет. Ничего не было. Это слишком рискованно, так утверждает ваше правительство.

Я вижу, что он понял намек.

— Испытание на людях любых лекарств запрещено, это правда. Чтобы снизить число контактов с зараженными.

— Тогда каким же образом возможно было проведение этих исследований?

— Их осуществляли врачи, которые добровольно приходили Внутрь и не возвращались обратно. Данные передавались наружу с помощью лазера. В закодированном виде.

— Какой же нормальный врач согласится прийти сюда, чтобы никогда не возвращаться обратно?

Мак-Хейб улыбается; и снова меня поражает эта клокочущая в нем энергия.

— О, вы будете удивлены. Трое жили в Пенсильванской колонии. Один уже миновал пенсионный возраст. Второй, истый католик, посвятил свои исследования Богу. Третьего никто не мог вычислить, это был непреклонный, целеустремленный человек, блестящий ученый.

Был.

— И вы?

— Нет, — спокойно возражает Мак-Хейб. — Я могу входить сюда и возвращаться.

— А что произошло с остальными?

— Они умерли. — Он делает правой рукой едва заметное, тут же подавляемое движение, и я догадываюсь, что он курильщик или был им. Сколько лет прошло с тех пор, как я сама перестала вот так же тянуться за несуществующей сигаретой? Почти два десятилетия. Сигареты — неподходящая вещь для пожертвования; они слишком дорого стоят. Но я все еще помню этот жест. — Двое из троих врачей заразились болезнью. Они проводили опыты на себе, а также на добровольцах. Затем в один прекрасный день правительство перехватило передачу, солдаты пришли и все уничтожили.

— Зачем? — спрашивает Дженни.

— Исследования, касающиеся этой болезни, запрещены законом. Люди Снаружи боятся утечки заразы: вирусов, каким-то образом попадающих наружу с комарами, птицами, даже в виде спор.

— Но за эти годы ничего не попало наружу, — возражает Рэчел.

— Верно. Однако правительство опасается, что, если ученые начнут сращивать и перекрещивать гены, вирус станет более устойчивым. Ты не понимаешь психологию людей, живущих Снаружи, Рэчел. Там все запрещено. Это самый темный период в американской истории. Все чего-то боятся.

— Но вы же не боитесь, — тихо говорит Дженни.

Я едва слышу ее. Мак-Хейб улыбается ей так, что у меня становится нехорошо на душе.

— Мы не желаем сдаваться. Исследования продолжаются. Но все происходит подпольно. И мы многого достигли. Мы узнали, что вирус затрагивает не только кожу. Существуют...

— Молчите, — прерываю его я, понимая, что сейчас он скажет нечто важное. — Подождите минуту. Дайте мне подумать.

Мак-Хейб ждет. Дженни и Рэчел смотрят на меня, и я вижу на их лицах с трудом подавляемое возбуждение. В конце концов я нахожу слова:

— Вам что-то нужно, доктор Мак-Хейб. Всем этим исследователям что-то от нас нужно, помимо чистой радости познания. Если дела Снаружи идут так плохо, как вы описываете, то там, должно быть, свирепствует множество болезней, которые можно лечить, не жертвуя собой. Многие из ваших сограждан нуждаются в вас, — он кивает, и глаза его светятся, — но вы пришли сюда. Зачем? У нас не возникает никаких новых симптомов, мы едва выживаем, а людям Снаружи давным-давно безразлично, что с нами происходит. У нас ничего нет. Так зачем вы здесь?

— Вы ошибаетесь, миссис Пратт. Напротив, у вас здесь происходит кое-что весьма интересное. Вы выжили. Ваше общество несколько деградировало, но не рухнуло. А ведь вы существуете в условиях, при которых существовать невозможно.

Снова эта чепуха. Я поднимаю брови. Он не отводит глаз от огня и негромко продолжает:

— Сказать, что в Вашингтоне беспорядки, — значит не сказать ничего. Вы не видели, как двенадцатилетний мальчишка пивыряет самодельную бомбу, не видели человека, которому вспороли живот только потому, что у него была работа, а у его соседа — нет, не видели трехлетнюю девочку, умирающую от голода, потому что родители выбросили ее, словно ненужного котенка... Вы ничего не знаете. Такого не происходит Внутри.

— Мы лучше, чем они, — говорит Рэчел.

Я смотрю на свою внучку. Она произносит это просто, без чувства превосходства, но с некоторым удивлением. В свете горящих поленьев утолщенные серые участки кожи на ее щеке кажутся темно-малиновыми.

Мак-Хейб соглашается:

— Можно сказать и так. Как я уже начал говорить, мы выяснили, что вирус воздействует не только на кожу. Он также изменяет структуру нервных рецепторов, расположенных в мозгу. Этот процесс происходит довольно медленно, вот почему в суматохе ранних исследований его не заметили. Но он происходит реально, он так же реален, как стремительное увеличение емкости рецепторов, вызываемое, скажем, кокаином. Вы следите за моей мыслью, миссис Пратт?

Я киваю. Дженни и Рэчел тоже как будто понимают его, хотя они не разбираются во всей этой терминологии, и я догадываюсь, что Мак-Хейб, должно быть, объяснил им все это другими словами.

— По мере того как вирус воздействует на мозг, рецепторы, получающие импульсы возбуждения, постепенно становятся труднодоступными, а рецепторы, получающие сигналы торможения, работают быстрее.

— Вы хотите сказать, что мы тупеем.

— О нет! Интеллект совершенно не затрагивается. Происходят изменения в эмоциональной сфере и поведении, но не в интеллекте. Вы — все вы — становитесь спокойнее. Вы менее склонны к действию, к чему-то новому. Вы испытываете легкую, едва заметную депрессию.

Огонь угасает. Я беру кочергу, слегка погнутую — кто-то пытался воспользоваться ею в качестве лома, — и перевора-

чиваю полено, прессованное синтетическое полено идеальной формы, со штампом «Дар „Weyerhaeuser-Seyyed“»[1].

— Я не испытываю депрессии, молодой человек.

— Это подавленное состояние нервной системы, но эта депрессия нового типа, не сопровождающаяся безнадежностью, обычно сопутствующей клинической форме болезни.

— Я вам не верю.

— Правда? При всем уважении к вам, могу я спросить, когда в последний раз вы — или кто-нибудь еще из старожилов — пытались что-то существенно изменить в жизни Внутри?

— Здесь никакие конструктивные изменения невозможны. Вещи можно только принять. Это не химия, это реальность.

— Но Снаружи реальность не такова, — мрачно возражает Мак-Хейб. — Снаружи люди тоже не производят конструктивных изменений, но и не принимают действительность такой, как она есть. Они становятся жестокими. У вас, Внутри, почти не наблюдалось проявлений жестокости, за исключением нескольких первых лет, даже притом, что жить становится все тяжелее. Когда вы в последний раз ели сливочное масло, миссис Пратт, или курили сигарету, или надевали новые джинсы? Вы не знаете, что происходит Снаружи, когда товары первой необходимости становятся недоступными, а поблизости нет полиции. А здесь, Внутри, вы просто распределяете все, что у вас есть, как можно справедливее или обходитесь без каких-то вещей. Никаких грабежей, никаких бунтов, никакой разъедающей зависти. И никто Снаружи не понимает почему. А теперь мы поняли.

— Мы испытываем зависть.

— Но она не переходит в гнев.

Каждый раз, когда кто-то из нас заговаривает, Дженни и Рэчел поворачивают головы, глядя говорящему в лицо, как зрители, напряженно следящие за игрой в теннис, ко-

---

[1] *«Weyerhaeuser»* — один из крупнейших в мире производителей целлюлозно-бумажной продукции.

торой они никогда не видели. Кожа Дженни светится жемчужным светом.

— Наши молодые люди не подвержены приступам жестокости, но болезнь не успела сильно затронуть их.

— Они учатся тому, как вести себя, от старших — как и все дети.

— Я не ощущаю депрессии.

— Значит, вы полны энергии?

— У меня артрит.

— Я не это имею в виду.

— Тогда что же вы имеете в виду, доктор?

И снова это беспокойное движение украдкой за несуществующей сигаретой. Но голос его спокоен.

— Сколько времени прошло, прежде чем вы собрались воспользоваться инсектицидом против термитов, который я привез Рэчел? Она сказала мне, что вы запретили ей самой делать это, и были правы; это ядовитая штука. Сколько дней прошло, прежде чем вы или ваша дочь разбрызгали его?

Отрава все еще в банке.

— Вы сейчас чувствуете гнев, миссис Пратт? — продолжает он. — Я думаю, что мы понимаем друг друга, вы и я, и теперь вы догадываетесь, зачем я здесь. Но вы не кричите на меня, не приказываете мне убираться прочь, даже не говорите, что вы обо мне думаете. Вы слушаете, и слушаете спокойно, и вы принимаете все, о чем я вам говорю, хотя понимаете, что мне от вас нужно...

Открывается дверь, и Мак-Хейб замолкает. В комнату врывается Мэйми, за ней — Питер. Моя дочь хмурится и топает ногой.

— Где ты ходишь, Рэчел? Мы уже десять минут стоим на улице и ждем вас всех! Танцы начались!

— Еще несколько минут, мама. Мы разговариваем.

— Разговариваете? О чем? Что происходит?

— Ничего особенного, — успокаивает ее Мак-Хейб. — Я просто задал вашей матери несколько вопросов о жизни Внутри. Простите, что задержал вас.

— А меня вы никогда не расспрашиваете о жизни Внутри. И кроме того, я хочу танцевать!

Мак-Хейб предлагает:

— Если вы и Питер хотите пойти, идите, я приведу Рэчел и Дженни.

Мэйми прикусывает нижнюю губу. Я вдруг понимаю, что ей нужно пройтись по улице до танцплощадки между Питером и Мак-Хейбом, держа их под руки, и чтобы девушки шли следом. Мак-Хейб твердо смотрит ей в глаза.

— Ну ладно, как хотите, — с обидой в голосе отвечает она. — Пошли, Пит!

Она сильно хлопает дверью.

Я смотрю на Мак-Хейба, не желая задавать свой вопрос при Рэчел и надеясь, что он догадается, какое возражение я собираюсь привести. Он понимает.

— Всегда существует небольшой процент больных, у которых болезнь проявляется не в пассивности, а в раздражительности. Возможно, так происходит и здесь. Мы не знаем.

— Бабушка, — перебивает его Рэчел, которая явно не в силах больше сдерживаться. — У него есть лекарство.

— Оно избавляет только от накожных проявлений, — быстро говорит Мак-Хейб, и я вижу, что он не хотел бы выпаливать новость таким образом. — Но воздействие на мозг остается.

Я невольно спрашиваю:

— Как можно избавиться от одного, не затронув другое?

Он проводит рукой по волосам. У него густые каштановые волосы. Я вижу, как Дженни смотрит на его руку.

— Ткани, образующие кожный покров и мозг, различаются, миссис Пратт. Вирус достигает кожи и мозга в одно и то же время, но изменения в мозговой ткани, которая имеет более сложную структуру, гораздо труднее заметить. И их нельзя устранить — нервные клетки не восстанавливаются. Если вы порежете кончик пальца, то поврежденный кусок кожи отвалится и на этом месте вырастут новые клетки. Черт возьми, если вы достаточно молоды, у вас вырастет новый кончик пальца. Мы считаем, что наш препарат стимулирует клетки кожи и с пораженными участками произойдет то же самое. Но если вы повредите кору

головного мозга, то новых клеток на этом месте не вырастет. И если другой участок коры не компенсирует работу погибшего, поведение, за которое отвечали умершие клетки, исчезнет навсегда.

— Исчезнет и сменится депрессивным, вы хотите сказать.

— Спокойным. Человек будет воздерживаться от активных действий... Страна нуждается в спокойствии, миссис Пратт.

— И поэтому вы хотите забрать кого-то из нас Наружу, вылечить накожные болячки и позволить распространиться «депрессии», «воздержанию», «нежеланию действовать»...

— У нас там слишком много действия. И никто не в состоянии его контролировать — это действие, приносящее вред. Мы хотим немного замедлить все происходящее — пока еще есть что замедлять.

— Вы собираетесь заразить все население Земли...

— Постепенно. Осторожно. Для их же блага...

— Разве вы имеете право решать, что является благом?

— Если вспомнить альтернативу, да. Потому что это работает. Колонии существуют, несмотря на все лишения. И они существуют благодаря болезни!

— Каждый заразившийся будет страдать от кожных проявлений...

— Которые мы вылечим.

— А ваше лекарство подействует? Отец Рэчел умер от подобного препарата!

— Вы неправы, — возражает он, и в его голосе чувствуется абсолютная убежденность молодости. Убежденность энергичного человека, который живет Снаружи. — Мы разработали препарат совершенно нового типа. Он обязательно подействует.

— И вы хотите испытать этот совершенно новый препарат на мне, как на морской свинке?

На мгновение повисает напряженная тишина. Мы обменивается взглядами серых, голубых, карих глаз. Прежде чем Рэчел успевает подняться с табурета, прежде чем Мак-Хейб успевает сказать: «Мы считаем, что лучший способ

избежать появления шрамов — испытать лекарство на молодых людях с небольшими пораженными участками», — я все понимаю. Рэчел обнимает меня. А Дженни — Дженни, с алой лентой в волосах, сидящая на ломаном табурете, как на троне, Дженни, никогда не слышавшая о нейромедиаторах, медленных вирусах или рисках, просто говорит: «Это буду я» — и смотрит на Мак-Хейба глазами, в которых сияет любовь.

Я говорю «нет». Я отсылаю Мак-Хейба прочь и говорю ему «нет». Я спорю с девушками и говорю «нет». Они с несчастным видом смотрят друг на друга, и я размышляю, сколько времени пройдет, прежде чем они поймут, что могут действовать самостоятельно, не спрашивая ни у кого разрешения. Но вряд ли такое время когда-нибудь наступит.

Мы спорим почти час, а затем я настаиваю, чтобы они шли танцевать, и иду с ними. Ночь холодна. Дженни натягивает свитер, тяжелое бесформенное одеяние домашней вязки, закрывающее ее от шеи до коленей. Рэчел надевает черное синтетическое пальто, полученное в качестве пожертвования, вытертое на запястьях и подоле. Когда мы выходим из дому, Рэчел останавливает меня, положив руку мне на локоть.

— Бабушка, почему ты запретила нам?

— Почему? Дорогая, я целый час говорила тебе почему. Риск, опасность...

— Только поэтому? Или... — хотя в прихожей темно, я словно вижу, как она собирается с силами, — или из-за того — не сердись на меня, бабушка, прошу, не сердись на меня, — потому что лекарство — нечто новое, что принесет перемены? Нечто... новое, чего ты не хочешь, потому, что это интересно? Как сказал Том?

— Нет, не поэтому, — отвечаю я и чувствую, что она напряжена, и в первый раз за всю ее жизнь я не могу понять причину этого напряжения.

Мы идем по улице, направляясь к блоку В. На небе сияют луна и звезды, крошечные, бесконечно далекие булавочные головки, излучающие холодный свет. Блок В праздично освещен керосиновыми лампами и факелами, воткнуты-

ми в землю перед обшарпанными бараками, которые образуют унылую четырехугольную площадь. Или она просто кажется мне унылой из-за того, что сказал Мак-Хейб? Может быть, мы могли бы жить лучше, чем живем сейчас, в этом бесцветном утилитаризме, среди этих приглушенных, тусклых красок, среди этого серого мира?

До сегодняшнего вечера мне не приходили в голову подобные мысли.

Я стою в темноте в начале улицы, как раз рядом с площадью, с Рэчел и Дженни. Напротив меня играет оркестр — скрипка, гитара и труба, у которой западает один клапан. Люди, одетые в лучшие наряды, наполняют площадь, собираются в группы вокруг факелов, говорят приглушенными голосами. Шесть или семь пар медленно танцуют посредине, на клочке голой земли, едва держась друг за друга и двигаясь под заунывное исполнение песни «Звездолеты и розы». Эта песня была хитом в тот год, когда я заразилась, а еще через десять лет ее снова вспомнили. В тот год, когда люди впервые отправились на Марс. Предполагалось, что астронавты учредят там колонию.

Интересно, они еще там?

Мы не пишем новых песен.

Питер и Мэйми кружатся среди других пар. «Звездолеты и розы» заканчиваются, музыканты начинают играть «Вчера». На мгновение в ярком свете факелов передо мной мелькает лицо Мэйми: оно напряжено, челюсти стиснуты, на щеках — следы слез.

— Тебе лучше сесть, бабушка, — говорит Рэчел.

Она заговаривает со мной в первый раз с той минуты, как мы покинули свой барак. Голос ее звучит глухо, но не сердито, и я вижу, что Дженни тоже не сердится, когда она раскладывает трехногий табурет, принесенный для меня. Они никогда не сердятся по-настоящему.

Табурет проседает под моим весом, ножки его неровно уходят в землю. Мальчишка двенадцати-тринадцати лет подходит к Дженни и молча протягивает ей руку. Они присоединяются к танцующим. Джек Стивенсон, страдающий от артрита гораздо сильнее, чем я, ковыляет ко мне со своим внуком Хэлом.

— Привет, Сара. Давненько не виделись.

— Привет, Джек.

Толстые полосы обезображенной кожи пересекают его щеки, уродуют нос. Когда-то, много лет назад, в Йеле, мы были любовниками.

— Хэл, иди потанцуй с Рэчел, — говорит Джек. — Но сначала дай мне табурет. — Хэл послушно обменивает табурет на Рэчел, и Джек опускается рядом со мной. — Большие дела творятся, Сара.

— Я слышала.

— Мак-Хейб рассказывал тебе? Все? Он говорил, что, перед тем как зайти ко мне, побывал у тебя.

— Рассказывал.

— И что ты об этом думаешь?

— Не знаю.

— Он хочет испытать лекарство на Хэле.

Хэл. Я не подумала об этом. Лицо мальчика чистое и гладкое, единственный видимый признак болезни — на правой ладони. Я отвечаю:

— Он предлагал это и Дженни.

Джек кивает, он не удивлен.

— Хэл отказался.

— Вот как?

— Ты хочешь сказать, что Дженни согласилась? — Он изумленно смотрит на меня. — Она согласилась на такое опасное дело, как испытание нового лекарства? Я уж не говорю о предполагаемом бегстве Наружу.

Я не отвечаю. Питер и Мэйми появляются из-за спин танцующих, снова исчезают. Песня, под которую они танцуют, медленная, печальная и очень старая.

— Джек, а можем ли мы жить лучше? Здесь, в колонии?

Джек наблюдает за танцующими. Наконец он произносит:

— Мы не убиваем друг друга. Мы не сжигаем дома. Мы не воруем, или, по крайней мере, воруем мало. Мы не утаиваем продукты. Мне кажется, мы живем лучше, чем кто-нибудь когда-нибудь надеялся жить. Включая нас самих. — Он шарит глазами среди танцующих, ища Хэла. — Он самое лучшее, что есть в моей жизни, этот мальчик.

Еще одно мимолетное воспоминание: Джек выступает в Йеле на диспуте по какой-то давным-давно забытой политологической дисциплине; он молод, полон энергии. Он стоит, слегка раскачиваясь на каблуках, наклонившись вперед, словно фехтовальщик или танцор, его черные волосы блестят в свете электрических ламп. Девушки не сводят с него глаз, сложив руки на открытых учебниках. Он выступает в диспуте «за». Итог: разжигание превентивных войн в странах третьего мира — эффективный метод избежать ядерного конфликта между сверхдержавами.

Неожиданно музыка смолкает. Стоящие посреди площади Питер и Мэйми кричат друг на друга:

— ...видела, как ты трогал ее! Подонок, бабник бесстыжий!

— Ради бога, Мэйми, только не здесь!

— А почему не здесь? Ты не против был танцевать с ней здесь, здесь лапал ее за спину, за задницу, за... за...

Она плачет. Люди смущенно отводят глаза. Какая-то женщина выступает вперед и нерешительно прикасается к плечу Мэйми. Та стряхивает руку, закрывает лицо и убегает прочь. Питер какое-то мгновение оцепенело стоит посреди площади, затем произносит, ни к кому не обращаясь:

— Мне очень жаль. Танцуйте, пожалуйста.

Он пробирается к оркестру, который начинает нестройно наигрывать «Didn't We Almost Have It All»[1]. Этой песне двадцать пять лет. Джек Стивенсон говорит:

— Может, тебе чем-нибудь помочь, Сара? С твоей дочкой?

— Чем?

— Ну, не знаю, — отвечает он.

Разумеется, он не знает. Он предлагает помощь просто из сочувствия, понимая, что безобразная сценка на танцплощадке расстроила меня.

Мы все можем вот так легко заметить у другого человека депрессию.

Рэчел танцует с каким-то незнакомцем, это мужчина старше ее, с безмятежным лицом. Она бросает озабо-

[1] Песня Уитни Хьюстон (1987).

ченный взгляд через плечо: Дженни теперь танцует с Питером. Я не вижу его лица. Но вижу лицо Дженни. Она ни на кого конкретно не смотрит, но это и не нужно. Я ясно понимаю, что она хочет сказать своим поступком: я запретила ей приходить на танцы с Мак-Хейбом, но не запрещала танцевать с Питером, и вот она танцует, хотя ей этого совершенно не хочется, и по лицу ее видно, что она сама испугалась своего неповиновения. Питер прижимает ее к себе, она с вымученной улыбкой отстраняется.

Ко мне подходят Кара Десмонд и Роб Котрелл, закрывая от меня танцующих. Они живут здесь столько же, сколько и я. У Кары есть новорожденный правнук, один из редких детей, рожденных со следами болезни на теле. Платье Кары, надетое для тепла поверх джинсов, порвано на подоле; голос ее звучит тихо:

— Сара. Как я рада видеть тебя.

Роб ничего не говорит. За те несколько лет, что я его не видела, он располнел. В мигающем свете факелов его лицо, украшенное двойным подбородком, излучает безмятежность; он похож на больного Будду.

Только через два танца я замечаю, что Дженни исчезла.

Я оглядываюсь вокруг в поисках Рэчел. Она наливает музыкантам травяного чая. Питер танцует с какой-то женщиной, у которой под платьем нет брюк, она дрожит и улыбается. Значит, Дженни ушла не с Питером...

— Роб, ты не проводишь меня до дома? Вдруг я споткнусь.

Холод пробирает меня до костей.

Роб без удивления кивает. Кара говорит: «Я тоже пойду», и мы оставляем Джека Стивенсона на его табурете ждать, когда ему принесут горячего чая. Мы идем по улице так быстро, как только я могу, хотя мне хотелось бы идти быстрее, и Кара беззаботно болтает по дороге. Луна зашла. Земля неровная, на улице темно, видны лишь звезды и редкие огни в бараках. Это свечи и масляные лампы. Один раз я замечаю мощный свет, исходящий, очевидно, от фонаря на солнечных батареях — я давно таких не видела.

Корейский, как сказал Том.

— Ты дрожишь, — замечает Кара. — Вот, возьми мое пальто.

Я качаю головой.

Я уговариваю их не провожать меня в дом, и они уходят, не задавая вопросов. Я бесшумно открываю дверь в темную кухню. Печь погасла. Дверь в спальню полуоткрыта, из темноты доносятся голоса. Я снова содрогаюсь, но пальто Кары сейчас не смогло бы мне помочь.

К счастью, я ошибаюсь. Голоса не принадлежат Дженни и Питеру.

— ...не хочу об этом сейчас говорить, — произносит Мэйми.

— А я хочу поговорить именно об этом.

— Правда?

— Да.

Я стою, прислушиваюсь к голосам, которые звучат то громче, то тише, прислушиваюсь к раздраженному тону Мэйми и решительному голосу Мак-Хейба.

— Дженни — ваша подопечная, так?

— Ах, Дженни. Да. Еще год.

— Тогда она подчинится вам, даже если ваша мать... решать вам. И сй.

— Думаю, да. Но мне нужно подумать об этом. Мне нужна информация.

— Я отвечу на все ваши вопросы.

— Значит, ответите? Вы женаты, доктор Томас Мак-Хейб?

Тишина. Затем его голос, он уже звучит по-другому:

— Не надо.

— Вы уверены? Вы точно уверены?

— Уверен.

— Совершенно, совершенно уверены? Вы хотите, чтобы я остановилась?

Я пересекаю кухню, ударяюсь колсном о незамеченный в темноте стул. Через открытую дверь спальни я вижу проделанную термитами дыру и усыпанное звездами небо.

— О!

— Я сказал, перестаньте, миссис Уилсон. А теперь, пожалуйста, подумайте о том, что я сказал насчет Дженни. Я вернусь завтра утром, и вы сможете...

— Убирайся ты к дьяволу! — вопит Мэйми. И затем, другим голосом, странно спокойным, спрашивает: — Это потому, что я больна? А ты нет? И Дженни — нет?

— Нет. Клянусь, не потому. Я пришел сюда не за этим.

— Нет,— произносит Мэйми ледяным тоном, я никогда не слышала, чтобы она говорила так,— вы пришли помочь нам. Принести нам исцеление. Дать нам возможность выйти отсюда. Но не всем. А только тем немногим, у кого болезнь еще не зашла далеко, кто еще не слишком изуродован, — тем, кого вы можете использовать.

— Все не так...

— Немногим, кого вы можете спасти. И оставите всех прочих гнить здесь, как мы гнили все эти годы.

— Со временем исследования...

— Время! А что для нас здесь, Внутри, значит время? Здесь время — это дерьмо! Время имеет значение, только когда Снаружи приходит кто-нибудь вроде вас, выставляя напоказ здоровую кожу, и нам становится еще хуже, когда мы глядим на вашу новую одежду, на ваши новые часы, на ваши блестящие волосы, ваши... ваши...

Она разражается рыданиями. Я вхожу в комнату.

— Успокойся, Мэйми. Успокойся.

Никто из них не показывает, что замечает меня. Мак-Хейб стоит на месте; наконец я машу рукой в сторону двери, и он уходит, не сказав ни слова. Я обнимаю Мэйми, она прижимается ко мне и рыдает. Моя дочь. Даже сквозь пальто я чувствую толстые пласты обезображенной кожи на ее щеке, которая прижимается ко мне, и в голове у меня кружится единственная мысль: а я и не заметила, что у Мак-Хейба есть часы.

Позднее, ночью, после того как Мэйми, отупев от слез, впала в забытье, а я несколько часов провалялась на кровати без сна, в нашу комнату прокралась Рэчел и сообщила мне, что Дженни и Хэл Стивенсон получили инъекции экспериментального препарата Тома Мак-Хейба. Она дрожит от холода, но держится дерзко, хотя сама пугается своей

дерзости. Я держу ее в объятиях, пока она, в свою очередь, не засыпает, и я вспоминаю Джека Стивенсона в молодости, вспоминаю, как блестели его волосы в свете ламп, когда он воодушевленно доказывал необходимость пожертвовать одной цивилизацией ради другой.

На следующее утро Мэйми уходит из барака рано. Веки ее припухли и покраснели. Я думаю, что она уходит искать Питера, и ничего не говорю. Мы сидим за столом, Рэчел и я, едим свою овсянку и не смотрим друг другу в глаза. Поднять ложку ко рту стоит неимоверных усилий. Мэйми все нет и нет.

Позднее я представила себе, как это было. Сейчас, после того, как Дженни, Хэл и Мак-Хейб пришли и ушли, я не могу избавиться от этой картины: Мэйми идет с распухшими глазами по грязным улицам, мимо бараков, по немощеным площадям, в уголках которых разбиты крошечные огородики с шаткими подпорками для бобов и желто-зеленой морковной ботвой. Мимо хранилищ с китайской, корейской и японской шерстью, дровяными печами, никем не охраняемыми товарами и медикаментами. Мимо птичников и загонов для коз. Мимо Центральной администрации, пыльного здания из шлакоблоков, где уже лет десять назад перестали вести записи актов гражданского состояния — кому вам доказывать, что вы родились или переехали в другой барак? Мимо последнего общественного колодца, соединенного с общим водным горизонтом. Мэйми идет, пока не достигает Границы, ее останавливают, и она рассказывает то, что хотела рассказать.

Они приходят несколько часов спустя, в полных защитных костюмах, вооруженные автоматическим оружием, на вид иностранного производства. Я вижу их лица сквозь противоударные пластиковые шлемы. Трое солдат открыто смотрят мне в лицо, на Рэчел, на руки Хэла Стивенсона. Двое отводят глаза, стараясь не смотреть на нас, словно вирус может передаваться через взгляд.

Они хватают Тома Мак-Хейба, сидящего за столом на кухне, тащат его с такой силой, что он спотыкается, и швыряют к стене. С Рэчел и Хэлом они обращаются мяг-

че. Один из них с любопытством разглядывает Дженни, которая замерла у противоположного края стола. Они не дают Мак-Хейбу начать одно из страстных оправданий, с помощью которых он пытался убедить меня. Когда он пытается что-то сказать, главный ударяет его по лицу.

Рэчел — Рэчел! — бросается на этого человека. Она хватает его сзади своими молодыми, сильными руками и ногами и кричит:

— Прекратите! Прекратите!

Солдат стряхивает ее движением плеч, словно муху. Другой солдат силой усаживает ее на стул. Когда взгляд его падает на ее лицо, он содрогается всем телом. Рэчел продолжает кричать, она просто кричит, не произнося никаких слов.

Дженни не кричит. Она ныряет под стол и прижимается к плечу Мак-Хейба, и лицо ее скрыто волнами золотистых волос.

— Вас, проклятых докторов, надо запереть здесь раз и навсегда! — рычит главный охранник, перекрывая вопли Рэчел. Слова доносятся сквозь шлем так четко, словно на солдате ничего не надето. — Думаешь, тебе позволено шастать туда-сюда, заражать нас всех?

— Я... — начинает Мак-Хейб.

— Пошел ты! — говорит охранник и стреляет в него.

Мак-Хейб сползает по стене. Дженни подхватывает его, отчаянно пытаясь поднять обмякшее тело. Солдат стреляет снова. Пуля задевает запястье Дженни, дробит кость. Третий выстрел — и Мак-Хейб падает на пол.

Солдаты уходят. Крови совсем мало, только две небольшие дырочки в тех местах, где пули вошли в тело. Мы здесь. Внутри, не знали, что теперь у них такое оружие. Мы не знали, что пули могут так убивать. Мы ничего не знали.

— Ты это сделала, — говорит Рэчел.

— Я сделала это ради вас, — отвечает Мэйми. — Ради вас!

Они стоят в противоположных концах кухни. Мэйми прижимается спиной к двери, которую она только что закрыла за собой, вернувшись наконец домой. Рэчел стоит у той стены, у которой умер Том. Дженни, напич-

капная снотворным, лежит в спальне. Хэл, юное лицо которого искажено яростью оттого, что он не смог противостоять пятерым вооруженным охранникам, сбегал за врачом, живущим в блоке J, и застал его перевязывающим ногу козе.

— Ты это сделала. Ты. — Она говорит с трудом, глухим голосом.

Кричи, хочется мне сказать. Рэчел, кричи.

— Я сделала это, чтобы спасти вас!

— Ты сделала это, чтобы я навсегда осталась в этой тюрьме. Как ты.

— Ты никогда не считала это место тюрьмой! — кричит Мэйми. — Ты же была счастлива здесь!

— А ты никогда не будешь счастлива. Никогда. Ни здесь, ни где-либо еще.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть этого ужасного, взрослого выражения на лице моей Рэчел. Но в следующее мгновение она снова становится ребенком, бежит мимо меня в спальню, содрогаясь от рыданий, и хлопает дверью.

Я смотрю Мэйми в лицо.

— Зачем?

Но она не отвечает. И я понимаю, что это не имеет значения; я не поверила бы ей, что бы она ни сказала. Она не отвечает за свои действия. Она больна, она в депрессии. Теперь мне приходится поверить в это. Она моя дочь, и ее мозг пострадал так же, как и ее кожа, изуродованная страшными болячками. Она жертва болезни, и никакие ее слова не смогут ничего изменить.

Скоро утро. Рэчел стоит в узком проходе между кроватью и стеной, складывая свою одежду. На покрывале сохранился отпечаток тела Дженни, которая здесь спала; саму Дженни Хэл Стивенсон отвел в ее барак, где ей, проснувшись, не придется видеть Мэйми. На грубо сколоченной полке рядом с Рэчел горит масляная лампа, отбрасывая тени на новую стену, от которой исходит запах средства против термитов.

Одежды у Рэчел немного. Синие колготки, старые, неумело заштопанные; свитер с торчащими нитками; две пары

носков; юбка, которую она надевала на танцы. Все остальное — на ней.

— Рэчел, — говорю я.

Она не отвечает, но я понимаю, чего ей стоит это молчание. Даже такое небольшое неповиновение, даже сейчас. И все же она уходит. Используя связи Мак-Хейба, она уходит Наружу, уходит, чтобы найти подпольную лабораторию по производству лекарства. Если его коллеги разработали следующее поколение препарата, она возьмет его с собой. И даже если лекарства нет, она все равно пойдет. И по пути постарается заразить своей болезнью как можно больше людей, заразить депрессией и отвращением к насилию.

Она считает, что это ее долг. Из-за Дженни, из-за Мэйми, из-за Мак-Хейба. Ей шестнадцать лет, и она верит — несмотря на то что она выросла Внутри, она верит, — что должна что-то предпринять. Даже если это окажется ошибкой. Лучше сделать ошибку, решила она, чем вообще ничего не сделать.

Она понятия не имеет о жизни Снаружи. Она никогда не смотрела телевизор, никогда не стояла в очередях за хлебом, никогда не видела «домов крэка» и кровавых фильмов. Она не знает, что такое напалм, пытка, нейтронная бомба, групповое изнасилование. Для нее Мэйми, с ее смятением и эгоистическими страхами, воплощает высшую степень жестокости и предательства; неуклюжие, робкие домогательства Питера — самую страшную опасность; кража цыпленка — преступление, перед которым меркнет все остальное. Она никогда не слышала об Освенциме, Канпуре[1], инквизиции, боях гладиаторов, Нате Тернере[2], Пол Поте, Сталинграде, Теде Банди[3], Хиросиме, Ми-Лаи[4],

---

[1] В Канпуре, осажденном англичанами во время восстания сипаев в Индии в 1857 г., восставшие убили 200 английских заложников, в основном женщин и детей.

[2] *Нат Тернер* — организатор восстания рабов в США в 1831 г., вместе со своими сообщниками убил около 60 белых людей.

[3] *Тед Банди* (1946—1989) — американский серийный убийца, предполагается, что в числе его жертв — примерно 35 женщин.

[4] *Ми-Лаи* — деревня во Вьетнаме, где в 1968 г. американские солдаты совершили убийств 500 мирных жителей.

ручье Вундед-Ни[1], Бабьем Яре, Кровавом воскресенье, Дрездене[2] и Дахау. Выросшая в атмосфере вялости и инертности, она ничего не знает о ярости, вызываемой депрессией, об эпидемии разрушения, развязанной нашей цивилизацией, которую так же сложно остановить, как заразную болезнь.

Я не думаю, что она сумеет найти подпольных ученых, что бы там ни рассказывал ей Мак-Хейб. Не думаю, что, выйдя Наружу, она сможет заразить сколько-нибудь значительное число людей. Не думаю, что она пройдет большое расстояние, прежде чем ее схватят, вернут сюда или убьют. Она не может изменить мир. Он слишком старый, слишком устойчивый, слишком злой. У нее ничего не получится. Нет на свете силы мощнее разрушения.

Я собираю вещи, чтобы идти с ней.

---

[1] Бойня на ручье Вундед-Ни (1890) была последним крупным вооруженным столкновением между индейцами сиу и армией США. В ходе стрельбы погибли 350 индейцев, включая женщин и детей.

[2] Имеется в виду серия бомбардировок Дрездена, проведенных британскими ВВС 13—15 февраля 1945 г.; число жертв среди населения составило до 40 000 убитыми и 30 000 ранеными.

ЭЛИЗАБЕТ БИР

Между дьяволом и синим морем

Элизабет Бир — автор ряда научно-фантастических романов, среди которых трилогия о Дженни Кейси: «Выкованная» («Hammered»), «Шрам» («Scardown») и «На связи с миром» («Worldwire»), завоевавшая премию журнала «Locus»; «Глубинные течения» («Undertow») и «Карнавал» («Carnival»), попавший в число финалистов премии Филипа Дика. Она написала также фэнтезийную серию «Век Прометея» («Promethean Age») и, в соавторстве с Сарой Монетт, роман «Товарищ волкам» («A Companion to Wolves»). Кроме того, начиная с 2003 года Элизабет Бир опубликовала около пятидесяти рассказов. Многие из них вошли в сборник «Цепи, которые ты отвергаешь» («The Chains That You Refuse»). На веб-сайте писательницы www.elizabethbear.com представлена информация о готовящихся к выпуску новых произведениях.

В рассказе «Между дьяволом и синим морем», впервые появившемся в электронном журнале «SCI Fiction», описывается поездка курьера по постапокалиптической Америке. История напоминает повесть Роджера Желязны «Долина Проклятий» («Damnation Alley»), хотя и не является вторичной. Элизабет Бир, несколько лет прожившая в Лас-Вегасе, явно поддалась очарованию окружающей пустыни, где некогда был ядерный полигон, что и отразилось на этом рассказе. Собирая материал, писательница специально изучала правила передвижения по радиоактивной зоне: если вдруг события, предшествующие описываемой истории, произойдут в действительности, это может оказаться полезным.

Наступил конец света — и миновал. И, в общем, оказалось, что большого значения он не имеет.

Почта в любом случае должна работать.

Хари подписала подготовленные с вечера бумаги, сверила с календарем даты, посидела еще, разглядывая свою подпись, и надела на ручку колпачок. Покачивая в руке металлический стержень, подняла голову и взглянула в выцветшие глаза Диспетча.

— А что такого особенного в этом рейсе?

Он пожал плечами, развернул к себе сколотую стопку бумаг и принялся внимательно изучать правильность заполнения каждого бланка. Хари не следила за ним. Она никогда не делала ошибок.

— А что, непременно должно быть что-то особенное?

— Иначе ты не обещал бы мне столько заплатить.

Она усмехнулась, когда Диспетч поставил на стол термозащищенный стальной контейнер.

— Через восемь часов это должно быть в Сакраменто, — сказал он.

— Что там?

— Медицина. Эмбриональные стволовые клетки в контейнере с терморегуляцией. Температура не должна быть выше или ниже определенного уровня. К тому же по одной хитрой формуле посчитали, что клетки могут прожить в данном объеме питательной среды строго определенное время. И за то, чтобы получить их к восемнадцати ноль-ноль, заказчик в Калифорнии заплатит кругленькую сумму.

— Сейчас почти десять утра. Что значит слишком высокая или слишком низкая температура?

Хари взвесила в руке контейнер. Он был легче, чем казался на вид. И он без труда поместится в багажник ее мотоцикла.

— То есть не выше, чем сейчас, — вытирая потный лоб, ответил Диспетч. — Так ты берешь этот заказ?

— Восемь часов? Из Финикса в Сакраменто? — Хари откинулась назад и поглядела на солнце. — Мне придется ехать через Вегас. После Большого Взрыва ездить по Калифорнии с такой скоростью непросто.

— Никого другого я бы и не послал. Да, быстрее всего — через Рино.

— На всем пути до Тонопы отсюда, как и из любого места по эту стороны дамбы, бензина не найти. Не поможет даже карточка курьера.

— В Боулдер-Сити есть КПП. Там и заправишься.

— У военных?

— Сказал же, заплатят очень хорошо, — пожал он плечами. Его кожа уже блестела от пота.

Днем в Фениксе будет жарко, подумала Хари, никак не ниже сорока градусов по Цельсию. По крайней мере, она-то поедет на север.

— Я беру заказ, — сказала Хари и протянула руку за грузовой квитанцией. — В Рино нужно что-нибудь забрать?

— Ты знаешь, что говорят о Рино?

— Угу. Говорят, что он слишком близко к аду.

— Именно. И нечего тебе там делать. Проезжай его без задержки, — сказал Петч. — И в Вегасе — никаких остановок. Эстакада там рухнула, но если дорога не завалена обломками, тебя это не задержит. Поедешь через Вегас на Фаллон по Девяносто пятому шоссе, и не будет никаких проблем.

— Контроль? — Она перекинула ремень контейнера через плечо, притворяясь, что не заметила, как Петч поморщился. — Я сообщу по радио, когда приеду в Сакраменто...

— По телеграфу, — сказал он. — Радиосигнал забьют помехи от радиации.

— Договорились, — согласилась она, поворачиваясь к закрепленной в открытом положении двери.

Ее Конни — «кавасаки конкурс» довоенной модели — припал к земле возле раскрошившегося поребрика, похожий на огромную пантеру. Не самый лучший байк на свете, но он доставит вас куда нужно. Понятно, при условии, что вы не разобьете этого неустойчивого сукина сына еще на парковке.

— Хари...

— Да?! — Она помедлила, не оборачиваясь.

— Встретишь на дороге Будду — убей его.

Она оглянулась, пряди волос зацепились за ремень контейнера и погончик кожаной куртки.

— А если встречу дьявола?

После мощного прямого рывка из Феникса она сбросила газ, плавно вписываясь в повороты пологого спуска к дамбе Гувера, и обдумывала предстоящий путь. Чтобы успеть, нужно было держать среднюю скорость сто шестьдесят километров в час. Все должно было пройти гладко; она бы очень удивилась, встретив на перегоне Боулдер-Сити—Тонопа еще хоть один транспорт.

Перед отъездом из Финикса она проверила работу запасного дозиметра, просто на всякий случай. Пока она пересекала по дамбе зараженную реку, оба дозиметра, основной и запасной, тихо пощелкивали, и их дружеское бдительное стрекотание действовало на нее успокаивающе. Сбавить скорость, чтобы полюбоваться раскинувшейся справа голубой ширью или пейзажем слева от дамбы, она не могла, однако отметила, что, учитывая все обстоятельства, сооружение находится в прекрасном состоянии. Чего нельзя было сказать о Вегасе.

В прежние времена (она переключилась на низкую передачу, преодолевая крутой подъем по северной стороне Черного каньона; ее волосы уже взмокли), так вот, в прежние времена посылки, такие, как эта, доставлялись авиапочтой. И места, где такое было возможно, еще существовали. Места, где были деньги на топливо и на ремонт взлетно-посадочных полос.

Места, где зараженные радиацией самолеты не маячили, как мертвые птицы, вдоль зараженных взлетно-посадочных полос, радиоактивные до такой степени, что у любого проезжающего мимо дозиметры сходили с ума.

Курьерская доставка стоила гораздо дешевле. Даже если вы запрашивали такую плату, какую запрашивал Петч.

Далеко внизу, в водах Колорадо, как в зеркале, алым и золотым вспыхивало солнце. Ровный гул мотора эхом отдавался от склонов каньона. Справа промелькнуло здание казино с облезлыми стенами. Асфальт покрывала паутина трещин, но он был относительно ровным — ровным для тяжелого байка, разумеется. Мотоцикл шел с постоянной скоростью девяносто километров в час, и это было слишком быстро для такой дороги. Едва она подумала об этом, как что-то серой тенью метнулось с пути и мгновенно затерялось среди проносящихся мимо ржаво-черных скал. Снежные бараны. Никто в свое время не побеспокоился посоветовать им убраться отсюда подобру-поздорову, пока ветер не принес заразу.

Самое смешное, что им здесь, по-видимому, жилось неплохо.

Хари заложила последний вираж, притормозив на входе и прибавив газу на выходе, просто чтобы насладиться уско-

рением, и на полной скорости рванула по финишной прямой к КПП на въезде в Боулдер-Сити. На стальной, покрытой облупившейся краской мачте у дороги горел красный свет. «Кавасаки» жалобно взвыл, не желая тормозить, и затих, когда Хари прикрыла дроссель, чтобы не набилось пыли.

На вершине холма располагались защищенные бронированными щитами казармы охраны. Дома, что были здесь прежде, снесли, и теперь ничто не загораживало вид на раскинувшийся внизу город. Проделавший эту работу бульдозер замер неподалеку, ржавея под пузырящейся краской: радиоактивный металл не годился даже на переплавку.

Когда-то Боулдер-Сити был процветающим городом, но обе стороны его главной улицы высились современные кирпичные здания с темно-серыми оштукатуренными фасадами — деловой центр города. Ныне дома стояли пустые и заброшенные, белая краска на оконных рамах слоилась под воздействием жара пустыни.

Шлагбаум у КПП был опущен, как и свинцовые ставни на окнах. Цифровое табло на крыше показывало двузначные цифры уровня радиации и трехзначные — температуры по Фаренгейту. Когда она доберется до Вегаса, станет еще горячее по обоим показателям.

Затормозив, Хари поставила байк на подножку и посигналила.

Из будки появился молодой охранник; для служащего столь отдаленного поста он выглядел как-то слишком уж опрятно. Правильно надетая фуражка, сверкающие ботинки. Он спустился по красным металлическим ступенькам и зашагал к Хари, на ходу прилаживая дыхательный фильтр. Кому же он так насолил, что его загнали в эту дыру, подумала Хари. А может, он просто новичок-доброволец?

— Курьер, — сказала она.

Из-за включенного микрофона голос отдавался эхом внутри шлема. Она легонько похлопала по прозрачному нагрудному кармашку своей кожаной куртки, где лежало удостоверение, рукой в перчатке неловко вытянула из пристегнутого к баку мотоцикла мешка прозрачный пакет с документами и развернула их внутри пакета.

— Мне сказали, что у вас можно заправиться, чтобы хватило до Тонопы.

— У вас есть респиратор или только фильтр в шлеме? — Он внимательно изучал документы.

— Есть респиратор.

— Пожалуйста, поднимите щиток.

Он не стал требовать у нее снять шлем — слишком много пыли. Она повиновалась, и солдат с серьезным видом сличил ее глаза и нос с фото на удостоверении.

— Ангхарад Краутер. Вроде бы все в порядке. Вы работаете на почтовую службу?

— По договору. Везу медицинский груз.

Он повернулся и двинулся к обернутым пластиковой пленкой колонкам, жестом приказав ей следовать за собой. Их было две, одна с соляркой, другая с неэтилированным бензином.

— Это Конни?

— Да, слегка модернизированный, для уменьшения шума. — Рукой в перчатке Хари ласково погладила мотоцикл по бензобаку. — Как обстановка на дороге до Тонопы?

— Надеюсь, вы знаете правила, — пожал он плечами, вставляя заправочный пистолет в горловину бака. — Не съезжать с дороги. Не заходить в дома. Не приближаться ни к каким транспортным средствам. Не останавливаться, не оглядываться, не возвращаться назад — верх глупости ехать в собственном хвосте пыли. Если увидели что-то светящееся — не подбирать, ни к чему не прикасаться в горячей зоне. Я дам телеграмму по маршруту и предупрежу Тонопу о вашем приезде, — добавил он, когда насос колонки щелкнул, отключаясь. — Попадали в аварии на этой штуке?

— За последние десять лет — ни разу, — сказала она и даже не потрудилась скрестить пальцы.

Он протянул ей квитанцию; Хари неловко вытащила из нагрудного кармашка на молнии свой лакированный «Кросс-пен» и расписалась. Она не сняла перчатки, и вместо подписи вышли нечитаемые каракули, но солдат сделал вид, что сличает автограф с подписью на удостоверении, затем дружески хлопнул ее по плечу.

— Будь осторожна. Если разобьешься на трассе — вряд ли кто-то поможет тебе. Счастливого пути.

— Спасибо, успокоил, — ухмыльнулась она в ответ, затем захлопнула щиток шлема и отчалила.

Оцифрованная музыка гремела в тесном пространстве шлема; Хари пригнулась, пряча голову за обтекателем. Горячий ветер рвал рукава, тонкими струйками пробиваясь между перчатками и крагами. «Кавасаки» рвался в бой, и ее так и подмывало дать мотоциклу полную волю. Одно было хорошо в горячей зоне вокруг Вегаса: движение там было не слишком оживленное. По обе стороны дороги стояли дома, все как один с красными черепичными крышами и кремовыми оштукатуренными стенами. На скорости они сливались в расплывающиеся цветные пятна. Деревья у дороги убила пустыня, как только некому стало качать воду для полива. Противошумовые барьеры преграждали путь ветру, и под их прикрытием Хари разогналась до ста шестидесяти. Когда «кавасаки» развивал максимальную скорость, стрелка тахометра доходила до шести тысяч оборотов. На парковке он был неуклюжим, как слон в посудной лавке, зато на больших скоростях дорогу держал безупречно.

Запаса бензина хватало на дорогу до Тонопы и еще миль на сто, так что с Божьей помощью, да если речка не разольется, проблем не будет. Однако Хари не собиралась испытывать судьбу и тратить лишнее топливо, петляя по переулкам внутри того хаоса, что раньше назывался Лас-Вегасом. Дозиметры оживленно и неравномерно стрекотали, беспокоиться было пока не о чем, и Хари пронеслась по центральному проспекту, потом, когда вблизи старого делового центра начался участок с поворотами, снизила скорость до ста сорока. Справа и слева проносились заброшенные казино, унылые пустыри и гетто; торжествующий рев мотора усиливало гулкое эхо, многократно отражаясь от голых стен. На неровной и извилистой дороге было не разогнаться, к тому же мешали опоры надземки.

Небо было блекло-голубое, цвета бирюзы; со всех сторон горизонт закрывали горы, в воздухе висела красновато-коричневая пелена пыли.

Сразу за деловым центром начиналась скоростная автострада с транспортными развязками. Упомянутый Петчем путепровод — путаница виражей и пересечений — вздымался в самом центре покинутого города. Солнце стояло в зените, предвещая в течение ближайших часов самую сильную жару, и Хари пожелала призракам отелей доброго дня. Она подавила желание пощупать контейнер, уложенный в багажник за спиной, чтобы убедиться в сохранности драгоценного груза. Все равно она бы не поняла, вышел из строя климат-контроль за время поездки или нет, тем более что она уже разогнала «кавасаки» до ста семидесяти и вынуждена была крепко держать руль обеими руками, пригнувшись за обтекателем.

Теперь Хари предстоял рывок по прямой до мертвого города Битти; главное — помнить, что там вдоль дорог, вблизи маленьких городков, установлены металлические ограждения от скота, в которые легко врезаться. Рывок, под стрекот дозиметров, под грохот старомодного рок-н-ролла из динамиков внутри шлема, под рев мотоцикла, рвущегося вперед...

Бывали у нее дни и похуже.

Подъезжая к путепроводу, она переключилась на четвертую передачу и убавила газ. В этом месте автострада Финикс—Рино пересекалась с другой, ведущей из Лос-Анджелеса в Солт-Лейк-Сити; впрочем, о Лос-Анджелесе можно было не вспоминать, он практически исчез. Петч говорил, что путепровод разрушен. Это могло означать, что движение по нему небезопасно или что шоссе под ним завалено обломками бетона размером с дом. Хари не хотелось выяснять правильность любого из этих предположений, не имея запаса тормозного пути. Она решила немного осмотреться. И тотчас тихо выругалась себе под нос, притормаживая.

Она увидела что-то — нет, кого-то; человек стоял, прислонившись к опоре дорожного знака. Этот облупившийся, расстрелянный из дробовиков знак призывал водителей не превышать скорость в те времена, когда это еще кого-то волновало.

Чем ближе она подруливала к обочине, тем сильнее стрекотали дозиметры. Нельзя останавливаться. Правда,

в этих местах одинокий пешеход был практически приговорен к смертной казни. Из-под шлема градом катился пот, кожаная одежда прилипла к мокрому телу.

Она уже почти затормозила, когда наконец поняла, что знает его. Коричнево-желтая, цвета охры, кожа. Щегольской двубортный пиджак в тонкую полоску. Ковбойская шляпа, знакомо надвинутая на лоб. Блеск мокасин из цветной дубленой кожи. На одно безумное мгновение она пожалела, что у нее нет пистолета.

Не то чтобы это сильно помогло. Даже если бы она решила застрелиться сама.

— Ник,— она поставила передачу на нейтралку и опустила ногу на землю,— какая удивительная встреча в центре ада.

— Тебе нужно подписать кое-какие документы, Хари. — Он сдвинул шляпу на затылок, открыв лицо со впалыми щеками. — Ручка есть?

— Она всегда со мной, ты же знаешь. — Хари расстегнула карман и достала свой «Кросс-пен». — Я не одалживаю поршневые ручки направо-налево.

Он кивнул, прислонился спиной к ограждению и уперся в него подошвой, подняв колено. Затем разложил на нем, как на столике, свои бумаги и взял у нее ручку.

— Как ты знаешь, подходит срок платежа по твоей расписке.

— Ник...

— Прекрати ныть. Разве я не выполнил свою часть сделки? После нашего последнего разговора твой байк попадал в аварию?

— Нет, Ник,— с удрученным видом ответила она.

— Его угоняли? Ты сидела без денег? Выпадала из графика?

— Обязательно выпаду, если ты не поторопишься вернуть мою ручку.

Она требовательно протянула руку.

Вышло не очень убедительно, но это было лучшее, что она могла позволить себе в данных обстоятельствах.

— Хмм. — Он наслаждался моментом.

— Значит, ты пришел получить долг? — Она вдруг успокоилась; оказалось — зря.

— Я предлагаю пересмотреть договор, это твой шанс. — Он надел колпачок и передал ей ручку. — Есть одно дело; если сыграешь правильно — купишь себе дополнительно несколько лет.

Она рассмеялась ему в лицо и убрала ручку в кармашек.

— Еще несколько лет?

Он плотно сжал губы и торжественно кивнул. Хари моргнула и тоже перешла на серьезный тон.

— Так ты не шутишь?

— Прежде чем что-нибудь предложить, я всегда думаю, — ответил он и почесал большим пальцем кончик носа. — Скажем, э-э... еще три года?

— Не так уж и много. — Ветер сменился, и дозиметры застрекотали быстрее. — Как я теперь понимаю, и десять лет не такой уж большой срок.

— Время быстро идет, да? — пожал он плечами. — Хорошо. Семь...

— За что?

— Что ты имеешь в виду?

При виде этого ясного, намеренно простодушного взгляда ей снова захотелось рассмеяться.

— Я просто хочу узнать, что я должна сделать, чтобы заработать еще семь лет твоего покровительства. — Мотоцикл был тяжел, но она не собиралась опускать подножку. — Наверняка кому-то это выйдет боком.

— Так всегда бывает, такова жизнь. — Тут он немного сдвинул шляпу на лоб и небрежно махнул рукой в сторону ее багажника. — Дай мне на минутку то, что у тебя там.

— Ха! — Она глянула на свой груз, кривя губы. — Странная просьба. Зачем тебе коробка, набитая клетками?

Он откачнулся от ограждения, которое до этого подпирал, и шагнул к ней.

— Не твоя забота, юная леди. Отдай ее мне, и получишь свои семь лет. Если нет — срок подходит на следующей неделе, помнишь?

— Во вторник. — Она бы сплюнула, да не хотелось снимать шлем. — Я не боюсь тебя, Ник.

— Ты много чего не боишься. — Он улыбнулся ей, очень спокойный. — В этом часть твоего обаяния.

Она поглядела на запад, на раскинувшуюся под палящим солнцем пустыню, на крыши покинутых домов, где жили исчезнувшие уже люди. Невада всегда славилась способностью превращать нормальные поселения в города-призраки.

— А если я откажусь?

— Радость моя, я так надеялся, что ты этого не спросишь! — Он потянулся похлопать ее по руке, лежащей на ручке газа. Мотор вдруг взревел, и Ник быстро отдернул руку. — Я смотрю, вы с ним большие друзья.

— Мы прекрасно ладим, — ответила Хари, похлопывая по бензобаку. — Так что случится, если я скажу «нет»?

Он пожал плечами и сложил руки на груди:

— Ты не доедешь.

Это было сказано без всякой угрозы, и падавшая на лицо тень от шляпы не стала темнее, и улыбался он так же спокойно, как и прежде. Просто холодная констатация факта. И она приняла этот факт к сведению. Эх, сейчас бы жевательную резинку. По настроению — в самый раз. Она скрестила на груди руки, удерживая мотоцикл ногами. Хари иной раз любила поторговаться.

— Такого в нашем договоре не было. О чем мы договаривались: никаких потерь груза, никаких аварий, доставка в срок. Я сказала, что привезу эти клетки в Сакраменто за восемь часов. Ты тратишь мое время; может быть, от них зависит чья-то жизнь.

— Чья-то — да. — Ник скривил губы в ухмылке. — Куча чьих-то жизней, если на то пошло.

— Разорвешь сделку, Ник, — черт с ней, с моей поездкой, — и ты нарушишь договор.

— Вот ты торгуешься, а ведь тебе нечего предложить.

Она открыто рассмеялась. Мотор ободряюще взревел.

— Я всегда могу исправиться...

— Не успеешь, если умрешь, не добравшись до Сакраменто. Последняя тебе возможность передумать, Ангхарад, моя принцесса. Пожмем друг другу руки и разойдемся друзьями. Или твоя последняя поездка закончится на моих условиях, а для тебя в них ничего хорошего нет, — «кава-

саки» тихо рычал, источая запах раскаленного масла, — как и для твоего байка.

— Отвали, — ответила Хари, затем оттолкнулась ногами, повернула ручку газа и поехала прямо на него. Глупость, конечно, но так приятно было заставить его поспешно отпрыгнуть с дороги.

Долгое время Невада медленно умирала: грунтовые воды были отравлены перхлоратами, наследием титановых заводов времен Второй мировой войны; люди все чаще болели раком из-за последствий надземных ядерных испытаний, начались длительные засухи и изменения климата. Дети в некоторых сельских районах почти поголовно болели лейкемией. Чтобы принять взрыв завода «PEPCON» в 1988 году за упреждающий глас гнева Господня, надо было обладать очень развитым воображением. Ибо настоящий кошмар случился десятилетиями позже, когда состав, перевозивший высокоактивные ядерные отходы в хранилище Юкка Маунтин, столкнулся с топливной цистерной. Последовавший пожар и радиоактивное заражение долины Лас-Вегас в некотором смысле явились Божьей милостью: к моменту начала войны, когда на военно-воздушную базу Неллис и «атомную гору» обрушились бомбы, Лас-Вегас уже был городом-призраком, таким как Риолит или Голдфилд. Но не финансовый кризис или иссякшие запасы золота были тому причиной — носившаяся по улицам пыль была такой радиоактивной, что воробьи просто сыпались с неба; по крайней мере, так говорили.

Хари не знала, правда ли это про воробьев. Оставляя позади призрак Лас-Вегаса, она двигалась на северо-северо-запад.

— Итак, — пробормотала она себе под нос, пригибаясь над бензобаком, — как ты думаешь, Конни, детка моя, что он приготовил для нас?

Байк ревел, сжирая километры. Начиналась пригородная зона, тоже покинутая, и хайвей пошел под уклон, выходя на уровень земли. Узкая черная лента автострады тянулась вдаль, и над раскаленным под летним солнцем асфальтом дрожало серебристое марево.

По обе стороны дороги расстилалась пустыня, сквозь твердую серо-коричневую поверхность кое-где пробивались чахлые кустики. «Кавасаки» взбирался сейчас на невысокую седловину меж двух гряд пыльных холмов. Дозиметры ровно стрекотали, сигнализируя о небольшом повышении уровня радиации, — дорога проходила вблизи участка, где прежде проводили ядерные испытания, — и Хари разогналась до двухсот километров в час. Показался печальный маленький городок: несколько списанных трейлеров, еще одна военная база, никому теперь не нужная тюрьма... Скорость пришлось сбросить. Не ради отсутствующих пешеходов, просто не хотелось на полном ходу врезаться в металлические ограждения для скота.

Следующие восемьдесят километров до самого Битти можно было гнать вовсю. Она вновь врубила музыку, пригнулась за обтекателем и рванула к далекому горизонту, доведя стрелку спидометра до красной черты.

На подъезде к Битти дорога пошла на подъем. В Неваде цивилизация жалась к оазисам, возникавшим вокруг речушек, которые выбивались на поверхность у подножия гор и в долинах. Это был район горнодобывающих предприятий, и горы здесь практически сровняли с землей динамитом и экскаваторами. В длинном ущелье, тянувшемся справа от дороги, росли зеленые деревья; там текла речка, похоже загаженная радиоактивным мусором, — когда дорога подошла ближе к ущелью, дозиметры оживились. Если бы она решила немного поплескаться в этой водичке, среди ив и тополей, то на берег вышла бы, светясь, как фонарь в ночи. Правда, до ночи она бы не дожила.

Байк вышел из последнего поворота, и она въехала в город-призрак Битти.

Очень плохо, думала она, что все маленькие городки в Неваде возникали и разрастались в одних и тех же местах — у перекрестков дорог. Она была почти уверена, что Ник поджидает ее и у этого перекрестка. «Кавасаки» жалобно завывал, пока они пробирались по заваленным спутанными клубками перекати-поля улицам, но они проехали под единственным в городе незрячим глазом стоп-сигнала,

так и не встретив ни единого живого существа. Жгучее солнце как будто прилипло к куртке, но, несмотря на это, по спине у Хари бегали мурашки. Все это, конечно, прекрасно, но все же хотелось бы знать, где Ник. Наверное, неудачно свернул у Риолита.

«Кавасаки» нетерпеливо порыкивал, ему хотелось снова нестись по просторам, а между тем приходилось пробираться между грудами нанесенного ветром мусора. Хари рулила очень аккуратно, осторожно объезжая кучи всякой дряни и брошенные машины. «Никто уже не гонится за нами, Конни», — бормотала она, нежно похлопывая по раскаленному от солнца бензобаку левой рукой в перчатке. Они миновали заброшенную автозаправку; электричества не было, колонки не работали. Зато дозиметры чирикали и щебетали вовсю. Не было никакого желания взбивать ногами радиоактивную пыль, если этого можно избежать.

Развалины домиков в один-два этажа поддались наступлению пустыни. Хари притормозила, опустила ноги на мягкий, липкий от жары асфальт и проверила надежность крепления трубки заплечного бака с драгоценным запасом воды. Линия горизонта дрожала в раскаленном воздухе, горные гряды и серо-коричневая пустыня тянулись в бесконечность. Она вздохнула и отпила противной теплой воды.

— Ну что ж, поехали, — сказала она, быстро отпустила сцепление и повернула ручку газа, одновременно ставя ноги на подножки. Мотоцикл покатился вперед, набирая скорость. — До Тонопы уже не так далеко, а там мы с тобой сможем перекусить.

По-видимому, Ник дал ей время обдумать ситуацию, и она глушила неприятные мысли рок-н-роллом: *Dead Kennedys, Boiled in Lead, Acid Trip*. На равнинном участке трассы между Битти и Тонопой не предвиделось никаких сложностей, она ехала быстро. Лента шоссе стелилась под колеса мотоцикла, четкие силуэты гор по обе стороны дороги медленно отодвигались назад. Единственным событием, нарушившим однообразие пути, стал проезд через брошенный Голдфилд; его улицы со следами разрушений были пусты и печальны. Прежде в этом городе жили двести тысяч чело-

век, которые покинули его еще до того, как Вегас пал жертвой радиоактивного заражения, даже до памятного крушения состава с ядерными отходами. Бóльшую часть пути Хари держала скорость двести километров в час, дорога была пуста, если не обращать внимания на далекие отблески чьего-то ветрового стекла. Тишина и пустынное шоссе только усугубляли тревогу. Она рассматривала проблему со всех сторон, крутила ее так и эдак, как гриф, теребящий свою добычу.

Далеко впереди показалась Тонопа. Ручка в нагрудном кармашке мешала Хари, в голове все плыло от жары, волосы взмокли, шлем давил. Она отпила еще глоток, стараясь экономить; температура подбиралась к пятидесяти по Цельсию, и без воды ей долго не протянуть. Мотор чихнул, когда «кавасаки» уже несся по длинному пологому спуску, ведущему к городу, но датчик показывал примерно четверть бака плюс резерв. Впрочем, приборы иногда барахлят, а удача сегодня была явно не на ее стороне.

Коснувшись кончиком языка панели управления внутри шлема, Хари вырубила музыку. Постучала по бензобаку. Судя по звуку, какое-то количество бензина на дне еще оставалось. При виде городка ее настроение улучшилось: здесь можно запастись топливом и водой, смыть пыль, а также наконец сходить в уборную. Черт возьми, из нее вышло пóтом столько жидкости, что, казалось бы, в последнем нет необходимости. Но, как известно, дьявол скрывается в деталях.

Хари никогда не жалела о том, что не родилась мальчишкой, хотя в умении пи́сать стоя, несомненно, есть свои преимущества.

Когда до города оставалось не больше полукилометра, Хари почувствовала что-то неладное. В горле запершило от резкого запаха, похожего на смрад от прогоревшего угля; вонь пробивалась даже сквозь респиратор. Она проверила дозиметры — уровень радиации не превышал фоновый. А город как-то странно изменился, она не узнавала его. Те же самые зеленые холмы, поросшие мрачным лесом с деревьями без листьев, окружали его со всех сторон, но в недвижном воздухе висела пелена не пыли, а дыма. Воз-

дух над потрескавшимся полотном дороги странно и жарко мерцал, а здания, растянувшиеся вдоль улицы, ничуть не походили на обычные для Тонопы исхлестанные ветрами пустыни дома. Это были дощатые строения, покрытые облупившейся белой краской. Она увидела почту и церковь со шпилем, наполовину провалившимся в какие-то дымящиеся ямы.

Мотор жалобно заныл, когда Хари стала сбавлять газ. Она выжала сцепление, пуская мотоцикл накатом, и выпрямилась в седле.

— Что за чертовщина, куда это я попала, в преисподнюю? — Голос ее гулко отдавался внутри шлема. Она вздрогнула — опять забыла выключить микрофон.

— Очень точное определение, — раздался знакомый голос слева от нее. — Добро пожаловать в Централию[1].

Ник, в открытом шлеме, сидел на «хонде голд-винг» цвета запекшейся крови, если только бывает кровь с вкраплениями золотой пыли. «Хонда» зашипела на «кавасаки», и тот, на миг потеряв равновесие, ответил ей вызывающим рычанием. Хари ласково успокоила свою Конни, выправив руль и прибавляя газу.

— Централия? — Хари никогда не слышала этого названия, хотя тешила себя мыслью, что неплохо знает географию.

— Это в Пенсильвании. — Ник неопределенно повел рукой в черной перчатке. — Или это Ихария[2], в Индии. Или китайская провинция Синьцзян[3]. Это горит уголь, понимаешь ли, горят остатки антрацита в выработанных шахтах. Все эти города покинуты, пары серы и сернистый газ просачиваются на поверхность по вентиляционным ходам, земля такая горячая, что капли дождя испаряются, не долетая до поверхности. У тебя шины расплавятся. Ты угробишь мотоцикл в какой-нибудь трещине. Я уже не говорю

---

[1] *Централия* (Centralia) — город в штате Пенсильвания. Из-за разразившегося в 1962 г. подземного пожара почти полностью покинут жителями.

[2] *Ихария* — район в Индии, где произошла аналогичная катастрофа.

[3] *Синьцзян* — китайская провинция, где в 2003 г. произошло разрушительное землетрясение.

о парниковых газах. Все это очень мило. — Он оскалился в усмешке, обнажив четыре ряда акульих зубов. — Спрашиваю во второй раз, Антхарад, моя принцесса.

— И второй раз отвечаю: нет. — Хари оценивающе поглядела на дорогу. Она видела теперь, как горбится асфальт, распираемый подземными силами, видела отблески огня в яме, в которую проваливалась церковь. — Ник, ты и в самом деле привык, что люди всегда делают то, что ты им приказал?

— Они обычно не особенно сопротивляются. — Он врубил сцепление и крутанул ручку газа, его мотоцикл победно взревел.

Краем глаза следя за ним, Хари хмуро и сосредоточенно разглядывала лежащий перед ней участок дороги. Земля это дрожит или пляшет раскаленное марево над асфальтом? «Кавасаки» взвыл, и она погладила ручку сцепления, чтобы успокоиться.

В ответ раздался глухой рокот, на этот раз мотоцикл был ни при чем. Земля вспучилась и заколыхалась под колесами, Хари сжала коленями седло и рванула Конни с места. Обломки асфальта веером полетели из-под заднего колеса. Дорога позади нее треснула и начала проваливаться в разлом.

Изо всех сил удерживая мотоцикл от падения, она заставила себя взглянуть в зеркало заднего вида: над разверстой ямой, в которую превратился участок дороги, лениво расползались клубы пара.

Ник невозмутимо катил неподалеку.

— Ты не передумала, моя принцесса?

— Что ты там говорил о преисподней, Ник?

Она опустилась в седло и улыбнулась ему через плечо, зная, что сквозь щиток шлема он увидит только ее глаза. Это, конечно, его раздосадовало.

Он привстал на подножках, убрал руки с руля и вскинул их вверх; его «хонда» шла накатом позади «кавасаки».

— Я сказал, добро пожаловать.

«Кавасаки» то рычал, то завывал, она регулировала подачу топлива, стараясь ехать так быстро, как только было возможно на такой плохой дороге. Она рассчитывала здесь

подзаправиться, но компактная, как большинство городков на юго-западе, Тонопа вдруг уступила место какому-то неряшливо рассыпанному скопищу построек. Большинство из них были или снесены бульдозерами, или сами исчезли в провалах грунта, мерцавших отсветами подземного огня, словно волчьи глаза. Скорее всего, автозаправочная станция входила в их число. По крайней мере, улицы оказались достаточно широкими, пустынными и не очень извилистыми. Они плавно изгибались, ныряли в небольшие впадины и взлетали на пригорки. Они были широкими, да, но неровными. Асфальт вспучивался, будто изрытый кротами, тут и там попадались трещины и провалы. Шины горели и плавились, от дыма Хари кашляла в респиратор, и включенный микрофон превращал кашель в лай гиены. «Кросс-шен» упирался в грудь, но это необъяснимым образом поддерживало ее. Чтобы спастись от обжигающего ветра и растопыренных ветвей деревьев, которые давно никто не обрезал, приходилось постоянно пригибаться. В конце концов, она сама взялась за эту работу. И Ник должен обеспечивать безопасность — как ее собственную, так и ее мотоцикла, или она заберет обратно то, чем ему заплатила.

Как будто Ник соблюдает договоры.

Как будто он не может просто убить ее и забрать все, что ему нужно. Правда, тогда ему некого будет охранять.

— Проклятие, — пробормотала она, исключительно с целью услышать свой голос, и пригнулась над бензобаком.

Ветер рвал одежду. Мотоцикл перевалил последний подъем, и наконец-то повеяло свежим воздухом. В туалет хотелось просто зверски, вибрация мотора добавляла остроты ощущению, но она громко рассмеялась от радости, что вырвалась из города.

Убраться оттуда оказалось легче, чем она думала. Но когда, спустившись с холма, она взглянула на указатель уровня топлива, оказалось, что бензин на исходе. Выругавшись, она переключилась на резерв. Мертвые деревья и тлеющие пеньки остались позади, по обе стороны дороги до самых гор на восток и на запад простиралась ровная, как стол, пустыня. Хари как будто вернулась в Неваду, если вообще ее покидала. Дорога шла теперь строго на за-

над, прямо в сияние послеполуденного солнца. Поляризованное стекло шлема спасало глаза от слепящего света, хотя и не в полной мере, но дорога опять стала ровной, и в зеркало заднего вида она в последний раз взглянула на город. Тонопа, недоступная как мираж, затянутое дымкой дно мира. Может быть, Ник может достать ее только в городах. Может быть, он может действовать только там, где хоть что-то напоминает о человеке, а может, это просто его забавляет. Возможно, все дело просто в перекрестках. Она полагала, что не сумеет вернуться в Тонопу, даже если захочет. Поэтому, решив для себя, будто не видит никакой Тонопы, она двинулась дальше на запад, к Хоторну. Молилась она только об одном — чтобы хватило топлива, хотя и не надеялась, что ее молитвы будут услышаны тем, с кем она особенно хотела бы поговорить.

У пересечения дорог близ покинутого Коулдейла Девяносто пятое шоссе вновь повернуло на северо-запад. Город умер задолго до войны, даже еще до катастрофы под Вегасом. Мина тоже приказала долго жить. На подъезде к городку она увидела облезлую вывеску, рекламирующую продукцию заброшенной фермы по разведению раков, «Лобстеры пустыни».

Вода закончилась. Хари в последний раз обреченно пососала трубочку и выплюнула ее. Мокрая и липкая трубочка теперь бесполезно болталась возле щеки. Позади осталась значительная часть пути. Хари старалась беречь обожженные и побитые шины, она плавно входила в повороты и особенно не газовала. По крайней мере, жара спадала — приближался вечер, к тому же она двигалась на север и дорога шла на подъем. Должно быть, температура уже снизилась до тридцати пяти, хотя точно сказать было невозможно, не сняв куртку. Слева вздымались Саркофаговы горы, за которыми лежала Калифорния.

На сей раз это название не показалось ей таким забавным, как обычно.

А затем начался подъем. Когда глазу открылась пронзительная синева Уолкер-Лейк, Хари тихо, с облегчением вздохнула и ласково похлопала своего рычащего от голода

Конни по бензобаку. Пыльный городишка Хоторн жался к ближнему берегу озера, как краб. Никакого движения на улицах не наблюдалось, и Хари задумчиво пожевала губу под респиратором. Пыль все равно каким-то образом проникала под шлем и ощущалась на веках всякий раз, когда она моргала; по щекам тянулись пыльные потеки. Она только надеялась, что пыль не такая, от которой люди начинают светиться. Дозиметры уже не стрекотали, а кудахтали по-куриному, так что все должно было быть в порядке.

На въезде в город «кавасаки» заскулил извиняющимся тоном и заглох.

Хари выругалась, в очередной раз вздрогнув от громкости своего усиленного микрофоном голоса. Она потянулась к выключателю, но потом передумала. Слишком тихо было вокруг, что стало особенно заметно, когда стихло рычание мотора. Она нажала языком на панельку, вновь включая музыку, перебрала несколько вариантов и остановилась на композиции группы «Grey Line Out».

Она встала на землю правой ногой, опустила левую подножку и перекинула ногу через седло. Все тело болело от вибрации, пальцы рук онемели и скрючились, как когти. Ощущение было такое, будто ее пару дней назад избили, особенно стараясь попадать по заднице и по бедрам. Преодолевая себя, она навалилась на руль, толкая мотоцикл вперед. Подошвы скользили; вздрагивая от боли, она запрыгала на одной ноге, стараясь другой поднять подножку.

Это была уже не езда. Это была ходьба на месте.

Она вела «кавасаки» по пустому шоссе, меж пустыми домами; ноги жгло даже сквозь подошвы, особенно если постоять подольше.

— Хорошая моя детка, — уговаривала она мотоцикл, поглаживая ручку переднего тормоза. «Кавасаки», неуклюжий на пешем ходу, тяжело наваливался на нее, будто Хари волокла домой перебравшего дружка. — Ну найдем же мы где-нибудь эту несчастную заправку.

Конечно же, насосы автозаправки без электричества не заработают. Вероятно, нет здесь и безопасной для питья, незараженной воды. Все это Хари представляла себе заранее. Солнечный свет отражался от поверхности озера. «Я чувст-

вую себя прекрасно, — уговаривала она себя, — организм не обезвожен, раз у меня не текут слюнки при виде всей этой массы холодной, свежей воды».

Кроме того, никому не было известно, чем именно заражено озеро. Здесь некогда размещалась военно-морская база, и озеро служило чем-то вроде лягушатника для подводных лодок. В воде могло болтаться все что угодно. Есть все же некоторая насмешка судьбы в том, чтобы в наше время любоваться озерами, подумалось ей.

Это была автозаправка «Тексако», под палящими лучами солнца пустыни красно-белая вывеска превратилась в розово-бежевую. Хари не представляла, в какой из пустынь она сейчас находится — в Мохаве, в пустыне Блэк-Рок или еще где-то. Они были здесь все одновременно. Она истерично хихикнула. Как и следовало ожидать, насосы не работали. Тем не менее она поставила мотоцикл на подножку, достала из багажника контейнер с клетками и пошла искать место, где можно было пописать.

Она стянула горячие перчатки и спустила брюки. «Черт, черт... Первое, что я сделаю, когда вернусь к цивилизации, — куплю белые перчатки и белый шлем». Хари покосилась на «кавасаки», ожидая одобрения, но черный мотоцикл промолчал, и она отвернулась, застегиваясь. Глаза щипало от пыли.

На задней стене одного из домов возле автозаправки обнаружился садовый шланг. Он был похож на свернувшуюся кольцом желто-зеленую дохлую змею. Хари сняла его с колышка и перетащила на станцию. Резина крошилась от старости; пытаясь развернуть шланг, она дважды его сломала, но все же ухитрилась отмотать пару метров неповрежденными. Ломиком сорвала крышку с горловины цистерны подземного хранилища, сняла шлем с респиратором, предварительно проверив уровень радиации, и осторожно понюхала.

День в конце концов оказался не самым неудачным.

Пахло бензином, да и на вкус чертова жидкость оказалась похожа на бензин. Она определила это после того, как набрала полный рот через свой импровизированный сифон. Правда, бензин был не очень хорошим, но нищие не выби-

рают, как говорится. Конечно, сифоном ее шланг можно было назвать с большой натяжкой — она ведь не могла опустить его верхний конец ниже уровня бензина в цистерне. Оставалось только втягивать ртом жидкость, затыкать отверстие и переносить топливо шланг за шлангом в бензобак мотоцикла. Драгоценный контейнер она носила с собой. Наконец она заглянула в горловину, похлопала по баку и заметила слабое мерцание подернувшейся рябью поверхности бензина. Вот и ладно, заправились.

Хари привернула крышку бака и начала отплевываться, жалея, что нечем прополоскать рот. Озеро блестело, словно насмехаясь, и она решительно повернулась к нему спиной. Затем взялась за контейнер.

Он почти ничего не весил. Хари некоторое время постояла, теребя застежку багажной сумки. Покачивая серебристый сундучок в руке, она задумчиво опустила взгляд на свои ботинки. Пососала нижнюю губу и сплюнула, ощутив вкус бензина.

— Целых семь лет, Конни, — произнесла она и погладила бензобак ладонью в черной перчатке. — Только ты и я. Я смогла бы напиться воды из этого озера. И то, что я напоила тебя этим дрянным бензином, ничего бы не значило. У нас все могло бы получиться...

«Кавасаки» промолчал. Ключи зажигания звякнули у нее в кармане. Она тихонько коснулась ручки газа, но отдернула руку и положила на сиденье контейнер.

— Что ты сказала, моя детка?

Конечно, ничего. Молчаливый дремлющий демон. Она не стала заводить мотор.

Двумя руками Хари откинула защелки и приоткрыла крышку контейнера.

В лицо повеяло холодом. Заслонив собой контейнер от горячего ветра, она осторожно заглянула внутрь. Окутанные голубой пластмассовой пеной, пронизанной трубочками системы охлаждения, там покоились чашки Петри, наполненные прозрачным желе с застывшими в нем кругляшками неправильной формы.

Сверху лежала папка с бумагами. Хари оторвала прикрепленный к папке стикер с запиской. Почерк Петча,

крупный и четкий. Она прищурилась. «Если эти клетки не попадут в Сакраменто, этот город будет следующим. Нам дается только один шанс, как и доктору Фаусту. Передумать не удастся».

Встретишь на дороге Будду — убей его...

«Мне всегда казалось, что этот сукин сын не так прост», — подумала она. Затем закрыла контейнер и сунула стикер в кармашек к ручке. Тщательно проверила фильтр шлема — он мог выйти из строя во время бешеной гонки по Тонопе — и нахлобучила шлем. Потом перекинула ногу через седло и закрыла дроссель.

Хари нажала кнопку стартера, мотор чихнул и заработал с перебоями. Мотоцикл затрясся, как одышливый пони. Молясь про себя, стараясь не дышать, она поддала газу и осторожно опустилась в седло. Глухой шлем быстро заполнился парами бензина изо рта, глаза защипало. То ли от бензина, то ли еще отчего потекли слезы, смывая пыль с век. Один цилиндр схватился сразу, другой начал чихать. «Кавасаки» трясся, рычал и рвался в бой.

Хари ехала по открытой, плоской, как стол, равнине к Фаллону, оазису смерти в полном смысле этого слова. Дозиметры стрекотали как бешеные. Видно, Нику было мало радиоактивного и химического заражения почвы. Когда дорога пошла на взгорок, поросший поразительно зеленой травой, вокруг нее поднялся лес гигантских деревьев европейских пород, ничуть не похожих на тополя пустыни. Поодаль виднелся поселок, а сразу за лесом вздымалась серая громада; ее поверхность красиво мерцала голубым черенковским излучением[1]. Буквы на дорожных указателях были неизвестного ей алфавита, но она знала это место.

Шел мелкий дождик; она ехала через Чернобыль.

Когда она свернула на запад по Пятидесятому шоссе, ведущему к Рино и Спарксу, дождь усилился. С прибли-

[1] *Черенковское излучение* (излучение Вавилова–Черенкова) — свечение, вызываемое в прозрачной среде заряженной частицей, которая движется со скоростью, превышающей фазовую скорость распространения света в этой среде.

жением вечера небо над горизонтом приобрело какой-то болезненно-желтоватый оттенок. Мотоцикл летел, едва касаясь шинами скользкого лоснящегося асфальта.

На месте исчезнувших городов на фоне желтеющего вечернего неба громоздились кучи мусора. По этим вонючим кучам бродили истощенные от голода, почти голые люди и звали своих близких, похороненных под этой ужасной лавиной. Вода стекала по ее шлему, текла по седлу мотоцикла, мокрая кожаная одежда липла к телу, как пластырь. Жара и жажда мучили ее, но она не осмеливалась пить эту воду. Дождь не принес прохлады, а просто промочил ее насквозь.

Она не поворачивала головы, проезжая мимо несчастных жертв мусорного оползня. Она находилась в часе езды от Сакраменто и одновременно в Маниле[1] пятьдесят лет назад.

Когда Хари поднялась на зеленый и живописный перевал Доннер, уже чувствовалось приближение вечера. Небо на западе было красным, как кровь. Дальше дорога пойдет только вниз. Времени было еще навалом.

Но Ник не собирался отпустить ее просто так.

Река Сакраменто сменила русло, бомбы некогда падали и здесь. Мост был разрушен, а по всей ее поверхности бушевал огонь. Хари развернулась и помчалась прочь от реки. Сто метров, двести метров, пока не перестало палить спину.

— Что это? — спросила она поджидавшего ее у обочины человека в костюме в тонкую полоску.

— Пожар на Кайахога-ривер[2], — ответил тот. — Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Посчитай, сколько раз ты с тех пор читала молитвы. Это мог быть и Бхопал[3].

---

[1] *Манила* — здесь в 2005 г. произошло мощное землетрясение с тысячами жертв.

[2] *Кайахога-ривер* — река в штате Огайо, известная тем, что на ее поверхности часто загорались мусор и масла. Самое крупное возгорание случилось в 1969 г.

[3] *Бхопал* — город в центральной части Индии, где в 1984 г. произошла авария на химическом заводе. В результате катастрофы облаком ядовитого газа накрыло почти весь город, что повлекло смерть около 18 000 человек.

— Молитвы? — Ее усмешку скрыл шлем. — В самом деле, что это?

— Флегетон[1].

Она подняла щиток шлема и оглянулась через плечо на горящую реку. Даже на таком расстоянии пекло так, что от мокрой куртки на спине поднимался пар. Тыльной стороной ладони она прижала нагрудный кармашек. Зашуршала записка, ручка больно ткнулась в сосок.

Она смотрела на Ника, а Ник смотрел на нее.

— Вот именно, — откликнулась она.

— Больше она ничего не напишет. Тебе не перепрыгнуть, река слишком широка.

— Вижу.

— Отдай контейнер, и я тебя отпущу. Я отдам тебе «кавасаки», я дам тебе свободу. И будем квиты, скажем так.

Хари пристально смотрела на него, мышцы правой ноги, которой она упиралась в землю, напряглись. Огромный рычащий мотоцикл тяжело покачивался под ней, готовый в любую секунду развернуться и рвануть прочь, послушный ее воле.

— Значит, не перепрыгнуть?

— Нет.

Может быть, и так. А может, если бы она отдала ему контейнер и приговорила бы этим Сакраменто, как были приговорены Бхопал, Чернобыль, Лас-Вегас... Может, она проклинала бы себя, даже если бы он потом вернул ей контейнер. И даже если бы не проклинала, неизвестно еще, смогли бы она и «кавасаки» жить с этим дальше.

Если он хочет, чтобы она жила, то должен позволить ей совершить этот прыжок, и она спасет Сакраменто. Если же он хочет ее смерти, она может умереть в полете, и Сакраменто погибнет вместе с ней, но они погибнут свободными.

В любом случае Ник исчез. Уже неплохо.

— И к дьяволу неудачников, — тихо произнесла она и нажала на ручку газа.

---

[1] *Флегетон* — в древнегреческой мифологии огненная река в подземном царстве.

ОКТАВИЯ БАТЛЕР

Звуки речи

Перу великой и безвременно ушедшей Октавии Батлер принадлежат десяток романов и несколько рассказов. Она первая из писателей-фантастов получила престижную стипендию «за гениальность» от Фонда Макартура. А кроме того, была награждена Американским ПЕН-центром (PEN American Center) за вклад в развитие литературы, удостоена двух премий «Хьюго», двух «Небьюл» и премии журнала «Locus», причем все три получила за повесть «Кровное дитя» («Bloodchild»). Писательница умерла в феврале 2006 года.

В своих работах Батлер часто затрагивала тему жизни после апокалипсиса. Хотя ни один из ее романов нельзя назвать строго постапокалиптическим, действие всех трех многотомных произведений — трилогии «Ксеногенез» («Xenogenesis»), серии «Создатель моделей» («Patternist») и дилогии «Иносказание» («Parable») — разворачивается после конца света. Так что Батлер является заметной фигурой в данном поджанре.

Идея рассказа «Звуки речи», в 1984 году завоевавшего премию «Хьюго», зародилась после того, как Батлер стала свидетельницей кровавого, бессмысленного побоища, устроенного в автобусе. В своем сборнике «Кровное дитя и другие рассказы» писательница говорит, что, наблюдая ту драку, она задумалась, «повзрослеют ли когда-нибудь человеческие существа настолько, чтобы научиться общению без кулаков». И тогда ей на ум пришла первая строчка рассказа.

В автобусе, шедшем по Вашингтон-бульвар, случилась неприятность. Рай ожидала, что рано или поздно во время пути произойдет что-нибудь нехорошее. Она откладывала поездку до тех пор, пока одиночество и беспадежность не выгнали ее из дома. Она верила, что, возможно, найдет живыми кого-нибудь из родственников: брат с двумя детьми жил в двадцати милях от нее, в Пасадене. Если ей повезет, она доберется туда за день. Неожиданное появление автобуса, когда она вышла из дома на Вирджиния-роуд, показалось настоящей удачей — пока не случилась эта неприятность.

Двое молодых людей не сошлись во мнениях по какому-то вопросу или, скорее всего, не поняли друг друга. Они стояли в проходе, ворча и размахивая руками, обоих мотало из стороны в сторону, когда автобус подскакивал на рытвинах. Водитель как будто сознательно старался лишить их равновесия. Их жесты готовы были перейти в соприкосновение: грозящие кулаки, запугивающие движения рук вместо проклятий.

Пассажиры смотрели на этих двоих, потом принялись переглядываться, производя негромкие встревоженные звуки. Двое детей захныкали.

Рай сидела в нескольких футах от спорщиков, напротив задней двери. Она внимательно наблюдала за молодыми людьми, понимая, что драка начнется, когда у кого-нибудь из них сдадут нервы, соскользнет рука или подойдут к концу небогатые средства коммуникации. Такое могло случиться в любой момент.

И это случилось, когда автобус подпрыгнул на какой-то особенно большой выбоине и одного из спорщиков, высокого, худого, ухмыляющегося, швырнуло на невысокого противника.

Моментально коротышка двинул левым кулаком по исчезающей усмешке. Он ударил высокого так, как будто никогда не имел и никогда не нуждался в ином оружии, кроме своего левого кулака. Он ударил достаточно быстро и достаточно сильно, чтобы сбить противника с ног, прежде чем тот успеет восстановить равновесие и хотя бы раз ударит в ответ.

Люди завопили и завизжали от страха. Те, кто был рядом, старались убраться с дороги. Еще трое молодых людей взволнованно взревели и яростно зажестикулировали. Затем, как-то незаметно, между двумя из этих троих тоже завязалась ссора, возможно, потому что один из них нечаянно задел другого.

Когда пассажиры рассыпались в стороны, подальше от второй пары дерущихся, одна женщина потрясла водителя за плечо и замычала, указывая на дерущихся рукой.

Водитель в ответ заворчал, оскалив зубы. Испуганная, женщина отодвинулась от него.

Рай, знакомая с манерой водителей автобусов, съежилась и вцепилась в спинку переднего сиденья. Когда водитель ударил по тормозам, она была готова, а вот спорщики — нет. Они повалились на сиденья и на вопящих пассажиров, еще больше усиливая смятение. Завязалась по меньшей мере еще одна драка.

В тот миг, когда автобус окончательно остановился, Рай была уже на ногах и толкнула заднюю дверь. Со второго толчка дверь раскрылась, и она выпрыгнула, сжимая в руке рюкзак. Несколько пассажиров последовали за ней, но многие остались в автобусе. Автобусы теперь были так редки и ходили так нерегулярно, что люди ехали, когда подворачивалась возможность, все равно на чем. Другого автобуса сегодня может уже не быть, и завтра тоже. Люди пускались в путь пешком и, если видели автобус, останавливали его. Путешествующие из одного города в другой, как Рай из Лос-Анджелеса в Пасадену, по пути разбивали палатки или же отваживались искать пристанища у местных жителей, которые могли ограбить или убить их.

Автобус не двигался, зато Рай отошла от него подальше. Она намеревалась дождаться, когда драка закончится, чтобы снова сесть, однако если вдруг начнется стрельба, ей хотелось оказаться под прикрытием деревьев. Она была уже на обочине, когда потрепанный голубой «форд», ехавший по другой стороне улицы, резко развернулся и затормозил перед автобусом. Автомобили теперь встречались крайне редко в условиях резкого сокращения запасов топлива и практически утративших свои навыки механиках. Авто, которые все еще были на ходу, с тем же успехом могли служить орудием убийства, как и транспортным средством. Поэтому, когда водитель «форда» помахал Рай, она опасливо попятилась. Водитель вышел из машины, крупный мужчина в длиннополом плаще, молодой, с аккуратной бородой и темными густыми волосами. Рай стояла в нескольких футах от него, ожидая, что он станет делать. Он посмотрел на автобус, уже раскачивающийся из-за идущей внутри борьбы, потом на кучку пассажиров, вышедших наружу. Наконец снова перевел взгляд на Рай.

Она посмотрела на него в ответ, тут же заметив очертания старомодного автоматического пистолета сорок пятого калибра, скрытого под плащом. Она следила за его руками.

Он махнул левой рукой на автобус. Затемненные окна мешали рассмотреть, что творится внутри.

То, что он махнул левой рукой, заинтересовало Рай больше, чем его очевидный вопрос. Левши в большинстве случаев пострадали меньше других, они оставались более рассудительными и понимающими, были не так сильно подвержены отчаянию, смятению или гневу.

Она повторила его жест, тоже указывая на автобус левой рукой, после чего замолотила по воздуху обоими кулаками.

Мужчина скинул плащ и остался в форме Лос-Анджелесского департамента полиции, при дубинке и штатном револьвере.

Рай отступила еще на шаг. Никакого Лос-Анджелесского департамента не существовало, не осталось вообще ни одной крупной организации, правительственной или частной. Встречались только местные патрули и отдельные вооруженные личности. Больше никого.

Мужчина вынул что-то из кармана плаща и бросил плащ в машину. После чего указал Рай на заднюю дверь автобуса. В руке у него было что-то из пластика. Рай не могла понять, чего он хочет, пока он не подошел к задней двери автобуса и жестом приказал ей встать там. Она повиновалась, главным образом из любопытства. Коп он или нет, может быть, он сумеет сделать что-нибудь, чтобы положить конец этой драке.

Мужчина подошел к автобусу со стороны шоссе, где в кабине водителя было открыто окно. Потом он бросил что-то в автобус. Рай все еще старалась рассмотреть сквозь затемненное стекло, что это такое, когда люди начали вываливать из задней двери, кашляя и заливаясь слезами. Газ.

Рай подхватила старушку, которая иначе упала бы, спяла на землю двоих детей, которых могли сбить с ног и затоптать. Она видела, что бородатый мужчина помогает людям выбираться из передней двери. Она поймала обеими

руками худого старика, выпихнутого наружу одним из драчунов. Пошатываясь под тяжестью старика, она едва успела убраться с дороги, когда наружу протолкнулся последний из спорщиков. Он, размазывая текущую из носа кровь, наткнулся на кого-то из пассажиров, и они схватились вслепую, все еще заливаясь слезами от газа.

Бородатый мужчина помог выйти из передней двери водителю, хотя водитель, судя по всему, не оценил его помощи. На мгновение Рай испугалась, что начнется еще одна драка. Бородатый человек чуть отступил, наблюдая за угрожающими жестами водителя, глядя, как тот кричит в бессловесном гневе.

Бородатый стоял спокойно, отказываясь отвечать на явно оскорбительные жесты. Обычно так и делали меньше других пострадавшие люди: отступали, если не доходило до физического контакта, позволяя тем, кто хуже владеет собой, вопить и скакать. Казалось, они где-то глубоко внутри понимают, что чем вспыльчивее, тем бестолковее человек. Так проявлялось превосходство, и только так люди вроде этого водителя могли его оценить. Подобное превосходство часто каралось побоями, порой даже смертью. Рай сама сталкивалась с такими случаями и в результате никогда не ходила без оружия. В мире, где единственным средством коммуникации стал язык тела, часто бывало достаточно одного лишь наличия оружия. Ей, впрочем, редко приходилось применять его или хотя бы даже демонстрировать.

А револьвер бородача был на виду. Очевидно, водителю автобуса этого было довольно. Водитель с негодованием сплюнул, еще раз пристально посмотрел на бородатого и пошел назад к своему заполненному газом автобусу. Он некоторое время смотрел на машину, явно желая забраться внутрь, однако газ еще не выветрился. Из всех окон нормально открывалось только крошечное окошко на водительском месте. Передняя дверь стояла открытая, однако задняя закрывалась, если ее не держать. Кондиционер, разумеется, вышел из строя давным-давно. Пройдет какое-то время, прежде чем воздух в автобусе очистится. Автобус был собственностью водителя, с его помощью он добывал средства к существованию. Он развесил в нем картинки из

старых журналов с изображениями того, что принимает в качестве платы за проезд. Тем, что ему приносят, он кормит семью или же меняет на что-то другое. Если его автобус перестанет ходить, ему нечем будет кормиться. С другой стороны, если в автобусе будут устраивать бессмысленные драки, он тоже не сможет нормально зарабатывать. Но это для него было уже слишком сложно. Он понимал только, что пройдет какое-то время, прежде чем он снова сможет вести автобус. Он показал кулак бородачу и заорал. Казалось, в его крике присутствуют какие-то слова, однако Рай не смогла их разобрать. Она не знала, он ли в том виноват или она сама. За последние три года Рай так редко слышала человеческую речь, что уже сомневалась, насколько хорошо ее понимает, и не была уверена в том, до какой степени у нее самой сохранились умственные способности.

Бородатый мужчина вздохнул. Он посмотрел на свою машину, затем помахал Рай. Он собирался уехать, но сначала хотел чего-то от нее. Похоже, он хочет, чтобы она поехала с ним. Рискованно садиться к нему в машину, когда, несмотря на его полицейскую форму, закон и порядок не значат ничего, даже слова уже ничего не значат.

Она замотала головой, что повсеместно понималось как отрицание, однако мужчина продолжал манить ее.

Она махнула ему, чтобы уезжал. Он делал сейчас то, что редко делали пострадавшие меньше других — привлекал ненужное внимание к одному из своих. Люди из автобуса начали посматривать на нее.

Один из мужчин, участвовавших в драке, хлопнул по руке соседа, потом указал на бородатого и на Рай, после чего поднял два соединенных пальца на правой руке, словно на две трети отдавая бойскаутский салют. Жест был быстрый, значение его было очевидно. Он объединял Рай с бородатым мужчиной. И что дальше?

Человек, сделавший этот жест, двинулся в ее сторону.

Она понятия не имела, чего он хочет, однако осталась стоять на месте. Мужчина был на фут выше нее и лет на десять моложе. Она и не надеялась, что сумеет от него убежать. Так же, как не надеялась на помощь окружающих, если эта помощь ей потребуется. Вокруг были сплошные чужаки.

Она сделала жест рукой, явное требование, чтобы мужчина остановился. Она не собиралась повторять этот жест дважды. К счастью, он подчинился. Он сделал оскорбительный жест, и остальные мужчины засмеялись. Потеря языка привела к появлению целого набора новых оскорбительных жестов. Этот человек с ошеломляющей простотой обвинял ее в том, что она спала с бородачом, и предлагал ей отдаться всем остальным присутствующим здесь мужчинам, начиная с него самого.

Рай устало посмотрела на него. Люди скорее всего будут просто стоять рядом и наблюдать, как он ее насилует. Точно так же они будут стоять и наблюдать, как она стреляет в него. Станет ли он доводить до такого?

Он не стал. После серии оскорбительных жестов он презрительно повернулся к ней спиной и зашагал к автобусу.

А бородатый все еще ждал. Он убрал револьвер и снова замахал ей обеими руками, пустыми. Понятно, что его оружие в машине, под рукой, но то, что он отложил его, произвело на Рай сильное впечатление. Может, он ничего. Может, ему просто очень одиноко. Она сама страдала от одиночества три года. Болезнь лишила ее всего, убила одного за другим детей, убила мужа, сестру, родителей...

Болезнь, если то была болезнь, разъединила и тех, кто остался в живых. Пока зараза растекалась по стране, у людей даже не было времени, чтобы винить во всем Советы (пусть даже те погрузились в молчание вместе с остальным миром), или новый вирус, или новое загрязнение окружающей среды, радиацию, божественное вмешательство... Болезнь наносила стремительный удар, кося людей, и столь же стремительно развивались ее последствия. Но были они весьма специфичными. Способность к речи либо терялась совсем, либо сильно снижалась. И уже не восстанавливалась. Часто наступал также паралич, снижение умственных способностей, смерть.

Рай пошла к бородачу, не обращая внимания на свистки и аплодисменты двух молодых людей, на то, как они показывают бородатому поднятые большие пальцы. Если бы он улыбнулся им в ответ, как-нибудь дал понять, что замечает

их реакцию, она, конечно, тут же переменила бы решение. Если бы она задумалась о смертельной опасности, какую может таить в себе поездка на машине с чужаком, она тоже переменила бы решение. Но вместо того она вспомнила о человеке, который жил в доме напротив нее. Он редко мылся с тех пор, как на него напала болезнь. И еще у него завелась привычка мочиться где попало. У него уже были две женщины, каждая ухаживала за одним из двух его обширных садов. Обе сошлись с ним в обмен на его покровительство. Он уже давал понять, что хотел бы, чтобы Рай стала его третьей женщиной.

Она села в машину, и бородач захлопнул дверцу. Она смотрела, как он идет к водительской дверце, беспокоясь за него, ведь его револьвер лежал на сиденье рядом с ней. И водитель автобуса и пара молодых людей придвинулись на несколько шагов ближе. Правда, они ничего не делали, пока бородач не сел в машину. Тогда один из них кинул камень. Остальные последовали его примеру, и, когда машина тронулась с места, несколько камней взвилось в воздух, не причинив вреда.

Когда автобус остался позади, Рай вытерла со лба пот, страстно желая расслабиться. Автобус провез бы ее больше половины пути до Пасадены. Оттуда оставалось бы пройти всего десять миль. И она соображала, сколько придется пройти теперь, и гадала, будет ли пеший переход единственной оставшейся трудностью.

На Фигуроа и Вашингтон-стрит, где автобус обычно поворачивал налево, бородатый останавливался и смотрел на нее, давая понять, что она сама может выбрать направление. Когда она указала налево и он действительно повернул налево, она начала расслабляться. Если он едет туда, куда она указывает, может быть, он неопасен.

Когда они проезжали мимо кварталов закопченных, заброшенных домов, пустых стоянок и разбитых или разобранных автомобилей, он стянул через голову с шеи золотую цепочку и протянул ей. Кулон, висевший на цепочке, представлял собой кусок гладкого черного камня. Обсидиан. Возможно, его зовут Рок, или Питер, или Блэк, однако она решила, что будет считать его Обсидианом. Даже ее по

временам такая бесполезная память в состоянии удержать в себе имя, подобное Обсидиану.

Она протянула ему свой собственный символ, означающий имя: брошку в форме большого золотистого снопа пшеницы. Она купила брошку задолго до болезни и погружения в молчание. И вот теперь носила, считая, что это самое похожее на Рай[1], что у нее есть. Люди вроде Обсидиана, которые не были знакомы с ней раньше, возможно, думают, что ее зовут Уит[2]. Но это не имеет особенного значения. Она все равно больше никогда не услышит своего имени, произнесенного вслух.

Обсидиан отдал ей брошку. Задержал ее руку в своей, когда она потянулась, чтобы забрать вещицу, провел большим пальцем по мозолям на ее ладони.

Он остановился на Первой улице и снова спросил, куда ехать. Затем, повернув направо, как она показала, он остановился перед Музыкальным центром. Здесь он взял с приборной панели лежавший там сложенный лист бумаги и развернул его. Рай узнала в бумаге карту местности, хотя написанные на ней слова не имели для нее никакого смысла. Он расправил карту, снова взял Рай за руку и нацелил ее указательный палец на некую точку. Он дотронулся до нее, дотронулся до себя, указал в пол машины. Все это означало: «Мы сейчас здесь». Она понимала, он хочет знать, куда она едет. Она хотела сказать ему, однако вместо того печально покачала головой. Она утратила способность читать и писать. Это была самая большая ее потеря и самая болезненная. В Лос-Анджелесе она изучала в университете Калифорнии историю. Она занималась писательской деятельностью. Теперь она не в состоянии прочитать свои собственные сочинения. У нее полный дом книг, которые она не может ни читать, ни заставить себя пустить на растопку. И память у нее такая, что она не может вспомнить ничего из прочитанного когда-то.

Рай уставилась в карту, силясь вычислить место. Она родилась в Пасадене, прожила пятнадцать лет в Лос-Анд-

[1] *Rye* — рожь *(англ.)*.
[2] *Wheat* — пшеница *(англ.)*.

железе. Сейчас она находится рядом с Лос-Анджелесским городским центром. Она знала положение городов относительно друг друга, знала улицы, направления, даже знала, как держаться подальше от скоростных автострад, которые могут быть перегорожены разбитыми машинами и разрушенными виадуками. Она должна знать, как показать Пасадену, даже если не в состоянии узнать слово.

С сомнением она положила ладонь на светло-оранжевое пятно в верхнем правом углу карты. Должно быть, правильно. Пасадена.

Обсидиан поднял ее ладонь, чтобы заглянуть под нее, затем сложил карту и снова положил на приборный щиток. Он может читать, запоздало сообразила она. Возможно, он может и писать. Внезапно она ощутила к нему ненависть, глубокую, жгучую ненависть. Что значит для него быть грамотным, для взрослого мужчины, который играет в свои «копы-грабители»? Однако он может читать, а она нет. И никогда уже не сможет. Рай ощутила, как у нее сводит внутренности от ненависти, отчаяния и зависти. А всего в нескольких дюймах от нее лежит заряженное оружие.

Она застыла на месте, пристально глядя на него, почти видя его залитым кровью. Однако ярость накатила волной и отхлынула, а она так ничего и не сделала.

Обсидиан, поколебавшись, понимающе коснулся ее руки. Рай подняла на него глаза. На ее лице уже успело отразиться слишком многое. Ни один человек, все еще живущий в том, что осталось от человеческого сообщества, не ошибся бы, истолковывая это выражение лица.

Она устало закрыла глаза, глубоко вдохнула. Рай уже терзалась тоской по прошлому, ненавидела настоящее, ощущала, как нарастает безнадежность, бессмысленность, однако она еще ни разу не испытывала такого мощного желания убить другого человека. Она в итоге ушла из дома, потому что вплотную приблизилась к тому, чтобы убить себя. Она не видела причин оставаться в живых. Может быть, именно поэтому она и села в машину Обсидиана. Раньше она ни за что не сделала бы такого.

Он коснулся ее губ и изобразил пальцами, как будто разговаривает. Может ли она говорить?

Она кивнула, после чего наблюдала, как и на него накатывает и отступает волна зависти. Только что оба признались в том, в чем признаваться было небезопасно, однако кровопролития не случилось. Он постучал себя по губам, затем по лбу и покачал головой. Он не говорит и не понимает звучащую речь. Болезнь сыграла с ними шутку, забрав, как она подозревала, то, что каждый ценил выше всего.

Она щипала его за рукав, не понимая, почему он решил и дальше исполнять обязанности полицейского при тех способностях, какие у него сохранились. Он был вполне разумен для иного. Почему он не дома, не выращивает кукурузу, не разводит кроликов, не растит детей? Но она не знала, как об этом спросить. Затем он положил руку ей на бедро, и ей пришлось разбираться с другим вопросом.

Она покачала головой. Недуг, беременность, беспомощность, муки одиночества... нет.

Он нежно поглаживал ее бедро и улыбался с явным недоверием.

Никто не касался ее три года. Она не хотела, чтобы кто-нибудь касался ее. Разве это подходящий мир, чтобы рожать в нем ребенка, даже с условием, что отец захочет остаться рядом и помогать в воспитании? Хотя ситуация была непростая. Обсидиан не подозревал, насколько он привлекателен для нее, молодой, моложе Рай, опрятный, просящий о том, что другой взял бы силой. Но все это не имело значения. Что такое несколько мгновений наслаждения по сравнению с целой жизнью расхлебывания последствий?

Обсидиан притянул ее ближе, и на секунду она позволила себе насладиться его близостью. Он приятно пах — мужчиной, и при этом приятно. Она с большой неохотой оторвалась от него.

Он вздохнул, протянул руку к «бардачку». Рай застыла, не зная, чего ожидать, но он вынул всего лишь маленькую коробочку. Надпись на коробочке ничего для нее не значила. Она не понимала, пока он не порвал обертку, открыл коробочку и вынул презерватив. Он смотрел на нее, и она первая в изумлении отвернулась. Затем захихикала. Она не помнила, когда смеялась в последний раз.

Он усмехнулся, жестом указал на заднее сиденье, и она засмеялась в полный голос. Даже в юности она терпеть не могла задние сиденья автомобилей. Но затем оглядела пустые улицы и разрушенные дома, после чего выпла и пересела назад. Он позволил ей самой надеть ему презерватив, а затем, кажется, удивился силе ее желания.

Некоторое время спустя они сидели рядом, прикрытые его плащом, не желая пока становиться друг для друга одетыми чужаками. Он сделал жест, как будто качает ребенка, и вопросительно посмотрел на нее.

Она с трудом глотнула, покачала головой. Она не знала, как сказать ему, что дети умерли.

Он взял ее руку и нарисовал на ней указательным пальцем крест, после чего повторил свой жест с укачиванием ребенка.

Она кивнула, подняла вверх три пальца, после чего отвернулась, старалась совладать с нахлынувшими внезапно воспоминаниями. Она говорила себе, что дети, взрослеющие в нынешние времена, достойны сострадания. Они бродят по каньонам улиц, не помня толком, чем были эти дома и как они пришли в такое состояние. Сегодняшние дети собирают книги как дрова, чтобы сжечь их. Они бегают по улицам, гоняясь друг за другом и повизгивая, словно шимпанзе. У них нет будущего.

Он положил ладонь ей на плечо, и она развернулась вдруг, неловко потянувшись к его маленькой коробочке и затем вынуждая его снова заняться с ней любовью. Он мог вернуть ей способность прощать и наслаждаться. До сих пор ничто не могло дать ей такого. До сих пор с каждым днем она только приближалась к тому моменту, когда пришлось бы сделать то, от чего она бежала, бросив дом: сунуть дуло пистолета в рот и спустить курок.

Она спросила Обсидиана, хочет ли он вернуться домой вместе с ней, остаться с ней.

Он казался удивленным и польщенным, когда понял. Но ответил не сразу. Наконец он отрицательно покачал головой, как она и опасалась. Наверное, он получал большое удовольствие, играя в «копы-грабители» и подвозя незнакомых женщин.

Она одевалась в разочарованном молчании, не в силах испытывать на него злость. Может быть, у него уже есть дом и жена. Очень может быть. Болезнь на мужчинах сказалась хуже, чем на женщинах, мужчин погибло больше, а выжившие пострадали сильнее. Такие мужчины, как Обсидиан, были редкостью. Женщины либо соглашались на меньшее, либо оставались в одиночестве. Если бы они увидели Обсидиана, то сделали бы все, чтобы жить вместе с ним. Рай подозревала, что его уже заполучила какая-нибудь из них, красивее и моложе ее.

Обсидиан коснулся ее, когда она надевала кобуру, и сложной цепочкой жестов спросил, заряжено ли оружие.

Она угрюмо кивнула. Он погладил ее по руке.

Она снова спросила его, хочет ли он поехать домой вместе с ней, на этот раз с помощью других жестов. Он вроде бы колебался. Может, его можно уговорить.

Он вышел и пересел на переднее сиденье, никак не ответив. Она тоже пересела вперед, глядя на него. Он одернул форму и поглядел на нее. Она подумала, что он спрашивает ее о чем-то, но не понимала, о чем.

Он снял с себя значок, постучал по нему пальцем, затем постучал себя по груди. Ну конечно.

Она взяла у него значок и прицепила к нему свою брошку со снопом пшеницы. Если все его безумие состоит в том, чтобы играть в «копы-грабители», пусть себе играет. Она примет его в полицейской форме и со всем прочим. Ее осенило, что в итоге она может лишиться его, если он повстречает кого-нибудь, как повстречал ее. Но какое-то время он будет с ней. Обсидиан снова взял карту города, похлопал по ней, указал примерно на северо-восток, в сторону Пасадены, затем посмотрел на нее.

Она пожала плечами, похлопала его по плечу, потом похлопала по плечу себя, подняла указательный и средний пальцы, сжатые вместе, чтобы он был уверен.

Он схватил ее за эти два пальца и закивал. Он остается с ней.

Она забрала у него карту и бросила на приборный щиток. Указала обратно, на юго-запад, на свой дом. Теперь ей нет нужды ехать в Пасадену. Теперь можно жить дальше,

предоставив брата и двух племянников, трех мастеровых мужиков, самим себе. Теперь ей нет нужды выяснять наверняка, настолько ли она одинока, как того опасалась. Теперь она не одинока.

Обсидиан поехал на юг по Хилл-стрит, затем на запад по Вашингтон-стрит, а она откинулась на сиденье, пытаясь представить, на что будет похоже снова жить с кем-то. Того, что она насобирала, того, что запасла и вырастила, запросто хватит на двоих. И места в доме с четырьмя спальнями, разумеется, тоже хватит. Он может перевезти к ней свои пожитки. Самое замечательное, что тот ублюдок с другой стороны улицы оставит ее в покое и, возможно, у нее не возникнет необходимости его убивать.

Обсидиан притянул ее ближе к себе, и она положила голову ему на плечо, но тут он вдруг так резко затормозил, что она едва не вылетела с сиденья. Краем глаза она заметила, как что-то пронеслось через улицу прямо перед капотом машины. Одна-единственная машина на всю улицу, и то кто-то кидается прямо под колеса.

Выпрямившись, Рай увидела, что это женщина, бегущая со стороны старого каркасного дома к заколоченному магазину. Она бежала молча, зато мужчина, который преследовал ее, выскочив на мгновение позже, выкрикивал что-то на бегу, похожее на искаженные слова. У него в руке был зажат какой-то предмет. Не пистолет. Скорее всего нож.

Женщина задергала дверь, та была заперта, она в отчаянии огляделась кругом и в итоге схватила кусок стекла от разбитой витрины магазина. С этим стеклом она развернулась лицом к преследователю. Рай подумала, что она скорее порежет себе руку, чем сумеет покалечить кого-либо этим оружием.

Обсидиан выпрыгнул из машины, крича. В первый раз Рай услышала его голос, глубокий и сиплый из-за вечного молчания. Он снова и снова повторял один и тот же звук, как это делают не способные говорить люди:

— Да, да, да!

Рай вышла из машины, когда Обсидиан подбегал к тем двоим. Он выхватил револьвер. Испугавшись, Рай тоже вытащила оружие и сняла с предохранителя. Огляделась во-

круг, высматривая, нет ли здесь других зрителей. Она видела, как мужчина оглянулся на Обсидиана, а затем неожиданно кинулся на женщину. Женщина махнула стеклом у него перед лицом, но он перехватил ее руку и успел дважды пырнуть несчастную ножом, прежде чем Обсидиан выстрелил в него.

Человек согнулся пополам, затем свалился, хватаясь за живот. Обсидиан закричал, затем жестом велел Рай помочь женщине. Рай двинулась к ней, вспоминая, есть ли у нее в рюкзаке что-нибудь кроме бинтов и антисептика. Однако помочь женщины было уже невозможно. Она была проткнута длинным узким ножом для извлечения костей из окорока.

Рай коснулась Обсидиана, давая ему понять, что женщина погибла. Он наклонился, чтобы осмотреть мужчину, который лежал неподвижно и тоже казался мертвым. Однако когда Обсидиан повернул голову посмотреть, чего хочет Рай, мужчина открыл глаза. С искаженным от ненависти лицом он выхватил из незастегнутой кобуры револьвер Обсидиана и выстрелил. Пуля попала Обсидиану в висок, и он упал.

Все произошло просто и стремительно. Мгновением позже Рай застрелила раненого, когда он поворачивался, чтобы убить и ее.

И Рай осталась одна, с тремя трупами.

Она опустилась на колени рядом с Обсидианом, с сухими глазами, нахмуренная, силящаяся понять, почему все вдруг так резко переменилось. Обсидиан ушел. Он умер и покинул ее, как и все остальные.

Двое совсем маленьких детей выскочили из дома, откуда до того выбежали женщина и мужчина, — мальчик и девочка, наверное, лет трех. Держась за руки, они бежали по улице в сторону Рай. Уставились на нее, затем проскочили мимо и приблизились к мертвой женщине. Девочка взяла женщину за руку, словно пытаясь разбудить ее.

Это было уже слишком. Рай встала, чувствуя, как сводит от горя и злости живот. Если дети заплачут, подумала она, ее вырвет.

Они были самостоятельные, эти двое детей. Достаточно подросшие, чтобы находить себе еду. С нее хватит уже го-

ря. Ей не нужны чужие дети, которые вырастут, чтобы превратиться в безволосых обезьян.

Она пошла к машине. По крайней мере, она сможет поехать домой. Она вспомнила, как водить машину.

Мысль о том, что Обсидиана следует похоронить, осенила ее раньше, чем она дошла до машины.

Она так быстро нашла и потеряла этого человека. Ощущение было такое, словно ее выдернули из благостного тепла и уюта и вдруг ни с того ни с сего нобили. В голове у нее никогда не прояснится. Она не может думать.

Каким-то образом она все-таки заставила себя вернуться к нему, взглянуть на него. Она поняла, что стоит на коленях рядом с ним, хотя совершенно не помнит, как опускалась на колени. Рай погладила Обсидиана по лицу, по бороде. Кто-то из детей издал какой-то звук, и она посмотрела на них, затем на женщину, которая, скорее всего, была их матерью. Дети в ответ смотрели на нее, явно испуганные. Наверное, именно их страх в итоге тронул Рай.

Она ведь была готова сесть и уехать прочь, бросив их здесь. Она едва не сделала это, едва не оставила двух почти младенцев умирать. Хватит уже смертей. Она должна забрать детей к себе. Она не сможет жить дальше, если поступит иначе. Рай озиралась кругом в поисках места, где можно похоронить три тела. Или два. Она не знала, является ли убийца отцом детей. До того, как настало молчание, полицейские постоянно твердили, что с самой большой опасностью они сталкиваются, выезжая по вызову на бытовые ссоры. Обсидиан, должно быть, об этом знал, однако это знание не удержало его в машине. И Рай оно тоже не удержало бы. Она не смогла бы смотреть, как убивают женщину, и ничего не предпринять.

Рай потащила Обсидиана к машине. Ей нечем было копать, и некому было покараулить, пока она будет копать. Лучше всего забрать тела с собой и похоронить их рядом с мужем и детьми. Обсидиан все-таки поедет домой вместе с ней.

Положив его на пол сзади, она вернулась за женщиной. Маленькая девочка, худенькая, грязная, сосредоточенная, вскочила на ноги и, не подозревая того, сделала Рай щед-

рый подарок. Когда Рай потянула женщину за руки, маленькая девочка закричала:

— Нет!

Рай уронила тело женщины и уставилась на девочку.

— Нет! — повторила девочка. Она встала рядом с женщиной. — Уходи! — сказала она Рай.

— Не разговаривай! — сказал ей маленький мальчик. Эти звуки не были искаженными или вызывающими непонимание. Оба ребенка говорили, и Рай понимала их. Мальчик посмотрел на мертвого убийцу и отодвинулся от него подальше. Он взял девочку за руку. — Молчи, — прошептал он.

Связная речь! Может быть, женщина погибла, потому что могла говорить и научила разговаривать детей? Убил ли ее в припадке безумного гнева муж или же пришедший в завистливую ярость незнакомец?

А дети... Они родились после наступления молчания. Значит ли это, что болезнь отступила? Или же у этих детей просто выработался иммунитет? Конечно, они ведь успели бы заболеть и впасть в молчание. Мысли Рай неслись вскачь. Что, если дети не старше трех лет спасены и способны учиться языку? Что, если им всего лишь требуются учителя? Учителя и защитники.

Рай бросила взгляд на мертвого убийцу. К своему стыду, она могла понять те чувства, какие терзали его, кем бы он там ни был. Злость, отчаяние, безнадежность, безумная зависть... Сколько их еще, людей, желающих уничтожить то, чем они не в силах обладать?

Обсидиан был защитником, принял на себя эту обязанность бог знает по какой причине. Может быть, он надел на себя отжившую форму и патрулировал пустые улицы, вместо того чтобы сунуть дуло револьвера себе в рот. И вот теперь, когда появилось то, что стоит защищать, он ушел.

Она когда-то была учителем. И хорошим учителем. И еще она была защитником, хотя только для себя самой. Она заставила себя выжить, когда у нее не было причин жить. Если болезнь отпустила этих детей, она сумеет помочь им выжить.

Рай каким-то образом смогла поднять мертвую женщину на руки и положить ее на заднее сиденье машины. Дети

принялись плакать, но она опустилась на колени на раздолбанный тротуар и зашептала им, опасаясь испугать своим хриплым от долгого молчания голосом.

— Все хорошо, — сказала она им. — Вы тоже поедете с нами.

Она подняла их обоих, подхватив на руки. Они были такие легкие. Хватало ли им пищи?

Мальчик закрыл ей рот ладошкой, но она отодвинула от него лицо.

— Со мной можно разговаривать, — сказала она ему. — Пока никого нет рядом, можно.

Она опустила мальчика на переднее сиденье машины, и он сам, без всякой просьбы, подвинулся, освобождая место для сестры. Когда они оба сидели в машине, Рай наклонилась к окну, глядя на них, видя, что теперь они не так сильно испуганы и смотрят на нее не только с опаской, но и с любопытством.

— Меня зовут Валери Рай, — сказала она, с наслаждением смакуя слова. — И со мной вы можете говорить.

КЭРОЛ ЭМШВИЛЛЕР

Убийцы

Перу Кэрол Эмшвиллер принадлежат шесть романов и более сотни рассказов, которые публиковались в многочисленных антологиях и журналах, а также выходили в различных сборниках, самый последний из них «Я живу с тобой» («I Live with You»). На протяжении своей карьеры, длящейся уже пять десятилетий, Эмшвиллер становилась лауреатом премии «Небьюла», Всемирной премии фэнтези и премии Филиппа Дика. В 2005 году писательница была удостоена Всемирной премии фэнтези за вклад в развитие жанра. В 2007 году вышел ее новый роман «Секретный город» («The Secret City»).

Кэрол Эмшвиллер невольно задается вопросом, не развалится ли наша цивилизация на части прямо завтра. Однако привыкшая к простой жизни — масляным лампам, пешим прогулкам, ручным насосам и стирке с помощью допотопной стиральной доски, — писательница едва ли может сказать, что эта вероятность ее пугает. И хотя Эмшвиллер, конечно же, не мечтает об апокалипсисе, она утверждает, что писать о деградации и разложении так же занятно, как и о будущем, полном различных изобретений и технических новинок.

Рассказ «Убийцы» является своеобразным протестом Эмшвиллер против войны в Ираке. Американцам было сказано, что они сражаются с террористами там, чтобы не пришлось сражаться с ними у себя дома. Писательница размышляет, что же произойдет, если подобная война все-таки развернется на территории Америки.

Многие ушли из-за недостатка воды. Не знаю, где они отыщут место, где дела обстояли бы лучше. Некоторые же из нас чувствуют себя здесь спокойнее, чем в любом другом месте. Да и уже задолго до того, как война закончилась, было трудно собраться и уехать куда-нибудь. Бензина для гражданских не было. А очень скоро его не стало вообще.

После того как разбомбили наш нефтепровод (а для этого было достаточно одного человека с гранатой), мы перебра-

лись выше по склону и прокопали канавы, чтобы вода протекала возле домов. Нам приходится таскать домой воду в ведрах и выносить помои на задний двор. Но вода, по крайней мере, орошает огороды и фруктовые деревья. В теплую погоду мы купаемся в наших ирригационных сооружениях, в прохладную — обтираемся дома, над раковиной, хотя прохладной погоды теперь почти не бывает.

Ко времени переезда выше по склону большинство все равно уже ушло. И разумеется, ушли все сильные мужчины, так что нам, женщинам, пришлось переезжать самостоятельно, причем без лошадей или мулов. Враги угнали их, убили или покалечили, чтобы сделать нашу жизнь еще труднее.

Никакого электричества, хотя кое-кто из женщин считал, что нам удастся устроить коллекторную ловушку на дамбе и вырабатывать ток. До сих пор никто не удосужился ее устроить. Надо сказать, все это тревожит меня совсем не так сильно, как вам могло показаться. Мне всегда нравилось ходить пешком, а дома мы пользовались сальными лампами и свечами, дававшими мягкий уютный свет.

Наш дом и так стоял выше того места, где когда-то находился город. И это было кстати, потому что я не собиралась никуда переезжать. Мне хотелось, чтобы брат мог вернуться в наш прежний дом. И кроме того, я не смогла бы перевезти мать.

За нашим задним двором когда-то располагался Департамент вод и электричества, потом участок Управления лесами, потом пустошь Джона Муира. Теперь город переехал выше нас, и, разумеется, не существует ни Департамента, ни Управления.

Из нашего дома открывается прекрасный вид. Прежде мы часто сидели на крыльце и любовались горами. Теперь, когда все переехали повыше, у всех из дома открывается прекрасный вид.

Город внизу пуст. «Вонз» и «Кмарт» превратились в разграбленные мародерами большие сараи. Здесь у нас только одна маленькая лавчонка, где мы продаем друг другу свои овощи, свое шитье и вязанье. Главным образом носки. В наше время трудно достать носки. До войны мы были

столь расточительны, что никто их не штопал, ну а теперь мы не только штопаем, а еще и надставляем переднюю часть и пятку на новых носках, прежде чем надеть их.

Мы перевезли наверх небольшую библиотеку. На самом деле книг в ней даже больше, чем раньше. Мы привезли все книги, какие сумели найти, и наши, и тех, кто ушел. Библиотекарь нам не нужен. Все честно возвращают их на место.

У нас есть маленькая больница, но нет врачей, лишь пара медсестер, слишком старых, чтобы их могли мобилизовать. Им уже за семьдесят, а они все еще работают. Учат новых медсестер. Но вот медикаментов вовсе нет. Только то, что можно приготовить из местных трав. Мы ходили к индейцам-паиутам, чтобы узнать больше про растения. У паиутов тоже есть пара сестер, которые время от времени приходят нам помочь, хотя у них в резервации полно своих забот. Они тоже перевезли резервацию выше в горы и больше не называют ее резервацией.

Теперь у нас город женщин. Полный предметов женского мастерства и искусств... Лоскутное шитье, вязаные свитеры... Женщины выполняют и тяжелую работу. У нас есть прекрасная бригада кровельщиков и плотники...

Многие женщины ушли на войну вместе с мужчинами, но мне пришлось ухаживать за мамой еще до того, как ушел брат. Она была не совсем уж больна, просто была очень жирная и попивала. Ноги у нее выглядели ужасно, сплошь в варикозных венах. Ходить ей было больно, поэтому она и не ходила. Когда началась война, она почувствовала себя немного лучше, потому что всего стало не хватать, хотя домашнего пива было полно. Но ходить она все равно не могла. Или не хотела. Мне кажется, у нее совершенно атрофировались все мышцы. Ухаживать за тем, кто не может ходить, — это мне кажется вполне естественным. Я и делала это с тех пор, как себя помню.

Теперь, когда матери не стало, у меня появилась возможность заняться чем-нибудь. Если бы я была уверена, что война все еще продолжается, то пошла бы сражаться. Однако создается впечатление, что война закончилась. Может быть. Я не знаю наверняка, чем она закончилась и закончилась ли

вообще. У нас нет способа выяснить это, но уже довольно давно не происходит ничего такого, что мы заметили бы. Над головой ничего не летает. Даже ничего допотопного. Не то чтобы у нас когда-то происходило нечто такое, о чем стоит упоминать. Если не считать подрыва нашего нефтепровода и краж провизии, никому до нас нет дела.

Однако именно так и шла эта война, без явного начала и без явного конца. Войны теперь не такие, как прежде, когда есть две противостоящие стороны. Враг был среди нас задолго до того, как все началось. В настоящей старомодной войне с нами они бы ни за что не победили, они были слабые, с отсталыми технологиями, однако и отсталые технологии достаточно хороши, если их много. Было непонятно, кому верить, и непонятно до сих пор. Наша сторона поместила всех, кого только возможно, в лагеря для интернированных, практически каждого, у кого были черные глаза и волосы и смуглая кожа, но нельзя же пересажать всех. Потом война тянулась так долго, что мы выработали все свои ресурсы, зато у них ресурсы имеются до сих пор, а саботаж предотвратить невозможно. Они сбежали из лагерей. На самом деле просто ушли. Охранники к тому времени тоже уже ушли.

Многие из этих мужчин скрываются в наших горах. Обе стороны пришли сюда, спасаясь от всего. Они отшельники. Они не верят никому. Некоторые из них продолжают воевать друг с другом и здесь. Это так же скверно, как оставшиеся после войны минные поля. Все эти люди пострадали, физически или душевно. Большинство из нас тоже, наверное, только мы этого не сознаем.

Где-то в горах может оказаться и мой брат. Если он уцелел, то должен прийти сюда. Он любит это место. Здесь он охотился, ставил капканы и рыбачил. Он умеет выживать в одиночку, и я знаю, он сделает все возможное, чтобы вернуться.

Большинство этих мужчин не спускаются к нам, даже когда голодают, мерзнут или болеют. Те, что спускаются, приходят воровать. Они уносят наши помидоры, кукурузу и редис. Вещи тоже пропадают. Кухонные ножи, ложки, рыболовные крючки... И конечно же, вязаные свитеры

и носки... Эти ненормальные живут даже выше, чем мы. И наверху по-прежнему холодно.

А они ненормальные. Вот теперь один из них убивает других и сваливает тела на краю деревни. Все погибшие убиты выстрелом в спину деревянным арбалетным болтом. Те красиво выточены и отшлифованы. Надеюсь, убийца не из тех, кто сражался на нашей стороне. Хотя подозреваю, что стороны уже не имеют значения.

Каждый раз, когда появляется очередная жертва, прежде чем тело перенесут в хранилище, я прихожу посмотреть, не мой ли это брат. Не хочу, чтобы мой брат оказался в хранилище. Ни за что. Но все эти люди выглядят так ужасно — грязные, бородатые, — что я каждый раз думаю: узнаю ли его? И каждый раз говорю себе: «Как же я могу его не узнать?» Но мне было всего пятнадцать, когда он ушел. Ему было восемнадцать. Теперь ему должно быть тридцать два. Если он жив.

Все мы несколько встревожены, хотя убивают не нас. Кроме того, в прошлую ночь я видела, как кто-то заглядывал ко мне в окно. Я спала, но услышала шум и проснулась. Увидела на фоне залитого лунным светом неба контур лоскутной шляпы и копну спутанных волос, торчащих из-под нее. Я крикнула: «Клемент!» Я не имела в виду, что это он. Просто была полусонная и в том состоянии решила, что это мой брат. Кто бы то ни был, он поспешно спрыгнул вниз, и я услышала топот убегающих ног. Потом я испугалась. Меня могли бы застрелить во сне.

На следующее утро я увидела следы: судя по всему, кто-то долго топтался у меня за сараем.

Я все еще надеюсь, что это брат, хотя мне бы не хотелось, чтобы он оказался убийцей всех тех несчастных. Но тогда у вас может возникнуть вопрос, отчего он побоялся войти в свой собственный дом. Он, конечно, не знает, что мама умерла. Но я знаю, что он опасается ее. Они никогда не ладили. Когда она напивалась, то обычно кидалась в него чем попало. Если он подходил слишком близко, то хватала его за руку и принималась выкручивать. Потом он стал для нее слишком сильным. Не может же он бояться меня. Или может? Я же его младшая сестренка.

Ко мне мать была добрее. Она беспокоилась, когда не могла до меня дотянуться или я переставала ей помогать. Я могла бы просто уйти и оставить ее в доме, но, пока она не умерла, я даже не задумывалась о такой возможности. Правда не задумывалась. Я ухаживала за ней так долго, что мне казалось, так и должно быть. Все равно я не смогла бы уйти. Она же была моя мать, и, кроме меня, за ней некому было присматривать.

Если в окно заглядывал брат, он должен был понять, что мамы больше нет. Она никогда не вставала с постели. Дом маленький, в один этаж, так что он мог заглянуть во все окна. У нас три крошечные спальни и еще кухня, соединенная с гостиной. Большая кровать матери занимала все пространство от стенки до стенки в самой большой спальне.

Я приклеила фотографии Клемента к магазину и библиотеке, хотя, конечно, это были фотографии из прежних времен. На них у него была остриженная на обычный армейский манер голова. Я пририсовала к одной фотографии всклокоченные волосы. Потом сделала еще один вариант, с лысиной и остатками волос, свисающими по бокам. (У нас в семье мужчины быстро лысели.) Пририсовала к каждой картинке разные типы бород. И вывесила оба изображения.

Лео из магазина сказал:

— Может, он не хочет разговаривать с тобой... и ни с кем другим.

Но это я и без него знала.

— Кажется, он приходил и заглядывал ко мне в окно.

— Ну, вот видишь. Он вошел бы, если бы хотел.

— Ты же был на войне. Как получилось, что ты остался нормальным, а остальные мужчины одичали?

— Мне повезло. Я ни разу не видел настоящего ужаса.

На самом деле он не совсем нормален. Большинство из нас никогда не были замужем. У нас просто не было возможности, потому что все мужчины ушли. Он мог бы жениться на одной из нас, но не женился. Он живет в захламленном сарае за магазином, и от него пахнет, хотя канава

проходит прямо у его магазина. И еще он все время брюзжит. К нему надо привыкнуть.

— Если мой брат вдруг появится, скажи ему, что я хожу искать его туда, где он когда-то любил бывать.

— Даже если ты его найдешь, он не захочет вернуться.

— Тогда я пойду охотиться на того психа, который убивает мужчин.

Правда состоит в том, что я не знаю, чем занять время. Я не знаю, как жить, когда заботиться нужно только о себе самой. Я могу идти куда угодно и делать что угодно. Я должна найти того, кто убивает. Больше все равно нечем заняться. Кто лучше меня подходит для такого дела?

Но я могу поймать этого человека прямо здесь, пока он прячется на краю нашего поселка или даже у меня под окном. Может, удастся застукать его в доме. Должно быть, *он не просто так заглядывал в окно.*

Я собрала вещи и сделала вид, будто ухожу. Из деревни меня не видно. Здесь полно укромных мест, где можно спрятаться. Никто и не догадается, что я никуда не ушла. Рюкзак у меня почти пустой. Там перец. Перец в наши дни очень сложно достать, а свой я сохранила в качестве оружия. В сапоге у меня маленький нож, а большой заткнут за пояс. Живности в ручьях не так много, но рыба еще попадается, хотя и не в таком количестве, как в прежние времена. Я взяла леску и крючки. Использую их сегодня же. Далеко не пойду.

Мне попалась радужная форель. Костер приходится разжигать по старинке: спичек-то больше нет. Я всегда ношу с собой горсть сухих волокон полыни в качестве трута. Жарю рыбу и съедаю ее. С наступлением темноты, когда появляется месяц, я прокрадываюсь обратно в свой дом, словно сама — одна из этих ненормальных.

Дверь широко распахнута. По всему полу рассыпан песок. Неужели он не мог затворить дверь? Теперь песчаные бури и смерчи бывают гораздо чаще, чем прежде. Неужели этот тип, кто бы он ни был, этого не знает? И это еще одна причина, по которой приходится забираться все выше, под деревья — там меньше песка.

Я чую его запах раньше, чем вижу его. Засовываю нож в рукав, чтобы он скользнул прямо в руку.

Я слышу его дыхание. Звук такой, словно он боится дышать. Мужчина, напуганный до такой степени, будет опасен.

Он спрятался в спальне матери, забившись между кроватью и прикроватным столиком. Все, что мне видно, это низко надвинутая шляпа, из-за которой лицо скрыто тенью. Еще я вижу голые колени, торчащие из драных штанов. Лучше видно эти колени, чем лицо.

Я тут же решаю, что мой брат не пошел бы в спальню матери, он был бы в своей комнате. К тому же в этой спальне до сих пор пахнет смертью и болезнью.

Я окликаю его:

— Клемент? — хотя уже знаю, что это не он. — Выходи.

Он стонет.

— Ты болен? — Я догадываюсь, что именно поэтому он и пришел сюда.

Я жалею, что не зажгла лампу заранее. Понадеялась на лунный свет, но сюда луна почти не заглядывает. Все-таки он может оказаться моим братом, грязным, бородатым и свихнувшимся, как и все они.

— Выходи. Идем в большую комнату. Я зажгу лампу. Приготовлю тебе поесть.

— Никаких ламп.

— Почему нет? Здесь только я. И война уже не ведется. Скорее всего, она закончилась.

— Я поклялся сражаться, пока не погибну.

Полагаю, мой брат тоже поклялся.

Я дотрагиваюсь пальцами до ножа.

— Я иду зажечь лампу.

Намеренно поворачиваюсь к нему спиной. Иду в большую комнату, зажигаю лампу с помощью огнива, все время стоя спиной к двери спальни. Я слышу, как он входит. Разворачиваюсь и смотрю.

Сшитая из кусков ткани шляпа, длинные жидкие волосы свисают из-под нее. Я не могу определить, смуглый он от природы или же просто обветренный, загорелый и грязный. Борода лопатой, в ней седые волоски. Глаза черные,

как всегда бывают черны у врагов. Брови густые, как у них. У него сломан передний зуб. В наши дни в этом нет ничего необычного. Лечить некому. Под загаром кожа у него с прозеленью, под глазами залегли темные круги. Если он считает, что здоров, то много он понимает.

— Ты враг. И ты уже полутруп.

Стул стоит прямо рядом с ним, но он криво оседает на пол. В конце концов распластывается по старому линолеуму. Если он считает, что все еще дерется на войне, то убить его стоит прямо сейчас, пока есть возможность. Он выглядит так отвратительно, пахнет так скверно, что я готова убить его только за это. После смерти матери я была уверена, что с вонью и беспорядком в доме покончено.

— Спрячь меня. Только на одну ночь. Я уйду утром.

— Ты ненормальный? — Я опускаюсь на колени рядом с ним. — Это же ты убиваешь людей. Стоит прикончить тебя прямо сейчас.

Он пытается привалиться к стене. Мне не хочется трогать его, но я хватаю его за рубаху на груди, чтобы помочь, и гнилая ткань расползается.

— От тебя ужасно воняет. И откуда мне знать, что ты не убьешь меня? Ты же убиваешь других.

— У меня нет оружия.

— Раздевайся.

— Что?

— Сними с себя всю эту грязь. Я сожгу тряпки. И принесу тебе таз, чтобы помыться.

А заодно узнаю, нет ли у него оружия.

У него нет сил, чтобы раздеться. Мне противно прикасаться к нему, но я делаю это. Я привыкла. Мать была омерзительна, когда умирала. Под конец я всюду разбрасывала сосновую хвою, но та не особенно помогала. Тогда я думала, что в последний раз делаю подобную работу. Думала, что уже свободна. Ну ладно, в самый последний раз. Я мою его и одеваю в старые вещи брата, и... что теперь? Если я его убью, весь наш поселок будет мне признателен.

Хорошо еще, что хоть его тело совершенно не похоже на тело матери, оно мускулистое, сильное, заросшее воло-

сами. Приятная перемена. Если б он не вонял так, мне бы даже понравился. Да чего там, он мне и так нравится.

Все это время он наполовину спит.

Я сжигаю его одежду в маленькой печке. Вымыв его, я кормлю его жидкой похлебкой с разбитым в нее яйцом, хотя и не перестаю думать: «К чему тратить на него яйца?» Он окончательно отключается, покончив с похлебкой. Снова соскальзывает по стене на пол, так что его состояние больше похоже на обморок, чем на сон.

Я решаю побрить его и остричь ему волосы. Он ничего не заметит. Если бы он был в сознании, я бы спросила, хочет ли он оставить усы или эспаньолку, но я рада, что он не может ответить. Я развлекаюсь разными видами причесок, разными баками, усами, которые делаются все меньше и меньше, пока не исчезают вовсе. И волосы тоже. Я состригла больше, чем собиралась, хотя какая разница, он все равно покойник.

Не слишком привлекательный вышел мужчина, после того как я состригла волосы и бороду, хотя в процессе, в некоторые моменты он выглядел неплохо, лучше, чем когда я закончила. Закончила я бритьем. Тоже не слишком удачно. Остались порезы. Там, где я сбрила бороду, кожа у него бледная. Лоб, где он был закрыт шляпой, тоже бледный. Только выжженная солнцем полоса пересекает лицо ниже уровня глаз. Мне нравится его мужественность, несмотря на то что он уродлив. Мне плевать на его сломанный зуб. Что до зубов, тут все мы в одинаковом положении.

Я засыпаю на кухонном столе в разгар размышлений на тему, каким способом его лучше убить. И еще думаю о том, как сильно все мы переменились: в прежние времена мне и в голову не пришли бы подобные мысли.

Утром он выглядит несколько лучше, достаточно хорошо, чтобы я помогла ему доковылять сначала до отхожего места, затем обратно, в комнату брата. Он все время ощупывает свое лицо и голову. Я останавливаюсь перед зеркалом в прихожей и позволяю ему взглянуть. Он потрясен. У него вид ощипанной курицы или мокрой кошки.

Я говорю:

— Извини.

Мне жаль... жаль любого, кто вздумает у меня стричься. Но он должен быть признателен, что я не перерезала ему глотку.

Он таращится на свое отражение, затем произносит:

— Спасибо. — И так искренне, что я понимаю: я замаскировала его наилучшим образом. Он же сказал: «Спрячь меня», я и спрятала. Никто теперь не примет его за одного из тех одичавших мужиков.

Я укладываю его на подушки в спальне брата и приношу ему чай с молоком. С виду ему настолько лучше, что я задумываюсь... Если он не помрет сам собой, я придумаю, что делать с ним дальше.

— Как тебя зовут?

Он не отвечает. А мог бы и сказать. Тогда я могла бы как-нибудь его называть.

— Скажи, как тебя звать.

Он задумывается, потом отвечает:

— Джол.

— Пусть будет просто Джо.

Я ему не верю. Но если у него сохранилась капля здравого смысла, он должен понимать, что я единственная, кто может его спасти. Хотя ни у кого в наши дни не осталось здравого смысла.

— Война надоела всем давным-давно. — Я с грохотом опускаю чашку на стол, и чай выплескивается. — Неужели ты не заметил?

— Я поклялся сражаться, пока не умру.

— Могу поспорить, ты уже даже не знаешь, кто с кем воюет. Если вообще когда-нибудь знал.

— Это вы свели с ума весь мир. Не мы. Это все вы и ваша неуемная жадность.

Я не злилась так с тех пор, когда брат еще был дома.

— Мир сошел с ума сам по себе, и ты это знаешь. Кроме того, все уже закончилось. И наше участие в войне тоже. Ты ненормальный! — Это не те слова, какие следует говорить сумасшедшим, однако я все равно продолжаю: — Все вы, одиночки, ненормальные. От вас ничего, кроме неприятностей.

Он проглатывает все это. Может быть, у него просто нет сил, чтобы спорить.

— Я пойду добуду нам кролика. Если ты по-прежнему хочешь доставлять другим неприятности, лучше, чтобы тебя здесь не было, когда я вернусь.

Я ухожу. Он остается наедине с моим запасом перца и кухонным ножом. И я предполагаю, что его арбалет где-то неподалеку. Должна же я дать ему шанс показать, кто он на самом деле.

Я обхожу свои силки. Они находятся ниже по склону. Я расставила их вокруг города. Это призрачный город. Только я брожу по нему время от времени... обычно в прохладные дни. Которых почти не бывает. Сегодня, должно быть, больше ста десяти градусов. Теперь в нашей долине зима похожа на лето в Долине Смерти.

Все, что попадается в силки, — крысы. Мы их готовим и называем крольчатиной, хотя всем давно наплевать, как это называется.

Я обнаружила двух больших черных, размером с кошку. Этих мы любим больше, чем мелких коричневых, на них гораздо больше мяса. Такое впечатление, будто крысы становятся крупнее и крупнее. Мои капканы сломали им шеи. Мне не придется их убивать. Я привязываю крыс к поясу за хвосты, потом брожу по городу в надежде отыскать что-нибудь, еще не унесенное другими. Нахожу четвертак. Подбираю его, хотя от него никакой пользы. Может, кто-нибудь из паиутов превратит его в украшение. Я намеренно не возвращаюсь домой до самого вечера, пока не выпиваю всю воду, какую взяла с собой.

Прежде чем войти, я обхожу вокруг сарая и дома, высматривая арбалет и болты, ищу, отойдя дальше, за кустами, однако ничего не нахожу.

Он все еще здесь. Спит. И оружия, какое бросалось бы в глаза, при нем нет, однако я проверяю кухонные ножи. Самого большого, длинного как мачете, не хватает. К тому же он может притворяться, что болен сильнее, чем на самом деле.

Враг он или нет, мне нравится, что в доме мужчина. Я наблюдаю за ним, спящим. У него такие длинные ресницы. Мне нравятся волоски у него на пальцах. Одного взгляда на его руки мне достаточно, чтобы подумать о том, как мало осталось вокруг мужчин. На самом деле всего четверо. Его предплечья... Наши никогда не становятся такими мускулистыми, сколько бы мы ни пилили и ни рубили. Даже у моего брата не было таких мускулов. Мне нравится, что ему уже снова пора бриться. Мне нравятся даже его кустистые брови.

Но надо разделать крыс.

Когда я начинаю громыхать посудой в части большой комнаты, отведенной под кухню, он просыпается и ковыляет к столу. По дороге снова останавливается у зеркала и долго изучает свое отражение. Как будто успел забыть, как выглядит под всеми своими волосами. Потом он садится и наблюдает, как я тушу крыс с диким луком и репой. Для густоты я добавляю желудевой муки, которую выменяла у паиутов.

Проходит какое-то время, пока готовится мясо. Я завариваю индейский чай и сажусь напротив него. Оказываясь так близко, я смотрю ему в глаза и теряю контроль над собой. Мне приходится встать и повернуться к нему спиной. Я делаю вид, будто кушанье требуется помешивать. Чтобы скрыть свои чувства, я спрашиваю:

— Где твой арбалет? И где мой нож? Я не дам тебе еды, пока ты не скажешь.

Я говорю с ним гораздо суровее, чем собиралась.

— Под кроватью. И то и другое.

Я иду проверить, они лежат там, еще и несколько арбалетных болтов. Я возвращаюсь и кладу арбалет на стол. Это прекрасно сделанная вещь. Старые металлические детали и старая гайка, снятые с чего-то другого, начищены до блеска и смазаны маслом. Деревянные части покрыты резьбой, словно произведение искусства. Оружие в отличном состоянии. Я отнесу его на городское собрание как доказательство того, что разыскала убийцу и расправилась с ним. Но стоит ли? К тому же они могут потребовать тело.

— Я не стану никого убивать. Пока.

— Ага. Но ты же поклялся.

— Я могу воевать в каком-нибудь другом месте.

— Ну, разумеется.

После еды я убираю то, что осталось, в старую завинчивающуюся жестянку, несу к ирригационной канаве и опускаю во влажную прохладную грязь, чтобы мясо не портилось.

Не знаю, может, перед сном как-нибудь забаррикадировать дверь в мою комнату? Жалко, что нет собаки, но мы с матерью давным-давно съели пса. Хотя теперь он уже умер бы от старости. Но все равно с собакой было бы здорово. Я бы чувствовала себя в безопасности. Пес был славный, только быстро старел. Мы подумали, что лучше съедим его сами, чем его поймает кто-нибудь другой. Это было еще до того, как начали есть крыс.

Я устала, поэтому заснула не сразу. Я продолжала твердить себе, что, если бы он собирался залезть ко мне в комнату, я бы уже догадалась. Но я все равно приставляю к двери стул так, чтобы он упал, если что. По крайней мере, услышу, что он идет.

Спать я не могла главным образом из-за того, что, несмотря на самые благие намерения, я думала о том, как оставить его при себе. Попытаться. Мне нравится мысль, что он будет рядом, хотя и страшновато. Я строю планы.

Вполне логично, что любой, кто идет к нашему поселку по склону, сначала наткнется на мой дом. Например, какой-нибудь незнакомец с севера. И вполне логично, что я приведу его на городское собрание, чтобы он мог рассказать свои новости.

Но вот какие новости? Утром (стул не упал) мы придумываем кое-что вместе. Город Карсон так же пуст и заселен крысами, как и наш город. (Неплохая наживка, учитывая, что так оно и есть.) Я вспоминаю, что был такой планер (кажется, его называли «Паутинный кондор»), который летал на пропеллере, соединенном с велосипедом, и не нуждался в бензине. Далеко такой не летает, иначе он долетел бы до нас. Джо может сказать, что видел велоплапер.

Он говорит:

— А как насчет эпидемии новой болезни, которую переносят блохи? Сюда она еще не добралась.

Он говорит:

— И как насчет того, что в Рино нашли склад боеприпасов, так что можно почистить старые ружья, чтобы использовать их?

Я рассказываю ему о Клементе, чтобы он потом пересказал это остальным. Скажу, что это еще одна причина, по которой Джо пришел сначала именно ко мне: рассказать о брате. Наверное, я придумала эти новости, потому что понимала, что брат погиб. Иначе не стала бы о нем упоминать. Я, конечно, продолжала считать, что он бродит по горам среди этих ненормальных, но едва ли по-настоящему верила в это. Я всего лишь надеялась.

Один раз он берет меня за руку и пожимает, говорит, как он мне благодарен. Мне снова приходится встать и повернуться к нему спиной. Я мою тарелки, медленно. Я настолько взволнована, что едва помню, на что похоже прикосновение его руки. Сильная и теплая. Это точно.

На наших городских собраниях происходит много хорошего. Мы обмениваемся новостями. Мы учреждаем всевозможные комитеты помощи. В некотором смысле мы заботимся друг о друге гораздо больше, чем до войны. Раньше народ приносил с собой мясо оленей, диких баранов и делился со всеми, вот только дичи становится все меньше и меньше, а горных львов все больше. Они пожирают дичь, а мы не очень-то умеем убивать горных львов. Могу поспорить, Джо сможет, со своим арбалетом.

Так что я привожу его на собрание. Представляю его. Они толпятся вокруг, задают вопросы о своих любимых городах, о местах, где у них когда-то жили родственники. Он отлично выдумывает ответы на ходу. Я задаюсь вопросом: не был ли он офицером? Или просто хорошо играет?

Я восхищаюсь им все больше и больше, и я вижу, что все остальные женщины тоже. Он может заполучить любую из нас. Я переживаю, что он уйдет от меня, а только мне известно, кто он на самом деле. Та, кому он в конце концов достанется, должна быть очень осторожна.

И выглядит он очень недурно, пусть и с жуткой стрижкой. Голубая рабочая рубашка моего брата прекрасно подчеркивает его загар. Она ему великовата, но это обычное дело.

Женщины ходили проверять птичьи гнезда и наварили большущий котел супа из маленьких птичек. Я была рада, что приготовили это, а не кое-что другое.

На наши встречи приходит одна из женщин пануто в, чтобы потом пересказать новости в резервации. Она красивая, более чем красивая, не такая, как все, ошеломляющая. Я могла бы предвидеть это. По первому его взгляду на нее стало ясно... Они оба пристально поглядели друг на друга, а затем, очень поспешно, отвели глаза.

Потом он сидит, пьет чай с несколькими женщинами, включая и эту индианку. Все они теснятся вокруг него, однако я вижу, как он пересаживается, чтобы быть ближе к ней. Столы маленькие, но сейчас уже девять стульев втиснуты за его стол. Я не вижу, что происходит, зато вижу, как ее плечо касается его плеча. И лица их так близко друг к другу, не понимаю, как они вообще что-либо видят.

Я потихоньку выскальзываю наружу и бегу домой. Жалею, что не сохранила его вонючие, расползающиеся в руках тряпки. Жалею, что не оставила его засаленные всклокоченные волосы, которые состригла. Их я тоже сожгла. Но я нахожу старую шляпу. Шляпа помогает им поверить мне. Я припошу арбалет. Он тоже помогает, настолько, что он пытается сбежать.

Они вздернули Джо в хранилище. Я попросила их не рассказывать мне никаких подробностей. Не желаю знать, когда и его пустят в дело.

НИЛ БАРРЕТ-МЛАДШИЙ

Летучий цирк Сладкой Джинни

Нил Баррет-младший написал более пятидесяти романов, в числе которых постапокалиптические «Келвин» («Kelwin»), «Через темную Америку» («Through Darkest America»), «Зари неясный свет» («Dawn's Uncertain Light») и «Принц Кристлер-Кока» («Prince of Christler-Coke»). Он опубликовал десятки рассказов в таких изданиях, как «F&SF», «Galaxy», «Amazing Stories», «Omni», «Asimov's» и во множестве антологий. Его произведения представлены в сборниках «Немного не по центру» («Slightly Off Center») и «Бесконечный блюз» («Perpetuity Blues»).

Этот рассказ, вышедший в финал премий «Хьюго» и «Небьюла», знакомит читателей со Сладкой Джинни и ее передвижным шоу, торгующим сексом, лепешками тако[1] и тяжелыми наркотиками. Ее партнеры — шофер и зазывала Дэл, а также Черный Опоссум, который живет ради минут, когда ему удается обрушить на землю свинцовый град.

Итак, без долгих представлений, вот она перед вами, джентльмены: Сладкая Джинни! Разве она не воплощение ваших мечтаний?

Дэл торговался, а Джинни просто сидела рядом.

— Захочется им сладенького, — сказала Джинни, — хоть убей, захочется.

— Зуд у них, — сказал Дэл. — У всех зудит. Каждый думаст, как бы выжить.

— Фу, — с отвращением фыркнула Джинни. — Что мне совсем не нравится, так это жариться тут на солнце. Моя цена с каждой минутой растет. Вот погоди, еще увидишь.

— Не будь жадиной, — сказал Дэл.

---

[1] *Тако* — свернутые в трубку маисовые лепешки с острой мясной начинкой и овощами.

Джинни задрала ноги на приборную доску. Ноги нагрелись на солнце. До часткокола было ярдов сто. Над стеной — петлями колючая проволока. Над воротами надпись:

Первая церковь
неэтилированного Бога и первоклассной очистки.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
ВХОДА НЕТ

Перегонные аппараты нуждались в покраске. Они когда-то были серебристыми, а теперь видно было тусклое олово и черная ржавчина.

Джинни высунулась из окна и окликнула Черного опоссума:

— Что там такое, дружище? Подохли к чертовой матери или что?

— Думают, — объяснил опоссум. — Готовятся сделать ход. Обдумывают план действий.

Черный опоссум сидел на крыше фургона в узком кресле, привинченном к обшивке. Кресло окружала поворотная установка, ощетинившаяся лоснящимися черными стволами пятидесятого калибра. Опоссуму был обеспечен круговой обзор. От солнца его защищал красный зонт, выгоревший до светло-розового оттенка. Опоссум разглядывал укрепление и присматривался к тепловым миражам над землей. Миражи его не интересовали. Он питал подозрения ко всему, что еще не было нарезано и завялено. И опасался любых иллюзий. Он почесал нос и обвил хвостом ляжки. Ворота открылись, и через пустырь двинулись мужчины. Он дразнил их уже своим видом, и молился, чтобы они сделали какую-нибудь грандиозную глупость.

Опоссум насчитал тридцать семь мужчин. Некоторые были вооружены, хотя не все держали оружие на виду. Опоссум с первого взгляда вычислил их. Похоже, мирный народ — предпочитают развлечение хорошей драке. Но еще оставалась надежда, что он ошибся.

Мужчины столпились вокруг. На них были заплатанные комбинезоны и линялые рубахи. При виде опоссума

они занервничали — Дэл на то и рассчитывал. Зато его собственная наружность действовала успокаивающе. Дэл был маленьким, тощим и лысым, если не считать кисточек над ушами. Шея у него торчала из воротника рубашки, как у новорожденного грифенка, тянущегося за мясом. Мужчины забыли про опоссума и подошли к нему, чтобы взглянуть, что он делает. Ждали, пока Дэл покажет им то, за чем они пришли. Фургон был выкрашен в желтовато-зеленый цвет. Золотыми буквами, как в цирке Барнума, на борту сияло имя владельца и перечень отборных пороков, которыми здесь торговали:

Летучий цирк Сладкой Джинни
СЕКС
ТАКО
ТЯЖЕЛЫЕ НАРКОТИКИ

Дэл прилежно засуетился. Открепил от фургона прицеп и устроил отличную маленькую сцену. Всего дела было минуты на три, но он растянул на все десять, а потом еще десять минут заставил их ждать. Мужчины начали свистеть и хлопать в ладоши. Дэл сделал вид, что встревожился. Это им понравилось. Он споткнулся, насмешив их.

— Эй, мистер, есть у тебя там девочка, или как? — выкрикнул кто-то.

— Лучше бы она здесь была, вместе с тобой, — добавил другой.

— Джентльмены, — провозгласил Дэл, жестом требуя тишины. — Сладкая Джинни очень скоро появится на этой сцене, и вы не пожалеете, что пришлось подождать. Обещаю вам исполнение всех желаний. Я несу красоту в пустыню, джентльмены. Вожделение на ваш вкус, ничем не сдерживаемые страсти. Сексуальные преступления, какие вам и не снились!

— Поменьше болтовни, мистер! — крикнул ему мужчина с глубоко запавшими глазами. — Покажите-ка ваш товар!

Остальные поддержали его, топая и свистя. Проняло, решил Дэл. Он как раз и старался их раззадорить. Нетерпение, досада и недовольство. Ненависть, ожидающая сладострастного разрешения. Он махнул рукой, как бы отгоняя

их, но шум не умолкал. Он протянул руку к дверце фургона — и добился мгновенной тишины.

Двойная дверь распахнулась. Открылся красный бархатный занавес, расшитый сердечками и херувимами. Дэл протянул руку. Сделал вид, что нашаривает за занавесом что-то, скрытое от него. Зажмурил один глаз, скроил удивленную мину — мол, не могу найти. Забыл, как делается этот фокус! И наконец внезапный рывок, и Джинни двойным сальто вылетает на сцену во всем своем великолепии.

Толпа разразилась дикими криками восторга. Джинни дирижировала хором. Одета она была соответственно: короткая белоснежная юбочка, белые сапожки с кисточками и белый свитерок с вышитым на груди большим красным «Дж».

— Сладкая Джинни, джентльмены, — торжественно провозгласил Дэл, — предстает перед вами в образе Барбары Джин, капитана школьной команды болельщиков. Чиста как снег, но чуточку испорчена и не прочь кое-чему научиться, если учителем будет полузащитник Бифф. Ну, что скажете?

Мужчины свистели, орали, топали ногами. Джинни гордо поворачивалась перед ними, высоко вскидывая ноги, отчего они всякий раз восторженно ахали. Тридцать семь пар глаз ясно говорили, чего им надо. Мужчины гадали, что скрыто под одеждой. Вспоминали старые запылившиеся сценарии о любви и насилии. И вдруг так же внезапно, как появилась, Джинни исчезла. Мужчины чуть не взяли штурмом сцену. Дэл беззаботно ухмылялся. Занавес раздвинулся, и Джинни снова показалась перед ними — светлые волосы сменились густой рыжей шевелюрой, в мгновение ока изменился и костюм. Дэл представил сиделку Нору, ангела милосердия, мягкую, как вата в руках пациента Пита. Еще мгновение, и волосы блестят, как воронье крыло, и она классная дама Салли, холоднее ключевой воды, пока двоечник Стив не доведет ее до взрыва ярости.

Джинни снова исчезала. Над равниной гремели аплодисменты. Дэл поощрительно кивал, потом поднял руки, прося тишины.

— Разве я вас обманывал, джентльмены? Разве она не воплощение ваших мечтаний? Не такой ли любви вы жда-

ли всю жизнь? Разве бывает тело слаще, кожа мягче? У кого еще такие белые зубки, такие блестящие глазки?

— Верно, только настоящая ли она? — выкрикнул человек с изуродованным лицом, заштопанным грубо, как старый носок. — Мы здесь люди богобоязненные. Мы с машинами не трахаемся.

Другие в знак согласия орали и потрясали кулаками.

— Что ж, я вовсе вас не виню, сэр, — закивал Дэл. — Мне самому случалось пробовать куколок-андроидов. Резина-резиной, могу вас уверить. Это не для вас, я ведь с первого взгляда узнаю мужчину, который знает толк в женщинах. Нет, сэр! Джинни самая что ни на есть настоящая, и она ваша в любой роли по вашему выбору. Семь минут блаженства, джентльмены, но я клянусь вам, они стоят целой жизни. Если это обман, получите свое добро назад. И всего-то за один американский галлон бензина.

Как Дэл и ожидал, в ответ послышались стоны и ропот.

— Да это просто мошенничество! Ни одна женщина столько не стоит!

Дэл держался твердо. Стоял с мрачным и разочарованным видом.

— Мне в голову не придет отнимать у вас ваш товар, — сказал он. — Не мое дело загонять мужчину в сладкие объятия, заставлять его погружать свою мужественную душу в золотое сияние. Нет, если он считает, что красотка ему не по карману. Что вы, сэр! Я так дела не веду и никогда не вел!

Мужчины придвинулись ближе. Дэл чуял их недовольство. Читал хитрые мысли в их головах. Всегда наступал такой момент, когда им приходило в голову, что можно насладиться Джинни и даром.

— Подумайте хорошенько, джентльмены, — сказал Дэл. — Человеку приходится подчиняться обстоятельствам. А пока вы размышляете, обратите внимание на крышу фургона. Потрясающая и абсолютно бесплатная демонстрация невиданной меткости!

Дэл еще не закончил говорить, до мужчин еще не дошел смысл его слов, когда вновь появившаяся на сцене Джинни запустила в воздух дюжину фарфоровых блюдечек.

Никто не успел уловить движения Черного опоссума. Поворот вместе с креслом на сто сорок градусов, и очередь из стволов разнесла блюдца в фарфоровую пыль. Над равниной раскатился гром. На головы мужчин посыпались осколки. Опоссум встал и слегка поклонился, оскалив зубы в хищной ухмылке. Глазам мужчин предстали шесть футов и девять с четвертью дюймов сумчатой ярости и невероятного проворства, черные агатовые глазки и пасть, полная острых зубов грызуна. Сомнений как ни бывало. С пятидесятым калибром не спорят. Сегодняшнее удовольствие явно не из даровых.

— Заводите моторы, джентльмены, — улыбнулся им Дэл. — Я готов принять у вас плату. Пока ждете очереди к счастью, попробуйте горячих тако. И осмотрите нашу выставку чудес фармакологии и расширяющих кругозор наркотиков.

Еще мгновение — и мужчины потянулись обратно к частоколу. И вскоре стали возвращаться с помятыми канистрами в руках. Дэл обнюхивал каждый галлон на случай, если какой-нибудь шут задумает провести его на воде. Каждый, получив номерок, занимал свое место. Дэл продавал тако и тяжелые наркотики, выторговывая сколько получится. Свечи, керамические кувшины, ржавые ножи. Половину справочника по техническому обслуживанию «крайслера» марки XX — «городской танк». Наркотики были разных цветов, но все одного состава: двенадцать частей душицы, три части кроличьего помета и одна — низкосортной марихуаны. Все это под бдительным взором опоссума.

— Господи, — сказал первый, выходя из фургона. — Она этого стоит, вот что я вам скажу. Возьмите сиделку, не пожалеете.

— Лучше училка, — сказал второй. — Ничего подобного в жизни не видел. И наплевать мне, настоящая она или нет.

— Чем вы заправляете свои тако? — спросил клиент у Дэла.

— Ваших знакомых в начинку не кладем, сэр, — ответил тот.

— Долгий был день, — сказала Джинни. — Честное слово, я как выжатая. — Она сморщила нос. — Как приедем

в город, первым делом берись за шланг, Дэл. Там воняет, как в сточной канаве, а то и хуже.

Дэл прищурился на небо и свернул в редкую тень мескита. Остановившись, подкачал шины. Джинни вышла из машины, обошла вокруг, потянулась.

— Время позднее, — заметил Дэл. — Поедем дальше или остановимся здесь?

— Как по-твоему, те мальчики не надумают вернуть обратно свой бензин?

— Надеюсь, что надумают, — отозвался с крыши Черный опоссум.

— Злючка ты, я тебе скажу, — засмеялась Джинни. — Черт, давайте поедем дальше. Я не откажусь от горячей ванны и городской кормежки. Что там впереди?

— Если этой карте можно верить — Злая-весть-с-востока, — ответил Дэл. — Джинни, ночью ездить опасно. Кто знает, кто поджидает на дороге?

— Зато я знаю, кто поджидает у нас на крыше, — возразила Джинни. — Поехали. Я вся исчесалась от грязи и паразитов, и перед глазами у меня сияющим видением стоит ванна. Если хочешь, могу сменить тебя за рулем.

— Залезай, — буркнул Дэл. — Ничего страшнее тебя за рулем я и представить не могу.

Утро расцвело лиловым светом с металлическим блеском — медным, серебряным и золотым. Издалека Злая-весть-с-востока показался Джинни похожим на свалку мусора, разбросанного прямо по равнине. Вблизи городок напоминал очень большую свалку. Бараки, палатки и сколоченные на скорую руку халупы. Материал для строительства брался из развалин прежнего города. Еду готовили на очагах, местные жители болтались по улицам, зевая и почесываясь. Три заведения обещали кормежку. Другие — постель и ванну. Ну что ж, надежда есть. Джинни высмотрела на дальнем конце городка вывеску:

РЕМОНТНАЯ МАСТЕРСКАЯ МОРО
оружие
механика
любое электронное барахло

— Притормози, — сказала она Дэлу. — Завернем-ка туда.

— Зачем? — забеспокоился Дэл.

— Не волнуйся. Нужно отладить кое-что в фургоне. Я просто хочу, чтобы они посмотрели.

— Мне ты не говорила, — сказал Дэл.

Джинни загляцула в печальные, тоскливые глаза, увидела поникшие пучки волос над ушами.

— Дэл, не о чем было говорить, — ласково произнесла она. — Я хочу сказать, ничего такого, в чем ты мог бы помочь, понимаешь?

— Тебе лучше знать, — не скрывая огорчения, пробормотал Дэл.

Джинни вздохнула и вышла из кабины. Двор за мастерской окружала колючая проволока. Он был по щиколотку завален мотками веревки и медного кабеля, и какими-то ржавыми деталями. Стену подпирал побитый пикап. Жестяная крыша постройки загибалась от утреннего зноя. Из дверей изливался механический мусор. Опоссум издал странный звук, и Джинни увидела выходящего на свет пса. Овчарку, чуть выше шести футов. Пес сверкнул на Черного опоссума желтыми глазами. За псом вышел человек, вытирая о штаны руки, испачканные смазкой. Голый по пояс, волосы — как набивка кресла. Черты лица словно каменные, и глаза поблескивают кремнем. Неплох, решила Джинни, если только его хорошенько отмыть.

— Ну что? — заговорил механик. Взглянул на фургон, прочел надпись на борту и с головы до пят измерил взглядом Джинни. — Чем могу помочь, маленькая леди?

— Я не слишком маленькая, и не стоит принимать меня за леди, — отозвалась Джинни. — Что бы вы ни думали, больше так не думайте. Вы уже работаете или пока только разговариваете?

Механик усмехнулся:

— Меня зовут Моро Гэйн. От работы никогда не отказываюсь.

— Мне нужен электрик.

— У нас есть. В чем дело?

Джинни помотала головой:

— Сперва должна спросить, вы обеспечиваете конфиденциальность или разболтаете все, что узнаете?

— Тайна — мое второе имя, — заверил Моро. — Будет стоить немного дороже, но никто ничего не узнает.

— Сколько?

Моро прикрыл один глаз.

— Ну, откуда мне знать? Что у вас сломалось: ядерный двигатель или карманные часики? Загоняйте машину и посмотрим. — Он нацелил чумазый палец на Черного опоссума. — А его оставьте снаружи.

— Ни за что.

— В мастерскую с оружием не пускаю. Такое правило.

— Он не носит при себе оружия. Только то, что вы видите, — улыбнулась Джинни. — Можете его потрясти, если хотите. Хотя я бы не стала.

— Вид у него внушительный, это точно.

— Он такой и есть.

— А черт с ним, — махнул рукой Моро, — заводите машину.

Пес отпер ворота. Опоссум слез и посматривал на него масленными глазками.

— Пойди поищи нам место, где остановиться, — сказала Джинни Дэлу. — Если сумеешь, чистое. И чтоб была горячая вода, сколько ее найдется в этом городишке. Господи, Дэл, ты что, все еще дуешься?

— Обо мне не беспокойся, — ответил Дэл, — даже не думай.

— Отлично. — Она запрыгнула на водительское место.

Моро пинал дверь своей мастерской, пока она не открылась достаточно широко, чтобы пропустить фургон. Сквозь разбитые окна внутрь попадал свет. Застекленные осколками оконные переплеты напомнили Джинни церковные витражи. Когда глаза привыкли к полумраку, она увидела, что не ошиблась. Запасные части машин громоздились на составленных у стены скамьях для молящихся. Перед алтарем пристроился «олдсмобиль» 1997 года.

— Славное у вас тут местечко, — сказала она.

— Мне подходит, — отозвался Моро. — Ну, так что у вас разладилось? Что-то с проводкой? Вы сказали, нужен электрик.

— Не для мотора. Там, в фургоне.

Она обошла машину и открыла задние двери.

— Боже милостивый! — вырвалось у Моро.

— Попахивает, но тут ничего не поделаешь. Потом пройдемся здесь из шланга. — Джинни вошла внутрь, оглянулась и увидела, что Моро остался на месте. — Вы заходите или нет?

— Просто задумался.

— О чем это? — Она видела, что он следит за ее движениями, так что могла бы не спрашивать.

— Да, знаете ли... — Моро переминался с ноги на ногу, — чем вы расплачиваться будете? За то, что там мне надо сделать?

— Бензином. Посмотрите и скажите, во сколько галлонов это обойдется. Я скажу, согласна ли.

— Мы могли бы придумать что-нибудь другое.

— О, неужели?

— Точно. — Моро послал ей придурковатую ухмылку. — Почему бы и нет?

Джинни и глазом не моргнула.

— Мистер, за кого вы меня принимаете?

Озадаченный Моро пристально взглянул на нее.

— Хотите верьте, хотите нет, леди, только я неплохо умею читать. На мой взгляд, вы — не тако и не тяжелые наркотики.

— Ошиблись, — отрезала Джинни. — Секс для меня просто платная услуга, и прошу об этом не забывать. Я не намерена весь день ждать, пока вы рассмотрите мою конструкцию. Я должна двигаться или стоять на месте. Стоит мне остановиться, вы пялитесь. Когда я двигаюсь, вы пялитесь еще больше. Не могу вас винить, ведь такой красотки, как я, вы еще не видали. Но пусть это не мешает вам работать.

Моро, не найдя ответа, вздохнул и залез в фургон. Там стояла кровать, болтами привинченная к полу. Красное полотняное покрывало, потрепанная шелковая подушка с меткой «Дуранго, Колорадо» и картинки с бурундучками и водопадами. Откидной столик, на нем лампа под розовым абажуром, украшенным фламинго. Красные занавески на стене. Гравюры с балеринами и голая Минни Маус.

— Вот это да! — сказал Моро.

— Вот в чем проблема, — отозвалась Джинни, откинув занавес в передней части фургона.

Там стоял фанерный шкафчик, запертый латунными болтами. Джинни, вынув гаечный ключ из кармана, открыла его.

Минуту Моро разглядывал содержимое, потом расхохотался.

— Сенсорные записи? Ну, будь я сукин сын! — Он по-новому взглянул на Джинни, и та отметила этот взгляд. — Сколько лет не видал таких установок. Даже не знал, что они еще сохранились.

— Я раздобыла три записи, — объяснила Джинни. — С брюнеткой, рыжей и блондинкой. В Оклахоме, в городке Ардмор, нашелся целый склад. Пришлось пересмотреть три-четыре сотни, чтобы подобрать девиц, более или менее похожих на меня. Я под конец чуть не рехнулась. Но все-таки справилась. Нарезала из каждой семиминутный эпизод.

Моро оглядел изголовье кровати.

— А как вы их устанавливаете?

— Из матраса выскакивает иголочка. Мгновенный укол в зад, и они вырубаются на семь минут. Шлем здесь, в столике. Я настропалилась его быстренько надевать и снимать. Провода под полом протянуты к установке.

— Господи, — покачал головой Моро, — если вас на этом поймают, вам конец, леди.

— На этот случай у нас есть опоссум, — усмехнулась Джинни. — Опоссум мастер своего дела. Ну а что означает этот взгляд?

— А я еще сомневался, что вы настоящая.

Джинни открыто рассмеялась:

— А теперь что думаете?

— Думаю, пожалуй, что да.

— Верно, — признала Джинни. — Андроид у нас Дэл, а не я. Серия «Подкаблучник Девятый». Они не закончили выпуск партии. Спроса не было. Клиенты подозревают меня, а на него и не смотрят. Он чертовски хороший зазывала и разбирается с тако и наркотой. Чуточку обидчив, на мой взгляд, но ведь никто не совершенен.

— Так у вас проблемы с установкой?

— Думаю, дело в ней, — кивнула Джинни. — Меня здорово ударило током. — Она прикусила губу и наморщила лоб. Моро счел эту гримаску весьма соблазнительной. — Может, где-то закоротило?

— Может... — Моро возился с установкой, проверяя контакты большим пальцем. — Придется мне туда забраться и посмотреть.

— Оставляю ее вам. Пойду взгляну, куда меня устроил Дэл.

— В «Руби Джонс», — уверенно ответил Моро. — Единственная приличная крыша. Я был бы не прочь пригласить вас поужинать.

— Не сомневаюсь, что вы не прочь.

— Ну и манеры у тебя, подружка.

— Большая практика, — объяснила Джинни.

— А я человек гордый, — сообщил ей Моро. — Больше трех-четырех раз предлагать не стану.

Джинни кивнула. Почти одобрительно.

— Обещаю, — сказала она, — не все, но кое-что.

— То есть на ужин я могу рассчитывать?

— Нет. Можешь рассчитывать, что если я буду в настроении с кем-нибудь поужинать, то разрешу тебе заплатить по счету.

У Моро загорелись глаза.

— Черт с тобой, леди. Не так уж мне нужна компания.

— Отлично. — Джинни понюхала воздух и выскочила наружу. — Желаю хорошо провести день.

Моро смотрел ей вслед. Смотрел, как ткань облегает ноги, изучал гидравлику ее бедер. Обдумывал несколько маловероятных вариантов развития событий. Обдумывал, не побриться ли и не поискать ли одежку поприличнее. Обдумывал, не стоит ли запастись бутылочкой и посмотреть записи. Имитация, как он слышал, не заменяет живых объятий, зато потом меньше проблем.

Черный опоссум смотрел, как фургон скрывается в недрах мастерской. Ему сразу стало не по себе. Его место — на крыше. Его дело — беречь Джинни. И хищно молить об

убийстве несуществующих богов генетики. С самого начала он не сводил глаз с пса. Первобытные запахи, старые страхи и желания осаждали его. Пес запер ворота и повернулся к нему. Не подошел ближе, а только повернулся.

— Я — Быстрый пес,— сообщил он, складывая на груди волосатые лапы. — Я недолюбливаю опоссумов.

— И я не пылаю любовью к псам,— отозвался Черный опоссум.

Пес, по-видимому, понял его.

— Чем занимался до войны?

— Работал в заповеднике. «Наше наследие — дикая природа» и прочее дерьмо. А ты?

— В охране, где же еще,— скривился пес.— Научился немного разбираться в электронике. У Моро Гэйна набрался настоящего опыта. Могло быть и хуже.— Он кивнул на мастерскую. — Тебе нравится стрелять по людям из этой штуковины?

— Всегда готов, только дай повод.

— А в карты не играешь?

— Немного,— показал зубы Черный опоссум.— Думаю, с псом справлюсь.

— На настоящий товар?

— Новая колода, невскрытая, и ставки на стол,— сказал опоссум.

Моро показался в ночлежном заведении Руби Джонса к полудню. Джинни получила в закрытом с трех сторон отсеке койку и одеяло. Она приняла ванну, заплела волосы и коротко обрезала штанины джинсов. Сердце Моро дрогнуло.

— Будет готово завтра к утру,— сказал он.— Обойдется вам в десять галлонов.

— Десять галлонов... — повторила Джинни.— Чистый грабеж, сам знаешь!

— Как хотите,— пожал плечами Моро.— В установке насадка барахлит. Если не закрепить, скоро слетит. Тебе это не понравится. Не говоря уже о клиентах.

Джинни призадумалась, но ненадолго.

— Четыре галлона. Больше не дам.

— Восемь. Детали придется изготавливать вручную.

— Пять.

— Шесть, — сказал Моро. — Шесть, и я приглашаю тебя поужинать.

— Пять с половиной, и чтобы к восходу я выбралась из этой парилки. Когда солнышко припечет ваш милый городок, я хочу быть уже в дороге.

— Черт, ну ты и штучка!

Джинни улыбнулась. Нежной, обезоруживающей улыбкой — редкое событие.

— Я ничего, если со мной поближе познакомиться.

— И как мне за это взяться?

— Никак. — Ее улыбка сделалась строгой. — Я еще ничего не решила.

С севера, похоже, собирался дождь. Восход был мрачным. Тусклое, не стоящее внимания зрелище. Желтый и красный свет лился в окно, которое никто не потрудился вымыть. Моро уже вывел фургон. Он сказал, что обновил смазку и обдал из шланга прицеп. В прицепе осталось на пять с половиной галлонов меньше бензина. Джинни заставила Дэла пересчитать канистры на глазах у Моро.

— Я не жулик, — сказал Моро, — зря ты так.

— Знаю, — ответила Джинни, с любопытством поглядывая на пса, который держался несколько странно. Как будто был не в себе. Понурый и голодный на вид.

Джинни проследила его взгляд и наткнулась на опоссума, сидевшего на крыше. Опоссум блестел влажной опоссумовской ухмылкой.

— Куда теперь направляетесь? — спросил Моро, чтобы задержать ее подольше.

— На юг, — ответила Джинни, как раз смотревшая в ту сторону.

— Я бы поостерегся, — посоветовал Моро. — Народ там недружелюбный.

— А я не разборчива. Бизнес есть бизнес.

— Нет, леди, — покачал головой Моро. — Плохой там бизнес. К юго-востоку наткнетесь на Сухой Рай. Дальше — Проклятый город. Оттуда прямо попадете к Хакерам. А может, вас занесет еще и в Форт Пру, лагерь недоволь-

ных страховых агентов. От них держитесь подальше любой ценой.

— Ты щедр на советы, — отметила Джинни.

Моро не дал ей захлопнуть дверцу.

— Ты кого-нибудь слушаешь, леди? Я плохого не посоветую!

— Отлично, — сказала Джинни. — Я благодарна — насколько на это способна.

Моро смотрел ей вслед. Ничего, кроме нее, он не видел. Как будто весь мир умещался в ее глазах. Что бы он ни сказал, она в ответ только огрызалась. Но огрызалась достаточно дружелюбно. Злобы, насколько он понимал, в ней не было.

Название Проклятый город ей чем-то не понравилась. Джинни велела Дэлу забирать немного на запад. Около полудня на рваной линии горизонта возникла желтоватая дымка, словно кто-то раскатывал по равнине дешевый старый ковер.

— Песчаная буря, — крикнул с крыши опоссум. — Идет с запада. Мне это совершенно не нравится. Думаю, нам лучше свернуть. Похоже, неприятности приближаются на высокой скорости.

Она сама видела. За опоссумом водилась привычка говорить либо слишком мало, либо слишком много. Она велела ему зачехлить оружие и забираться внутрь, поскольку песок сдерет с него шкуру, а убивать пока вроде бы некого. Черный опоссум поворчал, но слез вниз. Скрючившись в кузове фургона, он двигал лапами в воздухе, будто наводил стволы и сжимал пусковую скобу. Мысленно отрабатывал схватку, вводя поправку на ветер.

— Готов спорить, эту бурю я обгоню, — сказал Дэл. — Чувствую, что это мне по силам.

— А куда гнать-то? — спросила Джинни. — Если б мы знали, где находимся и что у нас впереди...

— Верно, — признал Дэл. — Тем больше причин как можно скорее туда попасть.

Джинни вышла наружу и неодобрительно взглянула на мир.

— У меня песок на зубах и между пальцами ног, — пожаловалась она. — Готова поспорить, Моро Гэйн знал, что будет буря. Наверняка так и было.

— Мне он показался порядочным парнем, — сказал Дэл.

— Я о том и говорю, — кивнула Джинни. — Таким, как он, совершенно нельзя доверять.

Казалось, что буря длилась дня два. Около часа, прикинула Джинни. Небо выглядело гадким, как капустный суп. Земля выглядела точно такой, какой была. Она не отличала старого песка от нового, нанесенного ветром. Дэл снова завел фургон. Джинни вспоминала вчерашнюю ванну. В Злой-вести-с-востока были свои плюсы.

Они еще не въехали на первый гребень, когда Черный опоссум застучал ногой по крыше.

— Автомобильная эскадра, — крикнул он. — Седаны и грузовики-пикапы. Платформы и полутрейлеры. И всяческие автобусы.

— Что они делают? — спросил Дэл.

— Направляются к нам, волокут забор.

— Что делают? — переспросила Джинни. — Черт возьми, Дэл, ты остановишься или нет? Ты свихнулся на вождении, честное слово.

Дэл остановил машину.

Джинни выбралась к опоссуму на его наблюдательный пост. Караван вытянулся в одну линию. Не то чтобы грузовики действительно волокли забор... но что было, то было. Каждый вез на себе секцию стены. Ряд расщепленных вдоль бревен, скрепленных вместе и заостренных на концах. Головная машина свернула, и остальные последовали за ней. Через минуту на равнине вырос деревянный частокол — ровный квадрат стен, словно выведенный по линейке. Частокол и ворота. Над воротами деревянная вывеска:

ФОРТ ПРУ
Азартные игры и развлечения
Срок
пожизненно
полжизни
смерть

— Мне это не нравится, — сказал Черный опоссум.

— Тебе ничего не нравится, пока оно живое, — заметила Джинни.

— У них полно ручного оружия, и вид у них нервный.

— Ты сексуально озабоченный, опоссум. Это почти то же самое.

Опоссум сделал вид, что понял.

— Похоже, они собрались здесь ночевать, — крикнула она Дэлу. — Давай открывать бизнес, дружище. Надо оправдывать накладные расходы.

К фургону вышло пятеро. На вид как близнецы. Жилистые, обожженные солнцем. Голые до пояса, но в воротничках и с полосатыми галстуками. Каждый нес атташекейс, плоский, как бутерброд без масла. У двоих за ремнем были пистолеты. Передний вооружился отличным обрезом, сделанным из «Ремингтона-12». Обрез висел на поясе, держась на гитарном ремне камуфляжной расцветки. Дэлу он очень не понравился. Превосходные белые зубы и лысая голова. И глаза цвета высыхающей на пляже медузы. Он изучил надпись на борту и перевел взгляд на Дэла.

— Шлюха у вас внутри или нет?

Дэл не отвел глаз.

— Мне не слишком приятно это слышать. Так не разговаривают.

— Эй, — подмигнул ему мужчина, — не трать на нас рекламные трюки. Мы сами в шоу-бизнесе.

— Да неужели?

— Колеса фортуны и честная карточная игра. Не сомневаюсь, что вам понравится. Я — главный актуарий этой конторы. Зови меня Фред. У этого зверя на крыше неприятные деловые манеры, друг. Совершенно незачем загонять мне пулю в глотку. Мы здесь все друзья.

— И я не вижу причин, зачем бы опоссуму засыпать эти места свинцом и слабительными — разве что вы знаете причину, до которой я недодумался.

Фред улыбнулся шутке. Солнечный свет превращал его голову в большой золотой шар.

— Пожалуй, мы испытаем твою девочку, — сказал он Дэлу. — Конечно, сперва надо на нее взглянуть. Что берешь за свой товар?

— Лучшее, что вы можете предложить.

— У меня есть как раз то, что вам нужно, — снова подмигнул главный актуарий. Дэлу это подмигивание начало надоедать. Фред кивнул, и его друг достал из кейса чистую белую бумагу. — Солидная облигация, — сказал Фред, пробуя край листа подушечкой пальца, — пятьдесят процентов волоконного плетения, и у нас их целые кипы. Подобного больше нигде не найдешь. Можешь вести на ней товарные счета или пустить в продажу. Неделю назад здесь проходила Седьмая бригада писателей-наемников. Целая бригада с вьючными лошадьми. Вымели у нас все чуть не подчистую, но несколько пачек еще осталось. И карандаши есть. «Мирадо», мягкие и полумягкие, незаточенные, с резинкой на одном конце. Когда ты в последний раз такое видел? Да этот товар на вес золота! И еще есть степлеры и бланки. Бланки запросов, больничные листы, все, что угодно. Нотариат на колесах, вот что мы такое. А у тебя в кузове под брезентом — бензин, отсюда чую. Друг, мы наверняка можем договориться о сделке. У меня семнадцать ржавых баков пустуют.

В голове Дэла раскалились докрасна чуткие проволочные вибриссы. Он видел в глазах страхового агента алчность и понимал, что этим бензин нужнее плотских наслаждений. Андроидный ужас охватил его при мысли, что при первой возможности они откроют свою игру.

— Нет, бензином мы не торгуем. Наш товар — тако, секс и тяжелые наркотики, — с напускным безразличием сказал он.

— Нет проблем, — ответил актуарий. — Совершенно никаких проблем. Просто пришло в голову, а так ничего. Давай свою девчонку, а я соберу своих. Как насчет половины кипы с человека?

— Вроде бы честная сделка, — ответил Дэл, подумав про себя, что и половины бы вполне хватило, а значит, можно не сомневаться — Фред собирается вернуть все, что заплатит.

— Этот Моро был прав, — сказал Дэл. — Плохой народ эти страховщики. Лучше всего нам уехать и бросить это дело.

— Фу, — возразила Джинни, — они как все мужчины. Приходят с пеной на губах, будто бешеные псы, а уходят как коты, налакавшиеся сливок. Такова уж природа порочной любви. Это наше ремесло. Погоди, сам увидишь. К тому же они не станут шутки шутить с Черным опоссумом.

— Ты не будешь молить о дожде, даже когда сама загоришься, — пробормотал Дэл. — Словом, я не стану разгружать бензин. Установлю сцену поверх брезента. Можешь на ней показывать свой номер.

— Смотри сам, — сказала Джинни, поцеловав пластиковую щеку и выпроваживая его за дверь. — А теперь убирайся отсюда, мне пора начинать прихорашиваться.

Казалось, все идет хорошо. Предводительница команды болельщиков Барбара Джин пробудила в них влажные мечты, от которых в горле становится сухо, как в пустыне. Добавила училку Салли и сиделку Нору — и воскресила таившуюся в их душах жажду насилия. Может, Джинни и не ошиблась, решил Дэл. Перед девическими радостями мужик утрачивает присущий ему гнусный вид. На час-другой он становится благодушным. На полдня теряет желание убивать. Дэл мог только гадать, что это за чудо и как оно действует. Данные — одно дело, сладостные объятия — другое.

Он поймал взгляд опоссума и успокоился. Сорок восемь мужчин ждали своей очереди. Опоссум уже знал, какого калибра у кого оружие, какой длины у кого клинок. Его два ствола пятидесятого калибра умиротворили всех.

Актуарий Фред отошел в сторонку и улыбнулся Дэлу.

— Надо нам все-таки потолковать насчет бензина. Обязательно надо.

— Слушайте, — повторил Дэл, — бензин не для торговли, я ведь уже сказал. Поговорите с ребятами с нефтеперерабатывающей, как мы это сделали.

— Пробовали уже. Им не нужны канцтовары.

— Меня это не касается, — сказал Дэл.

— Может, и коснется.

Дэл не пропустил мимо ушей режущий, как бритва, тон.

— Если вам есть что сказать, говорите.

— Половину вашего бензина. Мы честно расплатимся за девицу и не причиним вам никакого беспокойства.

— О нем забыли?

Фред изучил взглядом Черного опоссума.

— Я могу позволить себе терять своих, а ты — нет. Я же знаю, что ты такое, приятель. Ты не человек. У меня до войны был такой же андроид.

— Может быть, мы сумеем договориться, — сказал Дэл, соображая, что делать.

— Ну вот, это-то я и хотел услышать.

Четвертый клиент Джинни вывалился от нее с ошалелым взглядом, еле держась на ногах.

— Черт побери, попробуйте сиделку, — простонал он, обращаясь к остальным. — Ничего подобного в жизни не видывал!

— Следующий, — распорядился Дэл, подравнивая пачку гербовой бумаги. — Эта игра называется страсть, джентльмены! Говорил же я вам?

— Девица тоже пластмассовая? — спросил Фред.

— Понатуральней вас, — заверил Дэл. — Предположим, мы придем к соглашению — откуда мне знать, что вы сдержите слово?

— Господи, — сказал Фред, — за кого ты меня принимаешь? Я поклянусь Страхованием Жизни!

Следующий клиент вылетел из-за занавеса, споткнулся и упал ничком. Приподнялся на локтях и замотал головой. Он выглядел совсем разбитым, глаза налились кровью.

— Тигрица! — провозгласил Дэл, дивясь, что за чертовщина там творится. — Простите, я на минутку, — обратился он к Фреду и проскользнул в фургон.

— Ты что здесь устроила? — спросил он у Джинни. — Парней словно через мясорубку пропустили.

— Сама не пойму, хоть убей, — ответила Джинни, превращаясь из Норы в Барбару Джин. — Последний старикашка дергался, как змея в падучей. Чуть волосы себе не вырвал. Что-то здесь не так, Дэл. Наверняка дело в пленках. Сдается мне, этот Моро — мошенник.

— У нас и здесь и там все не так, — сообщил ей Дэл. — Главарь этой шайки хочет заполучить наш бензин.

— У-гу. — Джинни покачала головой. — Понятно, они на это купятся. Дай мне еще пару минут. Мы попробовали Нору и Салли. Сейчас переключу их на Барбару Джин, и посмотрим, что будет.

Дэл выскользнул наружу.

— Ну и женщина! — заметил Фред.

— Она сегодня круче, чем обычно. Ваши страховые агенты ее распалили.

Фред ухмыльнулся:

— Попробую-ка и я.

— Я бы не стал, — сказал Дэл.

— Почему это?

— Дайте ей немного остыть. А то как бы вам не получить больше, чем сможете унести.

Он сразу понял, что вот этого-то говорить и не следовало. Фред стал багровым, как пирог с кетчупом.

— Слушай, ты, дерьмо пластмассовое! Не родилось еще такой девки, с какой я не справился бы, даже если она не родилась, а сошла с конвейера!

— Вам решать, — пожал плечами Дэл, предчувствуя дьявольски неудачный день. — Для вас бесплатно.

— Даже не сомневайся! — Фред вытолкнул из очереди стоявшего впереди. — Приготовься там, маленькая леди. Я сейчас закрою твой страховой полис!

Мужчины поддержали его торжествующими воплями. Черный опоссум, по крайней мере на три пятых понимавший, что творится внизу, вопросительно взглянул на Дэла.

— А тако у вас найдется? — спросил кто-то.

— Это вряд ли, — отозвался Дэл.

Он подумывал, не отключиться ли. Андроидное самоубийство представлялось единственным выходом. Но не прошло и трех минут, как из фургона послышался нечеловеческий вой. Завывания перешли в визг. Страховщики окаменели. Потом наружу выполз Фред. Он походил на человека, налетевшего на медведя, страдающего чирьями. Все суставы у него как-то странно выворачивались не в ту сторону. Он ошарашенно глянул на Дэла. Его глаза смотрели в разные стороны. Дальше все произошло в долю секунды, тонкую, как провод. Дэл увидел, как Фред нашел его взглядом. Оба зрачка наконец уста-

вились в одну точку. Увидел, как обрезок ствола повернулся вслед за зрачками так быстро, что даже электронные рефлексы не позволяли сбить пинком прицел. Плечо Дэла разлетелось осколками. Сбросив руку, он рванулся к фургону. Опоссум не мог ему помочь — актуарий стоял внизу, в мертвой зоне. Пятидесятый калибр открыл огонь. Страховщики обратились в бегство. Опоссум вышивал пулями по песку, и они отлетали, с рваными ранами или мертвые.

Дэл уже плюхнулся на водительское место, когда фургон начали перчить свинцовыми шариками. Ухватившись за баранку единственной уцелевшей рукой, он почувствовал себя довольно глупо.

— Двигаем отсюда, — сказала Джинни. — Здесь ничего не выйдет.

— И мне так кажется.

Джинни направила машину прямо в заросли колючек.

— Никогда такого не видела, — сказала она. — Как только я подключила беднягу, у него чуть глаза из орбит не выскочили. Кости хрустели, как прутики. Впервые вижу такой дьявольский оргазм.

— Что-то работает не так, как надо.

— Да я понимаю, Дэл. Господи Иисусе, ты бы видел!

Джинни вывернула баранку, когда большой кусок пустыни взлетел в воздух. Фургон осыпало песком.

— Ракеты, — мрачно пояснил Дэл. — Вот почему они плевать хотели на нашего снайпера-опоссума. Смотри, куда правишь, девочка.

Впереди взметнулось два огненных столба. Дэл высунулся в окно и оглянулся. Половина Форта Пру устремилась за ними в погоню. Опоссум поливал из двух стволов все, что попадалось на глаза, но высмотреть ракетную установку ему не удавалось. Осадные машины страховых агентов обходили их с двух сторон, беря в кольцо.

— Окружают, — сказал Дэл. Ракета взорвалась справа. — Джинни, я не совсем представляю, что делать.

— Как твоя культя?

— Чувствуется легкий разряд. Вроде звона колокольчика за милю от нас. Джинни, если они возьмут нас в кольцо, мы по маковку в дерьме.

— Одно попадание в запас бензина, и нам будет не о чем беспокоиться. О господи, зачем только я об этом вспомнила!

Опоссум вмазал заряд прямо в полутрейлер. Машина остановилась и издохла, перевернувшись, как мертвый жучок. Дэл отметил, что в совмещении функций грузовика и стены есть свои неудобства — например, трудности с сохранением равновесия.

— Гони прямо на них,— посоветовал он Джинни,— а потом резко сверни. Им на большой скорости не развернуться.

— Дэл!

Пули дождем стучали по фургону. Потом послышался тяжелый удар, и фургон, перекосившись, встал.

Джинни убрала руку с баранки и мрачно проговорила:

— Похоже, пробиты шины. Дэл, если это так, мы все равно что покойники. Давай выбираться из этой ловушки.

«И что дальше?» — задумался Дэл. В голове у него словно перекатывались подшипники. Он чувствовал, что его механизм вот-вот откажет.

Автомобили Форта Пру останавливались, визжа тормозами. Свихнувшиеся страхователи жизни собрались толпой и перли на них по пустыне, паля из револьверов и швыряясь камнями. Рядом взорвалась очередная ракета.

Опоссум вдруг перестал стрелять. Джинни поморщилась:

— Только не говори мне, что у нас закончились боеприпасы, Черный опоссум. Этот товар раздобыть непросто.

Опоссум начал было отвечать, но тут Дэл махнул здоровой рукой на север:

— Ты только посмотри!

В рядах страховых агентов возникло смятение. На гребне показался смутно знакомый пикап. Водитель на ходу взмахивал рукой, швыряя гранаты. Они взрывались кучно, похожие на ярко-розовые букеты. Он высмотрел человека с ракетницей, лежавшего на крыше автобуса. Граната покончила с ним навсегда. Страховщики отказались от боя и обратились в бегство. Глазам Джинни представилось необыкновенное зрелище. Вслед за грузовиком показалось шесть черных «харлеев». Псы чау-чау с «узи» петляли вдоль ка-

равана, взревывая моторами и взметая за собой песчаные хвосты. Они беспощадно отстреливали отставших беглецов. Немногим страховым агентам удалось добраться до укрытия. Через считаные минуты все было кончено. Форт Пру, лишившийся большей части стен, обратился в беспорядочное бегство.

— Надо сказать, вовремя они подоспели, — сказал Дэл.

— Терпеть не могу чау, — сказал опоссум. — Языки у них черные, факт.

— Надеюсь, вы в порядке, люди, — сказал Моро. — Эге, дружище, похоже, ты где-то потерял руку.

— Ничего серьезного, — отозвался Дэл.

— Спасибо, — сказала Джинни. — Кажется, я должна это сказать.

Моро упивался ее неотразимым обаянием, ее дерзкой неблагодарностью. Изящное пятно смазки на коленке. Она очаровательна, как щенок, думал он.

— Мне подумалось, я должен был это сделать. Учитывая обстоятельства.

— Это какие же обстоятельства? — поинтересовалась Джинни.

— Мой паршивец Овчар в некотором роде ответствен за то, что с вами случилось. Пес малость разозлился, когда ваш опоссум его обчистил. В покер на пяти картах, как я понял. Конечно, может, карты были крапленые или подрезанные, не мне судить.

Джинни сдула упавшие на глаза волосы.

— Мистер, пока я не вижу смысла в ваших словах.

— Мне действительно неловко. Пес взбесился и вроде как подпортил вам оборудование.

— Вы позволили псу чинить мою установку? — спросила Джинни.

— Он отличный техник. Я сам его учил. В полном порядке, если только его не злить. Он, видите ли, склеил ваши записи в кольцо и увеличил скорость. Клиенты получили, скажем, в двадцать шесть раз больше, чем оплатили. Это выходит скорость траха — семь махов. Опасно для здоровья.

— Господи, мне бы следовало прострелить вам ногу, — ахнула Джинни.

— Слушайте, — продолжал Моро, — я отвечаю за свою работу, так что я примчался, как только смог. И позвал на помощь друзей, причем заплачу им сам.

— Еще бы не сам! — сказала Джинни.

Чау-чау на своих «харлеях» собрались в сторонке и сверкали глазами на опоссума. Черный опоссум отвечал им тем же. В глубине души он восхищался их кожаной сбруей и вышитыми на спинах гербами чистокровок.

— Я еще добавлю расходов, — сказала Джинни. — Потребую полного ремонта.

— Сделаю. Конечно, вам придется немного задержаться в Злой-вести. Работа потребует времени.

Она поймала его взгляд и поневоле рассмеялась:

— Упрямый сукин сын, надо отдать тебе должное. А что будем делать с твоим Псом?

— Если вам нужна начинка для тако — договоримся.

— Н-да... Пожалуй, обойдемся.

Дэл начал раскачиваться по неровной синусоиде. Над его культей показался дымок.

— Господи, опоссум, сядь на него, что ли! — крикнула Джинни.

— Могу привести его в порядок, — предложил Моро.

— Тебе, сдается, много чего предстоит приводить в порядок.

— Мы отлично поладим, вот увидишь.

— Ты думаешь? — вдруг встревожилась Джинни. — Лучше бы мне не привыкать к тому, что ты рядом.

— Может, и привыкнешь.

— А может, и нет.

— Займусь-ка я пока сменой шин, — сказал Моро. — Надо убрать Дэла с солнцепека. А ты подбери что-нибудь посимпатичнее, чтобы переодеться к обеду. В Злой-вести-с-востока нравы строгие. Мы тут народ гордый...

ДЕЙЛ БЕЙЛИ

Конец света, каким мы его знаем

Дейл Бейли является автором трех романов: «Падший» («The Fallen»), «Дом костей» («House of Bones») и «Спящие полицейские» («Sleeping Policemen»), написанного в соавторстве с Джеком Сляем-младшим. Бейли опубликовал более двадцати рассказов — главным образом в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», — отдельные из которых были включены в сборник «Наследие воскресшего и другие рассказы» («The Resurrection Man's Legacy and Other Stories»).

Представленное ниже произведение, вышедшее в финал премии «Небьюла», родилось из попытки Бейли понять, откуда проистекает наше болезненное очарование постапокалиптикой и идеей собственной гибели. «Конец света, каким мы его знаем» — это рассказ о единственном выжившем человеке, который пытается справиться с бескрайним горем утрат. Но кроме того, эта история о конце света призвана продемонстрировать, по какой схеме строятся истории о конце света вообще.

Главное, что осознал Бейли, создавая это произведение: каждый день каждую минуту для кого-то из нас наступает конец света. Сам он говорит: «Необязательно наблюдать, как разрушаются целые города, чтобы понять, каково это — пережить катастрофу. Ведь каждый раз, когда мы теряем кого-то по-настоящему дорогого, мы переживаем конец света, каким мы его знаем. Главная идея моего рассказа заключается в том, что апокалипсис не просто происходит, а происходит именно с тобой. И ты ничего не можешь сделать, чтобы его избежать».

Между тысяча триста сорок седьмым и тысяча четыреста пятидесятым годом от Рождества Христова бубонная чума бесчинствовала в Европе, уничтожив около семидесяти пяти миллионов человек. Чуму, получившую название Черная Смерть из-за черных пузырьков, которые вздувались на коже зараженного, вызывала бактерия, известная теперь как Yersinia pestis. Евро-

пейцы тех времен, не имевшие микроскопов и не знавшие, как распространяется инфекция, приписывали свои беды действию гнева Господня. Повсюду бродили флагелланты, надеявшиеся утишить Его ярость. «Они умирали сотнями, днем и ночью,— сообщает нам Агноло ди Тура.— Я собственными руками похоронил пятерых своих детей... умерло столько, что все верили — настал конец света».

В наши дни население Европы составляет приблизительно семьсот двадцать девять миллионов человек.

По вечерам Уайндэм любит, сидя на крыльце, выпивать. Он любит джин, но пьет что угодно. Он не привередлив. В последнее время он наблюдает за тем, как темнеет,— я хочу сказать, по-настоящему ведет наблюдения, а не сидит просто так,— и пришел к выводу, что общепринятое клише неверно: ночь не *опускается*. То, что происходит, гораздо сложнее.

Впрочем, он не абсолютно уверен в точности своих наблюдений.

Лето сейчас в разгаре, и Уайндэм часто приступает к выпивке часа в два-три пополудни, так что к тому времени, когда солнце садится, около девяти вечера, он уже как следует набирается. Тем не менее ему все равно кажется, что ночь, наоборот, *поднимается*, собираясь сначала в чернильные лужицы под деревьями, словно просачиваясь из неких подземных резервуаров, а затем растекаясь к границам двора и вверх, к пока еще светлому небу. И только в самом конце что-то падает — чернота глубинного космоса, как он предполагает, разворачивается свитком где-то высоко над землей. Оба полотнища темноты встречаются примерно посередине, и вот вам и ночь.

Правда, это довольно эфемерная теория.

Кстати, крыльцо это чужое, да и, если на то пошло, вышивка тоже, хотя, насколько понимает Уайндэм, все теперь принадлежит ему.

Действие в историях о конце света обычно разворачивается по одному из двух сценариев.

В первом конец света происходит в результате природного катаклизма — беспрецедентного либо беспрецедентно

масштабного. Лидирует в списке причин всемирный потоп — сам Господь, как нам говорят, питает к нему слабость, — хотя и у чумы разного вида имеются сторонники. Популярен также новый ледниковый период, равно как и тотальная засуха.

Во втором варианте катастрофу провоцируют безответственные представители человечества. Чаще всего какие-нибудь чокнутые ученые или коррумпированные чиновники. Начинается обмен межконтинентальными баллистическими ракетами, хотя сценарий обычно подгоняется под текущую геополитическую обстановку.

Не стесняйтесь комбинировать и подбирать.

Желает кто-нибудь генетически модифицированный вирус гриппа? Или таяние ледяных шапок на полюсах?

В тот день, когда мир кончился, Уайндэм даже не понял, что это и есть конец света, во всяком случае, понял не сразу. Лично для него в тот период жизни практически каждый день походил на конец света. И вовсе не вследствие какого-нибудь биохимического дисбаланса, а вследствие его работы на Объединенную службу доставки, в которой он на тот день, когда настал конец света, проработал шестнадцать лет, сначала в качестве грузчика, потом в сортировочном отделе и под конец в вожделенной должности водителя-экспедитора с полагающейся коричневой униформой и прочим. К тому времени компания стала открытым акционерным обществом, и он тоже прикупил ее акций. Деньги получались неплохие, на самом деле очень даже хорошие. И дело было не только в деньгах — он любил свою работу.

Но все равно начало каждого проклятого дня походило на катастрофу. Попробуйте каждое утро вставать в четыре — и сами поймете.

Вот как начинался его день.

В четыре утра звонил будильник, старомодный будильник, который он каждый вечер самолично заводил. (Радио выводило его из себя, пока он не выпьет утренний кофе.) Он всегда тотчас же затыкал его, не желая будить жену. Принимал душ в отдельной ванной комнате (опять-таки

потому что не хотел тревожить жену, ее звали Энн), наливал в термос кофе, съедал что-нибудь неполезное — бублик или пирожное, — стоя над раковиной. К тому моменту уже было 4.20, 4.25, если он замешкался.

Затем он совершал нечто парадоксальное: возвращался в спальню и будил жену, которую всеми силами старался не потревожить предыдущие двадцать минут.

— Удачного тебе дня, — всегда произносил Уайндэм.

И его жена тоже всегда отзывалась одинаково. Она утыкалась лицом в подушку и улыбалась. «Уг-ху», — выдыхала она, и обычно это было такое уютное, любящее, свернутое калачиком «уг-ху» раннего утра, что ради него стоило каждый проклятый день подниматься ровно в четыре.

Уайндэм узнал о Всемирном торговом центре — еще не о конце света, хотя Уайндэму тогда показалось, что дело обстоит именно так, — от одной своей клиентки.

Клиентка, ее звали Моника, была из числа постоянных. Эта баба была помешана на канале «Магазин на диване». И еще она была объемистая. Женщина того сорта, о каких люди говорят: «Она такая добросердечная» или «У нее такое приятное лицо». И она действительно была добросердечная, по крайней мере Уайндэм считал ее таковой. Поэтому он огорчился, когда она открыла ему дверь вся в слезах.

— Что случилось? — спросил он.

Моника покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Она жестом пригласила его войти. Уайндэм, нарушая разом приблизительно пятьдесят правил ОСД, шагнул в дом вслед за ней. В доме пахло сосисками и цветочным освежителем воздуха. И повсюду было это дерьмо из «Магазина на диване». То есть решительно повсюду.

Уайндэм не обратил на это внимания. Взгляд его был прикован к телевизору. На экране авиалайнер врезался во Всемирный торговый центр. А он стоял и наблюдал это с трех-четырех разных ракурсов, прежде чем заметил логотип «Магазина на диване» в правом нижнем углу экрана.

И вот тогда он пришел к выводу, что это, должно быть, конец света. Он не мог представить, чтобы «Магазин на

диване» прервал трансляцию своих обычных программ ради чего-то менее значительного.

Мусульманские экстремисты, которые направляли самолеты на Всемирный торговый центр, на Пентагон и в твердую почву ничем не примечательного поля в Пенсильвании, твердо верили, как нам говорят, в свое немедленное вознесение в райские кущи.

Их было девятнадцать.

У каждого из них было имя.

Жена Уайндэма была любительница чтения. Ей нравилось читать в постели. Прежде чем лечь спать, она отмечала место в книжке закладкой, которую Уайндэм как-то подарил ей на день рождения: картонная закладка с узкой ленточкой на конце. На закладке была изображена радуга, выгнувшаяся высоко над горами, покрытыми белыми шапками. «Улыбайся, — было написано на закладке, — Господь любит тебя».

Сам Уайндэм не слишком много читал, однако, если бы он взял книгу, которую читала жена в день конца света, ее первые страницы показались бы ему любопытными. В первой же главе книги Бог возносил всех истинных христиан на небеса. Включая истинных христиан, которые управляли в тот миг автомобилями, поездами и самолетами, в результате чего погибло бесчисленное множество народу и частной собственности был нанесен значительный ущерб. Если бы Уайндэм прочитал ту книгу, он вспомнил бы о наклейке на бамперах, какую иногда замечал с высоты сиденья своего грузовика Службы доставки. «Внимание, — было написано на наклейке. — В случае вознесения живьем транспортное средство останется без управления!» Каждый раз, замечая эту наклейку, Уайндэм представлял, как сталкиваются машины, самолеты падают с неба, пациентов бросают на операционных столах, — на самом деле все очень даже похоже на сюжет книги, которую читала жена.

Уайндэм ходил в церковь каждое воскресенье, но никак не мог отделаться от мыслей, что будет с бесчисленными миллионами тех, кто не является истинными христианами

отказавшись от этого права по собственному желанию или родившись, в силу географического произвола, где-нибудь в Индонезии. Что, если они будут переходить улицу перед одной из таких машин, думал он, или начнут поливать газон, который вот-вот пропашет носом падающий самолет?

Однако на чем мы остановились?

В тот день, когда настал конец света, Уайндэм не сразу понял, что́ именно произошло. Будильник прозвенел точно так же, как всегда, и он приступил к обычным процедурам. Душ в отдельной ванной, кофе в термос, завтрак над раковиной (на этот раз шоколадный пончик, немного зачерствевший). После этого он направился в спальню, чтобы попрощаться с женой.

— Удачного тебе дня, — произнес он, как произносил обычно, и, склонившись ниже, легонько потряс ее: не настолько сильно, чтобы по-настоящему разбудить, только чтобы она шевельнулась. За шестнадцать лет отправления этого ритуала, за вычетом государственных праздников и двух недель оплачиваемого отпуска летом, Уайндэм здорово в нем поднаторел. Ему почти каждый раз удавалось заставить ее шевельнуться и при этом не разбудить до конца.

Так что сказать, что он сильно удивился, когда жена не уткнулась лицом в подушку и не улыбнулась, значит не сказать ничего. На самом деле он был ошарашен. К тому же наблюдалась и еще одна странность: она и «уг-ху» не произнесла. Ни своего обычного изумительного утреннего, разомлевшего в теплой постели «уг-ху», ни более редкого насморочного, но все равно знакомого «уг-ху», означавшего «я простужена, и у меня болит голова».

Вообще никакого «уг-ху».

Кондиционер, отработав положенный цикл, отключился. И тут Уайндэм ощутил странный запах, приглушенную органическую вонь, похожую на скисшее молоко или на запах немытых ног.

Стоя в темноте, Уайндэм начал испытывать крайне неприятное чувство. Это было не то скверное ощущение, какое он пережил в гостиной Моники, наблюдая, как самолет снова и снова вонзается во Всемирный торговый центр. То

было мощное, но в целом лишенное личностных переживаний чувство, я говорю «в целом», потому что у Уайндэма имелся некий троюродный брат, который работал в компании «Кантор Фицджеральд». (Брата звали Крисом, и раз в год Уайндэму приходилось выискивать его адрес в записной книжке, когда он отправлял поздравления по случаю дня его ангела.) А вот скверное ощущение, какое он начал испытывать, когда его жена не произнесла в ответ «уг-ху», было не только мощным, но еще и личностным.

Встревоженный, Уайндэм протянул руку и коснулся лица жены. Это было все равно что касаться женщины из воска, безжизненной и холодной, и именно в этот миг — именно в этот — Уайндэм осознал, что мир кончился.

Все остальное было уже просто детали.

Если не считать чокнутых ученых и коррумпированных бюрократов, все персонажи из историй о конце света обычно принадлежат к одному из трех типов.

Первый тип — это суровый индивидуалист. Вам он знаком: уверенный в себе, лишенный предрассудков одиночка, который знает, как применять огнестрельное оружие и как принимать роды. В конце истории такие одиночки успевают далеко продвинуться по пути Возрождения Западной цивилизации, хотя обычно они достаточно умны, чтобы при этом отказаться от пороков Старого мира.

Второй тип — постапокалиптический бандит. Подобные персонажи часто сбиваются в шайки и выступают против суровых индивидуалистов. Если вам больше по вкусу кинематографические воплощения сказок о конце света, то вы легко опознаете героев второго типа по их пристрастию к облегающей одежде, панковским гребням и вычурным автомобилям. В отличие от суровых индивидуалистов, постапокалиптические бандиты обожают пороки Старого мира, хотя их вполне удовлетворяют и нынешние безграничные возможности насиловать и грабить.

Третий тип персонажей — столь же прекрасно знакомый, хотя и менее распространенный, нежели первые два, — пресыщенный циник. Как и Уайндэм, такие типы слишком много пьют, но, в отличие от Уайндэма, они

сильно страдают от внутренней опустошенности. Уайндэм, разумеется, тоже страдает, но от чего бы он ни страдал, можно с уверенностью сказать, что это не внутренняя опустошенность.

Впрочем, мы обсуждали детали.

Уайндэм сделал все, что делают люди, обнаружив, что кто-то из их близких умер. Он поднял трубку и набрал 911. Однако, судя по всему, что-то случилось с линией — на другом конце провода никто не ответил. Уайндэм глубоко вдохнул, перешел в кухню и попытался дозвониться с параллельного аппарата. И снова ничего не получилось.

Причина, разумеется, заключалась в том, что наступил конец света, и все те люди, в чьи обязанности входило отвечать на звонки, были мертвы. Если вам так будет легче, попытайтесь представить, что их смело приливной волной — именно это случилось с тремя тысячами пакистанцев во время шторма в шестидесятом. (То есть вы, конечно, понимаете, что, строго говоря, с операторами, которые должны были ответить на вызов Уайндэма, произошло не совсем то, но самое важное здесь, что в один миг они были живы, а в следующий — уже мертвы. Как и жена Уайндэма.)

Уайндэм оставил телефон в покое.

Он вернулся в спальню. Минут пятнадцать неумело делал жене искусственное дыхание рот в рот, потом отказался и от этой попытки. Пошел в спальню дочери (ей было двенадцать, ее звали Эллен). Обнаружил, что она лежит на спине, рот у нее чуть приоткрыт. Он протянул руку, чтобы разбудить ее, — Уайндэм собирался сказать ей о том, что случилось ужасное, что ее мама умерла, — однако обнаружил, что ужасное случилось и с ней тоже. На самом деле тот же самый кошмар.

Уайндэм ударился в панику.

Он выбежал на улицу, где на горизонте уже разливался алый свет зари. У соседей работала автоматическая система полива, разбрызгиватели пофыркивали в тишине, и когда Уайндэм помчался через их лужайку, он ощутил у себя на лице брызги, похожие на прикосновение прохладных

рук. Потом, продрогший, он стоял на соседском крыльце, колотя в дверь обеими руками, крича что-то.

Прошло какое-то время — он не знал, сколько, — и его охватило жуткое спокойствие. Не было слышно ни звука, если не считать шума разбрызгивателей, из которых в свете уличных фонарей на углу вздымались сверкающие арки водяной пыли.

И тут ему было видение. Никогда еще он не испытывал ничего, столь похожего на божественное откровение. В своем прозрении он видел дома предместья, безмолвно вытянувшиеся перед ним. Видел безмолвные спальни. В них видел свернувшихся под простынями людей, тоже безмолвных, которые уже никогда не проснутся.

Уайндэм с трудом сглотнул.

После чего сделал нечто такое, о чем и помыслить не мог какие-то двадцать минут назад. Он наклонился, выудил ключ из тайника между кирпичами и отпер дверь соседского дома.

Соседская кошка прошмыгнула мимо него, жалобно мяукая. Уайндэм уже было наклонился, чтобы ее перехватить, но тут ощутил запах, тот самый неприятный, слабый органический запах. И вовсе не скисшего молока. И не грязных ног. Гораздо худший: испачканных пеленок или забившегося унитаза.

Уайндэм выпрямился, позабыв о кошке.

— Герм?! — позвал он. — Робин?!

Ответа не последовало.

В доме Уайндэм снял трубку телефона и снова набрал 911. Он долго вслушивался в гудки, затем, не удосужившись положить трубку на место, уронил телефон на пол. Прошел через безмолвный дом, хлопая рукой по выключателям. У двери в спальню он заколебался. Запах — теперь безошибочно узнававшийся как смешанная вонь мочи и фекалий, неизбежная, когда все мышцы тела разом расслабляются, — здесь ощущался сильнее. Когда он снова заговорил, на самом деле зашептал:

— Герм?! Робин?! — Он уже не ожидал услышать ответ.

Уайндэм включил свет. Силуэты Робин и Герма вырисовывались в постели, недвижимые. Подойдя ближе,

Уайндэм уставился на них. У него перед глазами вихрем замелькали картинки, на которых Герм и Робин жарили что-то на гриле по случаю вечеринки в их квартале и работали в своем огороде. Особенно им удавались помидоры, Робин и Герму. Жена Уайндэма очень любила их помидоры.

Что-то сдавило Уайндэму горло.

И тогда он на какое-то время выпал из реальности.

Мир затянула серая пелена.

Когда Уайндэм пришел в себя, оказалось, что он стоит в гостиной перед телевизором Герма и Робин. Он включил его и принялся переключать каналы, но нигде ничего не было. Буквально ничего. Мерцающие черно-белые точки, и все. Семьдесят пять каналов помех. По собственному опыту Уайндэм знал, что любой мало-мальский конец света всегда транслируется по телевизору. Тот факт, что сейчас по телевизору его не показывают, вынуждал предположить, что конец света действительно наступил.

Если на то пошло, это просто заблуждение, будто значимыми и зримыми человеческие переживания делает телевидение, идет ли речь о конце света или о чем-то ином.

Можно было бы расспросить на этот предмет жителей Помпеи, если бы почти все они не погибли при извержении вулкана в семьдесят девятом году новой эры, почти за два тысячелетия до изобретения телевизора. Когда Везувий извергся и лава с ревом стекала по его склонам со скоростью четыре мили в минуту, погибли около шестнадцати тысяч жителей. По какому-то жуткому геологическому выверту, некоторые из них — во всяком случае, их оболочки — законсервировались, застыли внутри форм из вулканической пыли. Руки простерты в мольбе о милосердии, лица искажены ужасом.

В наши дни их можно увидеть за деньги.

Вот, кстати, один из самых любимых моих сценариев конца света: нашествие плотоядных растений.

Уайндэм сел в свою машину и поехал искать помощь — функционирующий телефон, телевизор или способного ока-

зать содействие прохожего. Вместо того он обнаружил другие нефункционирующие телефоны и телевизоры. И, конечно же, других нефункционирующих людей, много, хотя отыскать их было не так просто, как вы могли бы подумать. Они не валялись на улицах, не сидели мертвыми за рулем автомобилей в гигантской транспортной пробке, хотя Уайндэм предположил, что в Европе дело обстоит приблизительно так, поскольку там катастрофа — в чем бы она ни заключалась — разразилась как раз в утренний час пик.

Однако в Новом Свете она застигла бо́льшую часть населения дома в постелях, и в результате дороги были непривычно пусты.

В растерянности — на самом деле в глубоком шоке — Уайндэм поехал на работу. К запаху он уже притерпелся, и вид мертвой ночной смены — мужчин и женщин, с некоторыми из которых он был знаком шестнадцать лет, — не сильно его потряс. Что его потрясло по-настоящему, так это многочисленные коробки, разбросанные по сортировочному залу: его вдруг остро пронзила мысль, что ни одна из них не будет доставлена по адресу. Так что Уайндэм сам загрузил свою машину и выехал на маршрут. Он не совсем понимал, для чего это делает, может быть, потому, что в одном из виденных им фильмов некий постапокалиптический бродяга находит в груде мусора форму почтовой службы США и принимается за Возрождение Западной цивилизации (с отказом от пороков Старого мира), развозя почту по адресам. Однако Уайндэм очень скоро осознал тщетность своей попытки.

Он бросил это занятие, когда обнаружил, что даже Моника — или, как он часто именовал ее про себя, Леди Телепопинг — вышла из посылочного бизнеса. Уайндэм нашел ее лежащей лицом вниз на полу кухни, в руке она сжимала расколовшуюся кофейную чашку. После смерти у нее не осталось ни милого лица, ни добросердечности. Зато от нее исходил тот же назойливый тошнотворный запах. Несмотря на это, Уайндэм долго стоял и смотрел на нее. Казалось, он никак не может отвести взгляд.

Когда же он наконец отвел взгляд, то вернулся обратно в гостиную, где однажды наблюдал, как гибнет три тысячи

человек разом, и распаковал посылку. Если говорить о нарушении правил Объединенной службы доставки, то гостиная Леди Телешопинг представляла собой постапокалиптическую зону, диктующую собственные законы.

Уайндэм разорвал оберточную бумагу и бросил на пол. Открыл коробку. Внутри он обнаружил завернутого для безопасности в три слоя пупырчатого полиэтилена фарфорового Элвиса Пресли.

Элвис Пресли, король рок-н-ролла, умер в августе 1977-го, заседая в уборной. Вскрытие показало, что он употребил впечатляющий коктейль из выписанных ему лекарств, включая кодеин, этинамат, метаквалон и разнообразные барбитураты. Врачи также обнаружили в его венах следы валиума, демерола и других препаратов.

Некоторое время Уайндэм тешил себя иллюзией, что конец света является локальным феноменом. Он сел в свой грузовик, припаркованный у дома Леди Телешопинг, и стал ждать спасения: звука сирен, приближающихся вертолетов, чего-нибудь еще. Он заснул, сжимая в руках фарфоровую статуэтку Элвиса. Проснулся на закате, тело затекло от спанья в машине. Он обнаружил собаку, рыщущую вокруг дома.

Очевидно, спасения не предвидится.

Уайндэм шуганул пса и осторожно поставил Элвиса на подъездную дорожку. После чего уехал, направляясь прочь из города. Время от времени он останавливался, каждый раз получая подтверждение тому, что понял в тот миг, когда коснулся лица мертвой жены: он переживает конец света. Он не нашел ничего, кроме нефункционирующих телефонов, нефункционирующих телевизоров и нефункционирующих людей. По дороге он прослушал множество нефункционирующих радиостанций.

Вам, как и Уайндэму, должно быть, интересно, что же за катастрофа приключилась со всеми вокруг. Может быть, вам даже любопытно, почему сам Уайндэм остался при этом в живых.

В историях о конце света, как правило, уделяется много внимания подобным моментам, однако любопытство Уайндэма так и не будет удовлетворено. Как, к сожалению, и ваше.

Всякое бывает.

В конце концов, это же конец света.

Динозавры, к примеру, так никогда и не узнали, какая причина вызвала их гибель.

Однако что касается этого вопроса, большинство ученых сходятся во мнении, будто динозавров постигла печальная судьба после того, как астероид в девять миль шириной пропахал Землю южнее полуострова Юкатан, вызвав гигантское цунами, ураганы, повсеместные лесные пожары и всплеск вулканической активности. Кратер остался до сих пор — сто двадцать миль в ширину и миля в глубину, — а вот динозавры, заодно с семьюдесятью пятью процентами других видов, обитавших тогда на Земле, исчезли. Одни погибли при столкновении, испепелились при взрыве. Те, кто пережил изначальный катаклизм, вскоре погибли из-за кислотных дождей, отравивших все воды, и пылевой завесы, из-за которой на планету опустилась многолетняя ядерная зима.

Но самое неприятное, что это столкновение с астероидом было лишь самым масштабным в серии массовых уничтожений; все они записаны в летописи окаменелостей с периодом приблизительно в тридцать миллионов лет. Некоторые ученые связывают этот интервал с периодичностью прохождения нашей Солнечной системы через галактическую равнину, когда из кометного облака Оорта за Плутоном вырываются миллионы комет, дождем падая на Землю. Эта теория, все еще спорная, получила название гипотезы Шивы, в честь индусского бога разрушения.

Жители Лиссабона оценили бы подобную аллюзию первого ноября тысяча семьсот пятьдесят пятого года, когда город потрясло землетрясение в восемь с половиной баллов по шкале Рихтера. Подземные толчки разрушили более двенадцати тысяч домов, а вызванный землетрясением пожар бушевал шесть дней.

Погибли более шестидесяти тысяч человек.

Это событие вдохновило Вольтера на написание «Кандида», в котором доктор Панглосс заверяет нас, что мы живем в лучшем из миров.

Уайндэм мог бы заправить свой грузовик. Вдоль шоссе почти на каждом перекрестке попадались заправочные станции, и уж они-то прекрасно функционировали. Только он не удосужился.

Когда в машине закончился бензин, он просто притормозил у обочины, спрыгнул на землю и пошел через поля пешком. Когда начало темнеть — он тогда еще не приступил к изучению процесса наступления ночи, — он нашел пристанище в ближайшем доме.

Это было милое местечко, двухэтажный кирпичный дом стоял чуть в стороне от проселочной дороги, по которой он в тот момент шел. Перед домом росли раскидистые деревья. Позади тенистая лужайка тянулась до самого леса из тех, какие вы видели по телевизору, но никогда — в настоящей жизни: громадные старые деревья с протянувшимися меж них широкими, усыпанными листвой аллеями. Жене очень понравилось бы здесь, поэтому он пожалел, что пришлось разбить окно кирпичом, чтобы попасть внутрь. Но иного выхода не было: на дворе стоял конец света, а ему было *негде ночевать*. Что же еще *оставалось* делать?

Уайндэм не собирался оставаться здесь надолго, но когда на следующее утро проснулся, то не смог придумать, чем ему теперь заняться. В спальне наверху он обнаружил двух нефункционирующих пожилых людей и попытался сделать для них то, что не сделал для своей жены и дочери: взяв из гаража лопату, он принялся копать во дворе яму. Прошел примерно час, на руках вздулись и тут же полопались мозоли. Мышцы — ослабевшие за столько лет сидения за баранкой почтового грузовика — взбунтовались.

Он немного передохнул, после чего погрузил стариков в машину, которую обнаружил в гараже, тускло-голубой семейный фургон «вольво» с пробегом в 37 312 миль на счет-

чикс. Он провез их милю-другую по дороге, выгрузил и положил бок о бок посреди березовой рощицы. Он хотел сказать над ними несколько слов — жена одобрила бы это,— но не смог придумать ничего подходящего к случаю, так что в итоге махнул рукой и поехал обратно к дому.

Толку от такой церемонии все равно не было бы: хотя Уайндэм не мог этого знать, пожилые супруги были иудеями. Согласно той вере, какую исповедовали Уайндэм с женой, они все равно были обречены вечно гореть в аду. Супруги принадлежали к иммигрантам в первом поколении, почти все члены их семей давно уже сгорели в печах Дахау и Бухенвальда.

Так что в адском пламени пожилые супруги не обнаружили бы ничего принципиально нового.

В продолжение темы пожаров: двадцать пятого марта в городе Нью-Йорке сгорела фабрика «Трайангл шёт уэйст». Погибли сто сорок шесть работников. Большинство из них могли бы спастись, вот только хозяева фабрики заперли входные двери, опасаясь воровства.

Рим тоже горел. Говорят, что Нерон при этом музицировал.

Вернувшись в дом, Уайндэм помылся и смешал себе коктейль из того, что нашел в баре на кухне. Раньше, до конца света, он особенно не увлекался выпивкой, но сейчас не видел причин, почему бы не попробовать. Его опыт увенчался таким успехом, что он принялся просиживать на крыльце целые вечера, потягивая джин и наблюдая за небосклоном. Как-то ночью ему показалось, что он заметил самолет: высоко над головой промелькнули по дуге огоньки. Позже, протрезвев, он пришел к выводу, что это, скорее всего, был спутник, который все еще наматывал витки вокруг планеты, обеспечивая телеметрической связью молчащие радиостанции и покинутые командные пункты.

Дня через два вырубилось электричество. А еще через несколько дней у Уайндэма вышло спиртное. Усевшись в «вольво», он отправился на поиски ближайшего города. Персонажи в историях о конце света используют авто двух

типов: пресыщенные снобы тяготеют к тому, чтобы ездить на мощных спортивных автомобилях, частенько гоняя на них вдоль побережья Австралии, потому что ради чего еще стоит жить; все прочие ездят на подержанных джипах. С 1991 года, с войны в Персидском заливе, за время которой погибли двадцать три тысячи человек, по большей части иракские новобранцы, убитые умными американскими бомбами, особым спросом пользуются армейские внедорожники. Уайндэм же выяснил, что «вольво» как нельзя лучше соответствует его нуждам.

Никто в него не стрелял.

На него не нападала свора диких псов.

Город он обнаружил в пятнадцати минутах езды по шоссе. Следы мародеров отсутствовали. Все, кто мог бы мародерствовать, были мертвы, так всегда бывает при конце света.

По дороге Уайндэм миновал магазин спортивных товаров, но не остановился, чтобы запастись оружием и спасательными средствами. Он проехал множество ничьих автомобилей, но не остановился, чтобы слить из них бензин. Остановился он перед винным магазином, где разбил кирпичом витрину и вынес оттуда несколько ящиков джина, виски и водки. Еще он заехал в продуктовый магазин, где обнаружил гниющие трупы ночной смены, лежавшие рядом с тележками товаров, которые так и не были выставлены на прилавки. Зажимая нос платком, Уайндэм загрузился тоником и разнообразными сортами содовой. Еще он набрал консервов, хотя не ощущал насущной необходимости запасаться впрок. Питьевую воду в бутылках он проигнорировал.

Зато в книжном отделе прихватил справочник бармена.

В некоторых историях о конце света повествуется о двух переживших Апокалипсис существах, мужского и женского пола. Эти двое выживших берут на себя дело восстановления народонаселения Земли, являющееся частью большой программы Возрождения Западной цивилизации без пороков Старого мира. Имена героев искусно замалчиваются до самого конца истории, когда неизбежно выясняется, что зовут их Адам и Ева.

По правде говоря, почти все истории о конце света на определенной стадии являются историями об Адаме и Еве. Наверное, именно поэтому они пользуются такой популярностью. Если уж говорить начистоту, должен признаться, что в периоды упадка собственной сексуальной жизни — и, увы, периодов этих было куда больше, чем хотелось бы признать, — я часто находил эти фантазии о постапокалиптических Адаме и Еве странно утешительными. Если ты единственный оставшийся в живых мужчина, то, по моему мнению, это значительно снижает вероятность отказа. И почти на нет сводит всяческие треволнения, связанные с самим процессом.

В данной истории тоже имеется женщина.
Не теряйте надежду.

К моменту ее появления Уайндэм успел прожить в кирпичном доме почти две недели. Он спит в спальне пожилой четы, и спит очень хорошо, хотя, возможно, причиной тому джин. Иногда по утрам он вскакивает, не понимая, где он, где его жена и как он попал в незнакомое место. В некоторые утра он просыпается с уверенностью, что вся предыдущая жизнь ему приснилось и эта спальня всегда принадлежала ему.

Но в один из дней он просыпается рано, в серой предрассветной мгле. Кто-то ходит внизу. Уайндэм заинтригован, но не испуган. Он не жалеет, что не остановился у магазина спортивных товаров и не взял ружье. Уайндэм ни разу в жизни не стрелял из ружья. Если бы он застрелил кого-нибудь — даже какого-нибудь постапокалиптического панка со склонностью к каннибализму, — то его самого хватил бы удар.

Уайндэм не старается скрыть свое присутствие в доме, когда спускается в гостиную. Там женщина. Она совсем недурна, эта женщина: стриженая блондинка, несколько изможденная, но молодая, лет двадцати пяти, самое большее тридцати. С виду она не слишком чистая, да и пахнет соответственно, но и сам Уайндэм в последнее время не уделяет большого внимания личной гигиене. Кто он такой, чтобы ее судить?

— Я искала, где бы переночевать, — объясняет женщина.

— Наверху есть еще одна спальня, — отвечает ей Уайндэм.

На следующее утро — на самом деле почти в полдень, но Уайндэм пристрастился спать допоздна — они вместе завтракают: бисквиты для женщины, миска хлопьев для Уайндэма.

Обмениваются впечатлениями, однако нас это не касается. Это конец света, и женщина знает о том, как такое случилось, не больше, чем знает Уайндэм или кто-нибудь еще. Хотя говорит в основном она. Уайндэм никогда не был особенно разговорчив, даже в лучшие времена.

Он не просит ее остаться. Он не просит ее уйти.

Не просит ее вообще ни о чем.

И так целыми днями.

Иногда секс как таковой сам является причиной конца света.

На самом деле, если вы позволите мне еще раз привести в пример Адама и Еву, секс и смерть связаны с концом света с тех самых времен, ну то есть с рождения мира. Ева, хотя ее предупреждали, что так делать не надо, вкушает плод древа познания Добра и Зла и сознает, что нага, а значит, является существом сексуальным. После чего она знакомит с этой доктриной Адама, дав ему откусить от плода.

Господь наказывает Адама и Еву за ослушание, выставив их из рая и призвав в мир смерть. Вот вам и первый Апокалипсис: Эрос и Танатос, слитые воедино, и все это вина Евы.

Неудивительно, что феминистки не особо жалуют эту историю. Если вдуматься, она выставляет женскую сексуальность в весьма неприглядном виде.

Может быть, это совпадение, но в одной из самых любимых моих историй речь идет о неких астронавтах, которых затянуло во временную петлю. Когда же они возвращаются, то оказывается, что все мужчины вымерли. Тем временем женщины научились прекрасно справляться со всем самостоятельно. Им больше не требуются мужчины,

чтобы воспроизводить род, и они основали общество, которое прекрасно функционирует и без мужчин, на самом деле куда лучше, чем когда-либо функционировали наши смешанные двуполые сообщества.

Но остаются ли вернувшиеся астронавты не у дел?

Ничего подобного. Они же, в конце концов, мужчины, и ими движет необходимость сексуального доминирования. Она, как говорится, генетически закодирована, так что уже скоро они пытаются обратить этот Эдем в очередной падший мир. Во всем виновата сексуальность, напористая мужская сексуальность. Иными словами, секс, который больше похож на изнасилование, чем на секс.

И уж точно никак не связан с любовью.

Что, если вдуматься, выставляет мужскую сексуальность в весьма неприглядном виде.

Полагаю, чем больше мы меняемся, тем больше остаемся неизменными.

Так вот, Уайндэм.

Уайндэм выходит на крыльцо около трех. Выносит содовую. Выносит джип. Вот что его занимает теперь. Он не знает, где женщина, он все равно не испытывает по ее поводу никаких сильных чувств.

Он сидит так несколько часов. Уайндэм не знает, сколько сейчас времени, но воздух подергивается той характерной дымкой, обозначающей приближение сумерек. Темнота начинает собираться в лужицы под деревьями, кузнечики стрекочут громче, и все вокруг такое мирное, что на мгновение Уайндэм почти забывает про конец света.

Тут входная дверь хлопает за спиной женщины. Уайндэм сразу же видит, что она что-то сделала с собой, хотя и не может сказать наверняка, что именно: это та магия, догадывается он, какой владеют женщины. Владела ею и его жена. На его вкус, она всегда выглядела хорошо, но по временам просто сногсшибательно. Пудра, немного румян. Губная помада. Ну, вы знаете.

И он оценивает ее старания. Честное слово. Даже произносит что-то одобрительное. Она привлекательная женщина. И неглупая к тому же.

Только правда состоит в том, что ему это неинтересно.

Она присаживается рядом с ним и принимается без умолку болтать. Хотя она выбирает другие слова, но говорит она о восстановлении народонаселения Земли и Возрождении Западной цивилизации. Она говорит о долге. Говорит о нем, потому что именно об этом полагается говорить в подобные времена. Но в основе ее речей лежит секс. А еще глубже — чувство одиночества, и он ощущает к ней сочувствие, честное слово. Спустя некоторое время она дотрагивается до Уайндэма, но он пуст. С тем же успехом он мог бы быть мертв.

— Что с тобой? — спрашивает она.

Уайндэм не знает, как ей ответить. Он не знает, как объяснить ей, что конец света вовсе не эта чепуха. Конец света — это что-то совсем иное, только он не может подобрать слов.

Кстати, еще раз о жене Уайндэма.

У нее на ночном столике была еще одна книга. Ее она читала не каждый вечер, только по воскресеньям. Но за неделю до конца света она читала историю Иова.

Вы ведь помните эту историю?

Началась она так: Господь и Сатана — то есть враг рода человеческого, наверное, это более подходящий перевод — заключают пари. Они хотят выяснить, сколько дерьма сможет *выхлебать* самый верный слуга Господа, прежде чем откажется от своей веры. Имя слуги было Иов. Итак, они заключают пари, и Господь принимается скармливать Иову дерьмо. Забирает у него богатства, забирает у него скот, забирает у него здоровье. Лишает его всех друзей. И так далее, и тому подобное. Под конец — и эта часть всегда обескураживала Уайндэма — Господь забирает у Иова детей.

Позвольте уточнить: в данном контексте «забирает» значит «убивает».

Вы следите за ходом моих мыслей? Кракатау — вулканический островок, который некогда существовал между Явой и Суматрой. Двадцать седьмого августа 1883 года вулкан Кракатау извергся, выбросив пепел на пятьдесят миль вверх и изрыгнув пять кубических миль расплавлен-

ной скальной породы. Толчок ощущался на расстоянии три тысячи миль. Извержение спровоцировало волну цунами сто двадцать футов высотой. Представьте, как вся эта вода обрушивается на жалкие деревеньки, расположенные по берегам Явы и Суматры.

Тридцать тысяч человек погибли.

И у каждого из них было имя.

Дети Иова. Мертвы. Как и тридцать тысяч неведомых яванцев.

А что же Иов? Он продолжает разгребать дерьмо. Он не отрекается от Господа. Он держится своей веры. И вот он вознагражден: Господь возвращает ему все богатства, весь скот. Господь исцеляет его и посылает ему друзей. Господь возмещает ему детей. Обратите внимание: выбор слов чрезвычайно важен в историях о конце света.

Я сказал «возмещает», а не «возвращает».

А прежние дети? Они мертвы, ушли, не функционируют, навсегда стерты с лица Земли, как и динозавры, как двенадцать миллионов лишних людей, превращенных нацистами в пепел, как пятьсот тысяч истребленных в Руанде, миллион семьсот тысяч, уничтоженных в Камбодже, и шестьдесят миллионов, павших жертвами работорговли.

Этот Господь такой шутник.

Такой весельчак.

Вот что такое конец света, хочет сказать Уайндэм. Все остальное просто детали.

К этому моменту женщина (Хотите, чтобы у нее было имя? Она заслуживает имени, вам так не кажется?) начинает тихонько плакать. Уайндэм поднимается и идет в темную кухню за вторым стаканом. Потом снова выходит на крыльцо и смешивает джин с тоником. Он садится рядом с ней и втискивает ей в руку холодный стакан. Это все, на что он способен.

— Вот, — говорит он. — Выпей. Это помогает.

ДЭВИД ГРИГГ

Предзакатная песнь

С 1976 по 1985 год Дэвид Григг опубликовал несколько рассказов, первым из которых был представленный ниже. Он появился на страницах антологии «За гранью завтрашнего дня» («Beyond Tomorrow») в одном ряду с произведениями шести обладателей звания «Мастер» по версии Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA). В 2004 году студия «Telltale Weekly» (www.telltaleweekly.org) выпустила данный рассказ в виде аудиокниги, текст читал Алекс Уилсон. В том же году Григг включил его в свой сборник «Острова» («Islands»), доступный для свободного чтения на сайте автора: www.rightword.com.au. Григг неоднократно номинировался на австралийскую премию «Дитмар»: один раз за фантастический рассказ, дважды как фэн-писатель и один раз за издание журнала-фэнзина «Фанархист» («The Fanarchist»).

По словам Григга, замысел рассказа возник у него под влиянием фразы из «Трех сестер» Чехова — Тузенбах говорит об одной из сестер: «Уметь играть так роскошно и в то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимает!» Это печальная ирония о бесполезной трате таланта заставила Григга задуматься о том, как одаренный человек мог бы пережить гибель мира — или исчезнуть вместе с ним, — если бы однажды наша цивилизация прекратила свое существование. Григг задает вопрос: если культура является признаком цивилизации, то будет ли она уместной без цивилизации?

На поиски кувалды ушло три недели. Он охотился на крыс среди обломков бетона и ржавых железяк на развалинах супермаркета. Солнце уже клонилось к зубчатому городскому горизонту, отбрасывая на ближайшие дома мрачные тени, похожие на гигантские надгробные камни. Край черноты неудержимо наползал на груды щебня, оставшиеся от большого некогда магазина.

Осторожно перебираясь от одной бетонной глыбы к другой и обходя торчавшую искореженную арматуру, он высматривал дыры и укрытия, которые могли бы привести его к крысиным гнездам. Попутно, используя трость-ду-

бинку, он переворачивал небольшие куски бетона в надежде найти банку консервов, оставшуюся незамеченной за долгие годы поисков съестного. На его поясе висели три большие крысы с окровавленными головами, размозженными его тростью. В это время года отъевшиеся грызуны сохраняли сытую медлительность — их можно было застать врасплох и убить ударом в голову, что, несомненно, давало ему преимущество, поскольку его зрение, а значит, и точность в стрельбе из рогатки давно уже были не те, что прежде. Он сделал небольшой перерыв, вдыхая холодеющий воздух. Ночь обещала заморозки, а его кости носили в себе страх холода. Он становился старым.

Ему было шестьдесят пять, и годы хищно обглодали его тело. Упругая плоть юности стала рыхлой и обвисшей. Глаза, запавшие в глазницах, походили на две потускневшие блесны. Ему было шестьдесят пять, и его давно поседевшие волосы обрамляли белым гало загорелое лицо, цвет которого напоминал почерневшую от времени седельную кожу. Свое затянувшееся существование он воспринимал как чудо, потому что ранние годы жизни ничуть не подготовили его к нынешним условиям. Тем не менее он научился сражаться, убивать и убегать, освоив все то, что было необходимо после гибели города. Впрочем, теперь дни уже не казались ему такими отвратительными и отчаянными, как в недалеком прошлом. Он уже почти не боялся, что умрет от голода, хотя в прежние, самые плохие времена ему, как и многим другим, приходилось питаться человечиной.

Его звали Парнелл, и он, несмотря на лишения, продолжал влачить свое существование.

Солнце быстро спускалось к горизонту. Он решил отправиться домой, не дожидаясь полной темноты. Поворачивая голову, Парнелл вдруг уловил краем глаза тусклый металлический блеск. Он пригнулся к куче щебня и высвободил из-под мелких камней молот. Старик взвесил его в руках и для пробы взмахнул им пару раз, оценивая находку. Очень скоро ему пришлось опустить кувалду на землю — руки начали дрожать от непривычного напряжения. Но это было не важно: Парнелл знал, что со временем найденный инструмент поможет ему осуществить мечту, которую он

вынашивал уже целых три недели. Старик осторожно привязал молот к поясу и торопливо зашагал домой.

Когда темнота стала почти полной, он добрался до каменного коттеджа, огороженного густыми джунглями неухоженного сада. Войдя в гостиную, он зажег несколько чадивших свечей. Болезненно дрожащий тусклый свет заполнил помещение. Парнелл запер дверь на замок и засов и, обеспечив таким образом безопасность, уселся наконец перед фортепьяно, чей корпус был основательно источен шашелем. Вздохнув, он опустил пальцы на пожелтевшие, потрескавшиеся клавиши, и, когда зазвучали тусклые, ломающиеся звуки, на него накатила привычная печаль. Наверняка в свои лучшие дни это фортепьяно верно служило своему хозяину. Но время не пощадило его. Так что даже если бы Парнелл не опасался привлечь внимание бродяг, шнырявших в темноте снаружи, игра на таком инструменте принесла бы ему больше огорчения, чем удовольствия.

Когда-то музыка царила в его жизни. А теперь он только и делал, что унимал голодное урчание в пустом желудке. Вспомнив о главном событии дня, он взглянул на молот, найденный им среди щебня. Но надежды и сладкие грезы могут подождать. Парнелл должен освежевать убитых крыс. Завтра ему предстоит пойти к Барыжнице.

Барыжница и ее супруг жили в старом трамвайном парке среди сотен одряхлевших вагонов. Почему они избрали для себя такое место? Это оставалось загадкой для всех, кто пользовался их услугами. Однако Барыжница именно здесь открыла свой магазин. Прилавок торговки располагался в единственном трамвае, оставшемся стоять на рельсах в нескольких метрах от ворот. Его краска облупилась, но на боках все еще можно было прочесть умилительные рекламные объявления минувшего века. И если снаружи трамвай предлагал забытые товары и продукты, то внутри Барыжница торговала всяким хламом, ставшим роскошью для умирающего мира. Ассортимент, разложенный на деревянных сиденьях или подвешенный к поручням под потолком, состоял из консервов в банках с колечками для открывания, самодельных сальных свечей, подозрительных на вид и выращенных неизвестно где овощей, потемневших тушек

крыс, котов, собак и кроликов, пластиковых ложек, бутылок и плащей из крысиной кожи. Также здесь присутствовали различные предметы, найденные в развалинах давно разграбленных домов и магазинов.

Барыжница, пожилая чернокожая женщина с безобразным телом и отвратительным лицом, издала довольное гоготанье, увидев Парнелла, бредущего к ее трамваю сквозь серебристый туман морозного утра. Она пережила годы кризиса лучше многих мужчин. Потирая руки с сухим шелестом, она приветствовала Парнелла косым взглядом тусклых водянистых глаз.

— У меня есть две свежие крысы, я убил их вчера, — произнес он без колебаний.

— Я дам тебе за них очень хороший товар, мистер Пианист, — сказала Барыжница.

— Тогда это будет первый такой случай за время нашего знакомства. Что ты предлагаешь?

— Настоящее алмазное кольцо! Двадцать четыре карата в золотой оправе. Смотри!

Она показала ему драгоценный камень. Парнелл даже не удосужился улыбнуться в ответ на ее шутку.

— Вечно ты со своими насмешками. Лучше дай мне еды.

Она ощерилась в беззубой ухмылке и предложила ему две морковины и кочан капусты. Кивнув, он отдал ей освежеванные тушки, уложил провиант в сумку и повернулся, чтобы уйти. Но Барыжница, увидев кувалду на его боку, остановила Парнелла криком:

— Эй, Пианист! Мне нравится твой молоток! Я дам тебе за него хороший плащ из меха настоящих кроликов!

Он взглянул на торговку и увидел, что на этот раз она не смеется над ним.

— Когда я закончу одно дело, то, возможно, продам тебе его. Короче, поживем — увидим.

Похоже, ответ Парнелла понравился Барыжнице. Она усмехнулась и вновь остановила его визгливым криком:

— Эй, Пианист, ты слышал о старом Эдмондсе? Эти вандалы прикончили его. Они пришли и сожгли дом с книгами, где жил Эдмондс!

Парнелл едва не задохнулся.

— Что? Они сожгли библиотеку?

— Вот-вот!

— О боже!

Долгую минуту он топтался на месте, пока Барыжница с усмешкой наблюдала за ним. Затем, не в силах больше говорить, Парнелл обиженно махнул рукой и вышел из вагона.

Носить с собой кувалду было неудобно. Если он просовывал металлический боек за пояс, то деревянная рукоятка била его по ноге при каждом шаге. А когда нес инструмент в руке, мышцы начинали болеть уже после нескольких минут, и ему требовался отдых. Парнелл знал, что становился старым. Это скольжение к смерти обретало все большую крутизну, и он постоянно чувствовал, что конец теперь не столь далек, как прежде.

Медленными переходами он добрался до сердца города, пульс которого остановился годы назад. Он проходил мимо ржавых остовов машин, вдоль занесенных пылью трамвайных путей, по улицам с рядами разрушенных зданий. Истерзанные легкие города давным-давно испустили последний вздох: его дымовые трубы обрушились, разбросав по мостовым осколки кирпичей.

В конце концов он оказался на площади перед заколоченными и забаррикадированными дверьми мэрии. Вход с колоннадой был наполовину погребен в высоких кучах щебня. *Даже если бы Парнелл был в состоянии выломать дверные запоры,* ему прежде пришлось бы разгрести горы мусора, завалившие вход в здание. Но подобные свершения были ему явно не по силам. К счастью, у боковой стены на тротуаре стоял остов грузовика, уткнувшегося носом в дерево, ветви которого оплели кабину.

Парнелл вскарабкался на грузовик и, осторожно забравшись на дерево, по боковой ветви добрался до окна, защищенного декоративной решеткой. Три недели назад он соскоблил грязь со стекла и рассмотрел часть внутреннего коридора. На дальней стене висел пожелтевший указатель. Несмотря на слой пыли, на нем все еще читалось: «Концертный зал». И теперь, при взгляде на эту тусклую над-

пись, Парнелла вновь захлестнул поток воспоминаний о том, как он здесь играл. Его пальцы забегали по воображаемым клавишам. Музыка разворачивалась волшебной спиралью, а чуть позже невидимая публика в темном зале аплодировала ему — снова и снова...

Когда воспоминания рассеялись, он размахнулся и ударил кувалдой по решетке. Пыль посыпалась струями. В местах крепления прутьев бетон потрескался и откололось несколько кусков. Задача оказалась не такой сложной, как он полагал. И это было здорово, потому что первый же удар ослабил его почти до изнеможения. Он замахнулся еще раз, нанес второй удар, и прутья решетки изогнулись внутрь. Ему каким-то образом удалось найти в себе силы на третий замах. Прогнувшиеся прутья вышли из пазов, и решетка, пробив стекло, упала в коридор.

Триумф смешался с туманом слабости, оставив его почти бездыханным, с дрожащими и непослушными руками. Он долго сидел на ветке, собираясь с силами и духом. Наконец он перелез на подоконник, свесил ноги и спрыгнул на пол. Под подошвами затрещало битое стекло. Парнелл достал из сумки свечу и коробку с несколькими драгоценными спичками. Две недели назад в трамвае Барыжницы эта коробка досталась ему за десять крысиных шкурок. Он зажег свечу, и желтый свет озарил коридор.

Парнелл зашагал вперед, оставляя следы на девственном слое пыли. Ему вспомнились телевизионные новости об астронавтах, чьи следы навеки отпечатались на лунной поверхности. Это сравнение вызвало у него мрачную усмешку. Через некоторое время он добрался до двустворчатой двери, закрытой на засов и висячий замок. Отдохнув немного, он сбил кувалдой замок и шагнул в почти космическую черноту за дверью зала.

Когда его глаза привыкли к свету свечи, заметно потускневшему в огромном пространстве зала, он увидел ряды обитых плюшем сидений. Где-то неподалеку шуршала крыса, а выше, у самого потолка раздался тихий шорох и писк летучих мышей. Перед ним тянулся центральный проход, полого спускавшийся к сцене. Парнелл медленно двинулся вперед, поднимая пыль при каждом шаге. В без-

мерности зала горевшая свеча казалась лишь маленькой искрой, защищавшей его от темноты. Ее сияние едва пробивалось сквозь клубы поднятой пыли.

На сцене огонек его свечи вызвал несколько отблесков от металлических предметов. Вокруг него стояли пюпитры с нотами, за долгие годы прозябания заросшие пылью. В приоткрытом футляре, оставленном в спешке каким-то давно мертвым музыкантом, виднелась все еще блестящая медь валторны. А рядом, прикрытый белым чехлом и увенчанный почерневшим подсвечником, стоял концертный рояль.

Сердце Парнелла забилось тяжело и быстро. Он стер пыль с чехла, дрожащими от волнения руками зажег канделябр от своей тощей свечи и поднял сияющий трезубец над головой, осматривая сцену. Теперь он видел и другие инструменты, оставленные своими хозяевами: там виолончель, тут гобой — давно уже никому не нужные. Поставив подсвечник на пол, он аккуратно стянул с рояля чехол. Желтый свет затанцевал на черной поверхности полированного дерева и заискрился на латуни.

Поначалу его постаревшие руки осмеливались лишь поглаживать инструмент с нараставшей радостью и любовью. Наконец Парнелл сел на табурет, впервые за этот день осознав, как сильно он устал. Увидев ключ, торчавший в замке, он с облегчением вздохнул. Конечно, замок можно было бы и взломать, но это опечалило бы его, потому что он не хотел портить столь прекрасную вещь. Парнелл встал, повернул ключ в замке, поднял крышку рояля и нежно провел рукой по белым и черным клавишам. Он снова сел на табурет, застенчивым и ироничным жестом откинул с сиденья свой рваный плащ и обратил лицо к залу.

Сегодня вечером ты собрал полный зал, мистер Парнелл. Весь Лондон встал в очередь, чтобы услышать тебя. Радиостанции бросали жребий, разыгрывая право на трансляцию концерта. Вот публика затихла, выжидая. Ты слышишь ее дыхание? Никакого кашля, сопения и шепота. Люди застыли в предвкушении первых звуков, которые сейчас взметнутся из-под твоих пальцев. Музыка уже трепещет в руках. Все готово... Пора!

Диссонанс аккорда разбил тишину, летучие мыши обеспокоенно заметались над давно опустевшими ветхими креслами. Парнелл издал печальный вздох.

Казалось, что инструмент кто-то специально расстроил — ноту за нотой. Тем не менее цель была достигнута. Он все-таки проник сюда и прикоснулся к роялю. Теперь Парнелл постепенно начинал понимать, какие трудности ожидают его в будущем. Он уже ощутил голод и видел, как быстро сгорают свечи. Возможно, ему и удастся найти в зале камертон, но для натяжения струн требуется ключ. И нужно раздобыть провиант на то время, которое он потратит на настройку инструмента. В эти дни ему придется забыть об охоте и сборе полезных предметов. Он должен вернуться к Барыжнице и посмотреть, что торговка предложит в обмен на кувалду. Парнелл уже знал, что не станет брать плащ на меху.

Выбравшись наружу, старик достал из сумки пищу, которую захватил с собой. Он сел на остов грузовика и принялся поедать куски жареной крысы, завернутые в капустные листья. В его голове крутилась мысль, что хорошо бы поймать в сеть несколько летучих мышей, обитающих в концертном зале. Еда из них, без сомнения, окажется неважной, но кожаные крылья можно было бы куда-нибудь пристроить. Впрочем, эта затея выглядела пустой тратой сил, и он тут же отказался от нее.

Над разрушенными зданиями неторопливо поднимался столб черного дыма. День выдался ясный и безоблачный, поэтому дым смотрелся неприятным мазком на фоне чистого голубого неба. Парнелл озадаченно гадал, что там могло бы гореть. Столб был слишком мал для лесного пожара. Но если какое-то здание не сгорело за столько лет от самопроизвольного воспламенения, то, значит, его подожгли люди. Не в силах найти какое-то иное объяснение, он вернулся к насущным делам и вскоре забыл о дыме. Собрав остатки пищи, старик снова залез на дерево и поставил решетку на окно, чтобы сделать свое проникновение в здание менее заметным для случайных прохожих.

В этот вечер Барыжница была не в настроении. Она жирной жабой сидела в вагоне на панели управления и гре-

лась в лучах заходящего солнца. Торговка приветствовала Парнелла без энтузиазма. Ее тощий супруг стоял на крыше трамвая и, опираясь на старый дробовик, с меланхолическим видом смотрел на горизонт. Он напрочь игнорировал и жену, и очередного покупателя.

Парнелл торговался с женщиной почти целый час. Поначалу она вновь предложила ему меховой плащ, но в обмен на кувалду старик потребовал ключ для настройки рояля, связку свечей, спички и приличное количество съестного. Такие товары стоили недешево. В конце концов Парнелл пошел на компромисс и принял ее предложение, которое включало в себя все перечисленные им предметы, за исключением провианта. Барыжница повесила кувалду на видное место и, отдав старику заказанные вещи, зло покосилась на него.

— А ты, Пианист, оказывается, чокнутый, — сказала она. — Ты знаешь об этом?

Парнелл устало прислонился к двери вагона и, прижав к груди свечи, печально согласился с ней:

— Наверное, ты права.

— Конечно права, — ответила Барыжница, решительно кивнув. — Ты чокнутый.

— Действительно, — попытался отшутиться он. — Торговаться с тобой — это чистое безумие.

Однако женщина по-прежнему смотрела на него с брезгливым сожалением. И тут он вспомнил о пожаре.

— Этим утром на южной стороне что-то горело. Ты не знаешь, что там произошло?

Барыжница усмехнулась и подмигнула ему:

— Конечно знаю. Разве я не рассказывала тебе о вандалах? Они захватили уже почти весь город. На прошлой неделе спалили старого Эдмондса. А теперь то здание с картинами. Вот тоже чокнутые чудики.

Она прошлась по вагону, перекладывая товары с места на место. Сердце Парнелла дрогнуло.

— Ты говоришь о картинной галерее?

— Да, так говорили. Хромой Джек сегодня вернулся из южных районов. Это он рассказал мне о пожаре. Но я никак не пойму, почему вандалам не нравятся картинки и книжки.

Гнев, опаливший нутро старика, быстро превратился в пепел печали. В период кризиса погибло множество сокровищ культуры. И вот теперь уничтожаются остатки цивилизации.

— Зачем они это делают? — возмутился он, опускаясь на сиденье, — ему нужно было успокоиться и унять нервную дрожь. — Какой смысл в их поступках?

— А кого это волнует? — ответила женщина. — Человека книжкой не накормишь и картинкой не обогреешь. Конечно, вандалы чокнутые, что сжигают дома, но кого это волнует в наши дни?

— Верно, — произнес старик. — Совершенно верно.

Слова, которые всплывали в его уме, ничего бы не значили для Барыжницы. Оставалось лишь скрыть свою печаль от чужих глаз. Сжав зубы, он устало сложил покупки в сумку и вышел из трамвая. Торговка смотрела ему вслед с брезгливым недовольством. Ее муж сидел на крыше вагона и, баюкая на руках дробовик, неотрывно вглядывался в темневший горизонт.

Утром следующего дня Парнелл снова охотился на крыс среди руин на западной окраине Лондона. После нескольких часов ему улыбнулась удача: он забрел на заросший задний двор одного из коттеджей и увидел там несколько кроличьих нор. Старику удалось поймать двух зазевавшихся кроликов, прежде чем другие разбежались. Остаток утра он провел у себя, свежуя и поджаривая тушки, засаливая шкурки и готовясь к походу в центр. После обеда Парнелл вновь пробрался в концертный зал и начал работу по настройке рояля. Будь он профессиональным настройщиком, дело двигалось бы куда скорее. Парнелл уже пробовал и ошибался, прислушивался к каждой струне, сравнивал ее звучание с другой, уже настроенной, затем использовал камертон и снова подтягивал колки ржавым ключом.

Измеряя время количеством сгоревших свечей, он ежедневно уходил домой до наступления темноты. Дни походили один на другой. На какой-то стадии настройки он почти перестал доверять своему слуху и делал долгие паузы, прежде чем возобновить работу. Каждый раз, когда он

выходил из зала, чтобы перекусить или освежить восприятие звуков, на горизонте в том или ином районе города поднимались столбы дыма.

И вот наступил день, когда он закончил работу. Проверив инструмент по гаммам и простым упражнениям, Парнелл уверился в настройке. И тогда он понял, что страшится последнего испытания. Он боялся сесть за рояль и сыграть большое произведение. Его руки все еще помнили любимые композиции, но в сердце жил нелепый страх — страх того, что он будет сбиваться с ритма или исковеркает музыку неверными нотами. Все это время он тренировал руки. Его пальцы были сильными и гибкими благодаря упорным сражениям со старым фортепьяно, стоявшим дома. Однако он не был уверен, что они сохранили былую сноровку. Ведь прошло столько времени.

Парнелл выбрался наружу и уселся на ржавом остове грузовика. Он ощущал себя никчемным и немощным стариком. Был ранний вечер, и он впервые за эти дни не видел столбов дыма, поднимавшихся к синему небу. Доев последние куски крольчатины, Парнелл понял, что завтра снова придется идти на охоту. Он посмеялся над собой, старым дураком, затем хлебнул воды из бутылки и поспешил обратно в зал, поднимая за собой шлейф пыли.

Убрав пюпитры с одной стороны сцены, Парнелл освободил пространство вокруг рояля. Он тщательно вытер пыль с полированной поверхности, провел фланелью по латунным буквам и поднял крышку. Оставалось лишь зажечь канделябр и сесть на табурет. Писк летучих мышей заменил восторженные аплодисменты. Старик слегка повернул голову к пустым сиденьям, изъеденным молью, и начал играть.

Первой была соната Бетховена для фортепьяно, опус № 109. Музыка лилась и расцветала; она слетала со струн прекрасного инструмента, пока его руки взмывали вверх и опускались, помня то, в чем сомневался разум. Наслаждаясь звуками, Парнелл понял, что не утратил мастерство, — нечто бесценное сохранилось внутри него, проспав все эти годы мук и горестных терзаний. Он сплетал из музыки ажурную паутину движения и света, бросая ее в темноту,

обволакивая себя и мир божественной гармонией. И, продолжая играть, он плакал от тоски и счастья.

Соната закончилось. Старик начал другую, затем еще одну. На смену Бетховену Моцарт и Шопен восстали из небытия. Их музыка звучала через века — порывы радости, печали и томления. Парнелл ослеп от слез. Он был глух и бесчувствен ко всему, кроме музыки. Он строил вокруг себя прекрасный замок из звуков.

Наконец старик остановился. Его руки болели и пульсировали от долгой игры. Он перевел взгляд и вздрогнул. Прямо перед ним стоял вандал. На его плече покоилась кувалда, которую Парнелл оставил у Барыжницы. На ней виднелась запекшаяся кровь.

Вандал стоял и смотрел на него с презрительной насмешкой, лаская рукоятку молота. Его куртку из грубо обработанной кожи украшали ржавые металлические безделушки. На шее болталась дюжина ожерелий и цепочек, а на голой волосатой груди, мягко ударяясь друг о друга, звенели кресты и свастики, рыбки и звездочки. Тело было таким же грязным, как и сальные, криво постриженные волосы. На лбу виднелся выжженный V-образный шрам. От парня ужасно воняло.

Парнелл потерял дар речи. Сердце трепыхалось в груди, словно рыба, выброшенная на берег. Вандал издал хриплый смех, наслаждаясь испугом музыканта.

— Да, дед, бацаешь ты клево! Скажи, а как ты поешь?

Голос Парнелла был тихим шелестом.

— Я не умею петь.

Вандал покачал головой в насмешливой печали:

— Это очень плохо, старина. Но обещаю тебе, что ты запоешь реально хорошо, когда я займусь твоим обучением. Реально хорошо и громко, понял?

Он отложил кувалду и вытащил из-за пояса длинный нож. Лезвие поймало свет свечей и отбросило на сцену свирепые отблески. Парнелл почувствовал слабость и тошноту, но, как бы странно это ни звучало, гнев вернулся к нему, несмотря на страх.

— Зачем? — спросил он дрожащим голосом. — Зачем ты хочешь убить меня? Что плохого я тебе сделал?

Глаза вандала сузились в насмешке.

— Зачем? А почему бы и нет?

Его нож еще раз сверкнул в глазах Парнелла желтоватым отблеском. Старик уже не мог молчать.

— И вообще все, что вы делаете... уничтожаете скульптуры, книги и картины... — Вопреки испугу, Парнелл начал возбуждаться. — Это ведь единственное, что осталось нам в наследие от нашей культуры, от цивилизации и величия прошлого. Неужели вы не понимаете? Вы просто варвары...

Ему пришлось замолчать, когда вандал замахнулся ножом. Лицо выродка потеряло следы веселья.

— Ты прикольный со своим музоном и беспонтовыми терками, но в твоих словах — куча дерьма. Знаешь, что твоя гребаная культура дала моему поколению? Она дала нам грязь, бои без правил и пожирание друг друга. Ты сейчас такой милый и приятный дед. Но ты был уже в годах, когда начались убийства и голод. А я и мое племя... мы были тогда малыми детьми. Знаешь, что нам досталось? Нам приходилось прятаться и убегать, чтобы не стать пищей для вас. Мы ели грязь и дерьмо, пытаясь выжить, мужик! Вот как обернулась для нас твоя чертова культура! И не пори мне тут чушь о величии человека, потому что никогда он не был великим!

Вандал склонился над жертвой, выдыхая мерзкий смрад в лицо старика. Не услышав ответа, он отступил на шаг и посмотрел на Парнелла.

— А ты сидишь здесь в темноте да наяриваешь свою музыку. Тебе хочется вернуть все назад — таким, каким оно было! Но я и мое племя... мы хотим увериться, что жизнь не пойдет по старым путям! И теперь скажи мне, дед, что хорошего дает эта музыка? Твоя культура?

Мысли Парнелла разбежались. В конце концов он ответил просто:

— Она приносит людям удовольствие. Вот, пожалуй, и все.

Лицо вандала вновь скривилось в усмешке:

— Понимаешь, дед, твоя смерть тоже принесет мне удовольствие. Но сначала я возьму эту колотушку и раздолбаю в хлам твой музыкальный ящик, чтобы и ты мог на-

последок порадоваться вместе со мной. Надеюсь, ты не против?

Повернувшись к роялю и взвесив в руках кувалду, вандал занес ее над безмолвными струнами. Что-то щелкнуло внутри Парнелла. Он вскочил на ноги и схватил вандала за руки. Тот от удивления даже выронил молот. Парнелл протянул к его лицу шишковатые скрюченные пальцы. Вандал взмахнул волосатым кулаком, нанес старику удар в челюсть, едва не свалив его наземь. Но руки Парнелла были уже на горле выродка. Пальцы музыканта, ставшие твердыми, как железо, после десятилетних упражнений на тугой клавиатуре, впились в молодую и крепкую плоть. Лицо парня потемнело от прилива крови. Он тщетно пытался оторвать руки Парнелла от своего горла, но пальцы старика сомкнулись в смертельной хватке. Их питала энергия гнева.

Какое-то время, казавшееся им обоим бесконечным, они сжимали друг друга в объятиях. Затем вандал рухнул на сцену. Упав на врага, Парнелл продолжал выдавливать жизнь из него, пока тот не испустил дух. Чуть позже старик издал придушенный крик и, перегнувшись через край сцены, исторг из себя струю рвоты. В течение нескольких минут он так и стоял на четвереньках, словно животное. Через некоторое время ему удалось повернуться и с сожалением посмотреть на тело молодого человека. До Парнелла донеслись приглушенные крики и вопли других вандалов. Их толпа грабила здание мэрии и поджигала его. Но в концертном зале стояла тишина, нарушаемая лишь писком летучих мышей.

Парнелл подполз к тому месту, где лежала кувалда. Он встал, используя молот как костыль. Затем он поднял кувалду над головой и опустил на струны рояля. От удара содрогнулось все его тело. Струны лопнули с яростным визгом, и дерево расщепилось на острые обломки, наполнив воздух громким и скрипящим стоном. Канделябр покатился по полу и погас, погрузив зал в непроглядную тьму.

На некотрое время здесь воцарилось полное безмолвие.

ДЖОН ЛЭНГАН

Эпизод седьмой: Последняя битва со Сворой в Королевстве Пурпурных Цветов

Джон Лэнган опубликовал несколько рассказов в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», два из которых — «На острове поморника» («On Skua Island») и «Мистер Гонт» («Mr. Gaunt») — были номинированы на премию Международной гильдии критиков жанра хоррор (International Horror Guild Award). Недавно в издательстве «Prime Books» вышел сборник «Мистер Гонт и другие тревожные встречи» («Mr. Gaunt and Other Uneasy Encounters»). Лэнган готовит обзоры и очерки для таких изданий, как «Dead Reckoning», «Erebos», «Extrapolation», «Fantasy Commentator», «The Internet Review of Science Fiction», «The Lovecraft Annual», «Lovecraft Sudies» и «Science Fiction Studies». Лэнган работает младшим преподавателем в университете штата Нью-Йорк, расположенном в Нью-Пальц, и пишет диссертацию о творчества Говарда Лавкрафта.

«Эпизод седьмой» является переработкой рассказа, сочиненного Лэнганом, когда ему было немногим более двадцати лет. На создание новой версии его вдохновило произведение, также вошедшее в данную антологию — «Конец света, каким мы его знаем» Дейла Бейли. «Дейл создал отличный ремейк классической постапокалиптической истории середины двадцатого века, — говорит Лэнган. — Я восхищен его творением, но в то же время для меня это в некоторой степени вызов, порождающий желание доказать, что не все сложат руки, чтобы тихонько опочить».

В этом мире существует масса отвратительных вещей, Паук[1].

Сэмюел Дилени. Пересечение Эйнштейна

Спустись и прими бой.

«The Alarm», «The Stand»

На него не нападала свора диких псов.

Дейл Бейли. Конец Света, каким мы его знаем

После трех суток погони... почти без сна, не считая отдыха урывками по получасу, максимум по полтора, на задних сиденьях легковушек и внедорожников, в холле какого-то отеля, даже между стеллажами спортивного отдела гипермаркета... **им удалось оторваться от Своры...** а ведь с самого начала та буквально сидела на хвосте, и расстояние только сокращалось, несмотря на ловушки Уэйна, все хитроумные, некоторые гениальные; последняя даже уменьшила численность преследователей на две или три особи; а потом Уэйн заманил их в проход между ресторанным двориком и главным входом в гипермаркете и взорвал там нечто такое, что разнесло в крошки пол прямо перед Сворой и обрушило стеклянную крышу: посыпался град из осколков, крошечных гильотин; Джеки хотела прикончить уцелевших, но Уэйн сказал, что здесь опасно оставаться и следует скорее... **пересечь мост...** запруженный настолько, что для «чероки», который Уэйн повел по странно пустынному участку Девятого шоссе между гипермаркетом и Средним Гудзонским мостом, не было никакой возможности проехать; возник вопрос о том, стоит ли вообще продолжать движение на север по этому берегу Гудзона до следующего моста, который может быть свободен, а может, и нет (впервые, кажется, Уэйн затруднился принять решение); Джеки настойчиво держалась мнения, что пересекать реку стоит именно здесь и нигде больше: на противоположной стороне машин в достатке, а если они станут медлить, то лишатся всех временных преимуществ и встретятся со Сворой уже на совсем

[1] Пер. Н. Переведенцевой.

других условиях (а ведь вплоть до сегодняшнего вторжения в гипермаркет им удавалось сохранять дистанцию); так что они бросили джип, закинули за плечи тяжелые рюкзаки (отдых сил не прибавил) и (пока мост дрожал под ногами от порывов ветра, гудящего среди тросов, словно хор на распевках) двинулись по извилистому лабиринту из покинутых, сбитых в невообразимо беспорядочную кучу автомобилей, и каждый из них был заполнен огромными пурпурными цветами — такими же, что повстречались недавно Джеки и Уэйну; жирные стебли оплетали рулевые колеса, цеплялись за переключатели передачи и педали (а окна, словно густая пудра, покрывали слои фиолетовой пыльцы); у беглецов не было ни подходящего оружия, ни времени, чтобы сражаться с этими джунглями; неподалеку стоял пикап со свободным на вид салоном, но к ограждению его, будто загнанную в угол жертву, приткнули три машины помельче... **разбить лагерь на другом берегу...** они решили на выступе, с которого отлично просматривался участок, где мост врезался в восходящие холмы западного берега; этот выступ Уэйн заметил, еще когда они сошли с моста на дорогу, уходившую вверх и вправо, и миновали очередное скопище машин, оккупированных пурпурными цветами; Уэйн обратил внимание Джеки на выступ, и, когда они достигли участка дороги, где от нее отходила крутая тропа, упиравшаяся в ворота, которые Уэйн откроет (а он был в этом уверен), он повел ее к вершине (хотя ноги Джеки дрожали при одной только мысли о предстоящем очередном восхождении, еще более тяжелом), поторапливая, подбадривая ее похвалами, пока они не оказались у ворот, и Уэйн вскрыл замок и вновь защелкнул его, когда оба оказались за оградой, и Джеки шла за ним по пятам, а он выбирал подходящее место среди усыпавших выступ камней; не более пятнадцати футов в самом широком месте, прикинула Джеки; в поле зрения вернулся мост, а Уэйн поднял вверх руку, будто гид, дающий знак остальным участникам сафари, что здесь удачнее всего сделать привал... **и приступить к устройству засады...** и, едва они опустили на землю рюкзаки, он пошел назад, прихватив с собой лишь объемистую брезентовую черную сумку,

в которой, как думала Джеки, он хранил всякие свои штуковины, и один пистолет, оставив все другое оружие ей: ружье, названия которого Джеки не помнила, но, обнаружив которое в магазине спортивных товаров, Уэйн был несказанно рад, и два пистолета; один — из сейфа его отца, другой — из пустой патрульной машины; «Прикрывать не надо, — сказал Уэйн, — но будь начеку», и она так и поступила, устроила собственную сумку возле рюкзаков, и ружье, лежащее на коленях, касалось купола живота; Уэйн спускался прежним маршрутом, чтобы вернуться на мост и устроить там ловушку или две, если будет время, потом исчез из виду, скрывшись за склоном.

Джеки... Жаклин Мари Дисалво: двадцать лет, пять футов шесть дюймов; рослая в отца (скорее всего, уже мертвого); сколько фунтов — она уже не знала, с тех пор как контроль веса перестал быть для нее приоритетом номер один; темно-каштановые волосы, довольно длинные; глаза карие; черты лица аккуратны и пропорциональны (однажды отец описал их как чинные, но Джеки не знала толком, что это значит); загар побледнел, учитывая, что за последний месяц они передвигались в основном по ночам, да еще и та неделя ливней; белая мужская футболка большого размера, серые спортивные штаны, белые хлопковые носки и дешевые «Биркенсток», удобные, но тесноватые: в конце концов, обувной шопинг не самое главное, когда ты бежишь (или, в ее случае, ковыляешь), даешь деру, чтобы остаться в живых, — пять недель назад она была на тридцать пять дней менее беременна, чем сейчас; шесть с половиной вместо нынешних восьми месяцев «приключения» (любимый эвфемизм для определения беременности ее гинеколога — скорее всего, уже мертвого, — будто вынашивать ребенка — это некое экзотическое путешествие); и эта разница в полтора месяца означала, красноречиво заявляла: меньший желудок, меньшая грудь, меньшее все; меньшая Джеки; которая не уставала так быстро, у которой не бывало такой одышки, которая, может, и не спала крепко, но гораздо лучше, чем теперь, когда о комфорте можно позабыть; которой не требовалось без конца бегать по малой нужде, под присмотром стоявшего на страже Уэйна, с ружьем наперевес пристально

оглядывающего окрестности, чтобы иметь представление, где искать убежища на случай внезапного появления Своры; она... **сидела и ждала Уэйна...** Уэйна Эптони Миллера; двадцать лет, на два дня младше Джеки; она родилась третьего, он — пятого июля; шесть и три десятых дюйма; вероятно, сто семьдесят фунтов; по-юношески долговяз (термин его скорее всего уже мертвой матери, высказавшейся подобным образом на новогодней вечеринке, из-за чего Уэйн, как он признался Джеки, чувствовал себя преданным и оскорбленным до глубины души); жилистые, длинные руки и ноги, худой, вытянутый торс; длинные темно-русые волосы, пшеничные, пока Уэйн был подростком; обрамляют широкое, квадратное лицо с маленьким носом, узкими глазами и крупным ртом; джинсы на нем были те самые, что и месяц назад, теперь довольно потертые (отличная реклама: «Вам не страшен конец света. „Ливайс". Самые надежные, чтобы пережить апокалипсис»), красная клетчатая рубашка, из расстегнутого ворота которой выглядывала серая футболка с черной эмблемой Бэтмена, «Мартенсы» на ногах,— пять недель назад Уэйн работал в «Бариз энд Нобел», южнее моста на той стороне реки, и гораздо большую, чем следовало, часть зарплаты тратил на комиксы; несколькими месяцами ранее он окончил муниципальный колледж одного из нью-йоркских округов с дипломом в области свободных искусств; его будущее, в смутных мечтах связанное с созданием одного из выпусков комикса о Бэтмене, оставалось, как Уэйн сам любил говорить, проектом в разработке (мечты возвращались, когда будущему случалось растянуться на больший, чем последующие двенадцать часов, срок, и, разумеется, были чем-то более сложным и вместе с тем куда более легким, нежели поиски еды и подходящего убежища).

Солнце припекало... жарило, если выражаться точно; впрочем, с реки неустанно дул ветер — Джеки считала, что камни вокруг нее, эта сероватая, с острыми краями субстанция, которую она могла даже назвать правильным термином, если бы этот термин не хранился в той части ее памяти, что называлась «Теперь бесполезное», только усиливает жар, еще не убийственный (но он станет таким очень скоро, и тогда Джеки, как пес, будет дышать тяже-

ло-тяжело, и захочется снять с себя всю одежду; но пока что тепло приятное).

Позже... случилось самое лучшее за эти два часа; что он делал все это время?.. **пришел Уэйн...** помахал ей рукой, сходя с моста; она помахала в ответ... **правда, ненадолго, только чтобы взять веревку...** выудил ее из рюкзака, тяжелую, свитую в кольцо; альпиниста охватил бы восторг; в восторге был и сам Уэйн, когда обнаружил ее в магазине экипировки две недели назад; Джеки этой радости не разделяла, не видела смысла брать с собой лишний груз, — он и без того носил в рюкзаке слишком много вещей, лишь бы облегчить ее собственную ношу; она не хотела, чтобы Уэйн изматывал себя, подбирая все, что может понадобиться когда-нибудь потом; однако вслух ничего не сказала, да и вес веревки вроде бы не приближал веса рюкзака к критическому... и **вернулся на мост...** где натянул веревку поперек настила, несколько раз обмотав ее вокруг противоположных несущих тросов; такая своеобразная паутина, которая, правда, задержит наиболее слабых в Своре лишь на доли секунды, а лидеру и (ее? его?) приближенным совсем не помеха.

Едва он покончил с последней ловушкой... та уже не производила прежнего впечатления, как в момент, когда Джеки поняла, что это такое; все же больше, чем ничего; двенадцать, возможно, пятнадцать «нитей» в этой паутине: Джеки не могла разглядеть точно; между некоторыми из них около фута; пока Уэйн был занят, она даже не вздремнула, все время наблюдала, хотя в мыслях, полтора дня, было другое; ребенок, бросив свои ежедневные упражнения (так Джеки это называла), перестал шевелиться; она не чувствовала ни малейшего движения (а на этом месяце она чувствовала ох как много) в течение вот уже тридцати шести часов; и раз в этих местах наблюдалась катастрофическая нехватка акушерской помощи (ха-ха), а опыт Уэйна, демонстрирующего удивительные познания в самых различных областях, относился все же скорее к умелому умерщвлению, нежели созерцанию чуда жизни, то все, чем он мог Джеки помочь, это выслушивать ее жалобы, пожимать плечами и советовать не волноваться, что она и без того сама себе посоветовала, и чем дальше, тем труднее этому

совету было следовать: в душе ее росла, набиралась силы паника, словно буря, готовясь выплеснуться в отчаянные рыдания и крик: ребенок в ней мертв, она носит мертвое дитя; ну, если честно, так далеко ее мысли не заходили, концентрируясь лишь на растущей тревоге, — ведь она не была уверена, снабдил ли Уэйн свою паутину взрывчаткой (фабричной или самодельной, не важно), которой была битком набита его волшебная сумка, или у него были другие планы насчет этой гигантской «веревочки»... **и вернулся...** и очень хорошо, потому что солнце опустилось за край холма, и, хотя небо оставалось синим, это была та синева, что предвещала сумерки, и следующие два часа будет только сгущаться, до оттенка индиго, который после месяца созерцания Джеки распознавала как оттенок, когда появляются звезды; а поскольку Свора продемонстрировала способность активно передвигаться в любое время суток, то, разумеется, она предпочтет час, когда солнце садится, и хотя Джеки имела опыт обращения с пистолетами, выпалив однажды по одному из Своры (тварь убралась непокалеченной), с ружьем (названия которого она никак не могла вспомнить), ее знакомство оставалось на начальной стадии, и то с незаряженным, и уверенность в собственных силах была крайне мала, не говоря уже о том, что Джеки не могла убить или хотя бы ударить жертву, так что, когда Уэйн затянул последний узел на веревке и направился обратно, она испытала сильное облегчение... **и развел костер...** из палок и сучьев, которые ему удалось собрать по пути; внушительная охапка, костер вышел гораздо более яркий, чем Джеки считала разумным допускать; странный, необъяснимый проступок со стороны Уэйна, если только он не рассчитывал на то, чтобы его заметили; если так, то он взялся за новую стратегию; успех прежних ловушек зависел от того, насколько хорошо запутан след; Свора должна была думать, что эти двое находятся где-то в недоступном, защищенном месте; но со временем преследователи привыкли к тактике Уэйна, — и, если честно, Джеки была потрясена, что ловушка в гипермаркете вообще сработала, ведь она была так заметна, так заметна, совсем как самые первые, и Свора, вероятно, пришла к заключению (если

такой термин по отношению к ним вообще уместен, хотя, очевидно, какая-то способность думать им присуща), что тут не может быть ничьего злого умысла, и двинулась прямо в центр; собственно говоря, в костре никакой нужды не было: пока жар шел от камня и согревал бы их всю ночь, а огни на мосту, ряд фонарей в форме факелов, освещали конструкцию со стороны каждого из несущих тросов; они вспыхнули, едва померк дневной свет (одно из тех, отличавшихся периодичностью событий, которые Джеки привыкла ассоциировать с механизмами Старого Мира); их яркое сияние, перебиравшее весь спектр от синего до красного и обратно, этот ночник для Джеки, которая принялась бы за свою электронную копию «Чего ожидать, если вы ожидаете...», если бы захотела (но она не хотела; ей было очень стыдно, но она страшно устала и, сказать по правде, страшно боялась узнать что-либо о том, почему малыш перестал двигаться), по сути, огонь был маяком и приманкой, возможностью для Уэйна узнать, какое количество врагов могло выжить в гипермаркете, и по их следам выйти на мост; Джеки прилегла, подложив под голову рюкзак, взяла банку с арахисовым маслом, протянутую Уэйном, и подумала: вот она, наша последняя схватка; четыре недели спустя, последняя битва.

Ужинали они в молчании... они теперь все делали в молчании; а на прошлой неделе Уэйн еще был оратором эпических масштабов; с таким человеком не начнешь беседу, если у тебя нет, скажем, лишних трех дней в запасе; Джеки это нравилось, потому что все, что рассказывал Уэйн, было забавным и интересным, и если она закатывала глаза, то только когда он принимался описывать комикс, который сводил его с ума в данный момент, и какой он бы хотел нарисовать и нарисовал бы — вплоть до микроскопических, умопомрачительных деталей; Джеки никогда не любила комиксы, весь этот маскарад с костюмами и подвигами, бессмысленные, по сути, сюжеты; впрочем, глубина и неисчерпаемость аналитических суждений Уэйна однажды заставили ее усомниться в собственной правоте; теперь она была бы только рада прочесть парочку из особенно им любимых («Возвращение Темного Рыцаря» или «Бэтмен:

Год первый», но только не «Черный Рыцарь наносит новый удар», за это чушь цену заломили неоправданную, и «Песчаный человек», и «Джонни с манией убийства» — это название ей не очень нравилось, слишком мрачное) или, как минимум, уделять больше внимания его лекциям, потому что так бы она лучше поняла, что случилось с Уэйном за последний месяц, с тех пор как мир перевернулся, самым безобидным последствием чего стал иссякший поток красноречия, а самым жутким — нет... это было сущее... сумасшествие... **потом почистили оружие...** по очереди; Уэйн разобрал и собрал каждый из пистолетов, пока Джеки тренировалась, целясь из ружья в веревочную ловушку, затем принялся за само ружье, а потом переключилась на пистолет полицейского; она научилась разбирать, собирать, чистить и смазывать оружие самостоятельно — Уэйн настаивал на этом на случай, если с ним произойдет что-нибудь непоправимое (разумеется, он шутил, в конце концов, не думает же он, что Джеки на восьмом месяце, такая большая и неуклюжая, сможет обойтись без него? Даже представить смешно: сильно беременная женщина с дымящимся стволом в руках отбивается от Своры); впрочем, тяжелый запах смазки вызывал у нее тошноту, так что она стояла на страже (вернее, полулежала), предоставив Уэйну возможность делать все так, как ему хочется, согласно новой стратегии... **и стали готовиться ко сну...** он будет сторожить первым; Джеки развернула спальный мешок и скинула сандалии, посмотрела на Уэйна, сидящего напротив (он, подкинув в костер еще хвороста, следил, чтобы тот пылал жарко и ярко), и спросила: «Когда они придут сюда?» — и Уэйн ответил: «Трудно сказать. Если нам повезет, то ближе к полудню», что ее крайне удивило: засада или не засада, последняя битва или нет, но она предполагала, что, если Свора не появится с первыми лучами солнца или чуть позже, им следует покинуть свою позицию, которая, несмотря на весское преимущество высоты (как часто Уэйн повторял: «следуй высоким идеалам»), являлась тупиком, той же ловушкой: если Свора успешно минует препятствия на мосту и выйдет на дорогу, откуда рукой подать до тропы, ведущей к выступу, то они с Уэйном окажутся заперты наверху

(еще одна его мантра: «всегда заботься о пути к отступлению»); Джеки считала, что лучше бы не изобретать велосипед, несмотря на изощренность Уэйна в вопросе постепенного сокращения численности Своры, о чем и сообщила, впрочем не добившись должного эффекта; «Это лучший из шансов, что нам выпадали», — таков был ответ, и пока Джеки спорила, используя в качестве главного аргумента собственную формулу «кто дерется и бежит, тот куда дольше выстоит», Уэйн сидел неподвижно, да и веки ее тяжелели, так что она оставила спор до утра и забралась в спальный мешок.

Сон Джеки был тревожным, неглубоким... на восьмом месяце беременности крепкий сон едва ли доступен; по крайней мере, не в спальном мешке на голых камнях; да и сновидения ее были слишком яркими и беспокойными; ничего особенного, как уверяла книга «Чего ожидать»: тревожные сны — это нормально для беременных, к тому же события последнего месяца, затянувшаяся погоня, усилия, предпринимаемые, чтобы не утратить преимуществ и опережать Свору, от всего этого в подсознании Джеки уже копился словарь новых выражений, обозначавших ужас и тревогу...

(...она увидела себя на том участке Девятого шоссе, забитом машинами; две, три дюжины машин, остановившихся как-то внезапно и одновременно; движется только черный внедорожник, только что смявший задний бампер красного седана; они с Уэйном заглядывают в салоны автомобилей, заполненные пурпурными цветами, число колеблется от одного до четырех на машину; жирные стебли, гибкие, словно змеи, каждый цветок размером с подсолнух, Джеки никогда таких не видела, хотя она и не специалист, ботаника всего лишь хобби; каждый цветок — это буйство, нагромождение лепестков, каким отличается роза; при этом размер отдельно взятого лепестка колеблется от четырех до шести дюймов, края неровные, почти зазубренные, цвета баклажана; центр цветка — это плотно сжатый бутон, будто приготовившийся для поцелуя, весьма тревожащий факт, заставляющий Джеки перевести взгляд на стебли, зеленые, как петрушка, и плотные, как древесная кора, покрытые грубой щетиной;

веерообразные листья — крошечные, словно природа их рудиментарна; Джеки оглядывала стебли, оплетавшие рулевые колеса, коробки передач, подголовники, дверные ручки, педали; машины, одна за другой, с покрытыми пурпурной пыльцой окнами — каждая из них отдельный террариум; разве есть в этом смысл, думала она: нет ни малейшей возможности для растений подобного размера выжить в специфических условиях окружающей среды; они ведь лишены, как можно было судить, всякого источника воды и энергии; прежде чем Уэйн смог остановить ее, она ухватилась за дверную ручку машины, рядом с которой стояла, с намерением срезать цветок, таращившийся в оконное стекло, словно детская мордашка, но стебель держал дверь на удивление крепко, и все, что удалось сделать, это приоткрыть дверь, сломав замок, — щели не хватило, чтобы достать цветок, но оказалось вполне достаточно, чтобы изнутри пыхнуло облачко пыльцы; Уэйн едва успел оттащить Джеки за плечо прочь, впрочем, поздно: она вдохнула пурпурную смесь, почувствовала терпкий запах лаванды, не оставлявший ее весь последующий день, несмотря на частое чихание; она сердилась на Уэйна даже не за ревностную опеку, а за намек, что нет особой нужды срезать цветок, — что бы она сделала с ним? положила на предметное стекло под микроскоп, если бы посчастливилось найти его, а потом? в колледже она больше интересовалась биологией, чем психологией: все, в чем она смогла бы преуспеть, — всего лишь подтвердить, что кусочек пурпурной плоти явно имеет растительное происхождение, — никакого озарения по поводу дальнейших действий в их ситуации; она замкнулась и на регулярные вопросы Уэйна о самочувствии отвечала бесцветным «отлично», что, в общем, соответствовало правде, если бы не запах лаванды (но этой ночью она видела во сне, что ведет машину, и ее кожа, которая так страшно чесалась, что Джеки едва могла сконцентрироваться на дороге, начала крошиться от прикосновений, превращаться в тальк, пыльцу; Джеки вот-вот рассыплется в прах, тело сохнет, истончается, песок струится из ее ладоней, подбородка, пальцев, песчаный ливень обрушивается на руль, на сиденье, в обувь, — в последнюю секунду она в панике понимает, что

уже не дышит, а потом уже все равно, она исчезла, — и проснулась с часто бьющимся сердцем, и малыш в утробе толкался словно в ответ на ее возбужденное состояние, но это такая радость, такая радость, ведь она все еще здесь, в собственном теле, — целых тридцать минут она ощупывала себя, проверяла, на месте ли руки и ноги, родинки, изъяны, пряди немытых волос, о да, она целая, не рассыпалась на частицы, — Уэйн, должно быть, заметил ее поведение, но по-прежнему молчал, а Джеки потребовалась уйма времени, чтобы отойти от сновидений и попытаться пересказать их — но, к ее удивлению, на этот раз Уэйн не смог предложить достойной интерпретации, он просто пробубнил нечто бессвязное и более к теме не возвращался).

(...сон меняет декорации: Джеки в доме родителей, и Гленн снова пьян... расположился на диване с бутылками виски и тоника, чтобы не пришлось никуда ходить, дабы наполнить стакан повторно, сюда же притащил ведерко со льдом; конец света, или около того, который он явно решил встретить пьяным вдрызг, и кто бы ему запретил? Ее родители так и не вернулись из гипермаркета, поездка заняла бы у них два часа, максимум три, а они уехали двадцать два, да нет, двадцать четыре часа назад, поцеловав на прощание Джеки и проигнорировав Гленна (они игнорировали его с тех пор, как узнали о беременности дочери), пообещав не задерживаться, будто сглазили себя же и не сдержали обещания, и Джеки очень нервничала, хотя не была так уж расстроена, как, казалось, должна бы: все надеялась, что они вот-вот появятся, не важно, что там показывали по телевизору, прежде чем сигнал вещания стал пропадать, не важно, какие ужасы прикрывал бесстрастный профилактический экран, — когда Джеки поднялась наверх и посмотрела на улицу сквозь панорамное окно, то не увидела ничего необычного: знакомый пейзаж, никаких пожаров, массовой паники, гибнущих людей, ничего, что убивало бы их, сваривая, испепеляя плоть до самых костей (а оно распространялось быстрее, чем ученые выдавали гипотезы: новый штамм птичьего гриппа, используемый как биологическое оружие; мутировавшая разновидность оспы; вторая догадка

более правдоподобна, учитывая невероятную силу и жестокость эпидемии; впрочем, опять промах — мор поставил планету на колеи всего за три дня; другие возлагали ответственность на террористов, кто-то совсем уж углубился в фантазии: всему виной авария на плантации в Олбани на прошлой неделе, где вслись работы с нанотехнологичными образцами; инопланетный вирус, попавший на Землю вместе с метеоритом, пересекшим небосвод несколько ночей назад; ах да, разумеется, гнев Божий, и не важно, что события, сотрясающие мир, мало напоминают апокалипсис из Откровения Иоанна Богослова: в конце концов, проповедники достаточно поднаторели в свободных интерпретациях библейских текстов, отвечающих их собственным интересам, чтобы для них не представляло никакого труда проделать то же в нынешних условиях) (и как же быть с теми фотографиями, что Джеки и Гленн видели, совершенно сбитые с толку творящимся кошмаром? Разве могла это быть тень чего-то, случайно натолкнувшегося на тот небоскреб в Чикаго, мысль абсурдная, это что-то должно было быть невозможных размеров; но что тогда столкнулось с самолетом президента? Не крылья ведь это были? Таких огромных птиц ведь не бывает); за окном она заметила движение, по дороге мчалась машина, на долю секунды Джеки даже решила, что это родители, но потом поняла, это не их «субару», это белый «гео метро», машина Уэйна, из-за которой все над ним посмеивались, звук двигателя такой надсадный, словно Уэйн гнал на пределе; Джеки смотрела и чувствовала, будто что-то нависает над нею, какая-то беда вот-вот обрушится, клацнет зубами и поглотит полностью, и едва она подумала: только не останавливайся, проезжай мимо, — как завизжали шины, и Уэйн резко свернул к ее дому, круша газон, взметая комья земли и травы, не выключая двигателя, вывалился из машины и кинулся к входной двери, замолотил двумя руками, выкрикивая ее имя до хрипоты; Джеки не двигалась, теша себя надеждой, что Уэйн заберется обратно в свою микролитражку и укатит прочь, что бы там ни приключилось с ним, но Гленн, едва ворочая языком, пробормотал «он-пришел-оденься-ради-Христа», и Джеки прошла к двери, но кото-

рой колотил Уэйн, с твердым намерением попросить его уйти, что бы ни происходило, это их не касается (удивительно, как могла она вот так просто отвернуться от человека, которого давно называла лучшим другом, после Гленна, конечно), но едва повернула дверную ручку, как Уэйн влетел внутрь, закричал, что ей нужно ехать, немедленно, времени совсем нет; Джеки сразу почувствовала его запах, медь и щелочь: запах крови и страха, поняла она, едва оглядела его одежду, сплошь забрызганную кровавыми пятнами (и это что, обломок кости? — вот этот розовый комочек...) Все очень скверно, его слова будто привели всех в чувство, и Джеки коснулась его руки, и кровь на той была еще совсем свежая (что с ним случилось?!), и принялась уговаривать успокоиться, тише-тише, все хорошо; он не слушал, кричал, что им нужно убираться, схватил Джеки за плечо, и в этот момент наверху появился Гленн, и что он мог подумать? Парень, который всегда его беспокоил, вернее, его отношение к Джеки, пришел, чтобы забрать ее, — ей следовало предвидеть, что за этим последует, но ведь, несмотря на свой «мачизм», Гленн всегда казался таким мягким и спокойным; впрочем, кварты виски с тоником вполне достаточно, чтобы сыграть в атакующего защитника, что Гленн и доказал, в мгновение ока оказавшись рядом с Уэйном, обхватив его торс и яростно оттолкнув к стене; они почти повалились на пол, Уэйн успел оттолкнуть Джеки назад к дивану; теперь и Гленн был измазан кровью и уже занес кулак, чтобы ударить противника, но Уэйн успел отпихнуть его ногой, прямо к лестнице, и Джеки, прижимая руки к животу, все кричала, чтобы они прекратили, это глупо, но Уэйну Гленн больше тоже не нравился; ревность, Джеки знала, хотя и пыталась игнорировать причины, заставлявшие полыхать это пламя, — двое парней тузили друг друга, осыпая проклятиями, не разберешь, где чья нога или рука, а Джеки все думала: вот как вернутся сейчас родители, — а потом панорамное окно вдруг с дребезгом осыпалось внутрь, и массивное, рычащее нечто ввалилось в гостиную, отряхиваясь, словно собака, от осколков; она завизжала, и ноги сами понесли ее прочь, заставили вскочить на диван; за краткий миг Джеки оценила размер этой твари:

четыре фута, плюс горб добавлял еще один фут; голова большая, словно индейка на День благодарения, каждая нога размером с тарелку; и что гиена делает в Нью-Йорке? Но это же не гиена — существо кинулось на замершего было Гленна и откусило, оторвало от тела его занесенную руку: хруст сустава, треск сухожилий, фонтан крови, вопль Гленна, рык из глотки монстра, густой, басистый рев с тонкими нотками в конце; рука Гленна торчит из пасти твари, словно резиновая игрушка, которую жует щенок; кивком монстр перекидывает добычу в другой угол рта и набрасывается на парня; Уэйн ползет прочь, белый как полотно, а Джеки кричит, кричит Гленн, припертый тварью к стене, и голова его между острыми зубами; его крик срывается на такие ноты, которые Джеки не считала прежде возможными, и связки его, конечно, на пределе; а она сама, сколько она еще сможет выдержать? Тварь сжала челюсти; хлопок и хруст, словно в руке раздавили яйцо; крик Гленна оборвался; а Джеки не останавливалась, словно легкие ее были доверху заполнены ужасом, даже когда Уэйн поднялся и неровным шагом приблизился к ней, пройдя мимо твари, слишком занятой, чтобы обращать на что-либо внимание, и поскользнувшись на большом осколке стекла; он схватил Джеки за руку и потянул к выходу, дверь до сих пор была распахнута настежь, но там они остановились, потому что новый звук разнесся по округе, пронзительная какофония, словно ненастроенный оркестр, и темные фигуры (кто знает, сколько их было? Двадцать? Тридцать? Больше?) побежали по дороге прямиком к дому Джеки; рука Уэйна затряслась в ее руке, словно его ударили электрошоком; позже она поймет, что он, вероятно, был на грани безумия, мотор, который вот-вот заглохнет; она собиралась набрать воздуху для нового крика — очень трудно набрать достаточное количество за один раз, если ты на шестом с половиной месяце беременности (плюс бутылка «Джек Дэниелс» и любовь всей ее жизни, Гленн, жизнь которого закончилась в зубах этой, этой...); когда рука Уэйна перестала дрожать, Джеки взглянула ему в лицо, и то, что она увидела,— а именно неожиданный переход от смертельного испуга к чему-то другому,— остановило ее крик; «Быстро», —

приказал он, подталкивая обратно в гостиную (тварь рычала и предупреждающе клацала зубами в их сторону; господи, Гленн...), потом в кухню, к подвальной двери, вниз по ступенькам, через подвал, к топливному резервуару, по дороге прихватив с отцовского верстака какую-то тряпку и коробок с длинными спичками, лежавший здесь, кажется, с тех пор, как Джеки себя помнила; над головой глухой топот и скрип: другие твари заполнили гостиную; Уэйн принялся откручивать крышку резервуара — раз, два, застряла; он кинулся назад к верстаку за гаечным ключом; наверху началась настоящая оргия, твари выли и рычали, царапали когтями деревянный пол — боже, они дрались из-за Гленна, делили то, что от него осталось; Уэйн отвинтил крышку; тяжелый запах бензина ударил в ноздри; обмакнув тряпку в топливо, сначала наполовину, потом целиком, он оставил ее торчащей из бака: «Иди и открой задние двери, — сказал он Джеки, доставая три спички из коробка, — не настежь, только чтобы оглядеться»; она послушалась, приоткрыв тяжелые металлические створки, ведущие из подвала наружу; задний двор — зеленый и спокойный; «Отлично, — отозвался Уэйн, — по сигналу побежишь к соседнему дому, к желтому», и, прежде чем Джеки успела поинтересоваться, как женщина на ее сроке беременности способна на что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее бег, Уэйн чиркнул спичкой и без промедления поднес к тряпке; язык пламени лизнул ткань; десять футов через двор, Уэйн крикнул: «Беги!»; живот и груди раскачивались тяжело, болезненно; ноги не слушались, почти сведенные судорогой; легкие горели; она не оборачивалась, не хотела видеть то, что убьет ее; только молилась, чтобы все случилось быстро; Уэйн бежал рядом, сдерживая шаг, чтобы Джеки не отстала; так что они добрались к окраине двора как раз к тому моменту, как рванул резервуар, превратив дом в желто-оранжевый БА-БАХ, посыпались стекло и щепки, взорвался газовый баллон под окном и, судя по звуку, машина Уэйна; она чувствовала жар даже там, где находилась, видела обломки, хотя не могла оценить всего масштаба разрушения. «Гленн», — произнесла она, но Уэйн поторапливал...

...она проснулась, посмотрела на Уэйна, сидящего у огня, и снова погрузилась в сон...

в новые сновидения (они зашли на станцию «скорой помощи» на Девятом шоссе — Джеки настояла, — чтобы пополнить запасы лекарств и перевязать кровавый зигзаг на плече Уэйна, что она и сделала так хорошо, как только умела, однако оставалась опасность заражения: кожные покровы вокруг запекшейся крови стали желтовато-зелеными, и запах шел от раны какой-то сладковатый, вызывая у Джеки приступ тошноты; как минимум стоило раздобыть для него упаковку зитромакса; максимум — при наличии необходимых инструментов очистить зараженный участок (хорошо, когда твоя мама смыслит в медицине, пусть и не имея должного диплома); Уэйн уверял, что с ним все в порядке, и шел впереди, держа наготове пистолеты; Джеки еще не решила, способна ли она совладать с огнестрельным оружием, поэтому использовала большой технический фонарь, который они нашли в соседском доме, вместо дубинки; здешние коридоры были неплохо освещены, так что не пришлось тратить батарейки; флуоресцентные лампы, конечно, не горели, но сквозь открывающуюся через равные промежутки стеклянную крышу лился свет серого, дождливого дня, что значительно облегчало их поиски; что именно они искали, Джеки и не знала толком, что-нибудь, что подвернется в полумраке станции; она почти не сомневалась — теперь они понимают гораздо больше в новадках Своры (термин предложил Уэйн; несомненно, он имел отношение к какому-то неизвестному Джеки комиксу), так что не стоит волноваться, что они внезапно наткнутся на одного из рычащих ее представителей, уж скорее на охапку пурпурных цветов: все машины на Девятом шоссе были забиты ими; хотя, по сути, это было единственное место, где цветы встречались; в опустевших магазинах, куда Джеки и Уэйн заходили за едой, одеждой и прочими необходимыми вещами, не было никаких пурпурных растений (ей вдруг показалось, что она заметила какое-то движение боковым зрением, но, повернувшись, не увидела ничего; нервы совсем расстроились), хотя этот факт совершенно не успокаивал Уэйна, который отказывался давать команду «отбой», каж-

дую новую дверь открывая крайне осторожно, выставляя перед собой оба пистолета, затем разводя руки в стороны и оглядываясь, потом сообщал: «Чисто», и Джеки находила его поведение весьма забавным, хотя и не должна была этого делать; осторожность, разумеется, была оправдана, и Уэйн не один раз проявлял завидную смекалку, начиная с того, что превратил дом Джеки в бомбу, сократившую численность Своры вполовину, а может, и на шестьдесят процентов, и заканчивая тем, что вчера заманил одного из монстров в холодильник в «Макдоналдсе» и запер там; просто было в его поведении, действиях что-то необычное, будто бы он видел себя самого на страницах любимого комикса, созданного одним из любимых художников,— события прошлой недели, как раз со взрывом половины Своры, подействовали на Уэйна столь сильно, что любой бы заметил, даже не имея степени по психологии (правда, степень все же понадобилась бы, чтобы дать достойную интерпретацию); может быть, Джеки преувеличивала, наблюдая за изменениями, произошедшими в поведении Уэйна: безжалостная, бесконечно ужасная жестокость, с которой он расправлялся с преследователями; может быть, Джеки неверно понимала его реакцию на крайне тяжелые последние одиннадцать дней; но она была совершенно уверена, с неохотой признавала, что с личностью Уэйна случился раскол, какая-то невероятная реорганизация его психики, позволившая получить доступ к способностям, прежде дремавшим, подавленным воспитанием, социумом, религией, к какому-то совершенно другому, совершенно отличному от знакомого всем Уэйна «я»,— будто бы он действовал по давно знакомому из комиксов сценарию, и, наверно, поэтому, на взгляд Джеки, невыносимая по тяжести психологическая травма, постоянный ужас и тревога привели к тому, что нынешнее положение доставляло Уэйну удовольствие; он получил невероятный шанс проявить компетентность и уверенность в действиях, не то что прошлое «амплуа» работающего за гроши неудачника с нулевой надеждой на блестящую карьеру; все теперь лежало на нем — поиски еды, убежища, нужного пути; в одном из кабинетов они обнаружили запертую дверь; Уэйн снес ее, и они увидели кладовку, заби-

тую бутылями с антибиотиками и другими лекарствами, которые Джеки, не глядя, сгребла в пластиковый пакет из супермаркета; в другом кабинете нашлись металлическая банка, наподобие пенала для карандашей, полная скальпелей, шпателей, пинцетов, бутылки с физраствором и богатый ассортимент бинтов, марлевых салфеток и тампонов; «Джекпот», — сказала она (так ее звал отец, пока ей не исполнилось двенадцать и она отказалась впредь отзываться на прозвище; на глаза навернулись слезы, и Джеки пришлось подавить приступ ностальгии); она приказала Уэйну сесть так, чтобы рука висела над раковиной — туда будет стекать кровь, — и передала фонарь; необходимость на время расстаться с пистолетами ему не нравилась, но, поскольку иного источника света в кабинете не было (потолок здесь был самый обычный), пришлось смириться; для пущей надежности он все же положил оба пистолета на противоположный край раковины, наказав Джеки уносить ноги, если кто-либо проникнет в комнату, на что она ответила, что он может быть уверен, именно так она и поступит; затем смочила коросты на ране физраствором, чтобы размягчить, взялась за скальпель и зонд, снимая запекшуюся кровь, поддевая наиболее крепко держащиеся кусочки и удаляя их, и Уэйн втягивал воздух сквозь зубы; когда рана открылась, Джеки потратила добрую половину бутылки с физраствором, убрала остатки поврежденной плоти и попросила Уэйна придвинуть фонарь поближе, чтобы рассмотреть порез; зондом она действовала как можно аккуратнее, но свет фонаря все же немного дрожал; потом взялась за пинцет, проткнула мешочек гноя и извлекла оттуда нечто (что она приняла за обломок зуба одного из монстров и что с удовольствием изучила бы под микроскопом, но, конечно, не обмолвилась и словом об этом, поскольку Уэйн лишь намекнул бы, что Джеки всего лишь студент биологического отделения, а не всемирно известный ученый, способный почерпнуть из анализа образца что-либо полезное); промыла нагноение, осмотрела руку еще раз, пришла к удовлетворительному заключению, нанесла на рану солидный слой антисептической мази и приступила к перевязке, стараясь не поднимать глаз на Уэйна, чтобы не на-

портачить, пожалев пациента, чьи черты, она была уверена, искажены болью; однако, когда повязка была наложена правильно и плотно, не говоря уже о внушительной дозе лекарственной мази, которая предупредит распространение инфекции, Джеки успокоилась и посмотрела на него с улыбкой — и тут же шарахнулась в сторону, в ужасе от увиденного: лицо Уэйна исчезло, остался только рот, а выше темнела пустота, словно кто-то опрокинул ему на голову ведро с черной краской; только, вместо того чтобы стекать вниз, черная масса оставалась на уровне лица; Джеки вылетела из кабинета в коридор, прижалась к стене; Уэйн кинулся за нею: «Что такое? Что случилось?», отчаянно шаря лучом фонаря по углам, потом посветил на нее; свет ослеплял, превращал Уэйна всего лишь в черный силуэт, позади и сверху от которого нависало нечто; сгусток мрака, словно развевающийся плащ или пара широких крыльев; одной рукой Джеки держалась за живот, другой прикрывала глаза, и Уэйн наконец опустил луч в пол, все допытываясь, что стряслось, и когда она рискнула взглянуть ему в лицо, оно вновь было прежним, ничего странного (если оно вообще было, это странное), как и за спиной Уэйна; она уронила руки: «Прости, я... просто перенервничала», — ответ, который, Джеки понимала, его не устраивает, но с которым он не станет разбираться, чтобы не терять времени, ведь Свора шла по пятам, — так что, насколько Джеки могла судить, Уэйн не догадался, что она видела то, что видела, — что бы это ни было...

Ранним утром... в половине четвертого **...Уэйн разбудил ее, чтобы она сменила его на посту...** и Джеки уселась поближе к костру, уже превратившемуся в груду тлеющих углей, и закуталась в спальный мешок, потому что ночью температура опустилась ниже, чем она ожидала, гораздо ниже, чем еще совсем недавно (надвигается ранняя зима?!); ружье, чье название Джеки твердо вознамерилась узнать у Уэйна, — довольно мучиться любопытством, — лежало на земле у ее ног; каждые пятнадцать минут или около того она наводила оптический прицел на мост, на веревочную ловушку, но кроме пары машин, заслонявших «паутину», там ничего не было; огни на мосту по-прежнему мигали,

перебирая весь спектр — от синего к красному и обратно; пару раз она проверяла, как там Уэйн: крепко спал, насколько могла судить Джеки; впечатления от собственных сновидений все не оставляли ее; уже не в первый раз она ловила себя на том, что пытается восстановить картину произошедшего с ним, анализирует движения тектонических плит в географии его психики, — он отказывался рассказывать о событиях, предшествовавших его появлению в доме Джеки, чьи кровь и кусочки плоти на его одежде, но она знала, что его мать должна была быть в тот день дома, и скорее всего там же были его отец и младшая сестра; поскольку Уэйн отмалчивался, когда Джеки о них расспрашивала, она пришла к выводу, что, возможно, Свора разорвала их на части прямо у него на глазах, что вызывало вопрос: как, собственно, он-то спасся? (не говоря уже о том, с какой стороны Свора пробралась в его дом); наверняка ему просто повезло, может, монстры зашли с заднего входа, что позволило ему воспользоваться парадной дверью, а может, он скатился с лестницы, ведущей в подвал, и оттуда прошмыгнул в гараж, к машине; может быть, родители нарочно отвлекли внимание Своры, чтобы дать сыну возможность спастись, — вся эта травмирующая ситуация вкупе с другой тесной встречей с одной из тварей, убившей Гленна, должно быть, запустила некий компенсаторный процесс, соединила разрозненные шоком части разума в новую комбинацию, позволившую Уэйну выжить и остаться на плаву; да, Джеки с тревогой сознавала, что описывает какой-то зачин для типичного сюжета комиксов: предыстория супергероя, трагическая повесть, тяжелая душевная рана, дающая начало костюмированному альтер эго, но, возможно, Уэйну подобный сценарий подходил как нельзя лучше, чтоб удержать рассудок в сохранности; как теперь Джеки сожалела, что не посещала занятий по психопатологии, отложила на будущее, которое так и не наступило; хотя разве что-то в том курсе могло подготовить ее к происходящему? да и вообще, что за цель она преследовала? понять Уэйна или... излечить его? каким способом? вернув назад спокойного, общительного паренька, которого она знала вечность назад? могла ли она теперь так рисковать? и разве смог бы

прежний Уэйн оберегать ее и еще нерожденного малыша так, как это делает Уэйн теперешний (который напоминал кого-то среднего между Бэтменом и Тенью, хотя прозвища для него, она, разумеется, не придумала), который, кажется, помнил все хитроумные ловушки из серий «Солдат удачи» и «Расквитайся: полное собрание крутейших приколов»? — вопросы риторические; с другой стороны, была ли она в безопасности с человеком, чье «я» пустилось в путешествие по мраку (или чье второе «я» подавило первое?); с человеком, который... какое тут подходит слово? одержим? одержим чем? откуда бы ни взялась эта масляно-черная тень, укрывавшая его лицо, колыхавшаяся у него за спиной, словно плащ, как бы ни пыталась Джеки убедить себя, что то была всего лишь галлюцинация, уже не важно: она видела то, что видела, нечто, явившееся из глубин, в которых пряталось, подстегнутое физической болью и стрессом Уэйна, когда ему пришлось держать фонарик над обрабатываемой Джеки раной; спустя две с половиной недели она все еще тешила себя надеждой вновь увидеть это, но единственный раз, когда ей улыбнулась удача, был на прошлой неделе; Джеки тогда с криком проснулась от очередного сна о смерти Гленна и увидела Уэйна, прислонившегося спиной к стене, а над ним расстилалась огромная густая тень; Джеки резко села, с колотящимся сердцем, и вдруг поняла, что это всего лишь игра света (так она решила), — во всяком случае, Уэйн и виду не подал, будто знает, что знает она; впрочем, где гарантии? и знал ли он вообще, что с ним творится нечто необычное? что за ирония — неужели она всерьез полагает, будто здесь, сейчас, в стране вечных ценностей, она спросит Уэйна, что происходит, и он ответит ей со всей честностью и прямотой, но нет, она не посмеет так рисковать его доверием и чувствами, не позволит думать, что она разгадала секрет, который он хотел бы скрыть, потому что не знает, что делать, если Уэйн бросит ее; нечто подобное было, когда Джеки узнала, что беременна, бледно-голубой крестик убедил ее в том, о чем желудок пытался сообщить в течение нескольких недель; можно было бы предположить, что за этим последуют тяжелые объяснения с Гленном, тяжелые разговоры с ро-

дителями о том, что действительно важно, но на деле вышло все иначе: Гленн оказался неспособен выдавить хотя бы слово, потому что опасался любых рассуждений в их ситуации, которые могут привести к краху, так что отступил, отдав предпочтение инфантильным заверениям о счастливом будущем и любой возможности заняться с нею сексом, раз уж в контрацепции Джеки больше не нуждалась,— она и без того давно прекратила заботиться об этом,— даже если они находились в его машине, припаркованной у колледжа; лишний повод ощутить единение; что до родителей — они отошли от первого шока и (пусть с неохотой) готовы были помочь всем необходимым; самое смешное, именно отец Гленна высказал им все, что думал, наорав и выставив из дома, а потом звонил каждую неделю узнать, как дела и все ли хорошо, пожалуй, он был единственным, кто оставался честным во всей этой ситуации, кто беспрепятственно выражал свои чувства; нет, тяжесть последних событий вовсе не сводила на нет тяжесть общения; по сути, только усугубляла, делала просто невозможным; все, что Джеки могла утверждать с полной уверенностью, — тень Уэйна связана с другим: с чумой, с пурпурными цветами, со Сворой (на мучительные вопросы о которой она не находила ответа: кто это, откуда, как вдруг оказались в Северном Нью-Йорке; какие бы гипотезы ни приходили на ум, они не отличались смыслом; Джеки часто смотрела передачи о животных и природе, поэтому знала, что хищникам таких размеров и активности требуется огромное количество еды, в которой, как можно было судить, Свора испытывала жестокую нехватку: за время всего путешествия им с Уэйном попалось только несколько человеческих трупов (остальные люди, должно быть, стали жертвами вируса, сжигавшего человеческую плоть подчистую,— как показывали в новостях Си-эн-эн, но это уже другая беда), и этого явно бы не хватило, чтобы поддержать силы даже поредевших наполовину преследователей; интереса к растительной пище они не проявляли; может, это было возможно в теории; какой смысл преследовать их с Уэйном так настойчиво — ни одним бы Свора не насытилась, и этим животным (?) давно бы пора начать ассоциировать

преследование с болью и смертью; все это напоминало второсортную фантастическую картину, в которой логика и правдоподобие принесены в жертву зрелищности и напряжению: «Последняя битва со Сворой» или что-нибудь в этом роде); словно рассыпанный пазл, коробка от которого потерялась; почти всю ту неделю, когда хляби небесные разверзлись с такой силой, что из окна дома, в котором они укрылись (и подъездная дорожка к которому была заблокирована мини-вэном с самыми большими из прежде виденных пурпурных цветов), можно было увидеть только плотную стену ливня, а крыша откликалась жутким треском на каждый порыв ветра, Джеки с Уэйном отвлекали себя тем, что гадали над причинами, сокрушающими мир, и чем вычурнее были те причины, тем интересней: скажем, Господь решил, что сценарий, описанный в Откровении, более не актуален, так что присвоил парочку из популярного чтива для пущей изощренности, поэтому монстры ворвались в этот мир из зеркал, этакая «кислотная» Алиса в Зазеркалье; или наша планета в какой-то момент пересеклась с другим измерением, с другой Землей, или несколькими Землями, совершенно отличными, и наступил хаос (Уэйн предпочитал называть подобный сценарий термином «квантовый разрыв»); или коллективное бессознательное, Spiritus Mundi, дало трещину, изрыгая кошмар за кошмаром в убийственных дозах; в каком-то смысле эта забава напоминала возрождение прежнего Уэйна, с которым Джеки могла разговаривать часами на любые темы, поэтому она спешила выразить словами ощущение, не покидавшее ее с момента начала всех этих катастрофических событий: все происходящее лишь случайность, дурное стечение обстоятельств, и перемены пока еще обратимы; для пущей убедительности она провела параллель с гибелью ее лучшей подруги Элейн Браун год назад; ее сбил пьяный водитель, когда она возвращалась домой с работы; день спустя родители Джеки посадили ее перед собой на кухне, чтобы поведать трагическую новость, но Джеки почему-то оставалась полностью уверена, что смерть Элейн — это еще не конец, что можно повернуть время вспять и изменить ход событий, если только знать, как это сделать; да, она

была потрясена, однако происшествие как будто приблизило ее к сути механики мироздания, позволило приоткрыть завесу тайны взаимозависимостей событий и последствий — и вот нынешнее чувство отличалось от того, годовой давности, лишь масштабами и продолжительностью: когда погибла Элейн — это все равно что простоять рядом с работающим мотоциклом двадцать четыре часа; сейчас — возле железной дороги, по которой с грохотом катится трехмоторный товарный состав, днем и ночью, неделя за неделей; Уэйн предположил, что это «квантовое расхождение» (в тот день всего квантового было очень много); звучало впечатляюще, но на самом деле не имело ничего общего со смыслом, который он сам в этот термин вкладывал; Джеки утверждала, что это как получить возможность понимать способ, каким мойры меняют узор полотна событий; впрочем, каким бы ни был источник подобного осознания, было ли это нечто большее, чем своеобразная реакция на сильнейший шок, более мягкая версия трансформаций, обуревавших Уэйна (как было известно Джеки, хорошо описанный в источниках механизм при психических травмах), но, похоже, мало было пользы от понимания, что товарный состав событий идет совсем в другом направлении, нежели альтернативные сценарии: как она могла воспользоваться своим знанием? Возможности изменять прошлое у нее не было, приказывать мойрам распустить то, что они напряли, и соткать заново — тоже (хотя втайне она размышляла, нет ли где двери, которая ведет назад, в привычный ей мир); продолжая настаивать на ином названии, Уэйн не знал более, что сказать по поводу ощущений Джеки, и разговор перешел на другие темы, к ребенку: сколько еще осталось до родов и что они будут делать, когда начнутся схватки? К тому времени, она надеялась, им удастся добраться до госпиталя Вассара, куда они должны попасть, если сохранят темп, как раз к сроку разрешения от бремени; и если Свора будет уничтожена, если им удастся перебить всех до последнего, то не будет нужды задерживаться в госпитале; последнее обсуждалось не раз; но продвигались они быстрее, чем Джеки рассчитывала, и монстры проявляли все больше коварства и ловкости, избегая

смертельных ловушек, поэтому, вероятно, они попробуют добраться до какой-нибудь больницы в Кингсингтоне (если в этом все еще есть смысл: если малыш жив, если не будет выкидыша). «Хватит, — думала она, одной рукой поглаживая живот широкими движениями, словно лампу с джинном из арабских сказок. — Все получится, — уверяла она дитя в утробе, — все будет хорошо»; удивительно, как порой сильно хочется иметь то, что пугает тебя до смерти, чего ты отчаянно не хотела, но от чего не решилась избавиться (спасибо, Господи, за двенадцать лет католической школы); это выбило почву у тебя из-под ног и перевернуло жизнь вверх дном, заставило ступить на непроторенную тропу; говоря о квантовом расхождении, Джеки вспомнила, как впервые ощутила движение малыша, когда впервые она была уверена, что он шевелится; легкая вибрация, напугавшая ее до чертиков, сменившаяся на толчки и тычки, и использование ее мочевого пузыря вместо трамплина; чувство, растущее в ней как реакция на беременность, отличалось от всего, что она ожидала: не было и тени приторной сентиментальности, которая, Джеки была уверена, поглотит ее; ею завладевало нечто более существенное, примитивное, некая глубинная связь с ребенком, егозящим у нее в животе; Джеки словно чувствовала каждую клетку пуповины; примешивались и другие эмоции: тревожность в основном и слезливость, и порой глубокая уверенность, твердая, неподатливая, как камень: «Все будет хорошо, — твердила она малышу, — все будет хорошо».

Перед самым рассветом... небо все еще цвета индиго, переходящего в темно-синий; но звезды уже гасли... **явилась Свора...** их выдал отдаленный вой автомобильной сигнализации, которой Уэйном, вероятно, была уготована именно эта роль; Джеки схватила ружье и навела на одну из тварей; пошарив прицелом, вычислила еще двоих позади первой; чуть подальше — третья; все четыре находились футах в десяти от веревочной ловушки, двигались медленно и осторожно; останавливались, обнюхивая настил перед собой, изучая несущие тросы моста, так что у Джеки было довольно времени, чтобы проверить верность подсчетов; да, их было только четыре, четыре монстра из Своры, не больше; ее

сердце возликовало: «Четыре, только четыре, мы победим; Уэйн был прав, мы избавимся от них, раз и навсегда»; выглядела четверка неважно; похоже, это были выжившие в гипермаркете; на шкурах виднелись множественные порезы и ожоги; шерсть вырвана клочьями; складки кожи свисали, как сдутые воздушные шары; у идущего впереди на месте левого глаза зияло кровавое пятно; последний подволакивал заднюю лапу; то, что они выжили, делало их наиболее приспособленными к существованию, спасибо, мистер Дарвин, но, оценивая их осторожное поведение, Джеки припоминала старого пуделя из детства, любимца бабушки, который с каждым годом становился только более седым, немощным и осторожным; и если он не вызывал в ней жалости, то последний месяц доказал, что Джеки в принципе не в состоянии испытывать это чувство по отношению к Своре; ассоциация лишь усилила в ней торжество: «Пора покончить с этим»; она повернулась, чтобы разбудить Уэйна, который (разумеется) уже был на ногах и рассовывал пистолеты по карманам джинсов; он перекинул лямку своей волшебной сумки через плечо, и лицо его было спокойным; присев на корточки перед Джеки, протянул ей третий пистолет: «На случай, если кто-нибудь из них проскочит мимо меня»; она взяла оружие, проверила предохранитель и положила на камень поблизости; Уэйн подтащил к ней ее рюкзак, чтобы Джеки могла откинуться. «Сними последнего и любого, кто попытается смыться»; и прежде чем последовал ответ, он побежал вниз по склону; держа ружье в правой руке, Джеки устроилась поудобнее, оперлась спиной о рюкзак; затем взяла оружие на изготовку, прикладом к плечу, стараясь упереть его в мышцу на случай отдачи, которая, как уверял Уэйн, сильной не будет; потом посмотрела в прицел — Свора замерла, ощетинилась; Джеки слышала рык, низкие, клокочущие ноты, словно надорванные басы виолы, и положила палец на курок (вдруг, запаниковав, твари кинутся врассыпную?), припоминая наказ держать ствол крепко, тянуть к себе при выстреле и размышляя подспудно, может ли она ранить, не говоря уж о том, чтобы убить, хотя бы одного монстра; Уэйн приближался к мосту с пустыми руками, и когда Свора заметила его, то рык сменился па

пронзительный визг, перекрывающий выкрики Уэйна; без сомнения, то были насмешки, попытки заставить монстров кинуться на него (и Джеки думала, с какой стати это сработает, с чего бы зверью реагировать на оскорбления, и были ли это животные, а с чего она взяла, что не животные, как-то трудно представить машину, реагирующую на колкости, и что же остается? люди? это же нонсенс).

Закончилось все быстро... сознавала Джеки после, в тот же момент казалось, что это какая-то затянувшаяся агония, чреда сменяющих друг друга сцен, освещаемых сигнальными огнями моста;

фиолетовый: Уэйн почти на мосту, что-то говорит, руки раскинуты в стороны, вожак Своры задирает верхнюю губу, обнажая клыки, и это странным образом напоминает усмешку; другие крадутся следом;

синий: Уэйн стоит не более чем в двадцати футах от «паутины», которая, особенно учитывая, что Свора все приближается, вновь кажется не более чем детской поделкой;

зеленый: вожак готовится к прыжку, пригибаясь к земле, руки Уэйна по-прежнему пусты, последняя тварь, кажется, передумала следовать примеру лидера и вот-вот убежит; Джеки немедля нацелилась на куцую башку монстра;

желтый: вожак прыгает, а Уэйн целится не в него, а в двоих, что позади; замыкающий бросается наутек, и вместо головы в прицеле у Джеки его шея;

оранжевый: вожак попался в «паутину»; веревки теряют натяжение, но поднимают его вверх; дула пистолетов Уэйна озаряются белыми вспышками, пока он опустошает обоймы, стреляя по тварям, которые, кажется, продолжают двигаться даже с разнесенными в клочья головами; Джеки спустила курок, целясь в замыкающего, ружье выстрелило, грохотнуло, ударило в плечо, так что она чуть не выронила его из рук;

красный: Джеки снова глядит в прицел, ищет свою жертву, надеясь, что та не убежала слишком далеко, рассчитывая выстрелить еще раз, если потребуется, хотя бы ранить монстра, покалечить, а Уэйн прикончит его; но тщетно; Джеки не сдается, и вот наконец видит труп: лапы раскинуты, передняя часть головы отсутствует, и Джеки так счастлива,

что едва удерживается от радостного крика, потом вспоминает об Уэйне и ищет его в прицел, кладет палец на курок;

оранжевый: вновь Уэйн без пистолетов, просто отбрасывает их в стороны и направляется к вожаку, тщетно пытающемуся высвободиться из пут, яростно извивающемуся в паническом ужасе; Джеки думает: «Какого черта?» — и наводит прицел на грудь монстра, но...

желтый: что-то не так, в прицел ничего не видно; Джеки убирает его, моргает и вновь подносит к глазу;

зеленый: и видит Уэйна в плаще, темным облаком раскинувшемся позади него между распростертыми в стороны руками, и зеленая вспышка мерцает на черном фоне;

синий: Уэйн стоит перед вожаком, и голова его окутана черной субстанцией, виден только рот, который что-то говорит твари, тщетно пытающейся дотянуться до противника; Джеки стоило бы сейчас читать по губам; у нее это всегда получалось; но она не может поверить в то, что видит;

фиолетовый: Уэйн протягивает руки, укутанные черной хламидой, хватает вожака за челюсти и разрывает его голову надвое; кровь хлещет из шеи монстра, такая же черная, как и то, что овладело Уэйном; ни минуты не колеблясь, Джеки переводит прицел на грудь друга, на тьму, шевелящуюся там, — она могла поклясться; на тьму. Боже, помоги, тянущуюся к кровавому облаку впереди; время превращается в каморку, по которой Джеки вышагивает без устали, пытаясь утихомирить хор, гудящий у нее в голове: «Какого хрена!», «Ты что творишь?», «Как ты без него протянешь?», «Ты ему стольким обязана», «Да что же он такое?!». Палец на курке; раз решила, надо сделать это сейчас; в следующий же миг Уэйн заметит, что она затеяла, — огни на мосту погасли, погружая округу в темноту; и ребенок выбрал именно этот момент, чтобы толкнуть Джеки в живот, толкнуть сильно, она даже охнула и отпустила курок, и потом взорвалось то, что Уэйн установил на мосту, что бы это ни было; вспышка света и звука, ослепительный, как бриллиант, «БА-БАХ!», заставивший ее вжаться спиной в рюкзак, обхватив голову руками и отбросив ружье, позабытое в страхе; воздух сотрясала взрывная волна; земля дрожала, пока мост валился в реку, и лопались,

словно гитарные струны, несущие тросы; куски металла, обломки асфальта несутся мимо нее, пока мост стонет, словно поверженный гигант; Джеки набралась смелости и взглянула на его здорово просевшую конструкцию; силы, которые прежде пребывали в равновесии, высвободились; поддерживающие тросы дрожали, башни кренились в сторону друг друга, и Джеки была уверена, что мост, скручиваясь, разорвет на части сам себя; малыш снова толкался, раз-два; и Джеки спряталась за рюкзак в отсутствие другого подходящего убежища, и земля по-прежнему сотрясалась, и протяжный вопль мегатонн металла, сопротивляющегося подступающей агонии, разносился многократным эхом над холмами, заставлял малыша ерзать в чреве, и она укрыла живот руками, свернулась калачиком, как только могла, убаюкивала, все хорошо, хорошо... **и позже Джеки двинулась на север** — миновала еще три автомобиля, предлагавших своим пурпурным обитателям изо дня в день один и тот же вид на окрестности; Уэйн шел с нею, жалуясь, что мост не обрушился полностью (тот не упал; гротескный крен башен, провисшие тросы, проехать невозможно, но конструкция все еще соединяла два берега); Уэйн, вновь снявший свой — как бы вы это назвали? — черный костюм? — она поддакивала, неуклюже, но старательно, и на ее вопрос он ответил: да, все кончено, Своры больше нет, но лучше нигде не задерживаться: до Кингстона далеко, и кто знает, что творится на той стороне Гудзона? — если Уэйн знал, что Джеки держала его на прицеле, получив шанс распоряжаться его жизнью, как она могла распоряжаться жизнью ребенка, последние часы неустанно напоминавшего о своем существовании (и значит, она могла — пока что — больше не бояться за малыша), если Уэйн подозревал, какие вопросы обуревают ее, готовые вот-вот сорваться с ее губ, если ему было известно, что Джеки шла, держа одну руку в кармане куртки, потому что прятала там третий пистолет, солгав, что, должно быть, его откинуло куда-то взрывной волной, то не показывал и виду.

К ночи они были уже далеко.

Содержание

Предисловие. Джон Джозеф Адамс. *Пер. К. Павловой* 5

Орсон Скотт Кард. РАБОТЫ ПО СПАСЕНИЮ ИМУЩЕСТВА. *Пер. Ю. Яблокова* 9

Паоло Бачигалупи. НАРОД ПЕСКА И ШЛАКОВ. *Пер. И. Савельевой* 36

М. Рикерт. ХЛЕБ И БОМБЫ. *Пер. М. Мусиной* 63

Джонатан Летем. ЧУЖИЕ В ГОРОДЕ. *Пер. Г. Корчагина* . . . 80

Джордж Мартин. ТЕМНЫМ-ТЕМНО БЫЛО В ТУННЕЛЯХ. *Пер. К. Павловой* 109

Тобиас Бакелл. В ОЖИДАНИИ «ЗЕФИРА». *Пер. К. Павловой* 129

Джек Макдевитт. НИКОГДА НЕ ТЕРЯЙТЕ МУЖЕСТВА. *Пер. Т. Казаковой* 137

Кори Доктороу. КОГДА СИСАДМИНЫ ПРАВИЛИ ЗЕМЛЕЙ. *Пер. А. Новикова* 150

Джеймс Ван Пелт. ПОСЛЕДНИЕ О-ФОРМЫ. *Пер. Г. Соловьевой* 200

Ричард Кэдри. АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ НАТЮРМОРТ. *Пер. Е. Третьяковой* 219

Кэтрин Уэллс. АНГЕЛЫ АРТИ. *Пер. Т. Казаковой* 223

Джерри Олшен. ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ. *Пер. О. Ратниковой* 240

Джин Вулф. БЕЗЗВУЧНЫЙ РЕЖИМ. *Пер. К. Павловой* 274

Нэнси Кресс. МИРОТВОРЕЦ. *Пер. О. Ратниковой* 286

Элизабет Бир. МЕЖДУ ДЬЯВОЛОМ И СИНИМ МОРЕМ. *Пер. О. Гайдуковой* 326

Октавия Батлер. ЗВУКИ РЕЧИ. *Пер. Е. Королевой* 351

Кэрол Эмшвиллер. УБИЙЦЫ. *Пер. Е. Королевой* 369

Нил Баррет-младший. ЛЕТУЧИЙ ЦИРК СЛАДКОЙ ДЖИННИ. *Пер. Г. Соловьевой* 385

Дейл Бейли. КОНЕЦ СВЕТА, КАКИМ МЫ ЕГО ЗНАЕМ. *Пер. Е. Королевой* 410

Дэвид Григг. ПРЕДЗАКАТНАЯ ПЕСНЬ. *Пер. С. Трофимова* . . 431

Джон Лэнган. ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ: ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА СО СВОРОЙ В КОРОЛЕВСТВЕ ПУРПУРНЫХ ЦВЕТОВ. *Пер. К. Павловой* 445

"Salvage" © 1986 by Orson Scott Card. Originally published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, February 1986. Reprinted by permission of the author.

"The People of Sand and Slag" © 2004 by Paolo Bacigalupi. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, February 2004. Reprinted by permission of the author.

"Bread and Bombs" © 2003 by M. Rickert. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, April 2003. Reprinted by permission of the author.

"How We Got In Town and Out Again" © 1996 by Jonathan Lethem. Originally published in *Asimov's Science Fiction*, September 1996. Reprinted by permission of the author.

"Dark, Dark Were the Tunnels" © 1973 by George R. R. Martin. Originally published in *Vertex*, December 1973. Reprinted by permission of the author.

"Waiting for the Zephyr" © 2002 by Tobias S. Buckell. Originally published in *Land/Space*, 2002. Reprinted by permission of the author.

"Never Despair" by Jack McDevitt © 1997 by Cryptic, Inc. Originally published in *Asimov's Science Fiction*, April 1997. Reprinted by permission of the author.

"When Sysadmins Ruled the Earth" © 2006 by Cory Doctorow. Originally published in *Jim Baen's Universe*, August 2006. Reprinted by permission of the author.

"The Last of the O-Forms" © 2002 by James Van Pelt. Originally published in *Asimov's Science Fiction*, September 2002. Reprinted by permission of the author.

"Still Life with Apocalypse" © 2002 by Richard Kadrey. Originally published in *The Infinite Matrix*, May 29, 2002. Reprinted by permission of the author.

"Artie's Angels" © 2001 by Catherine Wells Dimenstein. Originally published in *Realms of Fantasy*, December 2001. Reprinted by permission of the author.

"Judgment Passed" © 2008 by Jerry Oltion. Appears for the first time in this volume.

"Mute" © 2002 by Gene Wolfe. Originally published in *2002 World Horror Convention Program Book*. Reprinted by permission of the author and the author's agents, the Virginia Kidd Agency.

"Inertia" © 1990 by Nancy Kress. Originally published in *Analog Science Fiction & Fact*, January 1990. Reprinted by permission of the author.

"And the Deep Blue Sea" © 2005 by Elizabeth Bear. Originally published in *SCI FICTION*, May 4, 2005. Reprinted by permission of the author.

"Speech Sounds" © 1983 by Octavia E. Butler. Originally published in *Asimov's Science Fiction*, Mid-December 1983. Reprinted by permission of the estate of Octavia E. Butler.

"Killers" © 2006 by Carol Emshwiller. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, October/November 2006. Reprinted by permission of the author.

"Ginny Sweethips' Flying Circus" © 1988 by Neal Barrett, Jr. Originally published in *Asimov's Science Fiction*, February 1988. Reprinted by permission of the author.

"The End of the World as We Know It" © 2004 by Dale Bailey. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, October/November 2004. Reprinted by permission of the author.

"A Song Before Sunset" © 1976 by David Rowland Grigg. Originally published in *Beyond Tomorrow*, 1976. Reprinted by permission of the author.

"Episode Seven: Last Stand Against the Pack in the Kingdom of the Purple Flowers" © 2007 by John Langan. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, September 2007. Reprinted by permission of the author.

А 76 **Апокалипсис**: Антология / Пер. с англ. О. Гайдуковой, Т. Казаковой, Е. Королевой и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. — 480 с.
ISBN 978-5-9985-0451-8

Самая популярная тема последних десятилетий — апокалипсис — глазами таких прославленных мастеров, как Орсон Скотт Кард, Джордж Мартин, Паоло Бачигалупи, Джонатан Летем и многих других.

Читателям предоставляется уникальная возможность увидеть мир таким, каким он может стать без доступных на сегодня знаний и технологий, прочувствовать необратимые последствия ядерной войны, биологических катаклизмов, экологических, геологических и космических катастроф. Двадцать одна захватывающая история о судьбах тех немногих, кому выпало пережить апокалипсис и оказаться на жалких обломках цивилизации, которую человек уничтожил собственными руками. Реалистичные и легко вообразимые сценарии конца света, который вполне может наступить раньше, чем мы ожидаем.

Литературно-художественное издание

АПОКАЛИПСИС

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редактор Валентин Бобрецов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Елена Орлова, Татьяна Никонова
Верстка Алексея Соколова

Подписано в печать 30.09.2009
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Заказ № 1735.

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1
Телефон/факс: (812)495-56-10

Самая популярная тема последних десятилетий — апокалипсис — глазами таких прославленных мастеров, как Орсон Скотт Кард, Джордж Мартин, Паоло Бачигалупи, Джонатан Летем и многих других.

Читателям предоставляется уникальная возможность увидеть мир таким, каким он может стать без доступных на сегодня знаний и технологий, прочувствовать необратимые последствия ядерной войны, биологических катаклизмов, экологических, геологических и космических катастроф. Двадцать одна захватывающая история о судьбах тех немногих, кому выпало пережить апокалипсис и оказаться на жалких обломках цивилизации, которую человек уничтожил собственными руками. Реалистичные и легко вообразимые сценарии конца света, который вполне может наступить раньше, чем мы ожидаем.

ISBN 978-5-9985-0451-8 01
9 785998 504518

О. С. Кард
Дж. Мартин
П. Бачигалупи
Дж. Летем

АПОКАЛИПСИС

АЗБУКА